

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

Ответственный редактор серии
академик РАН *В. Е. Ларичев*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2007

RUSSIAN AKADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

S. V. Alkin

ANCIENT CULTURES OF NORTH-EAST CHINA: THE NEOLITHIC EPOCH OF SOUTH MANCHURIA

Editor-in-Chief
academician of RANS *V. Ye. Larichev*

Novosibirsk
The Institute of Archaeology and Ethnography Press
2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

С. В. Алкин

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ:
НЕОЛИТ ЮЖНОЙ МАНЬЧЖУРИИ

Ответственный редактор
академик РАН *В. Е. Ларичев*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2007

ББК 63.4 (3)
А 50

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Рецензенты
доктор исторических наук *И. В. Асеев*
доктор исторических наук *С. П. Нестеров*
кандидат исторических наук *О. И. Новикова*

*Работа выполнена по программе фундаментальных исследований
Президиума Российской академии наук «Этнокультурные взаимодействия в Евразии»,
при поддержке РГНФ (проект 06-01-00436),
а также в рамках тематического плана (НИР 1.17.08) и АВЦП «Развитие научного
потенциала ВШ (2006–2008 гг.)» (проект РНП 2.2.1.1.2183) Рособразования.*

Автор фото на обороте обложки *В. П. Мыльников*

Алкин С. В.
А 50 Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии / Отв. ред. В. Е. Ларичев. – Но-
восибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 168 с.

ISBN 978-5-7803-0166-0

В монографии впервые в отечественной археологии проводятся систематизация и анализ материалов раскопок поселений, а также погребальных и ритуальных памятников эпохи неолита, расположенных на территории южной части Маньчжурской равнины, Ляодунского полуострова и северных районов провинции Хэбэй. Автор не только дает обобщенное описание культур Северо-Восточного Китая, но и предлагает модель становления, развития и дальнейшей судьбы оригинальной южноманьчжурской неолитической традиции. Выявлена специфика культурного развития региона и его взаимоотношений, как в материальной, так и в духовной сферах, с культурами сопредельных территорий.

Книга предназначена для историков, востоковедов, археологов, антропологов, этнографов, а также для всех, кого интересуют древняя история и археология восточноазиатского региона.

Alkin, S. V.

Ancient Cultures of North-East China: the Neolithic epoch of South Manchuria. / Editor-in-chief academician of RANS V.Ye. Larichev. – Novosibirsk: The Institute of Archaeology and Ethnography Press, 2007. – 168 p.

In this monograph, for the first time in the native archaeology, the analysis and systematization of the materials of excavations (at the places of dwellings, as well as at those of people's burials and ritual rites), which are dated by the Neolithic Epoch and situated on the territory of the southern part of the Manchurian Plain, the Liaodong Peninsula and northern regions of the Hopei Province, are carried out. The author represents not only the overall description of the cultures of the North-East China but also his proposal of the model of formation, development and subsequent fortune of the original South Manchurian neolithic tradition. He has revealed the specific character of the cultural development of the region and its interrelations, both in the material and spiritual spheres, with the adjacent territories.

The book is destined for historians, orientalists, archaeologists, anthropologists, ethnographers and for all those who are interested in ancient history and archaeology of the East Asian region.

ISBN 978-5-7803-0166-0

ББК 63.4 (3)

© Алкин С. В., 2007

© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007

ОТ РЕДАКТОРА

Заметки о полувековом прошлом и перспективах настоящего востоковедной археологии Сибири

Северные регионы Китая, Маньчжурия (Дунбэй) и Внутренняя Монголия, пограничные с восточно-сибирскими и дальневосточными территориями азиатской части России, – давний объект интереса отечественных археологов, антропологов и этнографов. Объяснение тому очевидно – естественное желание анализировать культурно-исторические и этнические события на юге Сибири и Дальнего Востока с учетом того, что происходило в прилегающих к ним районах Поднебесной, а также в степях и пустынях Центральной Азии – Монголии и Восточного Туркестана.

Русские исследователи всегда обладали заметным преимуществом перед своими западными и восточными коллегами в понимании собранных здесь по ходу экспедиционных исследований материалов. Фору им давала превосходная осведомленность в соответствующих источниках по этнографии, истории и культуре аборигенных народов России, которые заселяли в древности и средневековье Прибайкалье, Забайкалье, Приамурье и Приморье и с незапамятных времен каменного века находились, как следовало полагать априори, в родстве и во взаимодействиях с южными соседями. Что так оно и было, подтвердили первые же практические исследования по археологии и этнографии тех, кто во славу трагических судеб Отечества оказался в 1920-е гг. за рубежом – в Китае и Монголии. В том, конечно же, всецело отдавали себе отчет лидеры сибирской и дальневосточной археологии С. В. Киселев и А. П. Окладников, которые изучали древние культуры долин Ангары и верховьев Лены, левобережья среднего течения Амура, в Бурятии, Читинской области, на Дальнем Востоке, а также на территории Монголии. Однако сдерживающим фактором в исполнении должностных, широкого плана историко-культурных обобщений оставалась для них недоступность (следствие языкового барьера) китайских археологических первоисточников, из-за чего приходилось довольствоваться западноевропейскими публикациями, не всегда качественного уровня. Сама же китайская археология, ориентированная в основном на изучение культур эпохи палеометалла, находилась с начала и до середины XX в. на стадии первоначального становления, ограничиваясь детальными изыс-

каниями в области иньских и чжоуских древностей с акцентацией внимания на решение проблем расшифровок эпиграфических документов. Что касается каменного века, то масштабные раскопки на севере Китая велись лишь в Чжоукоудяне, где в 1920–1930-е гг. проходило формирование школы палеолитоведения, четвертичной геологии и палеонтологии страны, охваченной тогда кровопролитной гражданской войной, которой, казалось, не будет конца.

Ситуация в китайской археологии резко изменилась в начале второй половины XX в. после образования КНР, когда *изучение прошлого стало одной из приоритетных задач национального масштаба*. В каждой из провинций севера страны, Дунбэя, а также во Внутренней Монголии были созданы специализированные центры по изучению культурного наследия и стали выходить в свет печатные издания, периодические (журнальные) и монографические, призванные оперативно вводить в научный оборот полученные при раскопках материалы. Эти весьма значимые перемены в науке, связанной с широким и целенаправленным изучением восточных древностей, совпали с двумя важными российскими событиями. В 1950 г. по инициативе руководителей кафедры истории Дальнего Востока Восточного факультета Ленинградского университета Г. В. Ефимова и Л. А. Березного была сформирована группа студентов, которым предстояло специализироваться в изучении истории и культуры Китая. Тогда же директор Ленинградского отделения Института истории материальной культуры А. П. Окладников стал планировать археологические исследования на Дальнем Востоке – на юге Хабаровского края и в Приморье, а также на юге Читинской области, в частности, в долине реки Шилки. Случилось так, что будущие востоковеды-историки попали на археологическую практику в его Верхнеангарскую, Шилкинскую, Амурскую и Приморскую экспедиции (1953–1955 гг.), а затем прошли архивную практику в краеведческих музеях Хабаровска и Владивостока.

Вот тогда-то у А. П. Окладникова, Г. В. Ефимова и Л. А. Березного зародилась дерзкая идея положить начало становлению в недрах классического востоковедного образовательного центра России неведомой

ранее, «гибридного» характера отрасли – археологического китаеведения. Грядущим служителям его предстояло, пройдя обучение в аудиториях Восточного факультета и школу практических (полевых) исследований разнообразных по типам памятников древностей Восточной Сибири и Дальнего Востока, заняться освоением непривычных для традиционных востоковедов «исторических источников» – описаний объектов, открытых археологами Китая при раскопках древних поселений, городищ, гробниц, святилищ,protoхрамов, культовых сооружений и т. п. Особую силу такой направленности изысканиям в части памятников старины, датированных эпохами поздней бронзы, раннего железного века, а также средневековья, придавала возможность использования археологами-востоковедами эпиграфических и письменных (в том числе летописного характера) источников.

Допустимый объем редакторских заметок не позволяет изложить в деталях последующий ход событий, да и повествование такое едва ли будет уместным в этой книге. Скажу лишь, что экзотический проект академического института и ведущего китаеведческого центра России был успешно завершен в середине 1950-х гг. Выпускники первой специализированной группы студентов кафедры истории Дальнего Востока нашли благодатное приложение своих знаний в центрах востоковедных исследований Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, а также Новосибирска (Сибирское отделение АН СССР) и Владивостока (Дальневосточный научный центр Сибирского отделения АН СССР). В последних двух городах со временем сложились своеобразные археологические школы, примечательность которых состояла в двуаспектности историко-культурных исследований – поиски и раскопки древних памятников юга Сибири, Приморья и Приамурья велись параллельно с отслеживанием результатов археологических работ на сопредельных территориях восточно-центральноазиатского зарубежья, т. е. в Маньчжурии и Внутренней Монголии, в КНДР, Монголии, Восточном Туркестане и Японии (иногда востоковеды принимали участие и в самих экспедиционных изысканиях).

Каждая из школ отличалась своеобразием тематики: во Владивостоке приоритет отдавался решению проблем средневековой истории (изучение памятников эпохи Бохая и Золотой империи), а в Новосибирске – ранним культурам, начиная с эпохи древнекаменного века и до времени палеометалла. Между тем, обстоятельства сложились так, что именно в Новосибирске в начале 1970-х гг. по инициативе председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина, исполненной Президиумом Сибирского отделения АН СССР, в структуре Института истории, филологии и философии, которым руководил А. П. Окладников, было создано специализированное научное под-

разделение – сектор истории и археологии стран зарубежного Востока. Основной костяк его, ориентированный на изучение древних и средневековых культур Китая и соседних регионов, составили позже выпускники гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Гуманитарный факультет НГУ обеспечил будущим сотрудникам сектора добрую языковую подготовку (высокого класса преподаватели китайского и японского языков О. П. Фролова и А. Г. Малявкин) и высокого уровня археолого-историческую специализацию, что позволило им относительно свободно ориентироваться в актуальных проблемах первобытных культур Южной Сибири и Дальнего Востока. К тому же, часть из них (согласно плану исследований сектора, поддержанного деканом гуманитарного факультета НГУ И. А. Молетотовым) прошла дополнительную историческую и языковую подготовку в *Alma Mater* востоковедной археологии. Речь идет все о той же кафедре истории Дальнего Востока восточного факультета ЛГУ, где подготовка специалистов по *востоковедной археологии* столь счастливо начиналась четверть века назад.

Генеральная задача археологов-востоковедов сектора в последующие десятилетия состояла в анализе материалов китайских археологов, полученных при раскопках памятников Северного Китая, так называемой «варварской периферии» Поднебесной, – кочевых и полууседлых обитателей ее, соседствующей с великими культурными центрами собственно ханьской цивилизации, связанной с благоприятными для земледелия и домашнего скотоводства «желтыми (лессовыми) землями» долины многоводной Хуанхэ и божественно плодородной Восточнокитайской низменности, примыкающей к морю. Возможно, я пристрастен (что, думаю, заслуживает снисходительного прощения при учете моих сугубо личностных чувств)*, но, кажется, маньчжурско-внутреннемонгольский регион Северо-Восточного Китая был всегда в особенности интересен для русских археологов, которые вели исследования на востоке страны. Именно здесь тесно соприкасаются два масштабных культурно-этнических мира – суровый по климатическим условиям горно-таежный и степной североазиатский, освоенный с незапамятных времен палеоазиатами, тунгuso-маньчжурями и тюрко-монголами, далекими наследниками культур палеолита и мезолита Северной Азии, и большая часть равнинной, лишенной об-

*Мои занятия по зарубежной археологии Восточной Азии начались со времени студенчества, а затем продолжались в годы аспирантуры в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры и включали сбор и анализ источниковых материалов по древней и средневековой истории Приамурья, Приморья, Маньчжурии и Внутренней Монголии.

ширных лесных массивов и высокогорий, благодатной для оседлого проживания и занятий производящими отраслями хозяйственной деятельности Восточной Азии, родины «детей Желтой земли», ханьцев. Если ставится проблема изучения особо тонких моментов сложного для раскрытия процесса взаимодействий и анализа последствий контактов и влияний контрастных историко-культурных и этнографических традиций, то нет, пожалуй, более подходящего на востоке Азии информационно богатого полигона для такой направленности изысканий, чем просторы Маньчжурии, Внутренней Монголии и русского Дальнего Востока.

Подтверждает верность этой идеи монография С. В. Алкина, первый том которой предлагается теперь для прочтения специалистам по восточносибирской и дальневосточной археологии, а также любителям восточноазиатских древностей. Автор труда относится к последнему поколению археологов-востоковедов, которое в поисках своих наследует научные традиции, заложенные полвека и четверть века назад его предшественниками, но вместе с тем представляет новую генерацию исследователей первобытных культур окраинных провинций Китая. Новое в этой генерации определяют чрезвычайной важности обстоятельства – С. В. Алкин, который приобщился к практической археологии со школьных лет, постоянно участвуя в экспедициях одного из лидеров забайкальских археологов М. В. Константинова, тогда же приступил к овладению китайским языком, а свою научную деятельность в последующие годы планировал и осуществлял оптимально:

- исчерпывающе прорабатывал материалы по неолиту и бронзовому веку Маньчжурии и Внутренней Монголии (опубликованные китайскими археологами полевые отчеты по раскопкам, итоговые статьи в специализированных журналах, а также монографические издания);

- установил личные контакты с китайскими исследователями для оперативного получения необходимой информации по текущему ходу дел;

- принял участие в раскопках многослойного неолитического поселения Байиньчанган, одного из ключевых памятников каменного века Внутренней Монголии, что позволило представить воочию полевые методы изучения древностей, которые используют китайские археологи;

- в полной мере воспользовался уникальными для русских археологов возможностями посетить особо важные объекты неолита северо-восточного региона, проработать наиболее интересные коллекции в хранилищах провинциальных археологических центров и в столичном Институте археологии Академии общественных наук Китая, а также ознакомиться с археологическими и этнографическими экспозициями в музеях крупных городских центров севера страны.

Все это предопределило более высокий и глубокий уровень понимания существенных сторон культур неолита Маньчжурии и Внутренней Монголии, чем тот, которого удавалось достигать ранее при анализе только лишь печатных изданий. И тут я считаю полезным обратить внимание отечественных археологов на одну весьма деликатную деталь, которая всегда осложняла точное восприятие информации, изложенной в китайском археологическом тексте: *специализированная и специфическая терминология его, весьма трудная для адекватного перевода на русский, а также характерно китайская, основанная на собственных традициях методика и методология изучения культур первобытных эпох*. Отмечаю то и другое специально, чтобы развеять широко бытующее представление о необыкновенной легкости, с коей, видите ли, можно, прорабатывая китайские археологические первоисточники, сочинять компиляции, выдавать их за собственные труды и, добавлю, предоставлять возможность для иных, лишенных совести компиляторов, которые, усердно переписывая, как им по наивности думается, *буквальные переводы* коллег, владеющих языком, паразитируют на чужих знаниях, выдавая их за свои, тем самым, занимаясь «ученым непотребством» – не реальным делом, а настоящим пиратством, имитацией научной деятельности. Такие проделки исполнял, к слову сказать, один известный в северной столице знаток палеолита Сибири, демонстрируя в своих компиляциях поразительную (и это при незнании-то языка!) осведомленность в результатах текущих исследований древнекаменного века Китая. Столичные защитники чести мундира специалиста, однажды схваченного за руку, не ведая, очевидно, о том, что представляет собой в действительности китайский археологический первоисточник по палеолиту, цинично объявили потом сходство переписанного из чужих статей переложением одних и тех же зарубежных публикаций.

Монография С. В. Алкина является собой удачный опыт *терминологических согласований* при оценках объектов материальной культуры неолита Северного Китая и в части разъяснений особенностей методологии изучения первобытности, кой предпочитают следовать китайские археологи. Весомость и достоверность его исследованию придает не только точность описания материалов, полученных при раскопках разного вида и категорий неолитических памятников юга Маньчжурии – поселений, могильников и святилищ. Их детальные характеристики описательного и аналитического (обобщающего) плана воспринимаются с тем большим интересом, когда он привлекает для сопоставлений материалы раскопок, проведенных в регионах российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. С. В. Алкин изучал их *самолично, въяве*, как при обработке коллекций фондов областных и крае-

вых музеев, так и участвуя в полевых экспедиционных исследованиях неолитических памятников Нижнего Амура и Южного Приморья. Это обстоятельство, а также должного (академического) уровня археологическая образованность автора книги предопределяют выгодное отличие его труда от обзорных публикаций достижений зарубежной археологии Востока теми, кто превосходно знают редкий язык, но лишены профессионального знания предмета, когда буквальные, но мнимо точные переложения специфического текста невозможно понять читающему. К сказанному добавлю похвальную устремленность С. В. Алкина к большей точности выводов – он, затягивая издание книги после защиты диссертации, постоянно вносил в нее необходимые корректизы по мере переработки текста и обсуждения концептуальных положений его на заседаниях сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии СО РАН и, что особенно важно, на конференциях в Китае, Южной Корее и Японии, где можно было обговорить детали дискуссионных проблем. С. В. Алкин вел исследования вне рамок политических спекуляций недавнего прошлого, резонно понимая, сколь никчемны современные пограничные разборки государственных чиновников высшего политического дипломатического ранга на основе карт расселения племен эпохи «дикости и варварства».

К началу нового века китайские археологи накопили настолько обширные материалы по каменному века Дунбэя и Внутренней Монголии, что при подготовке обобщающего труда, посвященного ранним культурам региона, пришлося разделить его на два тома, посвятив первый из них югу Северо-Восточного Китая, стержневую часть которого составляет бассейн реки Ляохэ и прилегающие к нему районы собственно Китая (провинция Хэбэй), освоенные, как выяснилось, с эпохи раннего неолита творцами своеобразных культур Севера. Эта, большей частью степная, лесостепная и горная зона южной окраины Дальнего Востока особо интересна отечественным археологам потому, что неолитические обитатели ее представляли авангард чуждых населению Северо-китайской равнины этноса и культурных традиций. Именно они, наследники великого межцивилизационного пограничья Центральной и Восточной Азии, осуществляли впрямую контакты с иноязычными соседями восточноазиатского региона, обмениваясь достижениями в экономике и духовно-интеллектуальных сферах, передавая далее на север и юг восточной и юго-восточной окраины евразийского континента самое существенное из заимствованного.

Фундаментальная идея монографии С. В. Алкина просматривается в следующем: при всей разноликости и оригинальности выделенных китайскими археологами культур Маньчжурии, в целом они образуют с

начала формирования, в переходную пору от верхнего палеолита к раннему этапу неолита, а далее – вплоть до порога перехода к становлению культур эпохи металла, своеобразную, с отражением изначально единой традиции *южноманьчжурскую неолитическую общность*. Ее стартовая в эволюции позиция оказалась примечательной неожиданно ранним появлением керамики, восходящем к рубежу финальных стадий палеолита и начала мезолита (около 11–10 тыс. л. н.). Этот факт подкрепляет вызывающие до сих пор споры сведения о столь же древней, изготовленной из глины посуде, обнаруженной в Приамурье, на севере Дунбэя, а также в Японии, и в то же время фиксирует оригинальность технологии производства керамических изделий, своеобразие типологических вариаций их форм и декора. Впечатляет также концепция автора о глубокой древности (V тыс. до н. э.) начала перехода созиателей южноманьчжурских культур от традиционных для каменного века отраслей хозяйствования – собирательства, рыболовства и охоты, к производящей экономике – земледелию и скотоводству, что следует воспринимать как неоспоримое свидетельство прочной оседлости. Здешние первоzemедельцы и скотоводы составляли, судя по всему, одно из активных территориальных звеньев так называемого «дальневосточного очага земледелия», смею предположить, *автономного (местного,aborигенного) происхождения, не связанного с особы значительным воздействием культур луншань и янишао*, как привычно считается. (Радиокарбоновые датировки обнаруженных при раскопках неолита севера и юга хлебных зерен разнятся столь незначительно, что не стоит считать решенным вопрос о том, кому из регионов отдать приоритет в переходе к земледелию. Почему бы не допустить, в таком случае, единовременность и параллельность столь важного культурного события?)

Китайские археологи, шаг за шагом накапливая материалы по неолиту юга Маньчжурии, видимо, отодвинули на будущее написание сводного труда по истории финальной стадии каменного века северо-востока и севера Китая (наличие такого издания существенно облегчило бы работу тех, кого интересуют памятники севера Поднебесной). С. В. Алкин предпринял первую попытку решить задачу самостоятельного синтезирования фактов, исходя из детального анализа информации, извлеченной из предварительных публикаций результатов раскопок на юго-востоке региона, в приморской зоне полуострова Ляодун и на прилегающих к нему островах Чанша, а также на крайне южной континентальной кромке Дунбэя – в бассейне Ляохэ и прилегающих к нему на западе предгорных, степных и полупустынных территорий севера провинции Хэбэй, обводненных реками Шара-Мурэн и Далинхэ, берега которых успешно обследовались археологами уже в

начале выделения неолитической эпохи в культурной эволюции древнего Китая.

Лядунский неолит, вызывающий особый интерес у дальневосточных археологов России, прежде всего тех, кто изучает древности Приморья, воспринимается легко по той причине, что открытые на этом полуострове неолитические памятники принадлежат всего лишь одной культуре – *хоува* (древнейшие из этих памятников датируются IV тыс. до н. э.). Территория распространения этой культуры обширна и, по всей видимости, выходит далеко за пределы Лядуна, захватывая на юге родственные в базовой основе прибрежные культуры полуострова Шаньдун, а на севере – морской и речной промысловый ориентации культуры Северной Кореи и Южного Приморья. Публикуемые в книге С. В. Алкина материалы культуры *хоува* позволяют дальневосточным археологам значительно точнее и полнее оценить соответствующего времени и характера памятники неолита морского побережья Приморья, рассматривая их в широком контексте исторических событий, какими они видятся в пределах всего дальневосточного региона евразийского континента.

В культуре *хоува*, как она описана в монографии, много узнаваемого при аналоговых сопоставлениях с результатами раскопок неолитических комплексов юга Приморского края России. В этом плане в первую очередь заслуживает упоминания специфически ориентированная и многоотраслевая хозяйственная деятельность, которая обеспечивала не просто выживание, а настоящее продовольственное, весьма здоровой основы благоденствие. Речь идет об успешном освоении морского промысла, в частности, массового сбора на территории естественных «плантаций» («огородов») съедобных моллюсков (их раковины образуют около мест проживания огромные завалы пищевых отбросов – «раковинные кучи», кои в начале, при открытии их в Приморье, дали название самой культуре, которая, как выяснилось в последующем, относилась в реальности к эпохе раннего железного века). Об экономическом благоденствии свидетельствует и обширность стационарного статуса поселений, как на побережьях моря, так и в глубине речных долин, на холмах, исключающих затопление построек при катастрофических наводнениях весной и в сезоны дождей. Поселки культуры *хоува* впечатляют многочисленностью разного вида жилых (землянки) и хозяйственных (ямы-кладовые) построек, плотностью застройки, а также обилием и разнообразием остатков жизнедеятельности (орудия труда, керамика, объекты искусства малых форм, изготовленные из мягкого камня (тальк) и глины – зоо и антропоморфные скульптуры, превосходный источник для реконструкции духовно-интеллектуальной сферы бытия). Землеобрабатывющие орудия, а также зернотерки и куранты к

ним свидетельствуют о земледелии как исключительно важной (наряду с рыболовством, речным и морским, и промыслом моллюсков) отрасли экономики. Не чуждой для обитателей земляночных «деревень» была и охота, что подтверждают шлифованные наконечники стрел, изготовленные из сланца. Культура *хоува* просуществовала без заметных потрясений около полутора – двух тысячелетий, плавно вступив в эпоху металла на рубеже III–II тыс. до н. э., следуя общей тенденции эволюции культур Маньчжурии и Внутренней Монголии.

Юг континентальной части Северного Китая, согласно заключениям китайских археологов, представляет собой зону расселения целого гнезда неолитических культур. Большая часть их, однако, выделена, по всей видимости, предварительно и относится к разным этапам эволюции неолита (от VII до III тыс. до н. э.). Возможно, при продолжении исследований окажется, что они, эти культуры составляют некую единую общность со своеобразными особенностями, которые позволят рассматривать ее в границах культурно-этнического пространства Дунбэя (долина Сунгари).

Обобщенные С. В. Алкиным материалы, полученные при раскопках памятников культур *синлуна*, *чжаобаагоу*, *фухэ*, *синлэ* и *пяньбу*, вызовут, несомненно, значительный интерес у тех отечественных археологов, которые изучают ныне неолит Забайкалья, Амурской области и Южной Якутии. Привлекут они внимание и археологов Монголии, прямых наследников тех, кто совместно с русскими археологами проводил во второй половине XX в. широкие разведочные поиски и предварительные раскопки неолитических памятников в долинах Керулена и Халхин-гола на востоке страны, в пограничье с Внутренней Монгoliей. К наиболее интересующим особенностям культур юга Маньчжурии, открытых в долинах рек Шара-Мурэн, Далинхэ, Луаньхэ, Хуньхэ, Маннюхэ и других водных артерий предгорий и степей региона, относится, в первую очередь, так называемый «микролитический» инструментарий – малого размера, мастерски оформленные скальванием и ретушированием орудия, изготовленные из кремня высокого качества, в том числе своеобразные остряя даурского типа из ножевидных пластин (ничего подобного нет в культурах *яншао* и *луншань*). Не могут не вызывать изумления и поселения – обширные по площади, плотно застроенные жилищами земляночного типа. Обитатели их занимались не только вполне ожидаемым для северного неолита – охотой, рыболовством и собирательством, но также земледелием, для чего требовался оседлый образ жизни. Отношения с земледельцами юга были, видимо, мирными, ибо поселения развитого неолита не окружают охранительные рвы и валы (то и другое оказалось, между тем, примечательным для отдельных памятников раннего этапа неолита,

а почему – придется разбираться особо, в последующие годы, по мере накопления новых материалов).

Особняком в семействе «микролитических» культур юга Маньчжурии стоит земледельческая, своеобразная по особенностям культура *хуншань*. Она считается «смешанной», «контактного» характера, ибо в наборах ее керамических изделий присутствуют образцы, сопоставимые по орнаментике и формам с керамикой севера Дунбэя, Приамурья, Приморья и севера Кореи, с одной стороны, а с другой – с крашеной керамикой культуры *яншао*. «Орудийный набор» *хуншань* составляют, помимо иных изделий, классические «микролиты». Эта культура, изучение памятников которой положило начало ознакомлению зарубежных археологов с неолитом Маньчжурии, хорошо известна теперь после публикации результатов масштабных раскопок храмового и погребального комплекса *нюхэлян*. Найденные при изучении его объекты, керамика культуры чжаобаогу с многофигурными композициями, включающими рисунки животных и фантастического обличья существ, предметы гаданий, открытые при раскопках огромного поселения культуры *фухэ* – Фухэгоумэнь, погребения а также изделия искусства малых форм составляют вместе хорошую источниковую базу для реконструкции религиозных представлений неолитических обитателей юга Маньчжурии. С. В. Алкин провел в этой связи достойный внимания семантический анализ набора нефритовых С-образных фигурок, найденных в храмовых и погребальных комплексах культуры *хуншань*, доказывая, что они есть скульптурные изображения личинок насекомых. Он высказал экзотическую идею о том, что носители культуры *хуншань* связывали с ними представления о рождении. По его мнению, в мифопоэтических взглядах представителей древних культур Востока находила отражение устойчивая, семантически замкнутая цепочка сложных натурфилософских понятий: *личинка-зародыш-душа*.

В целом, принимая во внимание все изложенное выше, трудно отделаться от впечатления, что роль дальневосточного неолита в общекультурном прогрессе на восточной окраине Азии останется и далее неоправданно заниженной, если за главный критерий такового принять лишь земледелие. Ведь благополучие, внушительные достижения в культуре и масштабность влияния на ближайшие и дальние регионы, положим, того же феноменально эффектного нижнеамурского неолита определяло *вовсе не земледелие, а экономика, основанная на чрезвычайно продуктивном рыболовстве*. Оно возвело неолит Нижнего Амура до статуса настоящейprotoцивилизации каменного века, ничуть не меньшей значимости, чем обычно вызывающие почтительное изумление «продвинутостью» культуры того же времени бассейнов Хуанхэ и Янцзы. Сказано это к тому, что в реконструкции подлинной

роли северокитайских и российских дальневосточных культур неолита в определяющих факторах поступательного движения первобытного общества к становлению протогосударственности на северо-востоке еще предстоит разобраться.

В связи с южноманьчжурским неолитом С. В. Алкин рискнул затронуть этногенетическую проблематику, связанную с обсуждением давнего вопроса о происхождении тунгусо-маньчжур. Выводы он высказал предварительные, большей частью гипотетические, во многом ориентированные на будущее. Однако позиция его в решении столь трудоемкой задачи не вызывает противоречивых толкований – южноманьчжурская неолитическая общность объявлена им «узловым центром» прародины тунгусо-маньчжур. Такое заключение сделано на том основании, что в культурах раннего неолита Северной Маньчжурии (бассейн Сунгари) и развитого неолита право и левобережья Амура четко выделяются компоненты культур юга Дунбэя (в частности те, что связаны с технологией изготовления керамики и орнаментации ее), явно восходящие к традициям культур долины Ляохэ и близких к ней территорий. Остается, правда, неясным, что, помимо «какого-то сильного импульса» (миграционное давление ханьских «иноземцев» с юга?), повлияло на формирование в северных границах Дунбэя «композитных культур». Поэтому пока придется довольствоваться вольными размышлениями автора о существовании в обширной и многочисленной тунгусо-маньчжурской этнической группировке населения неких «древних, особо активных в миграционном потенциале общностей», которые ранее всего сложились на юге Маньчжурии и более нигде, в иных пределах ее, заметно себя не проявляли. Возможно, так оно и было, ибо, как справедливо замечает С. В. Алкин, если обратиться к более поздним культурам региона, то ни в эпоху палеометалла, ни в позднем средневековье не удастся проследить бесспорные признаки вторжений в него мигрантов ни со стороны запада, ни с юга базовых земель Китая. В то же время самый ранний тунгусо-маньчжурский этнос четко фиксируется в автохтонной культуре *мохэ* раннего средневековья севера Маньчжурии. Если так оно и есть, то стоит ли обреченно объяснять проблему происхождения тунгусо-маньчжур «вечной», вследствие неподвластности ее «окончательному решению» в обозримом будущем?

Впрочем, разговор на столь сложную тему – не определяющий в первом томе книги. К нему С. В. Алкин, надо полагать, еще вернется. Ему неизменно придется сделать это, по меньшей мере, дважды: когда он будет готовить к изданию *второй* том, посвященный неолитическим культурам северных регионов Маньчжурии, пограничных с Амурской областью и Хабаровским краем, а затем

при публикации обобщений материалов очередной культурно-исторической стадии – эпохи бронзы и раннего железного века всей Маньчжурии. Такой мне видится стратегическая задача, если в разумных (достижимых) пределах нацеливаться на некую завершенность разработки проблемы эволюции первобытных культур севера Китая во взаимосвязи их с того же времени культурами юга Восточной Сибири и Дальнего Востока России. Подобное предприятие представляется осуществимым.

Но если, продолжая размышлять, вдруг взять да и решиться в наше обречённо тяжелое для науки время помечтать о едва ли исполнимом в ближайшее десятилетие проекте углубления столь привлекательной для многоплановых историко-культурных изысканий в рамках обозначенной темы, то тогда для начала следовало бы, пожалуй, основательно разобраться с базовой подосновой культурогенеза дальневосточного региона – с памятниками эпохи нижнего и верхнего палеолита, а также мезолита. Для осуществления таких мечтаний есть опубликованные ранее, в соответствии с планами сектора истории и археологии стран зарубежного Востока, обзорные статьи по древнекаменному веку Северного Китая, которые следует лишь дополнить новыми материалами, изданными китайскими палеолитоведами в последние десятилетия. Подобный, но уже нового уровня экскурс пришелся бы как нельзя кстати для специалистов по древностям Восточной Сибири и Дальнего Востока, озабоченных решением вопроса первоначального освоения человеком севера Азии, выделением локальных культур его на этапе верхнего палеолита, выяснением обстоятельств и маршрутов миграции первопроходцев «Гипербореи» в Новый Свет. Работа в обозначенном направлении стала бы продолжением традиции, заложенной в 1920–1930-е гг. в Сибири Н. К. Ауэрбахом и Г. П. Сосновским, а в Китае – Н. К. Нельсоном, А. Брейлем, П. Тейяр де Шарденом, Пэй Вэньчжуном и Цзя Ланьюпо.

Поскольку неолит Дунбэя и Внутренней Монголии нерационально рассматривать вне обстоятельного анализа культур *яншао* и *лунишань*, то они заслуживают

столь же детальной презентации в изданиях, подобных книге С. В. Алкина, т. е. написанных востоковедами – археологами, одинаково высоко профессионально «подкованными» в знании языка и специфических тонкостей науки о первобытности Евразии. Первые шаги в должном направлении уже были сделаны сотрудниками сектора истории и археологии стран зарубежного Востока (до губительных для подразделения сокращений удалось опубликовать монографии, посвященные керамике *яншао* и *лунишань*). О том стоило бы помечтать и в связи с выбором оптимального пути изучения культур Северного Китая эпохи палеометалла – не ограничиваться публикациями разрозненных, порой случайно выбранных сюжетов по археологии Шан-Инь, Западного и Восточного Чжоу, а также Цинь, а сосредоточиться на подготовке к изданию обобщающих трудов по каждой из эпох.

Мечтания, однако, останутся в современной «эпохе перемен» чистейшей воды маниловщиной, если в недалеком будущем не случится чудо, подобное тому, которое произошло полвека назад на берегах Невы, когда по счастливому стечению обстоятельств совпали интересы прозорливо мыслящих деятелей Отечества, по-настоящему болеющих за судьбы его. Они вместе, командно слаженно, составляли то, что требовалось тогда для успешного свершения задуманного – и высокого класса образовательный центр, и академического статуса науку, и национально ориентированную geopolитику...

Но найдутся ли подобного масштаба организаторы научных изысканий теперь, в пору очередной российской смуты, – вот в чем вопрос. Ответ на него предопределит и судьбоносное в исторической науке – быть или не быть в грядущем той же, скажем, востоковедной археологии Сибири с исполнителями одержимыми, бескорыстными, полными энергии, целеустремленности и захватывающего, от души, интереса к делу. Я, однако ж, оптимист, хоть всегда и насторожённый, поэтому верю, что полувековая, с таким трудом порожденная традиция не окажется похороненной и не замрет в томительном ожидании альтернативной «эпохи перемен»!

В. Ларичев

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия отмечены активизацией исследований в области неолитоведения российского Дальнего Востока. Внимание специалистов привлечено к углублённому рассмотрению вопросов переходного периода от верхнего палеолита к неолиту, проблем общего хода процесса неолитизации, к расширению источников базы изучения выделенных ранее и открытие новых неолитических культур Приамурья и Приморья. Складывающаяся ситуация логично привела к усилению интереса российских археологов к информации из сопредельных территорий, в том числе из Северо-Восточного Китая. В немалой степени это связано и с тем, что неолитические культуры данного региона Восточной Азии характеризуются высоким уровнем развития технологий, быстрыми темпами становления производящего хозяйства и удивительными феноменами в области духовной культуры. Анализ результатов исследований китайских археологов даёт ясные свидетельства того, что уже в ранненеолитическое время в Южной Маньчжурии сформировался оригинальный культурный центр, который в ходе дальнейшего исторического развития региона не только смог сохранить самобытность, но и оказал существенное, во многом определяющее воздействие на развитие неолитических и более поздних культур как в пределах внутренних китайских территорий, так и в северной части Маньчжурии, вплоть до берегов Амура. Этому способствовал целый ряд факторов как естественно-географического, так и культурного характера.

Южная Маньчжурия является одним из наиболее археологически изученных регионов Китая. В равной степени этот тезис может быть отнесен к исследованиям в области неолита. К настоящему времени там открыты сотни памятников различных типов: поселенческие, погребальные и культовые. Их материалы не только достаточно полно характеризуют общее направление развития культур в этой части Востока Азии на протяжении значительной части эпохи голоцен, но также иллюстрируют локальные их особенности, которые особо ярко проявляются на фоне эколого-географического районирования внутри данного обширного региона. Китайскими археологами к настоящему времени выделен ряд археологических

культур, сделаны важные обобщения по определению их хронологии, географии и внутреннего содержания. Объём опубликованных материалов по неолиту Северо-Восточного Китая огромен. Однако в своих исследованиях китайские коллеги ограничиваются в основном рамками археологического описания и общекультурной характеристики отдельных местонахождений и культур. Что же касается необходимого обобщения полученных материалов на более высоком таксономическом уровне, с привлечением широкого фона генезиса и развития неолита этой части Азии, то такая работа в китайской историографии носит в основном предварительный характер. Однако проблемы зарождения неолитического хозяйства, генезиса и развития неолитических культур в современной археологии находятся среди первоочередных и наиболее дискуссионных. Это касается также Восточной Сибири и Дальнего Востока России, непосредственно граничащих с Северо-Восточным Китаем, частью которого является юг Маньчжурии.

Приоритет в осознании необходимости активного включения неолитических материалов из Маньчжурии в общий процесс археологического познания древнейших этапов исторического развития сибирских и дальневосточных регионов Северо-Восточной Азии принадлежал российским исследователям первой половины XX в., которые жили и работали в Маньчжурии. Большой вклад в расширение источников базы этих исследований внесли и японские археологи. С началом активной работы советских археологов в Приамурье и Приморье связано обращение к изучению проблем археологии (в том числе и неолита) сопредельных провинций Китая. Однако ряд объективных причин оказывал негативное воздействие (а некоторые до сих пор играют такую же роль) на степень овладения археологической ситуацией в ключевом для решения многих общих и частных проблем неолитоведения Востока Азии маньчжурском регионе.

Таким образом, созрела необходимость скорейшего включения в научный оборот неолитических материалов с территории Южной Маньчжурии, что позволит российским специалистам полноценно использовать их в своей работе. Кроме того, большой

фактический материал, накопленный археологами Китая за несколько последних десятилетий, дает возможность произвести анализ общих тенденций и специфики культурных традиций неолита Южной Маньчжурии с корреляцией их на общем фоне неолитических культур всего Северо-Восточного Китая и сопредельных территорий. Результат – определение их места и роли в историческом процессе на территории Восточной Азии.

Что касается разработанности предлагаемой к рассмотрению темы в российской историографии, то следует признать следующее: за исключением относительно новых (по материалам китайских исследователей 1970–1980-х гг.), но зачастую неточно и выборочно изложенных сведений об отдельных неолитических памятниках Северо-Восточного Китая [Бродянский, 1987; Воробьев, 1994], представления о предмете исследований остаются во многом на уровне 1960 – начала 1970-х гг. Они были сформированы благодаря исследованиям В. Е. Ларичева [1959а-б; 1960а-в], А. П. Окладникова и А. П. Деревянко [Окладников, 1959; Окладников, Деревянко, 1973; Деревянко 1973]. Названные ученые базировали свои обобщающие труды и анализ в основном на результатах исследований японских и западноевропейских коллег начала прошлого столетия, российских археологов и краеведов второй трети XX в. и работах китайских археологов 1950–1960-х гг. В публикациях сибирских археологов были заложены основы неизменного интереса специалистов к маньчжурскому неолиту, который воспринимается как органичная часть крупного неолитического региона на Востоке Азии.

Существует ясное понимание того, что неолит Северо-Востока Китая неоднороден и может быть разделён на две зоны, связанные географически с северными и южными районами Маньчжурии. Хотя следует признать, что первоначальные выводы о роли культур маньчжурского региона и их соотношении с культурами сопредельных территорий Приамурья и Приморья были сделаны на очень ограниченном фактическом материале, можно сказать, на интуитивном уровне. Нельзя обойти стороной и тот факт, что из-за многолетнего существования критически сложного положения в межгосударственных отношениях между СССР и КНР научный обмен был свернут. Это привело к проявлениям как внешней цензуры, так и самоцензуры в работах советских и китайских ученых, когда они обращались к темам маньчжурского неолита и его контактов с сопредельными территориями.

Территориальные рамки нашего исследования в основном ограничиваются пределами южной части Маньчжурии. Северо-восток Китая распадается на два больших субрегиона, что определяется естественно-

географическими факторами. В монографии охвачен район Северо-Восточного Китая южнее невысокой гряды водораздела между бассейнами рек Ляохэ и Сунгари. Его «ядром» является Южно-Маньчжурская равнина, орошаемая р. Ляохэ и ее многочисленными притоками. С запада к равнине прилегают нагорья Жэхэ (горы Яньшань), с востока – Ляодунский полуостров. Логика исследования потребовала включить в ареал изучения неолитические памятники сопредельной территории Северо-Китайской равнины. В административном плане охвачены территории провинций Ляонин (полностью) и Хэбэй (северная часть), а также юго-восточная часть автономного района Внутренняя Монголия.

В связи с этим необходимо сделать несколько замечаний географо-терминологического плана. Северо-Восточный Китай, именуемый *Дунбэй* (дословно – Северо-Восток), в России традиционно называют *Маньчжурией*. По причинам исторического характера в современной китайской географической номенклатуре данный термин не употребляется, целиком относясь к словарю зарубежного китаеведения. Наименование *Маньчжурия* несёт вполне определённое физико-географическое и биogeографическое содержание, широко употребляется в мировой географической, ботанической и зоологической номенклатуре. Его использование историками и археологами давно вышло за пределы изучения исторического периода, когда эта территория Северо-Восточного Китая была ареной борьбы племён маньчжуков за гегемонию в Китае, а затем доменом правителей династии Цин. Поэтому мы считаем термин *Маньчжурия* наиболее подходящим.

Дело в том, что в географическом смысле название *Маньчжурия* может быть применено для обозначения гораздо большей территории, чем это понимается под термином *Дунбэй* в административно-территориальном делении современного Китая. Северо-Восточный Китай по официально принятому районированию включает три провинции. Значительная же часть территории, которая исторически входит в зону действия неолитических культур региона, административно принадлежит автономному району Внутренняя Монголия. Но эти же районы (включая Большой Хинган, горы и нагорья Жэхэ и даже прилегающие к Хингану степи и полупустыни Монголии) традиционно считались частью Маньчжурии [Мурзаев, 1955, с. 5]. Данное обстоятельство позволяет нам использовать слово *Маньчжурия* для обозначения региона, археологические памятники эпохи неолита которого являются предметом настоящего исследования.

Следует, тем не менее, отметить, что проблема определения географических рамок региона в литературе существует. Прежде всего, это касается содержания

терминов *Маньчжурия* и *Дунбэй* в историко-культурном аспекте. У китайских исследователей на данный счёт существуют различные точки зрения. Нередко общая типология отдельных категорий находок выстраивается на материалах всего Дунбэя, без учёта внутреннего членения региона [Цзя Вэймин, 1985]. В широком историческом смысле к региону Северо-Восточного Китая относят не только провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, но и северо-восточную и северо-западную части автономного района Внутренняя Монголия [Чжан Бибо, 1989, с. 3]. В первом случае имеется в виду район Баргинских степей на границе с Восточным Забайкальем, а во втором – та часть Внутренней Монголии, которая лежит к западу от хребта Большой Хинган, вплоть до Монгольского нагорья. Для поздних эпох это может быть принято. Рассмотрение же археологии каменного века, прежде всего неолита, показывает, что районы на запад от Большого Хингана принадлежали иному культурному ареалу, более связанному с Северным Китаем и Восточной Монголией, нежели с территориями по восточную сторону хребта.

При работе над книгой использован большой массив опубликованных китайскими археологами сообщений о раскопках, обобщающих статей и монографических исследований. Принятая в современной китайской археологической науке подробная публикация докладов о раскопках, которые близки по формальным характеристикам полевым отчетам, подробное описание и всесторонний анализ инвентаря, наличие антропологических определений* в целом дает достаточно полные данные. Всё это делает материалы раскопок китайских археологов более доступными и открытыми для других исследователей.

Необходимо указать и еще один источник оперативной информации – национальная и местная китайская пресса. На ее страницах помещают информацию о наиболее существенных археологических открытиях. В качестве примера можно привести публикации о раскопках поселения Хоува в Ляонине [Гуанминь жибао, 1987], об открытии типичного поселения культуры *пяньбу* Бэйгоу [Жэньминь жибао, 1988] и др. Значительное внимание материалам из Маньчжурии уделяется в общенациональной еженедельной газете «Чжунго вэньью бао», которая освещает самые последние находки археологов и исследователей древней истории Китая. Естественно, мы опирались главным образом на публикации в специализированной периодике. Однако в некоторых случаях качественные публикации в средствах

массовой информации существенно пополняли наши знания ещё до того, как были опубликованы подробные отчёты.

Нами использованы только лично выполненные переводы. Ответственность за возможные неточности полностью лежит на авторе. В описании археологического материала, там, где это было необходимо и возможно, дана собственная интерпретация типологии, функциональных характеристик артефактов, видение стратиграфической ситуации и т. д. В тексте это не оговаривается, за исключением отдельных случаев, носящих наиболее дискуссионный характер.

Сотрудничество с китайскими коллегами дало возможность непосредственно познакомиться с методами полевых исследований в современной китайской археологии. В июле–августе 1991 г. при активном содействии профессора Линь Юня (бывшего тогда деканом археологического факультета Цзилиньского университета) и по приглашению научного сотрудника Института археологии и материальной культуры автономного района Внутренняя Монголия Го Чжичжуна автор принимал участие в третьем сезоне раскопок многослойного (комплексы неолитических культур *синлунва*, *чжаобаогу* и *хуншань*) поселения Байиньчанган [Го Чжичжун, 1994]. Кроме общего знакомства с методикой работ на памятнике автор участвовал в раскопках жилища культуры *синлунва*. Из других археологических памятников, материалы которых использованы в настоящей работе, следует упомянуть музефицированное поселение Синъэ в г. Шэньян.

Кроме того, во время нескольких поездок в Китай нами были осмотрены отдельные коллекции в Институтах археологии и материальной культуры провинций Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь, в Институте археологии АОН КНР (г. Пекин), а также экспозиции и хранилища специализированных и краеведческих музеев в городах Пекин, Тяньцзинь, Чанчунь, Шэньян, Чифэн и Харбин. Для анализа полученной информации привлечены публикации российских ученых по широкому кругу проблем теоретического и практического неолитоведения. Важную роль сыграл обмен мнениями с коллегами из ИАЭт СО РАН и научных центров Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также работа с материалами коллекций неолитических памятников, исследованных в разное время на юге Дальнего Востока сотрудниками ИАЭт СО РАН, ИИАЭ ДВО РАН, ДВГУ, БГПУ, ЧОКМ и ХКМ. Автор принимал участие в изучении неолитических памятников на территории, пограничных Северо-Восточному Китаю – на Нижнем и Среднем Амуре, в Южном Приморье. Привлекались и данные естественных наук. Сведения по систематике флоры и фауны во всех возможных случаях выверялись

*Отметим сразу, что опубликованная информация по антропологическим коллекциям с неолитических могильников Южной Маньчжурии нам не известна.

по специальным словарям. Если в оригинальных публикациях они отсутствовали, то дополнялись без специального уведомления.

В своём исследовании мы исходим из общего понимания археологической культуры как упорядоченной совокупности взаимосвязанных типов явлений материального мира, данной нам в археологических остатках [Клейн, 1991, с. 391]. На первоначальном этапе описания и группировки археологического материала понятие «археологическая культура» выступает как служебный инструмент исследования. Лишь после систематизации полученной археологической информации исследователь имеет возможность приступить к решению проблемы, какая прошлая реальность была отражена в этом понятии, на конкретном примере археологической культуры.

Наша задача в значительной степени облегчается тем, что понятие «археологическая культура» (или «археологический тип») является определяющим операционным инструментом и в китайской археологической науке. Общая картина неолита Дунбэя в исследованиях китайских археологов имеет дискретно-мозаичный вид. Анализ сложившейся ситуации может стать более продуктивным, если будет применён интегрирующий подход, который всё более развивается в современной российской археологии [Корякова, 1998, с. 80]. Интегрирующий подход подразумевает использование классификационных категорий более высокого таксономического уровня – «археологические общности», «историко-культурные общности», «культурно-хронологический горизонт» и т. п. На наш взгляд, интегрирующий подход позволяет наиболее полно выявить содержание всего комплекса контактов между археологическими культурами и приблизиться к пониманию облика прошлой реальности. В конечном счете, это цель любого археологического исследования.

Определённую сложность представляла работа с китайской археологической терминологией. Фактически речь идёт об элементарном отсутствии общепринятой терминологии. Примеров можно привести множество. Так, при описании крупных каменных

изделий для определения рубящих орудий широко используется термин «чоппер». Вслед за этим как отдельные типы могут быть описаны шлифованные топоры и тесла. Есть проблемы и иного рода. Например, большинство китайских археологов, вероятно, не видят различия между приемами обработки поверхности керамических сосудов – «тщательным выглаживанием» и лощением, поэтому они обычно используют для описания один термин. Часть проблем в восприятии материала была снята благодаря наличию фото- и графических иллюстраций, подробным описаниям артефактов и личному знакомству с коллекциями.

Существует проблема идентификации сырья для изготовления каменных орудий, которое обычно обозначают иероглифом *юй*, что можно перевести как *нефрит*. На самом деле под общим названием *юйци* (нефритовые изделия) часто скрываются артефакты из различных пород поделочных камней. Проблема определения минералов, которые обобщенно относят к группе нефритов, сложна. В китайской археологии лишь в редчайших случаях к анализу привлекаются специалисты, которые могут дать точное определение использованного сырья. В последнее время, правда, эта ситуация постепенно выправляется. Проводится работа по определению пород минералов, что даёт возможность вести поиск конкретных источников сырья [Цуй Ши, 1987]. При работе с иллюстрациями во многих случаях приходилось вносить исправления. Особенно это касалось манеры подачи каменного инвентаря.

Иллюстрированный материал (за исключением особо оговоренных случаев) взят из статей и монографий коллег, ссылки на которые приведены в тексте.

Автор выражает искреннюю благодарность своему научному руководителю – доктору исторических наук В. Е. Ларичеву, всем сибирским и дальневосточным коллегам, а также китайским специалистам из археологических центров в Пекине, Шэньяне, Чанчуне, Харбине и Хух-Хото за поддержку и помочь в изучении проблем, которым посвящена настоящая книга.

ГЛАВА 1

Физико-географические и климатические условия региона

Природная среда обитания человека представляет собой сложный комплекс, включающий рельеф местности – с условиями благоприятными или неблагоприятными, почва – с естественным плодородием, видовой состав флоры и фауны, климат. Все эти составляющие равно взаимосвязаны и взаимозависимы. Если речь идёт о реконструкции жизни древнего человека на определённом длительном временном участке, то наиболее активную роль играет климат. Это определяется тем, что все остальные элементы системы непосредственно зависят от климатических изменений. Климат может как способствовать, так и связывать развитие цивилизации, характер которой в том числе детерминирован климатом. Многие элементы материальной культуры (организация жилого пространства, направление хозяйственной деятельности и т. д.) формируются под непосредственным или косвенным его воздействием.

1.1. Физико-географические условия и современный климат

Маньчжурия – это крупный регион в составе Восточной Азии, естественными границами которого являются реки Амур (кит. *Хэйлунцзян*, маньчж. *Сахалин-ула*, монг. *Хара-Мурэн*), Уссури (кит. *Усулхэ*), Туманная (кит. *Тумэнъцзян*, кор. *Туманган*) и Ялуцзян (кор. *Амноккан*), хребты Большой и Малый Хинган, горы Чанбайшань и Яньшань (рис. 1). На протяжении последнего столетия границы и территории Маньчжурии и соседней Внутренней Монголии – как административных образований Китая – неоднократно менялись. Последнее крупное преобразование произошло в конце 70-х гг. XX в., когда ряд отдельных территорий из трёх провинций Северо-Восточного (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин) был передан в состав автономного района Внутренняя Монголия [Жэньминь жибао, 1979].

Весь обширный географический регион Северо-Восточного Китая может быть разделен на несколько областей [Мурзаев, 1955, с. 133–222; Чу Шаотан, 1953, с. 254–258]. В центре Маньчжурии находится область больших низин, расположенных вдоль ос-

новых речных артерий – Нонни, Сунгари и Ляохэ. Это Дунбэйская (Маньчжурская или Сунляоская) равнина – житница Маньчжурии. Река Сунгари со своими притоками питает почти $\frac{3}{4}$ этого пространства, которое именуется Северо-Маньчжурской равниной. Река Ляохэ протекает по плодородной Южно-Маньчжурской равнине. Таким образом, Дунбэйская равнина естественным образом делится на северную и южную части по линии водораздела между бассейнами рек Ляохэ и Сунгари. С запада она ограничена гигантским по горизонтальным размерам, но невысоким хребтом Большой Хинган со сравнительно пологими склонами на западе (они обращены к монгольским плоскогорьям) и крутыми обрывистыми склонами – на востоке. С севера и северо-востока равнина окаймлена хребтом Малый Хинган и горами Ильхури-Алинь, которые идут вдоль русла р. Амур, а с востока – многочисленными хребтами Восточно-Маньчжурской горной страны (горы Чанбайшань).

Горные системы образуют замкнутую подковообразную линию, открытую к югу, где низменность имеет выход к Лядунскому заливу, который омывает на западе побережье узкой (средняя ширина 20–25 км), но длинной (около 200 км) долины Ляоси (Шанхайгуанский коридор). Она прижата к морю возвышенностями Жэхэ (горы Яньшань), отделяющими равнину Дунбэя от Северо-Китайского плоскогорья. Район Ляоси протянулся на запад от устья р. Ляохэ к г. Шанхайгуань, который расположен в месте южнее выхода к морю Великой стены. Иногда о коридоре Ляоси говорят как об отдельной – третьей – части Маньчжурской равнине [Мурзаев, 1955, с. 6; Чу Шаотан, 1953, с. 257]. С древности и до настоящего времени по коридору Ляоси идут пути сообщения, связывающие Северо-Восточный Китай с внутренними районами Китая. Горы разорваны ещё только в одном месте: на крайнем северо-востоке, где их прорезает сравнительно узкая долина нижнего течения р. Сунгари. Обширная заболоченная местность этого района у впадения рек Уссури и Сунгари в Амур именуется Трёхречьем. Она является частью Среднеамурской низменности, которая по низинам берегов р. Уссури связана с Приханкайской низменностью.

Из краткого описания орографии Северо-Восточного Китая видно, что это географически замкнутый регион. В целом Маньчжурская равнина представляет собой по характеру рельефа своеобразную котловину, которую со всех сторон окружают горы. Сама равнина разделена на две части широтно-ориентированным, слабо выраженным в рельефе, широким и пологим валом водораздела с максимальной высотой около 250 м [Мурзаев, 1955, с. 66]. Средние высоты на самой равнине колеблются от 50 до 200 м над уровнем моря. Пространство к северу от водораздельного вала именуется Центрально-Маньчжурской равниной, а к югу от него расположена Южно-Маньчжурская равнина. Первая из них питается р. Сунгари и является правобережной частью бассейна р. Амур, вторая дrenируется р. Ляохэ, впадающей в Жёлтое море.

Остановимся подробнее на физико-географических и климатических характеристиках отдельных территорий региона, который в совокупности мы именуем Южной Маньчжурией.

В ландшафтном плане территории Южной Маньчжурии распадается на несколько типов (рис. 2):

1) лесостепь восточных предгорий южного отрезка Большого Хингана и западного окаймления Восточно-Маньчжурских гор в континентальной части Ляодунского полуострова;

2) горная лесостепь Жэхэ – переходный тип ландшафта между монгольскими полупустынями и сухими степями с лёссовыми земледельческими ландшафтами;

3) степи и земледельческие ландшафты Южно-Маньчжурской равнины, где исходные сухие степи и увлажнённые низины в наибольшей степени подверглись антропогенному воздействию;

4) низкогорные ландшафты Ляодунского полуострова [Мурзаев, 1955, с. 123–125, фиг. 20].

Ядром региона является *Южно-Маньчжурская равнина*, орошаемая р. Ляохэ и ее многочисленными притоками. По гипсометрическому положению она представляет собой низменность, незначительно поднятую над уровнем океана. Она лежит на уровнях от 0 до 200 м с повышением на западе до 300 м над уровнем моря. Сюда в течение геологически длительного периода сносились массы аллювия, что привело к нивелированию древней поверхности и образованию выровненного рельефа с отдельными мелкосопочниками. Поверхностные отложения равнины представлены песками, суглинистыми и лёссовидными осадками, имеющими широкое распространение [Мурзаев, 1955, с. 67, 203, 206].

Климат Южно-Маньчжурской равнины благоприятнее, чем в северной части Маньчжурской равнины. Зима здесь более мягкая, но холодная. Лето несколько теплее [Дунбэй гунлу, 1989, с. 4]. Осадков на Южно-Маньчжурской равнине выпадает на 100–120 мм в год

больше, чем на Центрально-Маньчжурской равнине. Максимум их приходится на лето (июль–август), причём в июле дожди идут в среднем через день [Мурзаев, 1955, с. 92, 206].

Весь сток Южно-Маньчжурской равнинны направлен в Жёлтое море. Главным образом посредством р. Ляохэ, длина которой достигает 1 350 км, а площадь бассейна равна 255 тыс. км². Долина Ляохэ занимает западную часть провинции Ляонин и большую часть прохода Ляоси. Северная ее часть лежит на высоте 400 м над уровнем моря, а южная – на высотах до 200 м. На севере долина Ляохэ проходит по возвышенности, подвергнувшейся сильной денудации. Встречаются многочисленные холмы-останцы. Южная часть долины (к югу от Шэньяна) представляет собой аллювиальную равнину. На востоке долина Ляохэ окаймлена хребтами Цяньшань и Цзилиньхэдалин. Здесь в западном направлении протекают многочисленные притоки Ляохэ. Западной границей служит хребет Сунлиншань.

Истоки Ляохэ лежат на Большом Хингане и в нагорье Жэхэ. Здесь река начинается двумя крупными истоками: северный – р. Шара-Мурэн и южный – р. Ляохахэ. После их слияния река получает название Силяохэ или Даляохэ. Оба истока Ляохэ имеют глубокие и узкие долины. Выше слияния, на склонах гор, обращенных к Центрально-Маньчжурской равнине, и на подгорных равнинах образовались громадные скопления песков и мощных лёссовидных отложений. Они легко размываются, превращая реки в мутные потоки кофейного цвета с громадным количеством взвешенных минеральных частиц. Сама р. Ляохэ течет в своих верховых в низких, но хорошо очерченных берегах и имеет ширину до 200 м. В летние паводки ширина реки увеличивается до 300–400 м, что приводит к затоплению громадных площадей поймы [Мурзаев, 1955, с. 108, фиг. 16]. В южной части Южно-Маньчжурской равнины, на запад от Ляохэ, с гор Жэхэ течет много рек, которые часто не доходят до Ляохэ и, растекаясь по равнине, вызывают заболачивание плоских долин, порою лишенных дренажа, где местами возникают неглубокие пресные озера водой. Морфология южной части равнины говорит о блуждании нижнего отрезка р. Ляохэ, которая в прошлом, вероятно, владела в длинный залив, далеко вдающийся в сушу. Ныне в него несет воду только большая дельтовая протока Ляохэ – р. Цзяньхэ. В этот же залив впадают: с запада – р. Далинхэ, с севера – р. Дунцзятай. Об изменении низовьев Ляохэ можно судить по следующим фактам. Еще 200 лет назад г. Нючжуан лежал в устье Ляохэ. Теперь он находится на расстоянии 40 км от берега моря и даже не на р. Ляохэ, которая протекает в 10 км западнее его. Это говорит о масштабах перемещения русла реки, гигантском нарастании дельты и сокращении моря [Мурзаев, 1955, с. 207–208].

Часть равнины, прилегающей к верхнему течению р. Ляохэ, административно относится к Внутренней Монголии. Значительные пространства покрыты пятнами солончаков и песков. Здесь преобладает степной и полупустынный ландшафт. Климат района засушливый, осадков выпадает немного, а реки, текущие с Большого Хингана, несут мало воды, так как горы, окружающие равнину с запада, тоже сухи и безлесны.

Растительность и животный мир этой части Внутренней Монголии имеют переходные черты от сухих и пустынных степей, лежащих на Монгольском плоскогорье на запад от Большого Хингана, к биоформам маньчжурских равнин. В целом же здесь больше монголо-гобийских элементов, чем видов, характерных для Маньчжурской флористической области. Широкое развитие песчаных отложений, солончаков, где слепо оканчиваются немногочисленные реки, текущие с Большого Хингана, наличие в отдельных местах тяжелых глинистых почв, слабо покрытых растительностью, – все это делает ландшафт описываемого района сходным с ландшафтами тех частей Внутренней Монголии, которые лежат на запад от Большого Хингана. По мере удаления от этого хребта на восток и юго-восток – вниз по долине Ляохэ – появляются степи, приуроченные к каштановым почвам [Мурзаев, 1955, с. 210].

Степи Маньчжурской равнине ближе к горам переходят в лесостепь, что связано с рельефом и влиянием лесной растительности Восточно-Маньчжурской горной страны. Лесостепь северо-восточного Китая, хотя и существовала издавна, но в значительной мере явление историческое – результат деятельности человека.

Первичные свойства маньчжурских почв требуют реконструкции, так как они претерпели значительные изменения из-за продолжительного использования удобрений. Равнине Ляохэ присущи сероземы, которые развиты на лёссовидных пылеватых отложениях. В северных районах они сменяются светло-каштановыми почвами, которые переходят за водораздел Сунгари – Ляохэ [Мурзаев, 1955, с. 212].

Нагорья Жэхэ включают отроги Большого Хингана южнее прорезающей его р. Шара-Мурэн (примерно на широте 44°), где хребет уже не представляет единого целого, а также горы Ляоси и другие, образовавшиеся в результате расчленения края Монгольского плоскогорья. Они имеют высоты от 800 до 1000 м над уровнем моря [Чу Шаотан, 1953, с. 258]. Следует отметить, что именно южная половина Большого Хингана является водоразделом между Центральной Азией и Тихим океаном. Нагорья Жэхэ окаймляют Монгольское плоскогорье, отделяя его от Северо-Китайской (Пекинской) равнины. Горы имеют развитые предгорья, падающие в сторону бассейна Ляохэ. Эти предгорья в виде наклонных и холмистых равнин

спускаются к плоским низменностям глубинных районов Южно-Маньчжурской низменности.

Климат Жэхэ имеет все признаки переходного типа от климата сухих пустынь и полупустынь Гоби к влажному муссонному климату Восточной Азии. Это накладывает яркий отпечаток на природные особенности Жэхэ, где встречаются как элементы гобийской флоры и фауны, так и особенности Маньчжурской равнини.

Нарастание влажности и осадков с севера на юг и с запада на восток происходит медленно и постепенно, что хорошо проявляется на изменении растительного покрова, по полноводности и густоте гидрографической сети, бедной на северо-западе и сравнительно густой на юго-востоке провинции Ляонин. В целом Жэхэ является районом, характеризующимся в климатическом отношении холодной, сухой, бесснежной и солнечной зимой, в течение которой наблюдаются оттепели, теплым летом с умеренными осадками, неравномерно выпадающими в разных частях района [Мурзаев, 1955, с. 163; Дунбэй гунлу, 1989, с. 4].

В нагорьях Жэхэ берет начало ряд рек, впадающих в Лядунский и Бохайский заливы. Крупнейшие из них Луанхэ (724 км) и Далинхэ (около 500 км). Тип ландшафта, присущий горам и нагорьям Жэхэ, является переходным между монгольскими полупустынями и сухими степями и земледельческими ландшафтами северного Китая и может быть назван горной лесостепью. Степные флора и фауна относятся к основным ландшафтам монгольского типа, хотя в горных районах весьма заметны южные элементы. Почти повсеместно преобладают степные участки, лесная же растительность представляет остатки некогда значительных лесных массивов, занимавших обширные площади северного Китая. Теперь леса сильно вырублены, а степи во многих местах распаханы. Это позволяет говорить об антропогенном облике ландшафтов Жэхэ. Летние муссоны достигают гор Жэхэ и приносят сюда влагу, поэтому растительность здесь гораздо лучше и пышнее, чем в Гоби, а необходимость в искусственном орошении незначительная. Муссоная деятельность в определённой степени нивелирует изменения в режиме увлажнения, к которым должна была привести вырубка лесов.

Леса Жэхэ имеют остаточный характер. Ещё около тысячи лет назад северокитайские леса простирались по р. Шара-Мурэн, т. е. до современной своей границы с Внутренней Монголией. Однако кроме антропогенного воздействия видно и влияние природно-климатических факторов, от которых зависело перемещение северной границы этих лесов на юг [Кульгин, 1990, с. 46–47]. В современном составе древесных и кустарниковых пород отметим следующие: на севере и северо-западе – лиственницу, сосну, ильм, белую березу, иву и орешник; в центральной

части Жэхэ, в бассейне Луаньхэ – дуб, черную березу, липу, ель, осину, маньчжурский орех, рододендроны, а также южные виды – вечнозеленый дуб и китайскую длинноиглую сосну. В северных районах Жэхэ распространены каштановые почвы, на юге по склонам гор большую роль играют лессы, по долинам рек нередки лугово-болотистые почвы, развитые на аллювиальных отложениях [Мурзаев, 1955, с. 165–166].

Ляодунский полуостров – гористый район, где прослеживается продолжение линий хребтов Восточно-Маньчжурской горной страны. Регион имеет благоприятные физико-географические условия: тёплый климат, умеренные осадки, короткую зиму, большую береговую линию. Типы рельефа чрезвычайно многообразны. Ландшафты Ляодуна относятся к низкогорным. Большая часть горного массива Цяньшань под воздействием длительной эрозии представляет собой волнистую равнину с холмами-останцами. Абсолютная высота возвышенностей Ляодуна небольшая, средняя высота может быть принята в 300–500 м, только отдельные вершины поднимаются до 1000 м, но рельеф полуострова чрезвычайно пересечен за счёт сложного ветвления отрогов. Даже на низких уровнях, вблизи морского побережья, местность очень гориста. Во внутренних частях полуострова в основном встречаются спокойные формы среднегорного, холмистого, мелкосопочного и платообразного рельефа. В горах характерны широкие, нередко разветвленные системы долин. На юге Ляодунского полуострова выделяется окруженный морями полуостров Гуандун. Здесь очень извилистое морское побережье, образующее много удобных заливов, бухт, островов. Берега обрывисто спускаются к морю. Основная же его территория имеет невысокий холмистый рельеф с отдельными выделяющимися вершинами [Мурзаев, 1955, с. 196–197; Чу Шаотан, 1953, с. 255–256]. У оконечности полуострова имеется ряд островов, составляющих цепочку архипелага Чанша.

Ляодун – самый теплый район Северо-Восточного Китая. Хотя и тут зимы бывают суровые, однако в целом безморозный период длится здесь 200–220 дней, а средняя годовая температура +10° [Дунбэй гунлу, 1989, с. 4]. Соответственно этому длителен вегетационный период, что позволяет снимать по два урожая. Лето в Ляодуне ровное, мягкое. Самый теплый месяц – август, в чем видно охлаждающее влияние моря. Влажность воздуха в летнее время года высокая. Юг полуострова подвержен воздействию тропических циклонов малого радиуса действия (тайфунов), с которыми связаны обильные, но непродолжительные ливни, сопровождаемые ураганными ветрами и сильными грозами. Но вглубь материка они не распространяются [Мурзаев, 1955, с. 23, 95, 198].

Гидрографическая сеть Ляодуна хотя и очень разветвлена, но не вся наполнена водой. В воде ощущается недостаток. Резкая пересеченность Ляодуна, выходы древних коренных пород, наличие сложно разветвленной гидрографической сети приводят к большой пестроте и комплексности в распределении почвенно-растительного покрова. Лесной растительности на Ляодуне почти не осталось. Преобладают степные группировки. Почвенный покров на Ляодунском полуострове представлен эолово-пылеватыми (жёлтые и красные лессы), аллювиальными и солонцовыми почвами [Мурзаев, 1955, с. 198–199].

Логика нашего исследования и реальный контекст неолита южной части Маньчжурии потребовали рассмотрения археологических культур рассматриваемой эпохи и в сопредельном районе Северного Китая. В административном плане этот район является северной и центральной частью провинции Хэбэй, включая особо выделенную территорию г. Пекин. Это часть *Северо-Китайской равнины*, обрамлённая цепью гор на западе и севере, переходящих в равнину, которая на юго-востоке имеет спуск к Бохайскому заливу. Район лежащий к северу от гор Хэшань и Яньшань представляет собой ряд чередующихся горных хребтов и впадин. Горы здесь не превышают 400 м. Они возвышаются над выровненными лессом впадинами. Интересующая нас часть Северо-Китайской равнины, непосредственно (через горы Яньшань) граничащая с южными районами Маньчжурии, образована за счёт аккумуляции аллювия рек Хайхэ (с её большим левосторонним северным притоком Юндихэ), Цзиюньхэ и Луаньхэ. Здесь наиболее широко распространены развившиеся на лессе коричневые почвы, в горных районах – лесные бурые почвы [Северный Китай..., 1958, с. 17–18]. Собственно говоря, сам г. Пекин находится на конусе выноса р. Юндихэ. В долине реки Луаньхэ встречается несколько расширений, крупнейшее из которых – так называемая Чэндэская котловина на границе с провинцией Ляонин.

Хребты Яньшань и Тайханшань окаймляют с севера и востока равнинные районы Хэбэя. Восточный участок Яньшаня (высота 800–1000 м) простирается от долины реки Чаобайхэ до Шаньхайгуаня в широтном направлении вдоль Великой стены, выходящей к Шанхайгуаню. На юго-западе Яньшань соединяется с Тайханшань, который простирается почти в меридиональном направлении, представляя естественную границу между Хэбэем и провинцией Шаньси. Яньшань и особенно Тайханшань очень круто обрываются в сторону равнины. Горы от равнины отделяют лишь узкая гряда холмов. Это препятствие для сообщения между горными и равнинными районами ослаблено рядом поперечных речных долин и горных проходов [Северный Китай..., 1958, с. 69].

На востоке Хэбэй омывается водами Бохайского залива. Однако залив, ввиду небольшой площади, не оказывает существенного влияния на климат провин-

ции, который относится к умеренно-континентальному типу с годовой амплитудой температур 30–40 °С. Так, средняя температура января в районе севернее Великой стены составляет минус 7–10 °С. Средние температуры июля на равнине достигают плюс 25 °С и более. В межгорных котловинах севера Хэбэя безморозный период длится около шести месяцев. В равнинных районах севера Хэбэя продолжительность безморозного периода составляет 6 месяцев. Почва здесь промерзает лишь на короткий срок – с декабря по февраль. В Хэбэе выпадает значительное количество осадков, с неравномерным, как и в Южной Маньчжурии, распределением по временам года. Максимум выпадает в июле и августе [Северный Китай..., 1958, с. 70]. Имеются сведения по исторической географии региона, которые свидетельствуют о том, что ещё в I тыс. до н. э. в центральной и северной частях провинции местности к югу от Яньшаньских гор и к востоку от озера Байянъдянь были заболочены. Поэтому для земледелия оставались пригодными лишь предгорья Тайханшань и Яньшань [Северный Китай..., 1958, с. 72].

Информация по современному климату Южной Маньчжурии можно суммировать следующим образом:

- климат низких степей отличается континентальностью, но не такой значительной, как в северной части Маньчжурской равнины и тем более на крайнем северо-востоке Дунбэя, в Баргинских степях на границе с Забайкальем;

- климат материковых сухих пустынь связан с влиянием со стороны Гоби, ощущаемым в районе выхода южного окончания Большого Хингана к нагорьям Жэхэ;

- климат переходного к субтропическому типа наиболее ярко выражен на морском побережье с ощутимым ослаблением в сторону континентальных районов Южной Маньчжурии.

1.2. Сведения о палеоклиматических изменениях в голоцене

Представления о хроностратиграфии плейстоцена и голоцена Маньчжурской равнины и соседствующих территорий только формируются. Следует признать, что изменения природно-климатических факторов и их влияние на жизнедеятельность человеческих коллективов в Северо-Восточном Китае в настоящее время изучены недостаточно. С конца 1980-х гг. взаимосвязь между условиями географической среды и культурой всё более отчетливо осознаётся китайскими исследователями. Однако на этом этапе их исследования были посвящены ранней исторической

эпохе, когда основным источником являются письменные записи в китайских летописях о жизни «варварских» народов [Фэн Цзичан, 1988]. В 1990-е гг. ситуация начала постепенно меняться. Большое внимание исследователи стали уделять изучению остатков флоры и фауны в материалах археологических памятников. Информация о палеэкологии Маньчжурии, при всей её ограниченности, чрезвычайно важна. Трудно переоценить значение детального исследования динамики климатических изменений для проведения реконструкции моделей взаимодействия древних обществ и окружающей среды, корреляции. Сведения эти основаны на знаниях о флоре и фауне, которые получены в ходе изучения древних памятников. Это повышает аутентичность палеоэкологических данных в их использовании при археологических реконструкциях.

Данные о современном состоянии климата Южной Маньчжурии лишь в ограниченной степени могут быть использованы при реконструкции культуры неолитического населения этого региона. Известно, что характерной особенностью четвертичного периода являются многократные и значительные колебания климата. Как известно, с эпохой голоцена, охватывающей последние 10 тыс. лет геологической истории Земли, связаны миграции границ природных зон и изменения ареалов размещения представителей флоры и фауны [Архипов, Волкова и др., 1988].

В настоящее время мы обладаем только информацией по территории горной системы Жэхэ (Яньшань) и прилегающих районов Южно-Маньчжурской равнины (38–43° с. ш.; 115–122° в. д.). Это ключевой для нашего исследования район, к которому приурочена локализация ряда неолитических культур юга Маньчжурии – синлуна, чжаобаогу, хуншань, фухэ. Зона гор Яньшань является переходной от района теплых умеренно влажных широколиственных лесов на юге к полузасушливым лесостепям севера. Соответственно современные уровни температуры и увлажнённости обнаруживают тенденцию к пропорциональному уменьшению в направлении с юга на север. Сезонные колебания климата тут довольно существенные. Среднегодовая температура от плюс 8 до 14 °С, среднегодовой уровень осадков 350–640 мм [Лю Цзиньсян, Дун Синьлинь, 1997, с. 48]. В частности, в районе г. Чифэн среднегодовой уровень температуры составляет плюс 5–8 °С, в т. ч. средняя температура января от минус 11 до минус 15 °С, а июля – плюс 20–23 °С; годовой уровень осадков 350–450 мм [Кун Чжаочэнь, Ду Найцю и др., 1996, с. 324]. Здесь кроме широколиственной древесной растительности широко распространены папоротниковые (*Filicales*). Сопоставление современных данных с информацией, полученной на основе анализа древней пыльцы и иных остатков флоры, позволяет судить об изменениях климата

и, что наиболее существенно для нас, о характере окружающей среды в эпоху неолита.

По данным палинологии 7 тыс. л. н. среднегодовой уровень температур в южной части Дунбэя был на 3–5 градусов выше современного. Климат был влажнее, чем сейчас [Лю Мулин, 1988, с. 847]. Поэтому, учитывая имеющиеся данные о развитии лесного покрова, можно предположить, что ранее земледелие в этом районе имело подсечно-огневой характер.

Кун Чжаочэнь и Ду Найцю [1985, с. 873] провели изучение остатков флоры с неолитического поселения Синлунвна (около 8 тыс. л. н.), жители которого помимо собирательства активно занимались земледелием. Прежде всего, это была собранная в жилищах и зольниках скорлупа маньчжурского ореха. Большая часть материала сильно обуглена, однако несколько образцов из заполнения жилищ 129, 123 и ямы 171 сохранились достаточно хорошо, чтобы можно было установить их принадлежность к *Juglans mandshurica Maxim* [Кун Чжаочэнь, Ду Найцю и др., 1996, с. 328]. Они аналогичны орехам видов, произрастающих в настоящее время в горах Дациншань соседнего аймака Чжоуда и в других районах Китая от Северо-Востока до провинции Юннань на юге. Но синлунваские образцы довольно мелкие и имеют сходство с находками короткoplодной разновидности маньчжурского ореха (*Juglans mandshurica Maxim. var. naorai Endo*) в позднеплейстоценовых (раннеголоценовых) отложениях местонахождения Гусянтунь в Харбине. Остатки маньчжурского ореха встречены также на поселении Шанчжай под Пекином (7–6 тыс. л. н.), что позволило сделать некоторые предварительные выводы о характере окружающей среды в этой части региона.

Найдки маньчжурского ореха, который любит плодородные жирные почвы, влагу и тепло в лощинах и на склонах гор, свидетельствуют о формировании северного пояса широколиственных лесов. Это могли быть смешанные леса на гористых участках лесостепи, подобные тем, что до сих пор сохранились в горах Дациншань в аймаке Чжирим и горах Дахэйшань в хошуне Аохань. Однако современный климат в Аохань суще, чем это было примерно 8 тыс. л. н., поэтому маньчжурский орех находится здесь в смешанном лесу в ассоциации с ясенем и сосной. В древности климат был теплее и влажнее. Подлесок формировался вересковыми и рододендроновыми кустарниками. В лесистых районах и на скалах лесостепного пояса были распространены стелющиеся типы сухостойного китайского плаунка завертывающегося (*Selaginella sinensis*). Присутствие полынных и маревых растений свидетельствует о том, что определенную часть территории занимали остеопренные участки. Район Чифэна, таким образом, занимал промежуточное положение между степями и широколиственными лесами. Средняя годовая температура тогда была плюс 6,5–7,5 °C;

самый холодный месяц – январь – характеризовался температурой минус 11–12 °C; самый жаркий летний месяц должен был иметь средний уровень температур плюс 23–24 °C. Годовой уровень осадков составлял 400–500 мм.

Из всего этого следует, что неолитическое поселение Синлунвна соседствовало с лесами, степями, озерами и болотами. Часть ландшафта использовалась как земледельческие угодья. Население в своей хозяйственной деятельности было ориентировано на собирательство, охоту, осваивало водные ресурсы, имело условия для одомашнивания отдельных видов растений и животных.

Исследователи отмечают: из-за того, что современный климат более сухой, ареал распространения маньчжурского ореха сузился. Бассейн р. Шара-Мурэн (в районе расположения поселения Синлунвна) сейчас не имеет той степени облесённости, которой характеризовалось природное окружение в неолитическую эпоху. Растильность умеренно-степного типа сменилась на мезотермальные виды. Таким образом, присутствие остатков маньчжурского ореха в отложениях поселения Синлунвна свидетельствует о том, что оно функционировало в районе с плодородной почвой, влажным климатом и широколиственными лесами. Возможно, это была зона смешанного широколиственного и хвойного леса. Так как присутствие маньчжурского ореха может маркировать континентальный климат с тощими почвами, то жизнедеятельность синлунвасцев могла проходить на границе большого леса. Были также отобраны 13 колонок образцов почвы из заполнения жилищ для проведения спорово-пыльцевого анализа. Определены: пыльца сосны и ясения Бунге (*Fraxinus bungeana D.C.*), полыни (*Artemisia*), злаковых (*Gramineae*), горца перечного (*Polygonum*), бобовых (*Leguminosa*), и маревых (*Chenopodium*); споры многоножки Фори (*Polypodium*) и китайского плаунка завёртывающегося (*Selaginella sinensis*) [Кун Чжаочэнь, Ду Найцю и др., 1996, с. 325].

В нескольких сотнях метров от поселения Синлунвна было изучено поселение Сяошань несколько более поздней неолитической культуры чжаобаогу. На полу жилища 1 был обнаружен керамический сосуд с остатками двух плодов маньчжурского ореха и семена кустарника, относящегося к сливовым (*Prunus sp.*). Они подверглись анализу в одной группе с синлунваскими образцами [Ян Ху, Чжу Яньпин, 1987, с. 503, примеч. 4]. В жилище сохранилась обугленная солома и отпечатки соломы на поверхности. Скорее всего, трава использовалась наряду с деревом при строительстве. Найдки орехов показывают, что климат был по-прежнему тёплым. На поселении Сяошаньдэгоу (деревня Гуандэгун хошуна Вэннютэ) на левом берегу р. Шаоланхэ – южностороннего притока р. Шара-Мурэн – пол полуzemляничного жилища 1

был накрыт слоем коры берёзы (*Betula*). Известно, что берёза является переходным типом, распространённым обычно между широколиственными лесами тёплого пояса и холодолюбивыми хвойными лесами. Либо она составляет вторичный лес, произрастающий на пространстве освобождённом (например, вырубкой или пожаром) от хвойного леса. Берёза любит прохладу и влажность. На горных участках лесостепи она смешана с ясенем и дубом. В настоящее время на р. Дэнлун (хошун Вэннютэ) ещё сохранились два вида берёзы – даурская (*Betula dahurica*) и плосколистная (*Betula platyphylla*).

Фаунистические материалы из Сяошань и Сяошаньдэгоу свидетельствуют, что во время существования культуры чжаобаогу сохранялись широколиственные леса из орешника и берёзы. Подлесок и свободные участки были покрыты сливыми и другими кустарниками. Берёза маркирует, по сравнению с маньчжурским орехом, более аридные условия климата. Она могла в данных условиях, будучи широко распространённой, использоваться не только как материал для изготовления орудий труда и предметов обихода, но и в качестве топлива и сырья для строительства жилищ. На памятниках культуры чжаобаогу найдено множество орудий сельскохозяйственного производства, свидетельствующих о возможно более высоком, чем в *синлунва*, уровне земледелия.

Некоторые данные по состоянию окружающей среды представляют материалы культур фухэ и хуншань (6,5–5,0 тыс. л. н.). Для первой из них верхняя времененная граница близка датам поселения Сяошань. Внутри жилища в Фухэ собраны кости млекопитающих. Основная часть принадлежит парнокопытным (кабарга *Moschus moschiferus*, лось *Alces alces*, дзепрен *Procarpa gutturosa* и дикий кабан). Кроме того, есть барсук, лиса, белка и небольшое количество канисовых. Исходя из знаний об экологии данных представителей фауны, можно сделать вывод, что район р. Шара-Мурэн в эпоху ранее 5 тыс. л. н. представлял собой лесостепь с некоторым количеством озёр и болот. Существовали условия для ведения примитивного земледелия, но охота и рыболовство всё ещё могли быть главными источниками для пропитания. Что касается эпохи ранней бронзы, которая представлена в этом районе культурой *нижнего слоя сяцязянь*, то пыльца широколиственных деревьев

отмечена в отложениях поселения Дядяньцы (около 3,4 тыс. л. н.) [Кун Чжаочэнь, Ду Найцю и др., 1986, с. 326–327].

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: в период с 7 до 3,4 тыс. л. н. южная часть Маньчжурской равнины входила в зону теплолюбивых широколиственных лесов. Только в последние тысячелетия, вслед за общим изменением климата на планете и под антропогенным воздействием, в этом районе ускорился процесс остепнения, а в некоторых районах на границе с Монгольским плато и опустынивания. Границы зоны лесов отступили в восточном и южном направлении. Однако отдельные анклавы древесных видов остались и на песчаных почвах мезотермальных степей либо на теплых и обводнённых участках.

Для контраста заметим, что ситуация по увлажнённости в северной части Дунбэя была иной. Исследования на территории Средне-Амурской впадины показали, что климат в промежутке от 10 до 4,5 тыс. л. н. был, вероятно, суще, чем в период 4,5–1 тыс. л. н., при общей относительно малой изменчивости с конца плейстоцена и в голоцене [Ивлев, Левинтов и др., 1974, с. 100]. Этот фактор, очевидно, должен был оказывать некоторое воздействие на южную часть бассейна р. Амур, которой является Северная Маньчжурия.

Развитие неолитических культур Южной Маньчжурии приходится на длительный период климатического оптимума. Конкретные временные рамки его дискутируются в литературе, но в целом исследователи сходятся в том, что наиболее тёплый период оптимума падает на время 6,5–5,5 тыс. л. н. [Кукла, 1980, с. 178; Вайсберг, 1980, с. 183]. В азиатском секторе северного полушария в IV тыс. до н. э. температура января была выше современной на 2–4 °C, а июля – на 1–2 °C, продолжая расти [Гричук, 1969, с. 49; Вайсберг, 1980, с. 183]. Как раз на это время падает эпоха расцвета неолитической культуры на юге Маньчжурии. Во многом аналогично развивалась ситуация на Центральной китайской равнине, где на базе местных неолитических культур в самом конце благоприятного периода оптимума зародилась китайская цивилизация [Кульпин, 1990, с. 40]. Глобальное похолодание «малого ледникового периода» началось уже за пределами рассматриваемого в данной работе периода – на рубеже II и I тыс. до н. э.

ГЛАВА 2

История изучения неолита Южной Маньчжурии

2.1. Этапы формирования источниковой базы изучения южноманьчжурского неолита

Историю изучения неолита Южной Маньчжурии можно разделить на несколько этапов. Начало *первого этапа* археологического изучения Северо-Восточного Китая связано с работами японских и европейских исследователей.

Первым в их ряду стоит имя крупного японского этнографа, археолога и путешественника Тории Рюдзо. Он является автором множества книг и статей о древностях Японских островов, Курил, Сахалина, Маньчжурии и Монголии. Из широкого круга вопросов истории Северо-Восточного Китая его особенно интересовал поиск истоков культур народов Маньчжурии и Внутренней Монголии. Поэтому большое внимание Р. Тории уделял изучению памятников древнейших эпох. Как неоднократно отмечали различные исследователи, работы японского учёного создали основу для дальнейшего изучения древностей Северо-Восточного Китая [Andersson, 1934, с. 201–202; Ларичев, 1969, с. 254–255; Деревянко, 1973, с. 68; Ли Лянь, 1984, с. 50–51, 54]. Именно Р. Тории предпринял первые археологические разведки в южных районах Маньчжурии. В 1895 г. он обследовал полуостров Лядун и пограничные с Кореей районы Маньчжурии. Вторая экспедиция была предпринята по поручению Токийского императорского университета. Высадившись на юге Лядунского полуострова, он посетил Люшунь, Цзиньчжоу, Ляоян, Мукдэн (Шэньян), а затем по р. Ляохэ спустился в район Фукуумэн. После разведки на территории Внутренней Монголии он по р. Нонни вернулся к границам Кореи. За время этой самой продолжительной и значительной по территориальному охвату экспедиции Р. Тории открыл и детально обследовал многочисленные «доисторические» (в том числе и неолитические) местонахождения. Именно тогда ученый мир узнал о памятниках неолита Дунбэя в районе Чифэна, Линьси, Кэшикэтэна, Силингола (Шилин-Гола). Во время дальнейших путешествий Р. Тории открыл ряд неолитических памятников в районе Ляояна и Фушуня.

Работа, которую проделал Р. Тории в южных и юго-западных районах Маньчжурии, не потеряла своего значения. Японский археолог первым поставил вопрос о характере взаимоотношений между неолитом Центральной равнины (долины р. Хуанхэ) и неолитом Маньчжурии, в существовании которого он сам сначала сомневался [Torii, 1915]. Р. Тории выдвинул ряд оригинальных и продуктивных идей. Основываясь на тщательной классификации собранного материала, этот исследователь впервые попытался выделить культурные области, дать им характеристику на широком историческом фоне и с привлечением данных этнографии. Р. Тории пошёл по пути выделения двух фаций неолита: монгольской, характеризовавшейся оббитыми каменными орудиями, и южно-маньчжурской – с преобладанием шлифованных изделий. Интересно следующее его наблюдение: район Ляохэ – Шара-Мурэн хотя и находится в Восточной (Внутренней) Монголии, но по своей культуре относится к «маньчжурско-корейско-японской группе», то есть к культурам южной части Дунбэя [Torii, 1915, с. 50]. Им был сделан вывод: первобытное население Японии, Кореи, Восточной Монголии и Маньчжурии находилось в тесном общении, «они если не родные братья, то, во всяком случае, были двоюродными» [Torii, 1915, с. 67]. Ранее в работе, написанной по результатам экспедиции 1889 г. на северные острова Курильской гряды, Р. Тории высказал мысль, что в неолитическую эпоху район, охватывающий юг Маньчжурии, Восточную Монголию, Корею, Сахалин, Курилы, образовывал собственную культурную область, отличную от Китая, Японии, берегов Амура и Сибири [Torii, 1903].

Обширную сводку материалов по неолиту Северного Китая, включая некоторые районы Дунбэя, дал француз Эмиль Лисан. За 14 лет работы (с 1919 по 1932 гг.), ограничиваясь в основном подъёмными сборами, он открыл около 300 неолитических памятников [Ларичев, 1969, с. 267–268]. Две трети из них дали массовый археологический материал. Широкая эрудиция Лисана позволила ему не только составить подробную археологическую карту изученного района, дать характеристику местонахождений и классификацию находок, но и провести стратиграфическое изучение ряда местонахождений [Lisent, 1932].

К началу 1920-х гг. в археологическом изучении Маньчжурии стали принимать участие представители молодой китайской археологии. В 1919 г. геолог из Управления геологии Китая Чжу Тинху проводил сборы материалов в северных районах современной провинции Хэбэй и юго-восточной части Внутренней Монголии [Andersson, 1923, р. 12].

Значительные открытия были сделаны выдающимся шведским исследователем И. Г. Андерсоном, приглашённым в Китай в 1914 г. в качестве советника по геологии. С его работой связаны многие замечательные страницы в археологии Китая [Ларичев, 1969, с. 258–271]. Летом 1921 г. Министерство сельского хозяйства направило И. Г. Андерсона в юго-восточный район Маньчжурии для изучения узкой прибрежной полосы Ляоси. Его сопровождал постоянный помощник – молодой китайский археолог Пэй Вэнъчжун, а также Джеймс Вон – переводчик и проводник известного палеонтолога Вальтера Гренджера из знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции Американского музея естественных наук под руководством Р. Ч. Эндрюса. Гренджер был послан со специальным заданием: изучить методы поиска и способы раскопок памятников каменного века.

При обследовании Наньбяоского угольного месторождения был открыт один из интереснейших многослойных памятников неолита Северо-Восточного Китая в пещере Шаготунь [Andersson, 1923; Семёнов, 1949, с. 218–220]. Активное участие в раскопках приняли китайские археологи. Монография по результатам полевых исследований была издана на английском и китайском языках. Это была первая публикация такого рода о неолите не только Маньчжурии, но и Китая. Пещера Шаготунь стала первым памятником, который был раскопан полностью и на достаточно высоком методическом уровне, что увеличило ценность полученных находок по сравнению с плохо документированными сборами предшествующих исследователей, в основном ограничивавшихся подъёмными материалами. Раскопки И. Г. Андерсона можно считать переломным моментом в изучении археологии Маньчжурии.

Из западных геологов, которые работали в те годы на северо-востоке Китая, следует особо упомянуть француза Тейяра де Шардена. В 1924 г. он вместе с Эмилем Лисаном проводил изучение геологии, геоморфологии и археологии бассейна р. Шара-Мурэн. В дальнейшем они прошли по Внутренней Монголии с юго-востока на север до Барги, описали район между реками Лаоахе и Шара-Мурэн [Мурзаев, 1955, с. 56]. Небольшая коллекция из их сборов на местонахождении Гочэншань (уезд Линьси) обнаружена нами в 1991 г. в Музее естественной истории в г. Тяньцзинь [Ван Шанцзун, 1989].

После начала японской оккупации Северо-Восточного Китая к изучению древностей Маньчжурии

вновь активно подключились японские археологи [Ларичев, 1959б, с. 41; Ли Лянь, 1984]. В 1920–1930-х гг. проблематика исследований японских археологов за пределами Архипелага сводилась к выяснению основных центров происхождения «доисторических» культур Японии, а главное внимание уделялось поискам в Корее и юго-восточной Маньчжурии [Яги, 1944]. Вся эта работа была подчинена целям исторического обоснования территориальных притязаний Японии в Восточной Азии [Богаевский, 1932]. Идеологи японской экспансии придавали данным археологии большое значение. На континенте работа археологов, начиная с экспедиций Р. Тории, проводилась на средства генерального штаба и Министерства иностранных дел [Раскопки..., 1935]. Особо следует отметить работы И. Явата [1933, 1935], который дополнил своими материалами сборы Э. Лисана в провинции Жэхэ (юго-западная часть Южной Маньчжурии).

Особенно богатый и выразительный комплекс находок дали раскопки памятников на горе Хуншань у г. Чифэн, где первые сборы древностей произвел Р. Тории в 1908 г. В 1924 г. это место посетили Э. Лисан и П. Тейяр де Шарден. Они собрали в различных пунктах большое количество подъёмного материала и открыли стоянку на южном склоне горы [Licent, 1932, р. 26–30]. В 1930 г. Лян Сыон обследовал восточные и северо-западные окрестности Чифэна. Тогда же он изучил пять больших поселений в провинции Жэхэ, ранее известных Р. Тории и Э. Лисану, а именно: Линьси, Шуаньзин, Чэньцзяинцы и др. [Ларичев, 1959б, с. 45; Лян Сыон, 1959]. В работе, посвящённой находкам с этих памятников, Лян Сыон дал подробную характеристику стратиграфии, тщательно разработанную классификацию керамики и каменных орудий, а также высказал ряд соображений об изученности неолита Северо-Восточного Китая и проблеме «микролитической культуры» (см. о нем [Лян Сыон, 1955]).

После оккупации японскими войсками большое количество древностей, найденных у горы Хуншань, скупил консул Т. Мада. Он передал их в Императорский университет г. Киото. В 1933 г. И. Явата обследовал неолитическую стоянку на южной стороне горы [1940, с. 2–3, 29]. Важность этого памятника стала очевидной, поэтому в 1935 г. была организована специальная экспедиция К. Хамада [Ларичев, 1959б, с. 41–44; Ли Лянь, 1984, с. 52]. В ней приняли участие известные археологи С. Симада, Е. Акабори, Т. Миками М. Мияке и С. Мицзуно. Ими была обследована вся гора и её окрестности. Японские археологи активно публиковали свои материалы, но уровень их полевых методик был невысок даже для того времени. Раскопки велись с помощью небольших траншей. В результате за все годы работ в Хуншаньху не был выявлен ни один жилой комплекс.

Большой вклад в изучение древностей Маньчжурии на первом этапе внесли русские археологи [Алкин, 1990, 1998, 1999, 2001а-б]. Но они в основном работали в северных районах Маньчжурии. После образования государства Маньчжоу-го расширились контакты с японскими археологами. Русских специалистов неоднократно приглашали для консультаций на памятники в южных районах Маньчжурии.

В результате усилий западноевропейских, японских, русских и молодых китайских ученых первый этап археологического изучения Северо-Восточного Китая ознаменовался обнаружением серии своеобразных неолитических памятников. Часть их отчётливо тяготела к известному тогда микролиту Гоби (Северная Маньчжурия и бассейн р. Шара-Мурэн на юге), тогда как другие (Хуншаньху и Шаготунь в Южной Маньчжурии) имели немало общего и с микролитическими культурами, и с культурами расписной керамики бассейна Хуанхэ. Вся эта группа памятников Северо-Восточного Китая несла отпечаток промежуточного положения между микролитической культурной традицией севера и земледельческой традицией неолита юга [Ларичев, 1959а, с. 83–87; 1959б, с. 58; 1960а, с. 11–15].

Активные работы первого этапа исследований завершились примерно в 1937 г., хотя отдельные работы производились и в годы войны. Так, в 1946 г. окрестности Чифэна обследовал Тун Чжучэнь [Ларичев, 1959б, с. 45]. Публикация отчетов по найденным материалам продолжалась до начала 1950-х гг.

Значение этого этапа заключалось в том, что было начато специализированное, научно организованное изучение неисследованного ранее в археологическом плане крупного района Восточной Азии. Открытие неолита, его изучение раскрыли перспективы решения многих важных проблем. Одной из главных была проблема древнейшей истории народов Дальнего Востока и изучение их культуры. Быстро рос интерес к археологии среди китайцев. Подготавливались национальные кадры специалистов. Был собран огромный фактический материал, сделали первые подходы к его обобщению и анализу. Исследование проблем доистории Дунбэя было подготовлено к вступлению в новый качественный этап.

Второй этап изучения археологии Северо-Восточного Китая (и районов Южной Маньчжурии в том числе) связан с началом активной деятельности китайских археологов после образования Китайской народной республики.

Первые два десятилетия были временем экстенсивного накопления материалов. Этому способствовала политика властей, направленная на охрану памятников истории и культуры. Министерство культуры Центрального народного правительства создало специальное управление, ведавшее этой

сферой. Одновременно во всех административных центрах были учреждены комитеты и управления, на которые возлагались охранные функции и работа по выявлению и учету памятников старины [Ся Най, 1954, с. 135]. Было издано постановление, запрещающее производство самовольных раскопок и продажу археологических находок [Пэй Вэнъчжун, 1961, с. 261].

Начавшийся этап характеризовался рядом важных моментов. В ходе детального и планомерного археологического изучения, которое охватило всю страну, большое внимание уделялось именно северо-восточным районам. Здесь не только велись работы на ранее открытых памятниках, но и осуществлялся поиск на необследованных территориях. Огромное значение приобрели разведки и спасательные работы в районах новостроек. Размах исследований требовал увеличения числа квалифицированных специалистов. Работы теперь велись исключительно силами китайских ученых. Был кардинально изменен подход к методике раскопок. В отличие от траншейного способа вскрытия культурного слоя, который был принят в японских экспедициях, теперь раскопки производились открытыми площадями, с полной отработкой обнаруженных комплексов (прежде всего, котлованов жилищ), если они попадали в шурфы и раскопы. Это привело к увеличению объема и качественному изменению получаемой информации. Изменения в методике были непосредственно связаны с тем, что свой опыт молодым китайским специалистам активно передавали русские археологи. Некоторые из них продолжали находиться в Харбине до начала 1960-х гг. [Жернаков, 1972, с. 12].

Хотя на данном этапе дунбэйские археологи ограничились в основном разведочными исследованиями, собранные ими материалы представляют большой интерес. Важную роль в становлении новой археологии в Китае играло «изучение передового советского опыта»: публикация переводов статей теоретического плана из журнала «Советская археология». Число археологических источников росло такими быстрыми темпами, что их едва успевали обрабатывать. Публикации выходили по большей части в виде предварительных сообщений в специальных журналах и других периодических изданиях. Однако в конце 1950 – первой половине 1960-х гг. политическая обстановка в стране замедлила развитие исторических наук. Отразилось это и на археологии. Сокращение масштабов полевых работ напрямую было связано с ухудшением экономической ситуации.

Вполне логично было то, что китайские археологи продолжили изучение археологического микрорайона в Чифэн [Ван Юйпин, 1955, 1956]. Вновь в Южной Маньчжурии работал Пэй Вэнъчжун, который вместе с Люй Цзуньэ осуществил раскопки в четырех пунктах

в Хуншань [Люй Цзунъэ, 1958]. Кроме неолитических слоёв, были изучены погребения в каменных ящиках и остатки жилища, которые ранее японские исследователи относили ко «второму периоду Чифэн», то есть к эпохе бронзы. Китайским археологам удалось определить, что данный период фактически неоднороден, содержит несколько стадий. Это позволило поставить вопрос о взаимосвязи между ними и культурой неолитического времени. Было высказано мнение о более раннем, нежели считали японские археологи, возрасте культуры эпохи бронзы. Подтверждением стало выделение в 1970-х гг. культуры *нижнего слоя сяцзядянь* [Синь Чжунго, 1984, с. 329].

В соседних районах бассейна р. Шара-Мурэн во второй половине 1950-х гг. провели ряд разведок, позволивших открыть новые неолитические местонахождения [Люй Цзунъэ, 1960; Ван Юйпин, 1956, 1957]. В 1957 г. археологи Внутренней Монголии осуществили поиск и обследование археологических памятников в аймаке Чжоуда [Ли Цю, 1959]. Как в дальнейшем признавались исследователи, именно с результатов этой рекогносировки начался новый этап в изучении так называемой «микролитической культуры Севера». Появилось понимание того, что это внутренне неоднородное археологическое явление, а под общим термином «микролитическая культура» на самом деле скрываются различные археологические культуры, имеющие внутреннюю хронологию и периодизацию [Сюй Гуанцзи, 1984, с. 176].

Можно предположить, что на эволюцию взглядов китайских археологов на «микролитическую культуру» оказала воздействие публикация переведенной на китайский язык статьи А. А. Формозова из журнала «Советская археология» [Формозов, 1959; Фоэрмопциофи, 1960].

Результатом критического рассмотрения концепции «микролитической культуры» можно считать открытие новой неолитической культуры в южной части Маньчжурии. Она получила наименование *фухэ* [Ли Цю, 1959; Сюй Гуанцзи, 1964].

В 1963 г. севернее Чифэна у деревни Сишуйцюань были проведены широкомасштабные работы*. В результате обнаружено многослойное поселение. Помимо неолитических жилищ, был выявлен слой палеометалла. Стала очевидной стратиграфическая последовательность археологических культур в бассейне р. Ляохэ и связи культуры *хунишань* с неолитическими памятниками типа *хоуган* северной части провинции Хэбэй [Лю Цзиньсян, Ян Гочжун, 1982].

Продолжались исследования на Ляодунском полуострове. В конце 1950-х гг. в окрестностях городов Цзиньчжоу и Люйшунь (Порт-Артур) были

открыты древние жилища-полуземлянки, предположительно неолитического возраста [Сюй Минган, 1959]. Активно изучались памятники с раковинными кучами на побережье южной части полуострова и на прилегающих островах архипелага Чанша [Сюй Минган, 1961].

Некоторые общие итоги, которые интересны и с точки зрения работы на юге Маньчжурии, подвели Инь Да [1955; 1963, с. 577–580] и Ань Чжиминь [1959, с. 23]. Критически подходя к достигнутым результатам, они признали недостаточным уровень подготовки исследовательского корпуса («многие работы производились недостаточно тщательно»), указали на отсутствие подробных публикаций о полученных материалах, считая охват работ в Северо-Восточном Китае неполным. Однако Инь Да подчеркнул, что удалось выявить существенные локальные различия в так называемых «микролитических изделиях». Для уточнения этих наблюдений, по его мнению, требовалось проведение раскопок большими площадями. Культура *хунишань* была названа им в числе примеров «скрещивания» культур Центральной равнины и районов севернее Великой стены [Инь Да, 1963, с. 579]. Впервые им были сформулированы и некоторые другие проблемы. Среди них проблема возможного распространения влияния неолитической культуры *лунишань* с Шаньдунского на Ляодунский полуостров, вопрос о характере воздействия степных «микролитических» культур Южной Маньчжурии на неолит центральной части Северо-Маньчжурской равнины [Инь Да, 1963, с. 580].

Общие итоги второго этапа исследования неолита Дунбэя в плане развития концепции неолита Северо-Востока в китайской археологии могут быть охарактеризованы следующим образом. В 1950-е – первой половине 1960-х гг. китайские археологи достигли значительных успехов в формировании корпуса источников по неолиту Южной Маньчжурии. Кроме того, ими были сделаны первые попытки обобщения и систематизации имевшихся материалов. К середине 1960-х гг. было открыто большое количество памятников, которые позволяли исследователям судить о своеобразных чертах культуры местного населения в неолитическую эпоху, о её месте среди древних культур Северной и Восточной Азии. Было отмечено сходство большинства памятников: преобладание каменных изделий микролитического облика, которые отсутствовали в неолитических комплексах на территории собственно Китая (культуры *янишо*, *лунишань*). Все памятники были объединены в так называемую «микролитическую культуру», внутри которой некоторые исследователи [Сюй Гуанцзи, 1964] увидели существенные различия. На следующем этапе они послужили основой для выделения серии неолитических культур.

*Результаты исследований первой половины 1960-х гг. были введены в научный оборот только в 1970–1980-х гг.

С другой стороны, китайские археологи вслед за западными и японскими предшественниками обратили внимание, что в тех коллекциях, где отсутствовали «микролитические» орудия, есть много шлифованных изделий, а также плит и курантов зернотёрок, которые однозначно связывали с земледелием. Эти находки характерны для широкой зоны, которая охватывает с северо-запада до северо-востока районы земледельческого неолита. При получении массового материала стало ясно, что полоса распространения подобных памятников не ограничивается лёссовыми районами Внутреннего Китая, а уходит далеко на север. Специализированные орудия для обработки сельскохозяйственных продуктов и продуктов сбирательства обычно сопровождали крашеная керамика.

Таким образом, на общем культурном фоне отчётливо выделялись области со своими особенностями, однако материалов для уточнения временных и пространственных границ отдельных культур было недостаточно [Инь Да, 1963, с. 579].

Открытым оставался вопрос о хронологических рамках неолита в Дунбэе. В регионе граница между палеолитом и неолитом была настолько трудно различима, что это позволило сделать диаметрально противоположные заключения о характере обнаруженных каменных артефактов. С другой стороны, при существовавшем в начале 1960-х гг. уровне теоретического развития китайской археологии и недостаточной изученности многих территорий невозможно было установить, какие культуры сменили поздний неолит. В решении этого вопроса предпринимались только первые шаги [Ань Чжиминь, 1957, с. 47; Васильев, 1959].

Достижения археологов в северных районах Китая были замечены и западными исследователями. Ч. Чард, основываясь на новейших (на тот момент) данных о раннем, нежели считалось, времени появления керамики, высказал предположение, что корни раннего неолита Китая тоже будут передвинуты к концу плейстоцена. Это было тем более важно, что до начала широкого использования методов абсолютного датирования именно китайский неолит был для западных археологов отправной точкой при определении хронологии неолитического периода в Приамурье, Приморье и Корее. Весьма существенным представляется вывод американского исследователя о том, что Дальний Восток был особым миром, который существенно отличался от сибирского [Чард, 1967, с. 95–97].

Китайская археология приобрела прочную базу для дальнейших исследований, для решения тех проблем неолитоведения, которые выкристаллизовались при самостоятельном изучении северо-востока Китая с накоплением нового массового материала. Однако

поступательное развитие было прервано в 1966 г., когда началась «великая культурная пролетарская революция». Полевые исследования в стране были полностью прекращены.

Третий этап изучения археологии Маньчжурии начался с развертыванием исследований в районах, граничащих с Советским Союзом. С 1972 г. возобновилось издание центральных журналов «Каогу» и «Вэнъу». Конъюнктурные соображения чисто политического свойства, далёкие от истинной науки, тем не менее, дали толчок археологическим исследованиям на северо-востоке страны. Повысились требования к подготовке кадров, а как следствие, стал выше профессиональный уровень полевых и лабораторных работ китайских археологов. Активно внедрялся радиоуглеродный метод абсолютного датирования археологических памятников [Кучера, 1977, с. 148–156; 1981; Тун Чжучэнь, 1979].

Одним из серьёзных достижений стало осознание необходимости выделения в когда-то выглядевшей монолитной «микролитической культуре» более мелких культурных систем. Одним из первых, кто вернулся к этому вопросу, был Ань Чжиминь. Он и ранее был инициатором дискуссии. В 1978 г. увидела свет его статья о мезолитических памятниках вблизи г. Хайлар (крайний северо-восток Дунбэя). В обширном заключении к публикации новых материалов он обратился к проблеме генезиса и различных традиций в развитии техники изготовления микролитических орудий [Ань Чжиминь, 1978]. Говоря о необходимости самого термина, он предлагает называть их «микроорудиями». Они не могли быть культуроопределяющим фактором, как считалось ранее. Неверно, с точки зрения Ань Чжиминя, отождествлять «культуры микролитических орудий» с племенами кочевых скотоводов. Используя значительный материал из различных районов Западного и Северного Китая, он показал, что «микролитическая культура» включает памятники разных культур и эпох. Причём, существуют различия и между одновременными культурами смежных территорий. Независимо от наличия взаимовлияний и возможной общей основы, по его мнению, нельзя говорить о единой «микролитической культуре». Ань Чжиминь пришёл к выводу о необходимости отказаться от употребления этого термина. Данная точка зрения стала общепринятой. Но в обиходной практике термин *микролиты* (то есть мелкие ретушированные каменные изделия) продолжает использоваться [Ань Чжиминь, 2000].

В настоящее время китайскими археологами на территории южной части Северо-Восточного Китая ведутся полномасштабные исследования. Можно сказать, что период активного экстенсивного накопления новых фактов сменился углубленным изучением базовых памятников. Применяется метод сплошного

вскрытия площадей. Для решения археологических задач привлекаются достижения естественных наук. Новая методика привела к закономерному росту интереса к проблемам планиграфии поселенческих и погребально-храмовых комплексов. Больше внимания уделяется изучению типологии керамики и других артефактов. Есть работы, посвященные семантике отдельных предметов и комплексов с точки зрения изучения проблем духовной культуры.

В китайской историографии появилась тенденция выделения «пяти центров происхождения цивилизации» (имеется в виду процесс неолитизации на территории Китая). В качестве особого района исследователи выделяют северо-восток страны, прежде всего, обозначая культуры юга Маньчжурии [Чжан Чжихэн, 1988, с. 28–30]. Благодаря внедрению новых подходов и методик, а также фактическому отказу от априорных заявлений о «превосходстве» культур бассейна р. Хуанхэ, в последние десятилетия в Южной Маньчжурии выделен целый ряд неолитических культур, установлены их относительные и абсолютные даты, исследуются связи между различными культурными областями, поставлен вопрос о возникновении культур эпохи раннего металла на местной неолитической основе. Характерной чертой современных исследований китайских археологов, в том числе работающих в Южной Маньчжурии (хотя здесь можем отметить некоторое отставание), является довольно оперативная публикация максимально полных отчетов о полевых исследованиях. Это позволяет получать адекватную информацию об археологических памятниках. Китайская археология становится всё более открытой для зарубежных коллег, что делает перспективным и возможным плодотворное сотрудничество.

2.2. Изучение проблематики неолита юга Маньчжурии российскими археологами

Вклад российских исследователей в разработку частных и общих проблем археологии Восточной Азии бесспорен. В равной степени этот тезис относится к археологии неолита Северо-Восточного Китая.

Публикации археологических материалов в китайской археологической периодике 1950-х гг. привлекли пристальное внимание сибирских и дальневосточных исследователей. По мере возможности, они старались быть в курсе новинок китайской археологии*. Китайские материалы привлекались при изучении общих для неолитоведения Дальнего Востока научных проблем, включая проблемы взаимодействия культур Центральной китайской равнины и таёжной периферии, а также происхождения

производящего хозяйства у древнего населения. Следование за сложившимися представлениями, склонность к неоправданно широким аналогиям, некритический подход к письменным источникам и выводам китайских историков подчас приводили к преувеличению роли китайского влияния на «застенные» территории. В определённой степени это была «болезнь роста» молодой дальневосточной археологии, которая ещё сама не обладала необходимой источниковой базой.

Начало 1960-х гг. стало временем особого интереса к археологическим находкам из Северо-Восточного Китая, к выяснению роли древнейших собственно китайских культур, возможностей обратного направления культурных влияний. В решающей степени это было связано с появлением на рубеже 1950–1960 гг. первых работ В. Е. Ларичева [1959а-б, 1960б-в], аспиранта ЛО ИИМК, подготовившего в 1960 г. под руководством А. П. Окладникова кандидатскую диссертацию, посвященную каменному и бронзовому веку Дунбэя [Ларичев, 1960а]. В его статьях были впервые введены в научный оборот советской археологии и проанализированы результаты работ в Маньчжурии японских и китайских археологов первой половины XX столетия. Заслуга В. Е. Ларичева состоит в том, что он использовал материалы неолита Северо-Восточного Китая в общем контексте нового этапа изучения археологии Дальнего Востока, который фактически начался с экспедиций А. П. Окладникова в Приморье и Приамурье. Анализ богатой коллекции Волковых из Ананси, а также изучение уже опубликованных материалов из других районов Северо-Восточного Китая позволили В. Е. Ларичеву выделить несколько вариантов (или культурных областей) в дунбэйском неолите, подчеркнуть своеобразие неолитических памятников южной части Маньчжурии [Ларичев, 1960в]. Ранее наличие отдельных элементов культуры, которые позволяли говорить о локальном своеобразии районов Дунбэя, отмечали Р. Тории, П. Тейяр де Шарден, Пэй Вэнъчжун и Ань Чжиминь. Две большие культурные области – южную и северную – выделил Лян Сыон. В. Е. Ларичев указал на неадекватность выделения предшественниками локальных *вариантов*. Ошибка заключалась в том, что сравнению подвергались либо разновременные памятники, либо всё своеобразие сводилось к элементам заимствования. При этом всегда подчёркивалось однообразие, монолитность характера «микролитической культуры», анализу концепции которой и вопросу о «микролитическом» характере неолитических культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбэя была посвящена отдельная статья исследователя [Ларичев, 1960б].

*Архив ДВО РАН, ф. 1, оп. 6, № 13, л. 5.

В. Е. Ларичев предложил разделить неолитические памятники Северо-Восточного Китая на четыре локальные группы (зоны) [1959б, с. 59–61].

В первую группу он включил неолит горных областей южнее р. Ляохэ, возвышеностей Жэхэ и провинции Ляонин. Наиболее значительными памятниками здесь являлись Чифэн (Хуншань), Шаготунь, Линьси (Гочэнцзишань). Для них было характерно широкое распространение крашеной керамики и шлифованных орудий.

Вторая культурная зона охватывает западные степные районы и составляет единое целое с пустынями и полупустынями Внутренней Монголии, Ордоша и северо-западного Ганьсу. Для неё характерно господство в каменной индустрии оббитых орудий.

Третья зона представлена в северной части Маньчжурии такими яркими памятниками, как Аньянси и ряд поселений на реках Нонни и Сунгари. Её особенностями являются наконечники стрел со специфической стелющейся ретушью на острие, плечиковые проколки, оригинальные костяные гарпуны, близкие к забайкальскому неолиту.

Четвёртая зона связана с низовьями Сунгари и пограничной с российским Дальним Востоком областью. Этот район в тот момент был наименее изучен в количественном и качественном отношениях (пещера Вокэнхада, памятники на берегах оз. Цзыньпоху). Думается, выделение этой группы наряду с другими, более изученными, было из области научного предвидения. По мнению В. Е. Ларичева, эта группа памятников примыкала к континентальной культуре Приморья и неолиту Нижнего Амура, изучение которых тогда находилось на начальном этапе.

Говоря о неолите Дунбэя, В. Е. Ларичев основной его чертой назвал «мозаичность, наличие многих своеобразно переработанных элементов соседних культур», что обусловлено тем промежуточным положением, которое занимает территория Маньчжурии в пределах Северо-Восточной Азии [Ларичев, 1960а].

Важным вкладом В. Е. Ларичева в понимание неолита Маньчжурии являлось выделение из общей массы тех материалов, которые китайские археологи также причисляли к неолитическим, но они принадлежали к эпохе раннего металла. Это была необходимая исследовательская процедура, которую китайские коллеги смогли применить на дунбэйских памятниках только в 1980-е гг.

Работы В. Е. Ларичева послужили почвой, на которой в последующие два с половиной десятилетия формировались представления археологов нашей страны о неолите Северо-Восточного Китая. На материалах, введенных им в научный оборот, формулировались гипотезы об общих и частных проблемах развития неолита Дальнего Востока в части его связей с культурами сопредельных маньчжурских территорий. На

решение одной из таких проблем была направлена гипотеза А. П. Окладникова (в дальнейшем к её разработке подключился Д. Л. Бродянский) о происхождении земледелия на Дальнем Востоке (о многолетней дискуссии по этому вопросу см. гл. 4).

Публикации о цицикарских (из района Аньянси) коллекциях российских археологов позволили А. П. Деревянко использовать представленные в них материалы при анализе связей новопетровской культуры Среднего Амура [Деревянко, 1970, с. 200–202]. Сходство инвентаря новопетровской культуры и неолитической части комплексов Аньянси А. П. Деревянко объясняет «прямой инфильтрацией неолитических культур Среднего Амура или закономерным развитием более древних культур южной части Дальнего Востока и сопредельных территорий» [1970, с. 201]. А. П. Деревянко обратил особое внимание на аналоги новопетровскому неолитическому комплексу в коллекциях с группами памятников в Линьси из юго-восточной части Внутренней Монголии (т. е. из районов Южной Маньчжурии). Объединяющим моментом для них являлись призматический принцип скальвания и характер вторичной обработки ножевидных пластин [Деревянко, 1970, с. 202].

В середине 1970-х гг. наметилась новая волна интереса к археологии Северо-Восточного Китая. Она была непосредственно связана с вновь начавшейся в Китае публикацией археологических материалов. Результатам археологических исследований в приграничных областях придавалось особое значение как источнику «исторических аргументов» в полемике с советским руководством. Поэтому и в СССР первые после продолжительного перерыва данные о новых открытиях в маньчжурском неолите появились в публикациях такого же предельно идеологизированного рода. Подобным образом были охарактеризованы, например, интересные материалы из Сяонаньшань на китайском берегу р. Уссури [Бродянский, 1973]. Д. Л. Бродянский датировал их в пределах II тыс. до н. э. и отнёс к неолиту и бронзовому веку. Он же впервые употребил термин «уссурийско-амурская археологическая провинция». Идея введения такой таксономической категории, как «максимальная археологическая общность», была неоднократно повторена в ряде работ Д. Л. Бродянского под другими названиями – «приамурско-маньчжурская», «приамурско-маньчжурско-корейская» [Бродянский, 1975, с. 185].

Некоторые артефакты, которые должны были подтверждать предложенную гипотезу, таковую роль играть не могли. В частности, несостоятельным являлось датирование каменных колец из Сяонаньшань эпохой бронзы на основании лишь того факта, что их аналоги имеются в поздних слоях Синего Гая. К тому времени, однако, уже было известно, что подобный тип колец

(как каменных, так и глиняных) появился на Дальнем Востоке еще в неолите [Окладников, 1972, с. 13–14, 20, 27, рис. 5]. Материал с некоторых маньчжурских памятников, использованный Д. Л. Бродянским, при более внимательном изучении оказался не неолитическим, а позднесредневековым или даже относящимся к этнографической современности (Сяоцзягучжэн, Чжэнъбаодао*). На это указывают характерные глиняные грузила нанайского типа, встречающиеся как на Нижнем Амуре, так и в Приморье. В дальнейшем Д. Л. Бродянский не представил дополнительных обоснований идеи о необходимости выделения на материалах названного им чрезвычайно обширного географического ареала столь высокой таксономической категории, как «археологическая провинция». Термин, однако, продолжает существовать, хотя конкретное его содержание весьма расплывчато. На конкретном археологическом материале, как нам представляется, гипотеза Д. Л. Бродянского не работает.

В целом же интерес к археологии Северо-Восточного Китая в 1970-е гг. не привёл к увеличению корпуса конкретных материалов по неолиту Южной Маньчжурии, использовавшихся в дальневосточной археологии. В значительной степени это было связано с отсутствием свободного доступа советских ученых к китайской археологической литературе, помещавшейся в спецхранах библиотек. Сыграл определенную роль и языковой фактор. К сожалению, не оправдала надежд сибирских и дальневосточных археологов специальная книга об археологических исследованиях в Китае в 1965–1974 гг. [Кучера, 1977]. В значительном по объёму и интереснейшем по содержанию томе С. Р. Кучера описаны находки лишь с нескольких неолитических памятников Северо-Восточного Китая, но не по новым, а по уже хорошо известным материалам, опубликованным еще на первом этапе изучения археологии данного региона [1977, с. 17–24, 53–55]. Перед автором стояла задача дать общий обзор достижений китайской археологии на том этапе, когда информация о них была практически недоступна советским исследователям. Эта задача была выполнена. Однако, став ярким событием советского китаеведения, книга не оказала воздействия на формирование современных представлений об археологии территорий, сопредельных Приморью и Приамурью. К сожалению, совершило неожиданным образом из подготовленного С. Р. Кучерой раздела по неолиту Китая в обобщающем труде «Археология Зарубежной Азии» полностью выпала территория Маньчжурии [1986, с. 282–303].

В начале восьмидесятых годов XX в. необходимость привлечения китайских материалов для разработки проблем археологии Дальнего Востока (в том числе и неолита) стала предельно очевидной.

*Китайское наименование о. Даманский на р. Уссури.

С пониманием этого было связано начало новой программы исследований неолита и палеометалла Северо-Восточного Китая. К работе приступили ученые Сектора истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФФ СОАН СССР (затем – ИАЭт СО РАН) под руководством В. Е. Ларичева. С конца 1980-х гг. постепенно стали налаживаться связи с археологическими центрами провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин и Институтом археологии в Пекине. Наша работа началась с переводов наиболее существенных публикаций по археологии Маньчжурии. Некоторые из этих источников были предоставлены для работы дальневосточным коллегам, что позволило расширить анализ неолитических материалов (см., например [Неолит юга..., 1991, с. 194–204]). Отдельные сведения о неолите Маньчжурии имеются в книге Д. Л. Бродянского [1987, с. 117–121], содержащей досадные неточности, которые, к сожалению, транслировались в работах других исследователей.

Информация о неолитических культурах Южной Маньчжурии эффективно привлекалась российскими исследователями при разработке общих проблем археологии и древней истории региона Дальнего Востока и в целом Восточной Азии [Типы традиционных..., 1979, с. 125; Деревянко Е. И., 1991, с. 47–48].

В конце 1980-х гг. закончил основную работу по сбору и переводу материалов по археологии палеолита Китая С. Р. Кучера. В книге, увидевшей свет в середине 1990-х гг., представлен большой фактический материал, включая данные по верхнему палеолиту северных районов Китая, которые имеют непосредственное отношение к проблеме происхождения неолитических культур Маньчжурии. В частности, С. Р. Кучера (вслед за В. Е. Ларичевым [1990]) отметил наличие в китайской археологии представлений о двух линиях развития китайского палеолита [Кучера, 1996, с. 188–192]. Гипотеза, принадлежащая Цзя Ланьпо [Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ю Юйчжоу, 1972; Янь Вэньмин, 1987, с. 40], заключается в предположении существования двух линий развития палеолитических культур. Первая из них является традицией изготовления массивных рубящих орудий на отщепах (известна по характерному местонахождению Динцунь), вторая – традицией изготовления мелких каменных орудий («микролитов»). Китайские исследователи особо отмечают, что под микролитическими изделиями они понимают предметы мелких размеров, а не микролиты классического типа [Чжан Чжихэн, 1984, с. 87]. Именно последняя традиция выдвигается на роль предшественника северокитайских неолитических культур.

Следует отметить, что памятники первой традиции сконцентрированы в провинциях Шаньси, Шэньси и Хэнань. Ареал распространения памятников второй

традиции включает северные районы провинций Шаньси и Шэньси, а также, что для нас особенно важно, охватывает северные районы Хэбэя и южную часть Маньчжурии. Самым богатым микролитическим комплексом на севере Китая является Сячуань. Считается, что открытие этого памятника явилось переломным моментом в изучении переходного этапа от палеолита к новокаменному веку [Кучера, 1996, с. 233–250]. Впрочем, к позднему палеолиту произошло взаимопроникновение традиций на контактные территории, что не привело к их контаминации [Янь Вэймин, 1987; Кучера, 1996, с. 191].

Позднепалеолитические материалы из Китая не только были представлены научной общественности в обзорных работах российских археологов, но и широко использовались в исследованиях аналитического характера, посвящённых проблемам верхнего палеолита и переходного к неолиту периода [Ларичев, 1976, 1981, 1990; Деревянко, Волков, Ли Хонджен, 1998, с. 80–82]. Представляется очевидным, что обширные, опубликованные в десятках работ материалы пластинчатых индустрий северокитайских памятников Сячуань, Сюэгуйань и Хутуоян при дальнейшем анализе могут дать дополнительную информацию для изучения технологии расщепления переходного периода не только на территории Северного и Северо-Восточного Китая, но и Забайкалья, Приморья и Приамурья.

Из работ российских исследователей, посвященных конкретным вопросам изучения неолита Южной Маньчжурии, мы можем назвать лишь две. Первая из них посвящена изображению реальных и одного фантастического животного на керамическом сосуде с поселения Сяошань культуры чжасобаогу [Варёнов, 1989]. Соглашаясь с выводом китайских коллег о неолитическом возрасте этого памятника, А. В. Варёнов привел весьма отдалённые в культурном и хронологическом плане аналоги данному изображению, в числе которых есть и пазырыкские. Хотя сосуд и его орнаментация со всей очевидностью принадлежат культуре чжасобаогу, автор гипотезы о «древнейшем изображении в скифо-сибирском стиле» допускает, что сосуд мог попасть в котлован неолитического жилища позднее [Варёнов, 1989, с. 117].

В 1998 г. было опубликовано описание замечательного культового комплекса (святилище и могильник) культуры хуншань в Нюхэлян [Афремов, 1998]. Его автор подробно охарактеризовал планиграфические особенности местонахождений комплекса, конструкцию его архитектурных объектов и находки, сделанные при раскопках 1984–1985 гг. Отдельно от «предметов культа» была описана технология производства и иконография глиняной антропоморфной и зооморфной скульптуры. К предметам культа исследователь обоснованно отнёс керамические сосуды,

которые могли быть использованы при совершении жертвоприношений. О том, что такие действия совершились в Нюхэлян, по мнению автора статьи, говорят и находки костей барана в одной из зольных ям. Ссылаясь на данные китайских исследователей, П. Я. Афремов считает, что захоронения в Нюхэлян принадлежат не рядовым членам общины, а лицам с высоким социальным статусом, возможно, служителям культа. Весьма, на наш взгляд, продуктивной является мысль автора статьи о том, что удалённость комплекса от поселений свидетельствует о возможном существовании некоего союза общин, надобщинная организация которого была материально воплощена святилищем Нюхэлян, где отправлялся кульп предков. Однако автор высказался против мнения китайских исследователей Сунь Шоудао и Го Дацуня о том, что этот кульп связан с женским предком [Афремов, 1998, с. 29]. Основной составляющей хуншаньского культа российский исследователь считает аграрный кульп с обрядами плодородия и анимистическими образами [Там же, с. 30].

Завершая обзор исследований российских специалистов по археологии Дальнего Востока, связанных с южноманьчжурской проблематикой, следует упомянуть работы И. Я. Шевкомуда и Л. И. Мыльниковой. В них нашел подтверждение тезис об ощущимом влиянии неолита Маньчжурии на племена Нижнего Амура, что обусловило гибридный характер вознесеновской культуры [Шевкомуд, 1994, с. 13; 1999, с. 18; Мыльникова, 1999, с. 79].

Таким образом, история изучения неолита Южной Маньчжурии может быть разделена на три этапа.

1. Первый этап – конец XIX – середина XX в. Содержание его составили работы рекогносцировочного характера, производимые японскими и западными исследователями. Зона археологических исследований русских археологов находилась в северной части Маньчжурии. Маньчжурия стала полигоном профессиональной подготовки первых китайских археологов новейшего времени. К началу второй половины XX века в исследованиях неолита региона был пройден путь от понимания того факта, что и данный район Китая не миновал в историческом развитии этап новокаменного века, до накопления первых неолитических коллекций и картографирования обнаруженных памятников. На этом этапе не удалось разграничить материалы неолитического времени и эпохи ранних металлов.

2. Второй этап – это короткое время становления собственно китайских исследований археологии Маньчжурии непосредственно после образования КНР. Китайские археологи произвели своеобразную инвентаризацию того, что было сделано предшественниками. В ходе разведочных экспедиций планомерно отрабатывались речные системы региона, уточнялись

места нахождения ранее открытых памятников. Произошли существенные изменения в методике полевого исследования археологических памятников. Это привело к увеличению объёма и качественному изменению получаемой информации. Были сделаны первые шаги к выделению неолитических культур. Данный этап был насильственно прерван в связи с усложнившейся политической и экономической обстановкой в Китае в 1960-е гг.

3. Третий (современный) этап начался в середине 1970-х гг. Он характеризуется упрочением современных методик полевого и лабораторного изучения археологических материалов, активным использованием методов естественных наук. Идет процесс выделения археологических культур, проводится работа по разработке хронологии неолита, по определению региональных и локальных особенностей неолита Южной Маньчжурии, контактов и взаимовлияний культур. Увеличивается число аналитических исследований, в центре внимания которых – проблемы культурогенеза, происхождения производящей экономики, строительных технологий и организации поселенческих и культовых комплексов, автохтонного происхождения культур раннего металла.

С завершением второго этапа совпало возникновение деятельного интереса сибирских и дальневосточных археологов к результатам изучения неолита Южной Маньчжурии. Он был напрямую связан с началом активных и планомерных археологических исследований на Дальнем Востоке России, с презентацией первых схем хроностратиграфии неолита Приамурья и Приморья.

Сегодня учёт данных по неолиту Северо-Восточного Китая настоятельно необходим при корректировке наших представлений о неолите Северо-Восточной Азии. Для этого потребуется большая информированность о современном уровне изученности конкретных культур. В этом у российских археологов существует значительный резерв, основанный на богатых традициях сотрудничества археологии и китаеведения.

Неолит Северо-Восточного Китая, при всей его локальной самобытности, невозможно рассматривать изолированно. Его культуры органично включены в общие для данной и сопредельных территорий линии исторического развития. Растёт интерес археологов Сибири и Дальнего Востока к дунбэйским древностям и встречный интерес к результатам исследований на территориях восточных районов России у китайских коллег.

ГЛАВА 3

Неолитические комплексы Южной Маньчжурии

3.1. Неолит континентальной части региона

Представлен культурами *синлунва*, *чжаобаогу*, *хунишань*, *фухэ*, *синъэ* и *пяньбу*.

3.1.1. Культура *синлунва*

Памятники этой культуры открывают эпоху неолита в Южной Маньчжурии [Ян Ху, Чжу Яньпин, 1985; Дун Вэньи, Хань Жэньсинь, 1987; Ли Линь, 1992; Мяо Жуньхуа, 1992; Го Чжичжун, 1993; Го Чжичжун, Со Сюфэнь 1993; Го Чжичжун, 1994; Дянь Цунь, Синь Янь, 1994; Ян Ху, 1997, с. 12; Ян Ху, Лю Госян, 1997a]*.

Ареалом культуры *синлунва* является бассейн рек Силяохэ (Шара-Мурэн) и Далинхэ. Здесь китайскими археологами открыт ряд памятников, среди которых наиболее изучены поселения Синлунва (давшее имя культуре), Чахай, Байньчанган и Наньтайцзы. Южная граница распространения данной культуры – отроги гор Яньшань в бассейне реки Луаньхэ провинции Хэбэй [Ма Цинпэн, 1998]. *Синлунва* относится к числу наиболее ранних неолитических культур Восточной Азии. Большинство имеющихся радиоуглеродных дат укладывается в промежутке с последней трети VII тыс. до рубежа VI–V тыс. до н. э. [Радиоуглеродная хронология..., 1998, с. 34]. Памятники этой культуры существовали на границе степных долин и облесённых гор. Синлунвасцы занимались собирательством (значительную долю их рациона могли составлять плоды маньчжурского ореха), охотой и рыболовством [Кун Чжаочэнь, Ду Найцю, 1985]. Есть свидетельства о начале перехода к раннеземледельческому хозяйству, однако подтверждение этого потребует дополнительных усилий исследователей.

*Личное участие в раскопках памятника Байньчанган (1991 г.) и любезное разрешение профессора Ян Ху из Института археологии АОН КНР познакомиться с частью находок из раскопок поселения Синлунва (1994 г.) позволили получить достаточно полное представление о коллекции и характере культуры.

Наиболее полно изучен эпонимный памятник Синлунва, который расположен на правом берегу р. Маннюхэ – притока р. Далинхэ ($120^{\circ} 45'$ с. ш., $42^{\circ} 25'$ в. д.), у деревни Баоготу в хошуне Аохань автономного района Внутренняя Монголия. К середине 1990-х гг. там проведено семь сезонов полевых работ (1983–1986, 1992–1994 гг.). Результаты пяти из них опубликованы. Исследования ведутся методом вскрытия открытых площадей, что характерно для современной китайской археологии поселений. Всего изучено около 30 тыс. м².

Поселенческие комплексы *синлунва* характеризуются довольно большим количеством жилищ: Синлунва – около 170, Чахай – 55, Байньчанган – 35 (изучено около 80 % площади памятника [Го Чжичжун, 1994, с. 168]), Наньтайцзы – 33. Структура поселений и типология жилищ культуры всесторонне рассмотрена Лю Госяном [2001a].

Наряду с жилыми комплексами на поселении Синлунва зафиксировано более двухсот ям хозяйственного назначения и около трёх десятков погребений, в основном располагавшихся внутри жилищ. Сооружение вокруг поселения рвов тоже является характерной особенностью культуры *синлунва*. К настоящему времени в Синлунва полностью изучено пространство внутри защитного рва. Установлено, что время его сооружения относится к первому этапу существования памятника. На большей части площади поселения отмечено существование одного культурного слоя. Только на юго-западном участке есть нарушения, связанные с формированием слоя культуры *нижнего слоя сяцзядянь* эпохи ранней бронзы. Наблюдения над стратиграфией и планиграфией памятника, анализ керамического материала позволили китайским археологам выделить три периода функционирования поселения, существовавшего непрерывно длительное время.

Начальный период характеризуется строительством сравнительно крупных жилищ площадью 50–80 м², которые располагались одиннадцатью – двенадцатью рядами, ориентированными строго по линии СЗ–ЮВ. В центре поселения находились два жилища, каждое площадью около 140 м². Всё жилое пространство посёлка было окружено овальным в

плане рвом. По длинной оси его размер составляет 183 м, а в поперечнике – 166 м [Цуй Сюань, 1987, с. 66]. О полной глубине и профиле рва судить по имеющимся данным не представляется возможным, так как памятник был распахан, и поверхность по-гребённой почвы, с которой производилось извлечение грунта из котлованов жилищ и из траншеи рва, уничтожена. Однако сохранившаяся часть рва представляет картину, аналогичную той, что наблюдалась при шурфовке рва вокруг поселения Байиньчанган (рис. 6). Полученные тогда сведения свидетельствуют в пользу не столько фортификационной, сколько дренажной и, возможно, сакральной функций. Впрочем, китайские исследователи этот вопрос в последнем ракурсе не обсуждают, считая ров фортификационным и дренажным сооружением.

Второй период существования посёлка был, вероятно, связан с необходимостью увеличения и обновления жилищ в рамках первоначальной застройки. Некоторые котлованы новых, меньших по площади ($30-50 \text{ м}^2$), жилищ выкопаны в центральной части старых построек. Заданная ориентация относительно сторон света в этом случае не менялась.

Заключительный период функционирования поселения отмечен выходом застройки за пределы ограничительного рва в северо-западном секторе его периметра (что лишний раз подчёркивает ничтожность фортификационных качеств), а также окончательным нарушением линейного принципа организации поселения. Размеры жилищ ещё более уменьшились, а площадь составила $15-30 \text{ м}^2$. Большинство новых построек обустраивалось за пределами старой границы посёлка. Можно предположить, что на этом этапе ров потерял своё значение и постепенно был затянут грунтом. Это видно, в частности, из того, что котлованы отдельных новых жилищ прорезают в некоторых местах линию рва. Заметим также, что на этой части памятника культурный слой *синлунва* перекрыт слоем культуры *хуншань*.

Жилища культуры *синлунва* имеют котлован квадратной формы. Поверхность пола ровная, с известковой обмазкой, которая, будучи в процессе раскопок освобождена от отложений, имеет залощёную поверхность и характерный тусклый блеск. Очаг находился в центре. Особенностью поселения Синлунва являются очаги в виде мелкой блюдцевидной ямки. На других памятниках этой культуры (например, в Байиньчанган) очаги имели квадратную форму и сооружались из поставленных на ребро тонких каменных плиток. Несущая конструкция жилищ каркасно-столбового типа. В особо крупных постройках (например, в жилище 171 поселения Синлунва) обнаружены два ряда столбовых ямок, образующие своеобразную галерею. Боковые стенки котлованов нередко подвергались обжигу для достижения большей прочности. В Байинь-

чанган жилища имели открытый на северо-восток вход-тамбур длиной около 1,5 м (рис. 7).

Особый интерес вызывает та часть жилищ поселений *синлунва*, внутри которых обнаружены погребения [Ян Ху, Лю Госян, 1997б]. До настоящего времени собственно могильники этой культуры не обнаружены. В Синлунва насчитывается более 30 погребений на 170 жилищ, в Чахай – 5 погребений на 55 жилищ. В Байиньчанган и Наньтайцы следы этого обряда до сих пор не найдены. Стратиграфические наблюдения в ряде случаев свидетельствуют о том, что осуществление захоронения в жилище не приводило к прекращению его функционирования. На это, как правило, указывает восстановленная полностью обмазка поверхности пола жилища над погребением. В таком случае могильную яму можно было выявить по небольшому пятну просадки почвы. Однако отмечена и ситуация, когда нарушенная целостность обмазки пола не восстанавливалась. Возможно, в каких-то случаях захоронение в жилище могло маркировать прекращение его использования, хотя возможны и другие объяснения. Например, пол не ремонтировался, а помещение оставалось жилым.

Обычно могильная яма представляла собой прямоугольное углубление с вертикальными стенками и ровным дном в полу котлована жилища. В Синлунва таково *погребение 117* в жилище 176 (рис. 5). Длина могильной ямы составляет около 2 м, ширина 0,5–0,9 м, глубина около 0,5 м. Погребения детей имеют ямы меньших размеров [Дянь Цунь, Синь Янь, 1994, с. 8]. Встречается три варианта расположения ямы: у северо-восточной стены котлована в средней её части (наиболее распространён на поселении Синлунва), у юго-восточной стены, у северо-западной стены. Соответственно различается ориентация погребённого: в первом случае – головой на северо-запад, в остальных – на северо-восток.

Наиболее примечательно *погребение 118* на поселении Синлунва. Оно впущено в жилище 180. Могильная яма сооружена у северо-восточной стены постройки, котлован которой был помещён в центр более крупного раннего жилища 220 (рис. 4, 1). К сожалению, в докладе о раскопках отсутствовал его план, а качество фотографии не позволяет сделать адекватную прорисовку. Однако с помощью подробного описания в тексте удалось выяснить, что размеры ямы составляли $2,5 \times 0,97 \text{ м}$, глубина 0,83 м. В могиле находился скелет мужчины (рост 1,82 м). Положение тела – вытянутое на спине. Обе ладони расположены под костями таза. Правая половина могильной ямы занята двумя вытянутыми по одной линии скелетами свиней, которые были уложены на спину с запрокинутой головой. Скелет животного, расположенный на уровне верхней части тела погребённого человека, принадлежал женской особи. Мужская особь лежала

так, что её череп помещался между нижними конечностями самки. Обращает на себя внимание факт обнаружения в заполнении могильной ямы и на её дне более 700 микропластин. Среди инвентаря большое количество украшений из кости и клыков кабана, керамический сосуд, обоймы вкладышевых гарпунов. Особый интерес представляют нефритовые кольца с разъёмом (рис. 11, 1–2). Подобные изделия встречены также на поселении Чахай [Дянь Цунь, Синь Янь, 1994, с. 13].

Следует иметь в виду, что в Синлуунва, кроме того, известны два грунтовых погребения за пределами охранительного рва. Они расположены западнее посёлка и относятся к первому периоду его существования. Возможно, имеются и другие. Учитывая соотношение количества раскопанных жилищ и числа могил в них, отсутствие захоронений в межжилищном пространстве, становится очевидным, что большая часть погребений должна была находиться вне границ поселения. За границей поселения Чахай ($121^{\circ} 36' \text{ с. ш.}, 42^{\circ} 25' \text{ в. д.}$) погребения не найдены, однако в центральной части посёлка обнаружена каменная кладка (изображающая, по мнению китайских исследователей, дракона), с южной стороны которой вскрыты 9 погребений. Таким образом, некоторые умершие в культуре *синлуунва* погребались в жилищах, которые и после проведения погребального обряда могли функционировать в качестве жилого комплекса. Известно единственное погребение ребёнка в одном из жилищ поселения Чахай. В ряде случаев обряд погребения характеризуются отсутствием сопроводительного инвентаря.

Культура *синлуунва* имеет развитый керамический комплекс, представленный в основном крупными плоскодонными сосудами усечённо-конических форм, расширяющимися к отверстию, иногда с намеченной шейкой (рис. 8). Для изготовления керамической тары использовалась формовочная масса с добавлением песчаного отощителя. Замечено, что при изготовлении сосудов крупных размеров использовался крупнозернистый песок, а для изделий меньших размеров – мелкозернистый. Обжиг не очень высокого качества, низкотемпературный. Как результат – большая пятнистость в окраске поверхности сосудов и рыхлый черепок. Керамика толстостенная; особенно велика толщина донышка – до 2 см. Внутренняя поверхность подвергалась тщательному лощению. Практически все изделия орнаментированы. В большинстве случаев орнамент покрывает тулово изделия полностью. Использованы в основном штамп, резные линии и налеп (рис. 9). Под срезом венчика обязательно размещаются вдавленные линии либо налепные валики. Основная орнаментальная полоса может состоять из комбинаций горизонтально расположенных линий зигзага, оттисков гребенчатого штампа, резных

линий, организованных в узоры «ёлочкой» и сетку. В ряде случаев придонная часть украшалась особой полосой орнамента, отличного от узора, нанесённого на тулово. Интересно, что на памятниках культуры *синлуунва* (северохэбэйская часть ареала) встречаются каменные сосуды подобной ситуовидной формы (рис. 13, 1–2).

В составе каменного инвентаря большое число шлифованных и оббитых орудий для обработки земли, которые в основном представлены довольно крупными плечиковыми мотыгами (рис. 10, 13–15; 13, 14–15). В группу шлифованных изделий входят также различные типы рубящих орудий и абразивы, включая плиты и куранты зернотёрок (рис. 10, 1; 13, 16–17). Микролитическая часть инвентаря *синлуунва* представлена орудиями, изготовленными на микропластинах. При этом использовалась только краевая ретушь (рис. 10, 2–12). Завершает коллекцию группа орудий из кости, клыка и рога (рис. 11, 4, 6–10; 12). Украшения изготавливались из камня и раковин (рис. 11, 3, 5, 11).

Некоторые особенности локального характера отмечены в составе синлуунваских комплексов на памятниках северных районов Хэбэя. В частности, там очень редко встречаются керамические сосуды с орнаментом в виде зигзага, а также имеются каменные (из талька) сосуды, повторяющие формы керамических ситул (рис. 13, 1, 2).

После обнаружения и раскопок поселения Синлуунва Цуй Сюань выдвинул несколько предположений о месте этой культуры в системе неолита Дунбэя: 1) *синлуунва* – общий предшественник *фухэ* и *хунишань*; 2) *синлуунва* – предшественница *фухэ* и *хунишань*, но имеет иную генетическую основу; 3) *синлуунва* – предшественница *хунишань*, а *фухэ* имеет иной источник; 4) это неизвестный ранее тип культуры, не связанный с *фухэ* и *хунишань*. Сам Цуй Сюань в результате анализа керамики *синлуунва*, *фухэ* и памятника Цзиньгуйшань (уезд Линьси) склонился к выводу, что *синлуунва* имеет отношение к происхождению культуры *фухэ* [Цуй Сюань, 1987, с. 68]. Когда было открыто синлуунваское поселение Чахай, Су Бинци назвал его культуру «предхунишаньской», а одним из источников – *хунишань* [Жэньминь жибао, 8.10.1988].

3.1.2. Культура чжаобаогу

Первые находки керамических сосудов усечённо-конических форм, с оригинальным резным геометрическим узором, а также чаши с крашеной полосой у кромки отверстия (не находят аналогов в известных дунбэйских неолитических коллекциях) были сделаны Чжу Фэнханем в 1974–1975 гг. при обследовании местонахождения Угэнбаолин на р. Цзяолайхэ, в

местности Дациньтала хошуна Найман [Чжу Фэнхань, 1979, с. 209]. Однако они не привлекли тогда особого внимания специалистов. Считалось, что эти материалы имеют отношение к культуре *хуншань*, на что, как считалось, указывала крашеная керамика. Во второй половине 1970-х гг. китайские археологи приступили к изучению памятника Аньсиньчжуан (Аньсинь) в уезде Цяньянь, на севере провинции Хэбэй, за пределами собственно южноманьчжурской территории*. Наряду с ситуловидными (усечённо-конической формы) сосудами и чашами обычных для неолита форм там была обнаружена керамическая тара новых для неолита региона типов: глубокие чаши на кольцевом поддоне и цилиндрические суды с эллипсовидным (овальным) в плане дном. В результате активного обсуждения новых материалов был сделан вывод об открытии нового локального типа неолитической культуры. Очевидно, по времени он являлся более ранним, чем культура *хуншань* [Со Сюфэнь, Ли Шаобин, 1996, с. 25; Чжао Бинфу, 1996, с. 1]. Были определены основные типы керамических изделий и особенности их орнаментации, что позволило, вкупе со стратиграфическим наблюдениями о соотношении этих находок с комплексами культуры *хуншань*, приступить к работе по выделению новой культуры. В 1982 г. целенаправленный поиск в юго-восточной части хошуна Аохань (район Внутренней Монголии, ранее считавшимся частью ареала распространения культуры *хуншань*) привёл к открытию двух основных памятников этой культуры – Сяошань ($120^{\circ} 45'$ с. ш., $42^{\circ} 25'$ в. д.) и Чжаобаогуо ($120^{\circ} 10'$ с. ш., $42^{\circ} 20'$ в. д.). Всего же с 1982 по 1988 гг. было выявлено около 60 местонахождений, которые могут быть связаны с культурой *чжаобаогуо* [Шао Готянь, 1991, с. 9]. Среди них Наньтайди у деревни Аоцзисян, Шаогоди у деревни Аоиньусусян и другие [Шао Готянь, 1991, с. 2]. В 1984–1985 гг. производились широкомасштабные раскопки поселения Сяошань в хошуне Аохань, были изучены два жилища. В 1986 г. проведены раскопки поселения Чжаобаогуо, где открыты и изучены 17 жилых комплексов. В 1988 г. в хошуне Вэннютэ (Оннют) раскапывалось поселение Сяошаньдэгуо, где было вскрыто 6 жилищ. На этом памятнике, кроме традиционного набора инвентаря, были впервые в культуре *чжаобаогуо* найдены предметы из нефрита [Со Сюфэнь, Ли Шаобин, 1991, с. 25]. В конце 1980–начале 1990-х гг. проводились исследования на давшем преимущественно синлунваские комплексы памятнике Байниньчанган в уезде Линьси. Здесь были обнаружены два жилища культуры *чжаобаогуо* [Го

Чжичжун, Со Сюфэнь, Бао Цинчуань, 1993; Го Чжи-чжун, 1994, с. 168]. В 1989 г. в хошуне Кэшиктэн (Хэшигтэн) на памятнике Шандянь была вскрыта хозяйственная яма с чжаобаогуской керамикой. В 1991 г. 17 жилищ культуры *чжаобаогуо* раскопаны на поселении Сишичюань в уезде Линьси [Со Сюфэнь, Ли Шаобин, 1991, с. 25]. В те же годы в районе Пекина была выделена культура *шанчжай* [Сюй Юйлинь, Гао Хунчжу и др., 1989], материалы которой мы считаем чжаобаогускими. Накопление археологических материалов позволило объявить в 1984 г. об открытии новой неолитической культуры [Су Бинци, 1986а, с. 42; Су Бинци, 1986б, с. 3; Ян Ху, Чжу Яньпин, 1987; Лю Цзиньсян, Чжу Яньпин, 1988, с. 5]. В дальнейшем археолог Лю Цзиньсян предложил первые подходы к выявлению базовых особенностей культуры, определил различия между памятниками Сяошань и Чжаобаогуо, а также сделал предположения о месте новой культуры относительно уже известных *синлунва* и *хуншань* [Лю Цзиньсян, 1989]. Вопросы происхождения, периодизации и судеб культуры *чжаобаогуо* неоднократно становились предметом обсуждения [Ян Ху, 1994; Со Сюфэнь, Ли Шаобин, 1996; Чжао Бинфу, 1996].

Основной ареал культуры *чжаобаогуо* охватывает бассейны рек Шара-Мурэнь, Лаоахэ, Маннюхэ, Далинхэ и Луаньхэ с особой концентрации памятников в бассейне р. Цзялайхэ. В административном плане памятники этой культуры находятся в районе г. Чифэн и западной части аймака Чжэлимун (Джирэм) Внутренней Монголии, а также в северо-восточной части провинции Хэбэй.

Хотя эпонимным памятником для культуры является поселение Чжаобаогуо-1, первая подробная публикация о памятнике культуры, позднее названной культурой *чжаобаогуо*, была посвящена раскопкам другого крупного поселения. Его первоначальное название Синлунва-4 было связано с находящимся в 500 м к северо-востоку эпонимным памятником ранненеолитической культуры *синлунва*. В дальнейшем местонахождение Чжаобаогуо-1 получило название Сяошань.

Памятник Сяошань расположен в верховьях р. Маннюхэ – притока р. Далинхэ, на её правом берегу, у деревни Баоготу в хошуне Аохань АРВМ ($120^{\circ} 36'$ с. ш., 42° в. д.). Высота над уровнем моря 476 м. Поверхность памятника, приуроченного к предгорной местности, а потому имеющая наклон в направлении с северо-запада на юго-восток, неоднократно подвергалась распашке. На пашне были заметны около десятка пятен серого цвета, которые оказались следами неолитических жилищ. Всего вскрыта площадь около 190 m^2 . Изучено две полуzemлянки. От них сохранились котлованы, врезанные в материиковую почву светло-коричневого цвета. Культурный

*Публикация отчёта об исследованиях этого памятника см. в сборнике статей «Каогусюэ цзикань» (№4, 1984) для нас, к сожалению, пока остаётся недоступной.

слой в межжилищном пространстве не сохранился совершенно [Ян Ху, Чжу Яньпин, 1987].

Жилище 1 (рис. 14, 1) представляет собой полуземлянку с котлованом подпрямоугольной в плане формы. Размеры $5,6 \times 4,2$ м; площадь около 24 м^2 . Наибольшая глубина сохранившегося котлована составляет $0,25$ м. В заполнении сохранилась обугленные ветки и солома, которая (по предположению авторов отчета) является остатками обвалившейся кровли. В центральной части сооружения имеется округлая ямка (диаметр $0,7$ м, глубина $0,2$ м). Внутри собрано некоторое количество угля. В ней также найдены два археологически целых керамических сосуда ситулевидной формы. Основная часть находок концентрировалась в средней части южной половины жилищного пространства. Песты и плиты зернотёрок обнаружены в восточной половине и в западном углу постройки. Кроме того, обнаружены керамика, нуклеусы и снятые с них пластины, каменные изделия (рубящие орудия, абразивы, скребки и режущие инструменты) и заготовки орудий (рис. 20). В одном из керамических сосудов вместе с кремневой галькой лежала скорлупа маньчжурского ореха.

Жилище 2 (рис. 14, 2) сооружено в котловане той же формы, что и для жилища 1. Длинной осью ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Размеры $6,9 \times 4,75$ м; площадь около 33 м^2 . Котлован вырыт на склоне, что привело к некоторой покатости пола жилища к юго-восточной стороне. На дне котлована сохранились остатки упавшей кровли. Поверхность пола достаточно ровная, утоптанная. У одной из стенок обнаружен участок прокалённой почвы. Длина этой полосы с неравномерным хроматизмом (чёрный, жёлтый, красный цвета) $3,1$ м, ширина $0,5$ м, мощность около 8 см. Вероятно, это тоже остатки кровли, на что могут указывать сохранившиеся в почве остатки веток, травы, отпечатки деревянных элементов конструкции, а также отдельные куски глиняной обмазки. В центре котлована обнаружено округлое блюдцевидное углубление диаметром $0,9$ м и глубиной $0,13$ м. Заполнение в нём аналогично заполнению котлована. Внутри ямы найдены три целых керамических сосуда. На полу жилища обнаружены ещё 19 сосудов, 16 каменных изделий, один нуклеус и 3058 пластин (рис. 20). Найдки были сконцентрированы вокруг центральной ямки, которая, вероятно, служила очажным местом. В углах жилища (за исключением западного) находок не было. К востоку от центра располагались два комплекта зернотёрок. В западном углу жилища обнаружен перфорированный каменный топор, а рядом с ним – каменная плита, на которой собрано 2 183 микропластины и отщепа, скребок, нуклеус и 3 шлифованных рубящих орудия. Скопления микропластин и отщепов отмечены еще в трёх местах (от нескольких десятков до 800 артефактов).

Керамика поселения Сюошань представлена коллекцией из двух жилищ: 37 археологически целых, 11 типологически определимых сосудов и ещё несколько фрагментов иной керамической тары. Вся керамика поселения Сюошань лепная, 90 % сосудов изготовлены из керамической массы с песчаным отощителем. Цвет черепка – коричневый. Ведущий тип – усеченно-коническая форма ситулы. Есть также несколько изделий из теста с добавлением тонко просеянного песка (цвет черепка красный) и сосуды, изготовленные из чистой глины – чаши с красной полосой у кромки. Температура обжига не очень высокая, что отразилось в неоднородной окраске черепка.

В Сюошань впервые были обнаружены сосуды типа *цзунь*. В их орнаменте выявлено одно из наиболее ранних изображений мифического существа (рис. 16, 1), определяемого китайскими коллегами как дракона, с телом, покрытым чешуёй, и головой свиньи (*чжушишоулун*) [Шао Готянь, 1991, с. 9; Варёнов, 1989].

Имеются две даты по материалам жилища 2 в Сюошань, которые относят его существование к первой трети V тыс. до н. э.

Эпонимное поселение Чжаобаогу-1 находится в хошуне Аохань, в районе г. Чифэн. Памятник расположен в районе холмистых предгорий, на склоне возвышенности (рис. 15, а). Площадь оценена в 90 тыс. м^2 . Вскрыто 2 тыс. м^2 . В первый сезон раскопок обнаружены 17 построек (жилища 1–3, 5–10, 13–14, 101–106). Из-за длительной распашки и денудационных процессов многие жилища плохо сохранились. Важно, что на этом местонахождении не оказалось следов иных культур, поэтому стратиграфическая ситуация в целом ясна [Лю Цзиньсян, Чжу Яньпин, 1988].

Жилища оказались полуземлянками, котлованы которых врезаны в материковый слой. В плане они квадратные, прямоугольные либо трапециевидные. Так как верхняя часть котлована разрушена вспашкой, можно говорить только о глубине сохранившейся части котлована, которая составляет от $0,3$ до 1 м. Средняя площадь жилища около 20 м^2 . Каждое жилище имеет внутри очаг в виде квадратного углубления в полу. В трёх случаях (жилища 2, 6, 9) пол имеет два уровня: за счет небольшого уступа, проходящего посередине основания жилища. В результате получилась своеобразная ступенька. Очаг сооружен в приподнятой части помещения. На других памятниках культуры этот элемент организации жилого пространства не встречен. В этих же жилищах на полу имеются по четыре столбовые ямки. Они расположены попарно в «верхней» и «нижней» половинах помещения.

Примером такой постройки является *жилище 9* (рис. 15, б). Оно расположено в центральной части поселения. Самое крупное и одно из наиболее хорошо сохранившихся жилищ по форме трапециевидное.

Длина стенок: северо-западной – 8 м, юго-восточной – 10,16 м, юго-западной – 9,56 м, северо-восточной – 9,76 м. Таким образом, площадь жилища близка к 100 м². Глубина сохранившейся части котлована достигает 1,1 м. Первоначальная высота стенок котлована неизвестна. В средней части юго-восточной стенки имеется небольшая киотовидная выемка с углублением в полу жилища. В средней части пола есть небольшая ступенька (высота 0,1 м). Очаг располагался в приподнятой половине жилища и имел квадратную форму. Очажная ямка имеет основание меньше входного отверстия. Ее размеры 0,92 × 0,84 м, а глубина 0,2 м. Столбовые ямки расположены в полу жилища: по две в каждой половине. Размеры их неодинаковы: глубина самой большой ямки 0,52 м при диаметре 0,5 м. Дно ямок очень плотно утрамбовано. Никаких следов входа в жилище не обнаружено.

Среди оригинальных керамических находок есть скульптурные изображения головы человека (мужчины?). Одно из них обнаружено на полу жилища 103 (рис. 16, 5). Изготовлено оно из керамического теста с добавлением песчаного отощителя. Затылочная часть обколота, внутри изделие полое. Черты лица выполнены в рельефе. Уши показаны оттопыренными, глаза – закрытыми. Высота фигурки 5,1 см, ширина 4,5 см.

Каменный инструментарий, собранный на поселении Чжаобаогу-1, достаточно разнообразен. Больше всего обнаружено шлифованных изделий (рис. 19, 20). Прежде всего, это землеройные и рубящие орудия. Первые (так называемые «каменные застуны») имеют сплошную шлифовку поверхности. Они плоские, с округлым рабочим краем, имеющим виступающее заострение на конце. Использованы

менее твёрдые породы камня, чем при изготовлении рубящих орудий. Для крепления к рукояти есть плечики и дополнительно оставлены нешлифованными участки в верхней части орудия. Их размеры невелики: например, орудие из жилища 103 имеет длину 15,4 см, ширину 12,7 см при толщине 1,4 см (рис. 20, 4), а орудие из жилища 14 – длину 11 см, ширину 6,4 см, толщину 1,5 см (рис. 20, 5).

Рубящие орудия представлены плоскими инструментами трапециевидной формы. Лезвийная часть округлой формы двусторонне заточена (рис. 19, 1–2). Имеются также орудия, которые могут быть связаны с земледелием или собирательством – плиты и куранты зернотёрок (рис. 18, 1–2). Найдены также нуклеусы, названные «карандашевидными» (скорее всего, конической либо призматической формы), и снятые с них пластины (рис. 18, 13–23). В жилище 106 обнаружено остриё, выполненное на такой пластине. Это орудие длиной 4,6 см, шириной 0,8 см и толщиной 1,15 см, у которого в так называемой «даурской технике» краевой ретушью с центральной стороны обработан острый конец (рис. 19, 14). Замечено, что изделия, выполненные в технике ретуширования, во множестве найдены при сборах с поверхности. Однако в жилищах их немного. Этому факту могут быть найдены различные объяснения, особенно учитывая то, что культурный слой (в межжилищном пространстве) памятника фактически уничтожен.

Из других находок следует упомянуть костяные шилья, орнаменты из раковин и другие изделия из органических материалов (рис. 18, 3–11). Абсолютные даты по материалам из жилищ 2, 6 и 7 укладываются в промежуток с последних двух столетий VI до первой трети V тыс. до н. э.

Третий из наиболее полно описанных в литературе памятников культуры чжаобаогу – поселение Наньтайди. Оно было открыто в начале 1980-х гг. Раскопки не производились, но в 1983 г. осуществлены поверхностные сборы [Шао Готянь, 1991]. Было выяснено, что памятник является однокультурным, а единственная известная нам публикация посвящена представлению фрагментов керамики, собранных в местах нахождения одного из разрушенных жилищ. Эта керамика украшена орнаментальными композициями в анималистическом стиле. Часть сосудов, несмотря на то, что они были собраны с поверхности, удалось восстановить.

Памятник расположен примерно в 30 км восточнее хошунного центра Синьхуй, на левом берегу р. Цзяолайхэ, в километре от деревни Наньтайди, на пологом склоне горы. Его высота над урезом воды около 20 м, а над уровнем моря – около 600 м. В полукилометре известно одно поселение культуры хунишань. Поселение Наньтайди окружено с трёх сторон бортами возвышенности, которые во многих местах прорезаны

оврагами. Поверхность памятника подвергалась неоднократной распашке. По оценке исследователей, его площадь составляет около 15 тыс. м². На поверхности пашни заметны примерно 40 пятен, отличающейся по цвету почвы (она имеет серый цвет). Эти пятна организованы в 7 или 8 рядов, в каждом из которых 5 или 6 пятен. Каждое пятно предположительно указывает на место жилища типа полуземлянки. Юго-восточная часть памятника сохранилась достаточно хорошо, культурный слой там имеет мощность около 1 м. Покатая северная часть была более подвержена процессам денудации. В результате именно в этих местах на поверхности исследователи отметили наибольшее количество артефактов. В особенности это относилось к одному пятну в самой возвышенной части площадки, к которой приурочено поселение*. В результате процессов разрушения культурного слоя там практически обнажено основание котлована жилища, что позволило собрать представительную коллекцию предметов (в т. ч. археологически целые керамические сосуды) и отметить больше количества фрагментов обмазки конструкции в виде кусков плотной обожженной почвы. В сообщении о работах на памятнике подробно опубликовано описание керамики, однако опущены конкретные данные о находках артефактов из камня, среди которых упомянуты рубящие и землеройные орудия [Шао Готянь, 1991, с. 2].

Среди восстановленных археологически целых сосудов имеются: эллипсовидные в поперечном сечении и с таким же дном цилиндрические сосуды из хорошо отмученной глины, обычные ситуловидные изделия усечённо-конические формы, чаши на высоких ножках, сосуды типа *цзунь*, изготовленные из керамического теста с песчаным отощителем. Центром коллекции являются пять сосудов *цзунь*, одна чаша и крышка (фрагменты), покрытые резным орнаментом в виде сюжетных изображений с участием анималистических персонажей – птиц и оленей – на фоне чёрной блестящей поверхности (рис. 21, 22). Ближайшие аналоги имеются в коллекции с поселения Сяошань, хотя на поселении Чжаобаогу они пока не обнаружены. После находок орнаментированных *цзунь* в Наньтайди стало ясно, что анималистический орнамент является одной из характерных особенностей культуры чжаобаогу и, безусловно, напрямую связан с духовной жизнью носителей этой культуры.

Хотя раскопки на поселении не производились, а целенаправленные сборы материала выполнены только на поверхности, с места расположения одного из разрушенных жилищ, Шао Готянь сделал вывод об особенной роли этого сооружения в пределах поселения. Обращая внимание на то, что данная по-

стройка находится в нагорной части поселенческого комплекса, он выдвинул гипотезу: она была неким социально значимым сооружением для всех жителей поселения.

Близкими к чжаобаогу памятниками считаются поселения в северных уездах провинции Хэбэй. Это уже упоминавшийся памятник Аньсинь в уезде Цяоань, поселения Мэнгэчжуан в уезде Санъхэ и Шанчжай в пределах административной территории г. Пекина [Вэнь Цзимин, 1998; Цзинь Цзягуан, 1983; Цзинь Цзягуан, Ван Цитэн, 1983; Сюй Юйлинь, Гао Хунчжу и др., 1989].

Общие сведения об облике культуры чжаобаогу могут быть суммированы следующим образом. Раскопки памятников этой культуры дали информацию о системе планировки поселенческих комплексов, приемах сооружения и типологии жилищ [Лю Госян, 2001б]. Нередко размещение жилищ организовано по линейному принципу. На поселении Сишуйцюань ($120^{\circ} 00'$ с. ш., $41^{\circ} 48'$ в. д.), в его центральной части, выявлена свободная от застройки площадка. До сих пор, в отличие, например, от памятников культуры синьтуна, не обнаружены признаки огораживания пространства поселения с помощью насыпей или рвов.

Все жилища чжаобаогу представляют собой полуземлянки. В основном это однокамерные жилища, но встречается и двухкамерные. Первые сооружались на базе в виде квадратного, прямоугольного либо трапециевидного в плане котлована, вторые – в виде двух рядом расположенных котлованов прямоугольной формы, соединенных через срединный проход в смежной стене. В центральной части жилой площадки располагался очаг прямоугольной, квадратной или округлой формы. Сама поверхность жилой площадки представляла собой утрамбованную поверхность материкового лёссового слоя, в котором вырыт котлован. Отмечены случаи, когда основание жилища дополнительно подсыпалось слоем лёсса, который затем утрамбовывался. Поверхность пола подвергалась частичному обжигу, чем достигалась дополнительная её плотность и износостойчивость. В некоторых жилищах пол и стены котлована обмазаны глиной или смесью глины и рубленой травы. Встречены жилища со своеобразным порожком по средней линии жилого пространства. Такой приём в строительной технологии впервые встречен в неолите Дунбэя. Часть сооружений не имеет обозначенного входа. Другие имеют вход коридорного типа, обозначенный с одной из сторон котлована прямоугольным выступом. Несущая конструкция кровли была каркасно-столбовой, о чём свидетельствуют обнаруженные в некоторых постройках столбовые ямы. В большинстве случаев их четыре в центральной части жилища. Однако в других жилищах такие столбовые ямы не выявлены. В незначительном числе жилищ внутри имеются хо-

*Объекту присвоено наименование 3546F1.

заятственные ямы округлой формы, с вертикальными стенками и ровным дном.

Керамический комплекс – это та часть коллекции, которой культура обязана своему выделению из круга других культур юга Маньчжурии. Вся керамика изготовлена методом ленточного налепа. Использовалась формовочная масса трёх видов: чисто глиняная, естественно песчанистая глина, глина с отощителем в виде песка. Большая часть керамических изделий чжаобаогуо изготавлена из керамической массы с песчаным отощителем. Он был двух типов: грубый или тонкозернистый (проеянный) песок. Масса из песчанистой глины – это непромытая глина, содержащая тонкозернистый песчаный компонент естественного происхождения. Чисто глиняной керамики очень мало. Обычно это чаши с крашеной полосой у кромки отверстия. Все керамические изделия прошли обжиг при невысокой температуре. Из-за неудовлетворительных условий обжига окраска поверхности пятнистая.

Изделия, изготавливавшиеся из теста с отощителем в виде песчаного компонента, после формовки покрывали тонким слоем глины, который затем тщательно затирали. Лишь после этого наносили орнамент. Поверхность многих сосудов подвергалась простому лощению. Стенки большинства изделий гладкие, внутренняя поверхность более блестящая. За исключением крупных ситуловидных сосудов, имеющих довольно толстые стенки, остальные изделия тонкостенные.

Большая часть чжаобаогуской керамики плоскодонная. Кроме того, имеются изделия с небольшой кольцевой ножкой или на кольцевом поддоне, а также некоторое количество сосудов с вогнутым дном. Типы керамики: ситуловидные сосуды усечённо-конической формы, сосуды на невысокой округлой ножке и с округлым резервуаром закрытой формой, цилиндрические изделия с эллипсовидным (овальным) дном, сосуды типа цзунь, изделия с косо срезанной горловиной, различные чаши и крышки.

Одним из оригинальных чжаобаогуских типов является сосуд цзунь. В китайской традиции так называли сосуд для летнего жертвоприношения ячменём или жертвенную чашу для вина [Большой китайско-русский словарь, № 5352; Чжунго цинтун, 1988, с. 194–199]. У этих изделий вместительный округлый резервуар, высокая горловина, выделенная высокая придонная часть. То, что для обозначения этого типа керамики китайские авторы используют такой традиционный термин, лишний раз подчеркивает особое положение этих изделий среди типов керамической посуды данной культуры. Чжаобаогские цзунь отличаются не только формой, но и богатством оригинальной орнаментации, в которой присутствуют образы фантастических существ.

В Наньтайди, кроме обычных для чжаобаогу драконов с головой кабана, широко представлены изображения существа, покрытое чешуйей тело которого увенчано рогатой головой оленя. Чешуя передана мелкой ромбической сеточкой. Подобный сетчатый орнамент встречается и в неолитической культуре хуншань, и в культуре ранней бронзы *нижнего слоя сяцзядянь*, однако не в резном, как в чжаобаогу, а в рисованном варианте. Хотя тело существа из Наньтайди, строго говоря, не является телом змеи, именно присутствие чешуи позволило исследователю керамики Наньтайди Шао Готяню назвать изображённое существо «драконом с головой оленя».

Кроме того, в орнаментике Наньтайди можно заметить и солярный мотив: из-за хвоста дракона-оленя виднеется полудиск солнца с расходящимися лучами. До сих пор это единственный пример солярного орнамента в неолите Северо-Восточного Китая.

Ситуловидных (усечённо-конических) керамических сосудов большинство. К ним примыкает группа цилиндрических изделий с отверстием либо дном эллипсовидной формы. Соотношение диаметров отверстия и дна 2:1. Некоторые ситулы с косо срезанной горловиной имеют прямоугольный или в виде буквы V вырез. Чаши снабжены кольцевым поддоном и украшены у кромки отверстия орнаментом в виде полосы красного цвета.

Большая часть керамики орнаментирована. При этом орнаментом покрыта вся поверхность: от среза венчика до dna сосуда. В большинстве случаев для украшения сосуда использовался только один тип орнамента, в отдельных случаях – два типа. Из орнаментов использованы зигзаг, геометрический, узорчатый (*suo* – «узор на яшме») и анималистический мотивы. Зигзаг представлен во множестве вариантов: больше всего линейного (инструмент имел ровную поверхность), есть также в виде оттисков гребёнки с квадратным и зубчатым окончанием. Вид зигзага может различаться, но связано это с формой самого штампа. Резной орнамент этого типа отсутствует. Линии зигзага могут быть ориентированы горизонтально либо вертикально. Очень велико разнообразие геометрических орнаментов. Их можно разделить на две группы: линейный и криволинейный. Линейный орнамент представлен наклонными и ломанными наклонными линиями, из которых составлено некоторое число простейших орнаментальных композиций. Криволинейный орнамент состоит из противопоставленных, вертикально расположенных «крюков», в просвете между которыми размещается треугольник или ромб. Пространство внутри заполнено гребенчатыми точечными оттисками. Орнамент в виде изображений фигур животных довольно редок, но очень ярок и является «визитной карточкой» культуры. Имеются изображения фантастических животных – существо

с телом змеи и головой кабана, существа с головой оленя и существа с головой птицы.

Внешняя поверхность донышка большинства судов не имеет специально нанесённых изображений, но встречается орнамент в виде оттиска циновки.

Сведения о каменном инструментарии чжаобаогу довольно скучны. В коллекции имеются шлифованные, оббитые и ретушированные каменные изделия. Крупные инструменты изготавливались с использованием техники шлифования. Это в основном рубящие орудия (топоры, в т. ч. с просверленным отверстием в обушковой части, долота), землеройные инструменты («лопаты»), точильные и шлифовальные камни, изделия с желобком («выпрямители древков»), зернотёрки. Больше всего рубящих и орудий для обработки земли. Лопаты плоские, полностью отшлифованные. Их можно разделить на два типа: плечиковые с округлой рабочей частью и плечиковые с заострённой рабочей частью. У некоторых изделий верхняя поверхность обушковой части снабжена пазом-выемкой. Рубящие орудия в плане прямоугольные или трапециевидные, с двусторонней заточкой лезвийной части. Массовыми являются находки шлифовальных инструментов и зернотёрок. Последние представлены в основном курантами, которые имеют килевидную форму и сегментовидное поперечное сечение. Микролитические изделия представлены нуклеусами, микропластинами и скребками, выполненными в технике отжимной ретуши.

Костяных изделий встречено мало. Это шилья, ложки и несколько орнаментиров из кости и раковин.

Чжаобаогу относится к числу тех немногих культур неолита юга Маньчжурии, хроностратиграфия которых хорошо разработана. Помимо результатов радиоуглеродного анализа (на данный момент опубликовано 7 дат) имеются стратиграфические наблюдения, позволяющие установить положение культуры относительно древностей хуншань. Так, на поселении Байинчанган в секторе Т41 чжаобаогуское жилище 27 перекрыто хуншаньским культурным слоем [Го Чичжун, Бао Цинчунь, Со Сюфэн, 1991]. В западной части поселения Шуйцюань (уезд Линьси) жилище культуры чжаобаогу было также перекрыто хуншаньским слоем. Там же некоторые жилища и хозяйствственные ямы культуры хуншань разрушили слой культуры чжаобаогу [Со Сюфэн, Ли Шаобин, 1991, с. 27].

Для поселения Шуйцюань абсолютных дат пока нет. Но там был найден ситуловидный керамический сосуд с орнаментом в виде горизонтальных полос зигзага. Это изделие практически идентично находке их хуншаньского жилища 133 на поселении Синлунва, которое имеет дату 5865 ± 90 л. н., (калиброванная дата 6525 ± 100 л. н.). Китайские авторы сделали вывод о подобном же возрасте материалов культуры чжао-

баогу на поселении Шуйцюань. Таким образом, период существования культуры обозначен в промежутке более 7–6,5 тыс. л. н. [Со Сюфэн, Ли Шаобин, 1991, с. 28], что вполне соответствует доступным нам данным по абсолютному датированию памятников чжаобаогу. Культура существовала с конца VI до середины V тыс. до н. э.

Несмотря на то, что изучение культуры находится на начальном этапе, уже есть предложение выделить два локальных типа культуры: чжаобаогу и шуйцюань [Со Сюфэн, Ли Шаобин, 1996, с. 28–32].

Памятники типа чжаобаогу расположены к югу от Лаохэ, в бассейнах рек Цзяолайхэ и Маннюхэ. Среди них поселения Чжаобаогу и Сяошань в хошуне Аохань. Квадратные, прямоугольные и трапециевидные полуzemельные жилища имеют в основании материковый лёссовый слой. В центре жилища располагался очаг округлой или квадратной формы. Вход в плане жилища отсутствует. Некоторые постройки имеют ступенчатую конструкцию пола. В основе каркаса находились четыре опорных столба. В отдельных жилищах встречены ямы хозяйственного назначения. Орнаментация керамики типа чжаобаогу представлена горизонтальными рядами вертикального зигзага и композициями с изображением животных. Типы керамических сосудов: ситуловидные, цузунь, сосуды с шаровидным туловом на кольцевом поддоне, ситулы с эллипсовидным дном. Землеройные орудия (лопаты) имеют сравнительно узкую верхнюю часть и языковидную (округлую либо заостренную) рабочую поверхность.

Однако в противоречие с выделением особого типа чжаобаогу входят существенные различия между материалами самих памятников Чжаобаогу и Сяошань. В первом случае очаги квадратные, во втором – круглые. В Чжаобаогу вся керамика выполнена из глины с песчаным отощителем, нет распространённой в Сяошань керамики из чистой глины. Отдельные особенности отмечены в формах сосудов и их орнаментации. То же характерно и для каменных орудий. Например, только в Сяошань найден перфорированный топор. Однако надо иметь в виду, что раскопки в Сяошань производились на малой площади, поэтому конкретных данных пока недостаточно [Лю Циньсян, 1989, с. 201]. На наш взгляд, причины имеющихся различий в материалах одного культурного типа могут иметь как региональный (районы относятся к двум различным речным бассейнам – Силяохэ и Далинхэ, тогда под сомнение ставится выделение самого типа), так и хронологический характер. Сяошань, возможно, является несколько более поздним памятником, на что указывает разница (впрочем, незначительная) в результатах абсолютного датирования.

Памятники типа шуйцюань располагаются на севере бассейна р. Шара-Мурэн. Это поселения

Шуйцюань и Байинъянган в уезде Линьси, а также поселение Шандянь в хошуне Кэшикэтэн (Хэшигтэн). Жилища одно- или двухкамерные. Однокамерные жилища имеют прямоугольный котлован. Глубина его тем больше, чем просторнее помещение. Пол утрамбован; иногда его предварительно обмазывали глиной, замешанной с травой. Квадратный очаг располагался в центре жилого пространства. Имелся вход в виде прямоугольного в плане коридора-тамбура. Двухкамерные жилища состояли из двух прямоугольных полуземлянок, соединённых проходом через смежную стенку котлованов. Типичная орнаментация керамики *шуйцюань* – вертикальные ряды горизонтально ориентированного зигзага. Зигзаг наносился инструментом с квадратным или заострённым окончанием гребенчатого орнаментира. Отсутствуют изделия с анималистическими сюжетами. Типы сосудов: ситуловидные, цилиндрические с эллипсовидным основанием, изделия с косо срезанной горловиной, разнообразные чаши. Лемехи лопат имеют сравнительно широкий обушок и веерообразную рабочую часть.

Что касается памятников в бассейне р. Луаньхэ, то они пока недостаточно известны, поэтому затруднительно определить их место в системе культуры *чжаобаогу* [Со Сюфэнь, Ли Шаобин, 1996, с. 29]. Характерной особенностью является наличие каменной антропоморфной скульптуры (рис. 15, 2–3), которая сочетается с керамикой чжаобоугосского облика [Чэн Цюньшань, 1994] и значительными по количеству артефактами коллекциями микролитического инвентаря. Последнее позволяет нам в предварительно отнести памятники так называемой культуры *шанчжай* (Мэнгэчжуан, Шанчжай и др. в районе г. Пекин) к локальному северохэбэйскому варианту культуры *чжаобаогу*.

3.1.3. Культура хуншань

История изучения этой культуры японскими и китайскими археологами насчитывает около семи десятков лет. Сведения о ней во многом формировали знания о неолите Маньчжурии на первом этапе археологического изучения региона. На них базировались концепции о «смешанном, контактном» характере неолита. Это связано с тем, что в типологическом листе культуры присутствует композиция обычной для неолита Северо-Восточного Китая и сопредельных территорий российского Приамурья, Приморья, а также северной части Корейского полуострова керамики усечённо-конических форм со штамповым или резным орнаментом и расписной керамики, аналоги которой уводили исследователей к северокитайским неолитическим культурам круга *янишо*. Материалы

хуншаньских памятников свидетельствуют о своеобразных связях между северными («микролитическими») и южными (крашеной керамики) культурами. Дискуссии об их конкретном содержании ведутся до настоящего времени.

С начала 1980-х гг. представления о культуре *хуншань* изменились коренным образом. Связано это было с открытием погребально-храмовых комплексов. Памятники эти столь многозначны и удивительны, что еще долго хуншаньский феномен будет давать пищу для размышлений о различных аспектах материальной жизни и религиозных представлениях хуншаньцев, об их вкладе в формирование иньской цивилизации, о роли неолитического населения Южной Маньчжурии в этнокультурных процессах на Центральной китайской равнине и дальневосточном регионе Восточной Азии в целом. Библиография трудов по культуре *хуншань* огромна [Ларичев 1959б, 1960б; Nelson, 1990; Childs-Johnson, 1991; Guo Dashun, 1995; Хуншань вэнъюха, 2006].

Культура обязана своим названием (термин впервые прозвучал в 1954 г.) яркому неолитическому комплексу у горы Хуншань. Гранитный массив Хуншань находится в низине долины реки Сибайхэ, в 6 км к северо-востоку от г. Чифэна. Его высота около 200 м. Восточный склон не такой каменистый и обрывистый, как западный. Он пологий, покрыт лесом, образует несколько террас с удобными, ровными площадками. К ним приурочены древние памятники: поселения эпохи неолита и бронзы, а также поздний могильник. Самый яркий из исследованных там ещё в середине 1930-х гг. неолитических памятников – второе поселение Хуншаньхуо – дал название культуре [Сюй Гуанци, 1984, с. 172].

Коллекции, собранные первыми исследователями, позволили составить достаточно полное представление об особенностях керамической коллекции и инструментального набора *хуншань* (рис. 23–26).

Главная особенность керамической коллекции – обилие крашеной керамики из мелкозернистой, хорошо отмеченной глины. Орнамент наносили чёрной или коричневой (тёмно-красной) краской на оранжевый, красный или серый фон (рис. 29). В результате создавалось своеобразное сочетание фона с красочными орнаментальными линиями, которые хорошо гармонируют с формой сосуда, подчёркивая его профиль. Не отличаясь разнообразием элементов, общая композиция орнамента оригинальна на каждом сосуде. Меняется окраска фона, продумано его сочетание с тоном рисунка. В орнаментике крашеной керамики преобладают криволинейно-геометрические мотивы. Большая часть изделий этой части коллекции – чаши различной глубины и профилюровки. Иногда в верхней трети сосуда стенки загнуты внутрь. Чаши с равными стенками обычно лишены

орнамента. Чаши же с круто профицированной верхней частью украшены именно в районе горловины: косыми штрихами с волютами или без них, горизонтальными рядами треугольников или сильно вытянутых ромбов, широкими горизонтальными полосами. Найдены также амфоровидные сосуды, кувшины с высоким горлышком и др. (рис. 24).

Кроме того, на всех хуншаньских памятниках присутствует керамика с иным типом формовочного теста и орнаментации (рис. 23). Формовочная масса содержит песчаный отощитель. Формы сосудов этой группы: усечено конические (с разнообразно оформленным переходом к невысокому, но чётко выраженному горлышку); баночные (у некоторых венчик резко загнут внутрь). Основную массу составляют ситуловидные изделия, покрытые орнаментом в виде горизонтального или вертикального зигзага. Он образуется прямыми или вогнутыми линиями, сплошной прорезной чертой или оттисками гладкого либо пунктирно-гребенчатого штампа. Такой узор обычно покрывает сосуды сплошным орнаментальным поясом. В редких случаях выполнено несколько орнаментальных полос, между которыми имеются значительные интервалы. На крупных изделиях амфоровидной формы в средней части туловища есть широкие, вертикально поставленные ручки. На изделиях этой группы встречаются ногтевые вдавления, налепные рассечённые валики. На внешней стороне дна попадаются отпечатки циновки (рис. 24, 9).

Среди каменного инструментария (рис. 25–28) обращает на себя внимание присутствие тонких микропластины (длина 3–4 см, ширина 0,5–1 см) из кремня, агата и халцедона, сколотых с призматических («карандашевидных») нуклеусов. Некоторые пластины обработаны краевой ретушью. Среди орудий имеются проколки с крупной затупляющей ретушью по краю, наконечники стрел с прямым и выемчатым основанием, иногда с асимметричным остриём, разнообразные скребки на отщепах и пластинах, серия плоских листовидных ножей с тщательно отретушированным выпуклым рабочим краем и, как правило, асимметричных в плане. Большую же часть изделий из камня составляютшлифованные орудия: миниатюрные трапециевидные топоры с прямым или округлым лезвием, долотовидные инструменты с резко суженным округлым рабочим концом и широким обушком. И те, и другие – овальные или линзовидные в сечении. Отдельную группу каменных изделий составляют орудия, традиционно относимые к земледельческому производству: плечиковые мотыги, обломки каменных лемехов («лопаты»), зернотёрки нескольких типов, песты, тёрочки, шиферные жатвенные ножи полулуночной формы с отверстиями у верхнего края. Встречаются изделия из кости, рога, в т. ч. украшения.

В настоящее время известны различные типы памятников *хуншань* – поселения и погребальные и храмовые комплексы. Ареал включает: на севере – территорию аймака Чжоуда Внутренней Монголии в бассейне р. Улицзимулунхэ (Уэрцимулунхэ), на юге – территории уездов Линъюань и Чаоян до северных пределов провинции Хэбэй, на востоке – до аймака Чжирэм и района Цзиньчжоу на берегу Ляодунского залива, на западе – до хошуна Кэшикэтэн в Чжоуда.

Кроме изученных ранее комплексов эпонимного памятника, среди типичных поселенческих памятников *хуншань* можно назвать следующие:

1. Поселение Шуйцюань в 9 км севернее г. Чифэн, в междуречье рек Иньхэ и Чжаосухэ ($120^{\circ} 00'$ с. ш., $41^{\circ} 48'$ в. д.). Расположено на пологом восточном склоне обширной (до 3 км в поперечнике) возвышенности, на высоте 15–30 м над уровнем воды. Раскопки осуществлены в 1963 г.; вскрыто более 800 м². Стратиграфически зафиксировано перестилание слоя культуры *хуншань* материалами, которые позднее были отнесены к культуре ранней бронзы *нижнего слоя сяцзядянь*. Мощность неолитического культурного слоя до 1 м. Обнаружены три жилища [Лю Цзиньсян, Ян Гочжун, 1982].

2. Поселение Чжичжушань в северной части района Чифэн, на возвышенности южного берега р. Инцзинхэ, на высоте около 10 м над урезом воды ($118^{\circ} 57'$ с. ш., $42^{\circ} 20'$ в. д.). Вскрыта площадь более 100 м². Памятник многослойный. Ранний период обитания представлен материалами культуры *хуншань* (мощность слоя 0,5–1 м), которые, как и в Шуйцюань, перекрыты материалами эпохи ранней бронзы [Чу Гуанцзи, 1979].

3. Поселение Наньянцзянцы в 35 км от Линьдона, в хошуне Байрин-Цзоци аймака Чжоуда, на восточном берегу р. Улицзимулунхэ. Высота над урезом воды 40 м. Во время раскопок 1962 г. вскрыта площадь более 100 м², изучено 4 жилища. Именно на этом памятнике стала ясна очередность существования в этом районе культур *хуншань* и *фухэ*, причём вторая, несмотря на архаичный облик, оказалась более поздней [Сюй Гуанцзи, 1984, с. 173].

4. Памятник Сылэшань юго-восточнее деревни Байсыланцинцы в уезде Сяохэянь. Раскопками 1974 г. вскрыта площадь около 300 м²; обнаружены печи для обжига керамики. Первоначально памятник был отнесен к культуре *хуншань*, однако в настоящее время стоит вопрос о выделении особого типа памятников *сяохэянь*, представляющих либо поздний этап развития *хуншань*, либо культуру переходного времени [Открытие трёх..., 1977].

Наиболее интересные материалы, с точки зрения общей характеристики культуры и поселенческой стратегии хуншаньцев, дали поселения Шуйцюань и Чжичжушань.

В 1963 г. экспедиция Института археологии АОН КНР провела самые крупные после раскопок 1935 г. на горе Хуншань работы в районе Чифэн [Лю Цзиньсянь, Ян Гочжун, 1982]. Общая площадь трёх раскопов в Шуйцюань составила 774 м². Памятник оказался многослойным. Наиболее интересен третий пункт, где в неолитическом слое обнаружены котлованы трёх жилищ полуземляночного типа. Два из них повреждены из-за активных денудационных процессов. Площадь третьего чуть более 100 м². Это прямоугольный котлован с ровной площадкой пола. Длина северной и южной стенок около 9 м каждая, высота стенок котлована соответственно 0,23 и 0,5 м. Длина восточной и западной стенок по 11,7 м. В южной части, по центру жилой площадки, расположен крупный очаг в форме тыквы-горлянки (диаметр овальной части 1,5 м, глубина 0,9 м). Стенки очажной ямы покрыты десятисантиметровым слоем глины, замешанной с травой. С южного края очажной ямы имеется «огневая дорожка» (поддувало) длиной 1,65 м и шириной 0,6 м. Ещё один небольшой очаг располагался у северной стенки котлована. Он помещался в киотообразной выемке (0,8 × 0,34 м). Напротив центрального очага в южной стенке котлована отмечен коридорного типа вход в жилище. Никаких следов, которые бы указывали на тип несущей конструкции жилища, не обнаружено. Центральная часть комплекса нарушена зольной ямой эпохи ранней бронзы и позднейшим погребением (рис. 30, I).

Площадь остальных жилищ Шуйцюань оказалась значительно меньшей (около 10 м²). Часть из них полностью разрушена. Во всех сохранившихся жилищах отмечены очаги, подобные большому очагу из жилища пункта 3. Выход ориентирован на юго-восток. Столбовые ямки или базовые камни не обнаружены. Возможно, каркас постройки ставили прямо на пол жилища, но, скорее всего, столбовые ямы находились за пределами котлована, однако из-за сильных нарушений культурного слоя и недостаточно отработанной методики раскопок их не заметили.

Вся обнаруженная на поселении керамика – лепная. 54 % керамической коллекции – тара, изготовленная из хорошо отмученной глины с высокой температурой обжига. Керамика из глины с добавлением песка изготовлена с использованием технологии обжига с более низкой температурой. В качестве отощителя использован крупнозернистый песок. Внешняя поверхность подвергнута тщательному лощению.

Сосуды из глины с песчаным отощителем обычно имеют усечённо-коническую форму (рис. 31, 1–9, 15, 16). Орнаментированы они штамповыми и резными композициями, а также налепом. В большинстве случаев использован мотив вертикального или горизонтального зигзага, часто выполненного в технике шагающей гребёнки (длина инструмента

6–8 см*). Кроме того, встречаются ногтевые вдавления по венчику или на тулове, резные параллельные линии, образующие вписанные треугольники. Венчики украшены налепными валиками, оформленными в виде крупного шнуря.

Чистоглиняная керамика украшена монохромными композициями, нанесёнными краской чёрного или красного цвета. Рисунки чёрного цвета достаточно разнообразны: комбинации из вытянутых ромбов, параллельных линий, криволинейные узоры и т. д. Линии красного цвета образуют треугольники или чешуйчатый узор. Роспись в большинстве случаев наносилась на привенчиковую часть или плечики изделия. Некоторые сосуды покрыты тонким слоем чёрного или красного ангоба (рис. 32, 1–7, 12, 14, 20, 23).

Массовый керамический материал, обнаруженный в Шуйцюань, хорошо сохранился, что позволяет остановиться на вопросах технологии производства. Когда изделия из глины с добавлением песка ещё не были обожжены, под донышко часто подкладывали плетёную подстилку (циновку), от которой остались отпечатки. Анализ этих оттисков показывает, что циновки были двух видов: из листьев и стеблей злаковых растений; из тонких (около 0,3 см) верёвок. Можно предположить, что такие плетёные подкладывали под формуемый сосуд, после чего его можно было поворачивать, дабы придать округлые очертания и произвести равномерную отделку. Такая подкладка, кроме того, не давала влажной глине прилипнуть к земле. Возможно и более простое объяснение появления этих отпечатков: на циновки ставили готовые изделия для сушки и обработки поверхности перед обжигом. На поверхности некоторых сосудов сохранились следы выскабливания и мокрого затирания, но их немного, так как внутренняя и внешняя поверхности подвергались тщательному лощению для придания большей водонепроницаемости стенкам посуды.

К уникальным изделиям следует отнести фрагменты пяти усечённо-конических сосудов со скошенным отверстием горловины. Один из них восстановлен (рис. 33). Найден он в сохранившемся жилище пункта 3. Главная особенность этого изделия, по форме, размерам и орнаментации близкого к силуловидным сосудам, – сильно скошенная горловина. Кромка венчика украшена рассечённым валиком, туло – вертикальным валиком, а придонная часть – горизонтальным зигзагом. Высота изделия 13–30 см, диаметр отверстия 28 см.

Интересна находка миниатюрной скульптуры, изображающей женскую фигуру. Это поясной портрет. Головка скульптуры отломана, кромка круглого

*Образцами подобных орнаментиров является серия инструментов, обнаруженных на хуншаньском поселении Маньэтю (рис. 34) [Лю Чжэнъхуа, 1990].

основания украшена бордюром из тонких насечек. Высота изделия 3,8 см, диаметр основания около 2 см (рис. 30, 12).

На поселении собрана большая коллекция каменных изделий. Их значительную часть составляют артефакты «микролитического» облика. Среди них нуклеусы, ножевидные пластины, в том числе ретушированные, скребки, наконечники стрел, проколки и провёртки. В качестве сырья использовались кремень, опаловая яшма, дымчатый хрусталь, кварц, опал, мелкозернистый песчаник и др. Все ножевидные пластины сняты с призматических нуклеусов. Обычные размеры: длина 3,5 см, ширина 1 см, толщина 0,2 см. Часть пластин имеет ретушь со стороны брюшка по одному или обоим краям. Скорее всего, это вкладышевые орудия (рис. 32, 26, 27). Скребки в большинстве случаев изготовлены на широких, толстых пластинах. В коллекции имеется также один бифас (рис. 32, 38). Наконечники стрел подтреугольной формы: плоские с ровным основанием и ромбические в сечении с выемчатым основанием (рис. 32, 33, 34, 36, 37). На поселении найдены 5 нуклеусов: два призматических (рис. 32, 30, 31), три торцово-клиновидных (рис. 32, 39).

Шлифованные изделия отличаются высоким качеством обработки. Имеются заготовки со следами первичной обивки. Среди готовых орудий тщательно отполированные, овальные в сечении топоры прямоугольной или трапециевидной формы, с выпуклым овальным лезвием (рис. 31, 17); несколько орудий с асимметрично обработанным рабочим краем, овальные или односторонне выпуклые, трапециевидной формы, с округлым лезвием и оббитым обушком (рис. 30, 2). В коллекции есть долота (рис. 30, 3, 4). Имеются также жатвенные ножи и их заготовки эллипсовидной и прямоугольной формы (рис. 31, 18, 19), наконечники дротиков с насадом и плечиковые мотыги до 30 см в длину.

Абрязивы представлены шлифовальными камнями из белого песчаника с макроследами (глубина 0,1–0,15 см), которые свидетельствуют об использовании этих инструментов для заточки каменных или костяных орудий. Несколько плиток со следами красной краски, возможно, использовались для растирания красок. Имеются также прямоугольная плита зернотёрки с приподнятыми краями и два куранта.

Найдены изделия из раковин речных моллюсков, включая обломок шлифованного украшения и жатвенные ножи (рис. 30, 7, 10).

Раскопки поселения Шуйцюань впервые после 1935 г. дали массовый материал культуры хуншань. Здесь же были открыты жилые комплексы. На памятнике отмечено нарушение неолитического слоя хозяйственными ямами культуры *нижнего слоя сяцзядянь*. Подобная стратиграфическая ситуация присуща и поселению Чжичжушань.

Были сделаны некоторые наблюдения, позволившие получить относительную дату, которая позднее была дополнена результатами радиоуглеродного анализа. На одном из памятников в районе г. Линьдун (севернее р. Шара-Мурэнь) слой культуры хуншань был перекрыт накоплениями культуры фухэ, которые датированы 4735–4600 л. н. [Сюй Гуанцзи, 1984, с. 177]. В целом культура хуншань имеет следующие временные границы: середина V – середина III тыс. до н. э.

Несмотря на важность материалов поселенческих комплексов, основное внимание исследователей культуры хуншань обращено к памятникам сакрального плана. Большая их часть относится ко второй половине периода существования культуры. Среди них не только погребальные объекты, но и целые комплексы, которые могут быть названы храмовыми.

Первым из них (по времени обнаружения) следует упомянуть погребальный комплекс у деревни Хутоугуо, на правом берегу р. Маннюхэ [Фан Дяньчунь, Лю Баохуа, 1984]. Обращает на себя внимание надмогильное сооружение в виде спиральной каменной кладки, значительная часть которой (полагаем, что наиболее информативная с точки зрения понимания её формы) хорошо сохранилась (рис. 35). В центре ограниченной ею площадки, на рекордной для неолита Северо-Восточного Китая глубине в 4,5 м, вскрыто погребение в каменном ящике. Подобное внутримогильное неолитическое сооружение было встречено впервые. В погребении найдено 15 нефритовых и бирюзовых скульптурок. Среди них имеются фигурки черепахи, лягушки, птиц (в том числе двух филинов) и рыб (рис. 37, 8–12). За границей выкладки обнаружен еще один хуншаньский каменный ящик. В нём было пять камер, в одной из которых сохранилось парное захоронение, в остальных – одиночные. Среди сопроводительного инвентаря обнаружено оригинальное нефритовое изделие в виде трех сочленённых колец (рис. 37, 7).

Хотелось бы обратить внимание на то, что осталось вне поля зрения китайских археологов: сохранившаяся часть кладки напоминает тело свернувшейся кольцом змеи, голова которой повернута строго на север. В месте, где хвост приближен к голове, имеется свободное пространство, открывающее выход па восток. Туда же обращен лицом погребенный. Но проход здесь препрятствует голова змеи. Уместно вспомнить китайские стенки-загородки *инби* перед входом в храм или в жилище, которые преграждали дорогу злым духам. По внешнему контуру выкладки головы в грунт вкопаны 11 керамических изделий в виде сосудов цилиндрической формы, без дна, с черной росписью (рис. 36, 8, 9). Каменная выкладка в Хутоугуо была вторично использована для совершения трёх захоронений в период поздней бронзы.

Наиболее знаменитым и изученным памятником культуры хуншань (с точки зрения величины раскопанных площадей, обширности публикаций и предложенных интерпретации материалов) является погребально-храмовый комплекс Нюхэлян. Это уникальный феномен, привлекший внимание исследователей и общественности не только в Китае, но и всему научному миру [Сунь Шоудао, Го Дашунь, 1986, с. 109–113; Nelson, 1990; Су Бинци, 1990; Childs-Johnson, 1991; Нюхэлян хуншань, 1997; Дунбэйя каогусюэ яньцзю, 1997; Афремов, 1998].

Нюхэлян – это горная гряда, протянувшаяся в широтном направлении более чем на 10 км. Она служит водоразделом бассейнов рек Далинхэ и Лаоахаэ. Административно это местность на границе уездов Линьюань и Цзяньпин провинции Ляонин. Абсолютные высоты района 600–650 м. Начиная с 1981 г. (с небольшими перерывами), там ведутся планомерные исследования. За это время открыто более десятка памятников культуры хуншань, среди которых нет ни одного поселения. Как и все другие известные погребально-храмовые памятники хуншань, археологические объекты в Нюхэлян располагаются на верхних площадках возвышенностей. Погребальные памятники этого комплекса высоким статуарным содержанием отличаются от большинства погребальных памятников хуншань, обнаруженных ранее (может быть, за исключением могильника с кладкой дракона в Хуюоугу).

Памятник Нюхэлян (комплекс 1) располагается в 15 км к северо-востоку от уездного центра Линьюань, у истока реки Маннюхэ – притока р. Далинхэ ($119^{\circ} 28'$ с. ш., $41^{\circ} 18'$ в. д.). На вершине горы, имеющей самые большие высотные отметки для этого микрорайона, обнаружены остатки храмовых сооружений, которые получили условное наименование «Храм богини». В радиусе двух километров на шести вершинах обнаружены и раскопаны погребения под каменными курганными выкладками – первые и наиболее ранние примеры надмогильных сооружений подобного рода в Восточной Азии.

На вершине имеется ровная площадка размером 175×159 м. Вся она была покрыта подъёмным материалом, среди которого множество фрагментов керамики и конкреций обожженной почвы. Святилище расположено на пологом склоне, у южного края верхней площадки. Севернее обнаружено пятно прокалённой почвы (13×5 м), где собраны фрагменты керамики и антропоморфных скульптурных изображений. К западу и югу от центра святилища найдены две зольных ямы с фрагментами ситуловидных сосудов и другими артефактами, среди которых особого внимания заслуживают два фрагмента керамических фигурок. Один из них представляет собой мужской (?) торс, второй – голову бородатого

человека с курчавой прической (рис. 39, 2, 3). Нельзя не отметить некоторые негроидные черты в облике изображенного человека.

Центральное место в святилище занимают два объекта, расположенные на одной линии с юга на север и под небольшим углом друг к другу. Расстояние между ними чуть более двух метров. Больший по размеру объект является многокамерным: центральная камера и нескольких боковых. Он имеет длину 18,4 м и ширину 6,9 м. Второй объект – однокамерный, имеет длину 6 м по линии запад-восток и ширину 2,65 м (рис. 38).

В ходе раскопок выяснились конструктивные особенности сооружения. Его основание углублено в землю. Сохранившиеся стены котлована имеют высоту 0,5–0,8 м. Стены центральной камеры сооружались следующим образом. Сначала подготавливалась неглубокая канавка. В неё устанавливали деревянный каркас (возможно, из плетёных прутьев и жердей толщиной от 5 до 10 см). Пространство между прутьями и жердями заполнялось жгутами травы или соломы. Затем всю конструкцию обмазывали несколькими слоями глины. На разрезе можно видеть от двух до четырёх слоев обмазки. Первый слой самый мощный (около 5 см), а внешний – самый тонкий (0,5–1,2 см). Поверхность тщательно утрамбовали и загладили, особое внимание уделив внутренней поверхности стены. После этого произвели обжиг. Подобным же тщательным образом подготавливается пол помещения. Обнаружены участки сочленения пола и стен сооружения. Одна из камер помещения (северная) была врезана в коренную породу скалы. Там обнаружены фрагменты красного сосуда ситуловидной формы и части скульптурного глиняного изображения птицы. Стены одной из камер выполнены иным способом: из обожженных глиняных блоков.

Значительная часть поверхности стен была расписана красно-бурыми и светло-жёлтыми узорами, украшена лепниной. В росписи преобладают геометрические мотивы меандра и треугольников (рис. 40). Лепнина представлена рядами шашечного налела (диаметр 1,5–2 см, высота 0,5 см, расстояние между рядами около 4 см). Есть и другие барельефные и горельефные детали, но представляется затруднительным определить, относятся они к технологическим или эстетическим моментам в возведении этого сооружения.

Важной частью комплекса являлась глиняная скульптура. Сам памятник был обнаружен, когда в овраге, прорезавшем западную часть комплекса, нашли фрагменты скульптурных антропоморфных изображений (конечности, торс, нос и др.). Удивительно то, что изображения людей выполнены в натуральный рост, а одна из скульптур могла быть существенно выше обычного человеческого роста.

Наиболее выразительной находкой этой части коллекции является скульптурное изображение человеческой головы (рис. 39, 1). Она найдена в центральной камере основного сооружения святилища. Высота лица составляет 22,5 см, ширина – 16,5 см. В верхней части лба имеется выпуклый горизонтальный валик, который может быть частью изображения причёски либо головного убора. Верхняя часть скульптуры не сохранилась. Уши удлинённо-овальной формы, расположены практически под прямым углом. Брови переходят углом в низкую переносицу. Глазницы в виде гнезда миндалевидной формы, скошены внутренними углами к переносице, внешние углы приподняты. Внутрь вставлены зрачки из нефрита зеленовато-голубого цвета. Лицо подчёркнуто скуластое, рот широкий. Изгиб губ, возможно, указывает на то, что они растянуты, а подбородок выдаётся вперёд. Затылочная часть скульптуры утрачена; на изломе видны следы соломенного каркаса изделия. Поверхность лица раскрашена в красный цвет. Именно эта находка дала название комплексу 1 в Нюхэлян (используется в китайской археологической литературе) – «Святилище (храм) Богини».

Найдены и другие фрагменты антропоморфной скульптуры: плечо, предплечье, женский торс, кисти рук, в том числе сжатые в кулак, есть фрагмент со скрещенными на груди руками и др. Обнаружены также фрагменты зооморфных изображений. Кроме упоминавшейся скульптуры птицы с большими когтями на лапах, собраны фрагменты фантастического существа, которое китайские исследователи именуют чжэулун (свинья-дракон). Фрагменты включают голову, уши, нижнюю челюсть, переднюю часть туловища и части лап. Морду существа украшают широкие овальные ноздри, глазницы с глянцевыми зрачками, пасть с резцами и клыками.

Собранныя на памятнике керамика отнесена к ритуальным предметам. Это в основном чистоглиняные сосуды с прорезными отверстиями и росписью (рис. 41). Остальные изделия имеют обычную ситуловидную форму, изготовлены из глины с примесью песка и украшены орнаментом в виде горизонтальных полос зигзага.

Примечательна стратиграфия заполнения зольных ям. Нижний слой представляет собой археологически стерильную, однородную по структуре тонкодисперсную жёлто-белесую супесь (0,7 м). Его перекрывает тонкий золистый слой, поверх которого находилось скопление фрагментов керамики, каменных орудий и костей животных.

Кроме святилища в Нюхэлян, есть еще четыре пункта с крупными некрополями [Го Дашунь, 1997; Дянь Цунь, 1987; Чжу Да, 1997; Чжу Да, Люй Сюэмин, 1997]. Их характерной особенностью является наличие надмогильных сооружений в виде

каменных курганов, аналогов которым в неолите востока Азии нет. Курганные насыпи круглые в плане. Наиболее изученными являются комплексы 2 и 5.

Комплекс 2 имеет четыре курганных насыпи, под которыми в общей сложности обнаружено и изучено около трёх десятков погребений (рис. 42). Как и в Хутоугуо, захоронения осуществлялись в грунтовых ямах. Внутримогильное сооружение представляло собой каменный ящик из поставленных на ребро или уложенных плашмя друг на друга тонких каменных плит (рис. 43). В некоторых случаях каменные ящики не сооружали (рис. 44, 45). Керамика погребальных комплексов *хуншань* отличается особой изысканностью форм и орнаментации (рис. 46).

Имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные даты в основном укладываются в промежуток с середины IV по рубеж III–II тыс. до н. э.

В 30 км от Нюхэлян обнаружен еще один культовый памятник культуры *хуншань* – Дуншаньцзуй (119° 42' с. ш., 41° 6' в. д.) [Го Дашунь, Чжан Кэцзюй, 1984]. Уже вскрыта площадь 2250 м². Этот комплекс каменных выкладок и построек находится на вершине возвышенности, на берегу р. Далинхэ, на высоте 50 м от уреза воды, напротив широкого входа в долину. Культурный слой насыщен фрагментами керамики, в том числе обломками цилиндрических сосудов без дна. В центре расположена прямоугольная площадка размером 9,5 × 11,8 м, оформленная по периметру кладкой в четыре слоя из обтёсанных блоков песчаника и известняка (каждый размером примерно 30 × 20 × 15 см). Там же найдены скульптурное изображение двуглавого дракона из светло-зеленого нефрита (длина 4 см) и пластинчатое изображение филина из бирюзы (ширина 2,8 см, высота 2,4 см, толщина 0,4 см) (рис. 37, 2, 3). В южной части памятника обнаружена сильно разрушенная площадка из трех слившихся округлых выкладок. Между ней и центральной кладкой хорошо сохранился круглый контур из каменных плиток с насыпкой отборной речной гальки (диаметр 2,5 м). Здесь же найдены фрагменты глиняной антропоморфной пластики (рис. 39, 4–8), в том числе два скульптурных изображения обнаженных беременных женщин. Они лежали рядом с круглой площадкой, вместе с частями полой глиняной статуи человека, сидящего на подогнутых ногах и со сложенными на груди руками. Можно предположить, что ранее все изображения находились на самой площадке.

Разная степень сохранности сооружений в южной части комплекса наводит на мысль: в каждый отдельный момент времени использовался только один «алтарь». По мере его разрушения или по иным причинам устраивался новый «алтарь». Сохранившаяся постройка со статуями была последней по времени функционирования. Логичен вопрос о продолжительности функционирования памятника в качестве ри-

туального комплекса. Основная часть керамического материала относится к позднему времени культуры *хуншань*. С этим вполне соотносится единственная на сегодняшний день радиоуглеродная дата, соответствующая середине IV тыс. до н. э. Как и комплекс в Хутоугоу, памятник в Дуншаньцзуй посещался в более поздние эпохи, о чём свидетельствуют находки керамических сосудов с поддоном, имеющие аналогии на памятниках типа *сюэязянь*. Некоторое количество керамики с оттисками шнура принадлежит культуре *нижнего слоя сицязядянь*. Из этого можно сделать вывод о длительности существования ритуального комплекса в Дуншаньцзуй и о вероятной преемственности культур, материалы которых там представлены.

Яркой особенностью погребального инвентаря культуры *хуншань* является наличие большого количества высокохудожественных изделий из нефрита [Лю Госян, 2000б]. Наибольшее внимание исследователей привлекают С-образные скульптурные изображения существ, именуемых китайскими исследователями *чжэулун* (рис. 37, 4; 47) (анализ этой категории находок см. в гл. 4).

Итак, материалы хуншаньских памятников свидетельствуют о своеобразных связях между северными («микролитическими») и южными (крашеной керамикой) культурами. Существо этих связей остаётся пока непонятным. Крашеная керамика Хуншаньху и Шуйцюань, её типы и орнаментация имеют определённое сходство с изделиями типа *хоуган* культуры *яниао*. Сходство можно видеть в нефритовых коллекциях хуншаньского неолита в Дунбэе и шан-иньских комплексах эпохи бронзы на Центральной китайской равнине. Это может служить материалом для гипотезы о встречах путях заимствований и вкладе неолитического населения юга Маньчжурии в формирование первой китайской цивилизации.

3.1.4. Культура фухэ

В северной части аймака Чжоуда, в бассейне р. Шара-Мурэн (Силамулуныхэ), наряду с памятниками культуры *хуншань*, выделена другая культура, получившая название по поселению у деревни Фухэгуумэн. Поселение было открыто в 1957 г. [Ли Цю, 1959]. В ходе дальнейших исследований 1960 и 1961 гг., сопровождавшихся вскрытием небольших участков культурного слоя, определено стратиграфическое положение остатков так называемой «микролитической культуры» (т. е. коллекций, в составе которых есть ретушированные изделия из камня) и установлено, что данный комплекс не может быть определён как хуншаньский. В 1962 г. произведены крупномасштабные исследования, в ходе которых осуществлялись раскопки поселения Фухэгуумэн

[Сюй Гуанцзи, 1964] и ранее открытых памятников Цзиньгуйшань и Наньянцзянцзы, которые предварительно (по подъемным материалам) отнесли к той же культуре. Полученные коллекции подтвердили специфичность новых материалов, отличавшихся от коллекций известной в том же районе культуры *хуншань* [Лю Гуанмин, Сюй Гуанцзи, 1980, с. 73; Го Дашунь, Ма Ша, 1985, с. 426–429; Сюй Гуанцзи, 1984, с. 176].

В настоящее время наиболее изученным памятником этой неолитической культуры Южной Маньчжурии по-прежнему является поселение Фухэгуумэн, по которому культуре присвоено наименование *фухэ*.

Культура *фухэ* занимает довольно компактный район в бассейне р. Улицзимулуныхэ, севернее р. Шара-Мурэн, на территориях аймаков Чжоуда и Чжирэм [Ли Цю, 1959; Сюй Гуанцзи, 1984, с. 176; Лю Гуанминь, Сюй Гуанцзи, 1980, с. 73–75]. Однако к югу от р. Шара-Мурэн памятники *фухэ* до сих пор не обнаружены. В литературе встречаются упоминания о местонахождениях культуры *фухэ* в уезде Линьси и хошуне Кэшикэтэн, то есть в районе севернее верховьев р. Шара-Мурэн, что находится на западе от основного ареала [Люй Цзуньэ, 1960; Сюй Гуанцзи, 1964, с. 5]. По сравнению с числом памятников культуры *хуншань*, в пределах этой территории число известных памятников *фухэ* невелико.

Поселение Фухэгуумэн находится в 70 км севернее г. Линьдун – административного центра хошуна Байрин-Цзоци аймака Чжоуда Внутренней Монголии ($118^{\circ} 35'$ с. ш., $44^{\circ} 7'$ в. д.). Памятник расположен на высоком (25–60 м) восточном берегу р. Улицзимулуныхэ (Уэрцзимулуныхэ), в месте впадения в неё р. Фухэ. Это крупное поселение (200×300 м) расположено на склоне с южной экспозицией. В данном месте на берегу имеются две возвышенности, на которых зафиксировано около 150 «зольных пятен» с концентрацией подъёмного археологического материала. На пашне они выделяются цветом почвы. Участок понижения поверхности между ними (ширина около 130 м) подобных объектов не содержал. Пятна были организованы в виде ровных рядов, ориентированных по линии восток-запад. Всего в сезон 1962 г. было изучено 12 «зольных пятен», что позволило вскрыть на площади раскопа (600 м^2) 37 жилищ.

Поселение Цзиньгушань располагается в 30 км севернее Линьдунна, на западном берегу р. Улицзимулуныхэ, в 40 м над уровнем реки. Этот памятник тоже приурочен к южным выложенными склонам двух соседних возвышенностей. Площадь памятника оценена в $15\,600 \text{ м}^2$. Зафиксировано 41 «гнездо находок», которое, как и в Фухэгуумэн, имело линейную организацию. В 1962 г. одно из них было вскрыто (150 м^2), что позволило изучить четыре жилища.

Поселение Наньянцзянцзы обнаружили в 35 км севернее г. Линьдунна, на восточном берегу р. Ули-

цзимуулунъхэ, примерно в 40 м над уровнем реки. Раскопана площадка в 110 м², что позволило вскрыть четыре жилища культуры хунишань, перекрытые культурным слоем фухэ. Таким образом, впервые стала очевидной относительная хронология существования двух неолитических культур на данной территории.

Поселения культуры фухэ всегда располагаются на возвышенностях или террасах по берегам рек. Предпочтение отдавалось склонам южной экспозиции. Поселения имели четко организованную структуру расположения жилищ. Крупные поселения, к числу которых относится Фухэгоумэнь, могли иметь более полутора сотен жилищ, малые – около 40. Однако при оценке величины поселений следует учитывать, что некоторые из «пятен концентрации находок» перекрывали не одно, а несколько жилых комплексов, как было отмечено при раскопках в Фухэгоумэнь. Есть ещё один фактор, усложнивший определение количества жилищ и, как следствие, численности населения. По всей вероятности, период существования фухэских посёлков был довольно продолжительным, ибо отмечены случаи последовательного сооружения на одной площадке до четырех жилищ.

Жилища фухэ представляли собой квадратные или окружные в плане постройки. Первых большинство (например, только 4 из 37 жилищ в Фухэгоумэнь были окружными). Застройка отличалась большой плотностью, что, как можно предположить, объяснялось ограниченностью площади подходящей поверхности склона отдельных возвышенностей. Расстояние между жилищами обычно не превышало 3 м по линии восток–запад (т. е. поперечной протиранию склона) и 4–8 м по линии юг–север (т. е. продольной склону).

Размеры котлована большинства жилых построек подквадратного типа обычно варьируют от 4–5 до 3–5 м. Самое крупное из изученных – жилище 1 на поселении Фухэгоумэнь (рис. 48, 1) – имело площадь 35 м². Глубина котлованов не зависела от величины постройки. Котлованы жилищ сооружали на поверхности склона. При выравнивании пола будущего жилища котлован оказывался врезанным в склон. В результате верхняя по склону стенка котлована имеет высоту 0,5–1 м, в то время как профиль боковых стенок (продольные поверхности склона) понижается вместе с общим падением склона. В некоторых случаях стенки котлована обмазывали глиной, смешанной с травой. Вход обязательно был ориентирован на юг. Ровный пол, вероятно, в процессе подготовки специально утрамбовывали, а затем подвергали обжигу. В центре жилой площадки располагался очаг, сооруженный в специально вырытом ложе квадратной формы (длина сторон около 0,5 м, глубина 0,2 м). В отдельных случаях стенки очажной ямы обкладывали каменными плитками.

Жилище фухэ имело каркасно-столбовую несущую конструкцию кровли [Типы традиционных..., 1979, с. 125]. Об этом свидетельствуют столбовые ямки на полу котлованов и отпечатки столбов в слое. В котлованах зафиксировано от четырёх до семи столбовых ямок. В жилище 4 поселения Фухэгоумэнь все семь столбовых ямок расположены под северной стенкой котлована. Диаметр ямок обычно составлял 0,15–0,2 м, а глубина – 0,2–0,3 м. Исследователи предполагают, что подобный ряд имелся под южной стенкой. Однако он мог не сохраниться из-за повреждения культурного слоя в этом месте. Кроме того, в некоторых жилищах именно в южной стенке сооружались небольшие ямы (диаметр 0,5–0,9 м, глубина 0,3 м), вероятно, хозяйственного назначения. Столбы каркаса, по всей видимости, для лучшей сохранности покрывали глиняной обмазкой, замешанной с травой. Свидетельством этому являются находки фрагментов такой обмазки с негативами отпечатков. Предполагается, что жилища с квадратным котлованом имели односкатную крышу, причем северная стенка, очевидно, была выше южной, а боковые стены, не имевшие опорных столбов, представляли собой конструкцию типа плетня.

Круглые жилища имели диаметр 3,5–5 м. В центре находился очаг. В таких жилищах его могли сооружать не только в обычных квадратных (иногда с каменной обкладкой) очажных ямах, но и в круглых. Столбовые ямки располагались по периметру котлована. Упоминается о случае нахождения шести таких ямок. Центральная столбовая яма не зафиксирована ни в одном жилище, что указывает на коническую форму крыши. Обращает на себя внимание тот факт, что круглые в плане жилища в неолите Ляоси более не встречены. Это позволило некоторым исследователям говорить о влиянии северных (тайжных) культур [Фэн Эньсюэ, 1997, с. 73]. С этим можно вполне согласиться, дополнительно заметив, что круглая форма жилища относится к наиболее архаичным архитектурным признакам.

Вся керамика культуры фухэ была изготовлена из формовочной массы с добавлением крупнозернистого песка способом ленточного налепа. Мелкие изделия лепили из одного куска формовочной массы. Рыхлый черепок имеет поверхность от жёлто-коричневого до коричневого цвета, но встречаются и серо-коричневые образцы. Поверхность изделий тщательно выглаживали и, возможно, лощили. Температура обжига была невысокой. Орнамент чаще всего наносили гребенчатым штампом. Основной мотив орнамента – зигзаг; встречаются как поперечные, так и горизонтально ориентированные полосы. Изредка орнамент наносили штампом, оставлявшим отпечаток в виде слабо изогнутой линии (горизонтальной либо вертикальной). Венчиковая часть крупных ситуловидных сосудов оформлена налепным полосовидным валиком. На

донышках сосудов встречаются резные линии и отпечатки переплётённого материала (типа циновки).

Большая часть керамических изделий – это крупные ситулы усёчённо-конических форм, а также чаши и сосуды с косо срезанным верхом. Именно в жилище поселения Фухэгоумэн найден первый образец такого специфического типа керамической тары*. Отличительной особенностью ситул фухэ является широкое отверстие, сравнительно ровные стенки объёмного тулона и значительная разница диаметров отверстия и дна сосуда (рис. 48, 2–5).

Существование крупных и долговременных поселений, а также явные хронологически различия в материалах фухэских коллекций указывают на возможность выделения нескольких этапов существования культуры. В частности, в исследованиях китайских археологов выделены три разновременных керамических комплекса, соответствующие трём этапам в жизнедеятельности поселения Фухэгоумэн [Сюй Гуанцзи, 1984, с. 177]. Изменения в культуре маркируются следующим образом:

1 этап: ситулы имеют округлые, выступающие вовне венчики; стенки тулона чуть выпуклые; большая часть поверхности покрыта плотным, поперечно ориентированным линейным зигзагом;

2 этап: округлый венчик; более отвесные стенки тулона; ниже кромки один или несколько налепных валиков; большая часть поверхности покрыта поперечно ориентированными полосами гребенчатого зигзага;

3 этап: венчик плоский; отвесные стенки тулона скошены к маленькому донышку; большая часть поверхности покрыта поперечно ориентированными полосами гребенчатого зигзага.

Керамика поселения Цзиньгушань имеет некоторые отличия от фухэгоумской. Её венчики массивнее, обязательно имеют налепной валик в виде ленты. Кроме обычного для Фухэ поперечного гребенчатого зигзага, некоторое число сосудов украшено вертикально ориентированными полосами линейного зигзага.

Для производства каменного инструментария в основном использовались тонкозернистые осадочные породы однородного вида (пелиты). Макроорудия в большинстве своем изготавливали с помощью обивки. Среди них много различных рубящих орудий (т. н. «чопперы») составляют примерно четверть всей коллекции каменных артефактов поселения Фухэгоумэн, где собрано более 2,7 тыс. артефактов). В той же технике изготовлены отбойники, топоры,

тёсла, долотовидные орудия, мотыги, остроконечники, скребловидные орудия. Шлифование лишь изредка подвергалась лезвийная часть отдельных немногочисленных рубящих орудий (рис. 49, 1–8).

Изделия микролитического облика изготавливали на длинных ножевидных пластинах, снятых с нуклеусов параллельного принципа скальвания (рис. 49, 18). Среди них скребки с окружным рабочим краем, наконечники стрел, шилья, проколки, дрили и вкладыши. Наконечники стрел иволистной и под треугольных форм составляют наиболее массовую категорию находок (рис. 49, 11, 12). В качестве приёма вторичной обработки использовалась краевая отжимная ретушь. Встречаются изделия, выполненные в «даурской» технике вторичной обработки, при которой остриё оформлялось ретушью с центральной поверхности. Некоторые орудия имеют выемчатый насад. Подобную обработку односторонней ретушью (с дорсальной или с центральной стороны) имеют также шилья и разного рода провёртки. Рабочее остриё у них подготовлено двусторонней ретушью, а многие образцы сработаны до «блестящей поверхности». Более трети всего числа «микролитов» – ножевидные пластины (6–8 см, максимум – до 13 см), не имеющие следов вторичной обработки, но со следами утилизации. Скорее всего, они использовались в составе вкладышевых орудий (рис. 49, 9–11).

Отдельную группу находок составляют плиты и куранты зернотёрок, изготовленные из туфа и базальта. Крупные плиты (обычная длина около 30 см) имеют седловидный прогиб поверхности, указывающий на интенсивное и длительное использование. Длина курантов в среднем составляет 20 см. Они двух типов: пестообразные и сегментовидные. Все куранты покрыты макроследами использования.

Очень много изделий из кости. Среди них шилья, наконечники стрел (по форме аналогичные каменным), иглы, остроги, рыболовные крючки, обоймы вкладышевых орудий, орнаментиры для нанесения гребенчатого орнамента (рис. 49, 16, 19). Все изделия тщательно отшлифованы. Среди костных остатков есть несколько обожжённых оленых лопаток. Они не несут на себе следов сверления или каких-либо иных знаков, но, по мнению китайских исследователей, могут являться одним из древнейших свидетельств скапулимантии. На сопредельной территории Северного Китая этот вид гадательной практики зародился в культуре цицзя, т. е. не ранее эпохи палеометалла [Лю Гуанмин, Сюй Гуанцзи, 1979, с. 75; Кучера, 1977, с. 37].

Обращает на себя внимание полное отсутствие в коллекциях фухэ керамических пряслиц. Вероятно, в этом качестве использовали перфорированные в центре диски, изготовленные из фрагментов керамической тары, которые иногда находят на поселениях.

*В дополнение к высказанным ранее соображениям о предназначении этого типа керамической тары [Алкин, Гребенщикова, 1994] необходимо привести интересное мнение Суй Гуанцзи о том, что эти изделия могли использоваться для хранения и переноски горячих углей [Суй Гуанцзи, 1994, с. 178].

На памятнике Фухэгоумэнь собрано значительное количество костных остатков промысловой фауны. Определению подвергали не только расщепленные кости остатков трапезы, но и материал готовых орудий из кости и их заготовок. Зафиксирован следующий видовой состав: дикая свинья *Sus leucomystax*, оленевые – мускусная кабарга *Mouschus moschiferus*, лось *Alces alces* и косуля *Capreolus capreolus*, газель (дзерен) *Procapra gutturosa*, белка *Sciurus vulgaris*, лисица, барсук, а также полорогие, канисовые и птицы. Более половины всех костных останков отнесены к оленевым, 17 % принадлежали дикой свинье, 9 % – барсуку, 2 % – полорогим. Такой состав фауны однозначно указывает на существование условий, аналогичных современным условиям зоны горных лесов. Совершенно отсутствуют останки непарнокопытных, которые соответствовали бы современным степным условиям с элементами опустынивания. Обращает на себя внимание отсутствие костей каких-либо крупных хищников, кроме лисицы и барсука. Костных остатков канисовых немного, нет никаких следов их доместикации.

Археологическая культура фухэ демонстрирует материалы культуры оседлого неолитического населения, основными занятиями которого были охота, рыболовство и собирательство. С предположением о наличии первобытного земледелия [Сюй Гуанцзи, 1984, с. 179] трудно согласиться, т. к. никаких подтверждений данной гипотезы в материалах фухэ нет. Существенным недостатком имеющихся на сегодняшний день материалов является отсутствие изученных погребальных комплексов фухэ.

Территория севернее р. Шара-Мурэн является общей для культур хуншань и фухэ. На наш взгляд, пока имеющихся материалов явно недостаточно для окончательного выяснения особенностей взаимоотношений носителей этих двух культур во времени и пространстве. На данном этапе изучения вопроса существенным фактом для определения относительной хронологии неолита в бассейне р. Улицзимулунхэ является чётко зафиксированное перестилание культурным слоем фухэ хуншаньских жилищ на поселении Наньянцзянцзы. В то же время очевидны не только различия в облике инвентаря двух культур, но и близкое сходство по ряду позиций. Например, наличие ретушированных каменных орудий, сходных типов ситуловидной керамической тары и приёмов её орнаментации (гребенчатый зигзаг). Правда, в хуншань чаще использовались гладкие штампы для нанесения зигзага. Речь может идти как о генетических связях двух культур [Лю Гуаньминь, Сюй Гуанцзи, 1980, с. 78; Сюй Гуанцзи, 1984, с. 180], так и о ситуации межкультурного взаимодействия. Очевидно и сходство с материалами культуры синьлэ. В орнаментации керамики последней главным является вертикаль-

ный линейный зигзаг, аналогу которому есть среди фухэских материалов с поселения Цзиньгуашань. Это также может свидетельствовать о прямых или опосредованных связях двух культур. Учитывая то, что синьлэ имеет более ранние абсолютные даты, можно предположить: поселение Цзиньгуашань относится к раннему этапу культуры фухэ. Однако пока нет свидетельств о возможном территориальном взаимодействии двух культур.

Данные об абсолютной хронологии памятников культуры фухэ весьма скучные. До сих пор имеется только единственная дата по частично карбонизированной коре берёзы, собранной на поверхности поля жилища 30 поселения Фухэгоумэнь, которое относится к среднему этапу заселения памятника. Калиброванная дата образца соответствует временному промежутку 3510–3107 гг. до н. э. [Чжунго каогусюэ чжун, 1991, с. 55]. Таким образом, средний период существования культуры может быть датирован второй половиной IV тыс. до н. э., что предварительно позволяет говорить о IV тыс. до н. э. и, возможно, первой половине III тыс. до н. э. как о времени, в которое укладывается существование всей культуры фухэ.

3.1.5. Культура синьлэ

Культура синьлэ (ранее именовали *культурой нижнего слоя синьлэ*^{*}) локализуется в междуречье р. Ляохэ и её левого притока – р. Хунхэ. Ареал распространения памятников синьлэ невелик: г. Шэньян (административный центр провинции Ляонин) и уезд Синьминь. Эпонимный памятник находится в северном предместье г. Шэньян, в районе западнее парка Бэйлин.

Поселение Синьлэ располагается на обширном лессовом холме, который возвышается на 5–10 м над аллювиальной равниной ($123^{\circ} 23'$ с. ш., $41^{\circ} 47'$ в. д.). Общая мощность культурного слоя 1–2 м. По результатам первых раскопок 1973 г. выделены два культурных слоя: неолитический (нижний) и эпохи бронзы (верхний). Нижний слой продемонстрировал археологический комплекс, резко отличный от хорошо известных в данном районе на тот момент материалов культуры хуншань. В результате раскопок начала 1980-х гг. на памятнике Синьлэ выделен и средний культурный горизонт, который содержал материалы неолитической культуры пяньбу [Чжоу Яншэн, 1990, с. 979]. Выразительность материалов нижнего культурного слоя Синьлэ позволила поставить вопрос о необходимости выделения нового типа неолитичес-

*Встречающийся в российской литературе вариант названия памятника и культур Синьлао связан с неправильным транскрибированием и является ошибочным.

кой культуры в районе к востоку от р. Ляохэ, которая получила наименование *синълэ* [Цюй Жуйци, Шэнь Чанцзи, 1978, с. 464–466; Лю Гуаньминь, Сюй Гуаньци, 1980, с. 75–76; Го Дащунь, Ма Ша, 1985, с. 429; Чжан Чжихэн, 1988, с. 302–303].

Площадь поселения Синълэ составляет около 40 тыс. м². Из них вскрыто около 3 тыс. м² [Цюй Жуйци, Шэнь Чанцзи, 1978, с. 449–457; Чжоу Яншэн, 1983, 1990, 1994; Юй Чуньюань, 1985]. Поселение имеет регулярную планировку. Жилища располагались ровными рядами и довольно плотно: расстояние между ними по линии восток–запад не превышает 3–5 м. До сих пор не отмечены случаи позднего сооружения котлованов, которые привели бы к разрушению ранних жилищ. Правда, пока изучена незначительная по площади часть поселения, но можно предположить, что оно функционировало недостаточно долго, чтобы появились новые жилища на месте старых. Котлованы визуально различимы и на современной поверхности. На относительно короткий срок функционирования поселения указывает также малое количество артефактов, собранных в межжилищном пространстве, и незначительная мощность культурного слоя. Однако стратиграфия заполнений котлованов показывает достаточно продолжительное время их существования.

Котлованы жилищ (рис. 50–52) в плане, как правило, представляют собой квадрат или прямоугольник с закруглёнными углами. Средняя площадь 40–60 м². Наиболее крупные имеют площадь до 100 м², а самые небольшие – около 10 м². Сооружение представляло собой полуземлянку с каркасно-столбовой несущей конструкцией. В некоторых жилищах присутствует вход коридорного типа, ориентированный на южную сторону. Часть построек погибла в огне, благодаря чему сохранилось большое количество обгоревших частей конструкции. Столбовые ямки обычно располагались по внутреннему периметру котлована. Полость внутри ямок заполнена мелкими камнями и фрагментами керамики, использовавшимися для забутовки. В центре, как правило, находился очаг в круглой или квадратной ямке. В некоторых жилищах обнаружены следы ещё одного или нескольких очагов. Максимальное их количество – шесть [Чжоу Яншэн, 1994, с. 177]. Изучение микростратиграфической ситуации подобных сложных «кухонных мест» дало почву для предположения: время от времени жители полуземлянок производили ремонт пола котлована. Его могли подсыпать новым слоем лёсса или выравнивать за счёт некоторого снятия грунта. Производилась обязательная трамбовка поверхности, а в некоторых жилищах обнаружены большие пятна прокала, которые тоже можно связать с подготовкой пола. После произведённого ремонта в некоторых случаях заново сооружали очаг, а прежний оказывался погребенным под новыми наслоениями культурного слоя заполне-

ния котлована. Если же очаг оставался в старой ямке, то ее вычищали. В результате в очагах не обнаружены артефакты, а слой прокала на стенках очажных ямок очень тонкий [Чжоу Яншэн, 1990, с. 979].

Жилище 1 (рис. 50, 4) изучили в первый год раскопок [Цюй Жуйци, Чэнь Чанцзи, 1978, с. 450]. Это полуземлянка прямоугольной формы (4,6 × 5,2 м), вытянутая по длинной оси на юго-восток (рис. 50, 1). Глубина котлована около 0,4 м. Южная часть частично разрушена: вероятно, там находился вход. В жилище имеется два очага овальной формы. Более крупный (0,63 × 0,35 м, глубина 0,15 м) расположен в центре. Рядом с ним была очажная яма меньших размеров (0,4 × 0,3 м, глубина 0,06 м). В юго-западном углу жилищного пространства есть продолговатая в плане «подушка» прокалённой почвы (мощность до 40 см). На её поверхности отмечены 12 небольших углублений, организованных в два ряда. На дне некоторых из них сохранились донышки сломанных сосудов. Возможно, это был своеобразный «стол» – кухонное место. В числе археологически целых ситуовидных керамических сосудов – одно изделие с косо срезанным верхом (рис. 53). Основная часть находок (керамика, изделия из камня и каменного угля.) сконцентрирована в западной половине жилищного пространства. Отсутствуют столбовые ямки, но в северо-западном углу имеется овальная ямка (0,5 × 0,4 м, глубина 0,35 м). В ней обнаружены фрагменты керамики, камень и «выпрямитель древков» из талька.

В 1978 г. было изучено *жилище 2* (рис. 51) [Лю Гуаньминь, Сюй Гуанци, 1980, с. 74; Юй Чуньюань, 1985, с. 209–212]. Оно имело котлован прямоугольной формы (11,1 × 8,6 м, общая площадь 95,5 м²). В центре располагался очаг (диаметр 1,4 м, глубина около 30 см). В этом жилище найдено самое большое количество угля – остатки кровли и каркаса постройки. Толщина балок (оценена по угольным плахам и отпечаткам на южной и северной стенках котлована) составила от 10 до 20 см. При зачистке поверхности выявлены 34 столбовые ямки по периметру котлована: по 10 под южной и северной стенками, по 9 – под восточной и западной*. Существовали также галереи второго и третьего уровней, параллельные стенкам котлована. Расстояние между стеной жилища и вторым рядом несущих столбов 1,4–1,6 м. Шесть столбов третьей галереи окружали центр жилища с очагом. На них падала значительная часть нагрузки кровли. Они были массивнее и существенно заглублены (на 0,6–1,05 м). Остальные столбы закапывали на глубину 25–30 см. Никаких признаков входа не выявлено.

Большая часть керамики (рис. 54) находилась ближе к стенке котлована, в северном углу запад-

*При подсчёте по сторонам котлована угловые ямки учитывались дважды.

ной половины жилого пространства. Найдены три ситуловидных сосуда, вложенных друг в друга. Отдельные экземпляры стояли у опор восточной и западной стен. Совершенно отсутствовала керамика в центральной части жилища. Большая часть ретушированных изделий оказалась у восточной стенки. Именно в этом жилище на поверхности пола и внутри столбовой ямки в юго-восточном углу котлована обнаружены обугленные зёрна злаков. Изделия из кости, каменные бусины и точила находились между рядами второй и третьей галереи столбов у южной стены, а остатки костей животных (очень плохо сохранились) – в юго-западном и северо-восточном углах котлована.

Жилище 3 (рис. 52) имело подквадратную форму ($9,4 \times 7,7$ м). Котлован был поврежден. Глубина под северной стенкой котлована составила 0,7 м, а у южной – от 0,4 до 0,5 м. Вход никак не отмечен, но у южной стены в центральной части обнаружено небольшое повышение уровня пола, в котором китайский исследователь видит намёк на ступеньку [Чжоу Яншэн, 1994, с. 969–971].

В центральной части котлована есть две очажные ямы. Фактически на втором уровне пола (горизонте обитания) сооружена прямоугольная конструкция ($1,14 \times 0,8$ м, глубина около 0,3 м) с заполнением из мешаного песка (мощность около 15 см). Её стенки образованы спёкшимся песком прокала. Яма второго очага относится к первому уровню пола жилища. Она овальная в плане (диаметр 1,1 м, глубина 0,1 м). В центральной части жилища есть еще прямоугольная зольная яма (?) ($1,4 \times 1,96$ м), которая на глубину 0,5 м врезана в материк с уровня, соответствующего основанию второго очага. На дне собраны фрагменты керамики со штамповым зигзагом, обломки грузил и фигурок из каменного угля.

Внутри этого жилища обнаружено 66 столбовых ямок, распределенных в основном по периметру стенок и в углах котлована. Наиболее плотный ряд несущих столбов (10 ямок) находился под восточной стеной котлована. Расположение остальных не выглядит таким же регулярным, но очевидна их приуроченность к углам сооружения. Столбовых ямок в непосредственной близости от очажного места мало, что оставляет большой простор для жизненного пространства. Обычно глубина столбовых ямок при диаметре 0,2 м составляет 20 см. В некоторых сравнительно крупных (диаметр до 0,6 м), но мелких (от 0,1 до 0,2 м) ямах отмечены «впускные» мелкие столбовые ямки.

Артефактов в этом жилище найдено мало. Они концентрировались в основном вблизи стенок котлована, у столбовых ямок несущей конструкции. Например, сосуд с косо срезанным верхом найден в юго-восточном углу.

Особенностью жилища 6 (рис. 50, 2) является наличие входа в виде коридора с наклонной внутрь жилища поверхностью. Свообразный пандус, судя по находкам многочисленных кусков обожженной почвы, был хорошо утрамбован, а затем подвергнут обжигу. Имеются 10 столбовых ямок, большая часть которых распределена по внутреннему периметру прямоугольного котлована. Кроме того, четыре столбовых ямки попарно располагались у бортов коридора. Они являлись частью несущей конструкции крыши над входом жилища.

Нижний слой поселения Синьлэ и культура *синьлэ* в целом характеризуется керамикой (рис. 53–55), как правило, изготовленной из глины с отощителем в виде песка (90 % коллекции). Грубый и пористый черепок керамики имеет красно-коричневый цвет. Формовка производилась с помощью ленточного налепа. Толщина стенок сосудов равномерная. Температура обжига была сравнительно невысокой. Некоторое количество керамики изготовлено из однокомпонентной глиняной массы. В первых публикациях упоминалось также незначительное число фрагментов, в которых в качестве отощителя отмечен тальк. Но, как становится ясно теперь, эти образцы, скорее всего, принадлежали культурному контексту среднего слоя поселения, отнесённого к неолитической культуре *пяньбу*.

Основной тип керамической тары (90 %) – сосуды усечённо-конической формы (ситулы), к которым примыкают изделия с косо срезанным верхом (или с лицевым вырезом). У ситул диаметр отверстия и высота изделий относятся друг к другу как 1:2. Кроме того, есть чаши на сравнительно высокой, округлой в сечении ножке с кольцевым поддоном и резервуаром сферической формы (рис. 54, 5). При обработке поверхности чаши встречается использование красного ангоба. Однако большая часть керамики *синьлэ* покрыта орнаментом в виде зигзага. На стадии нанесения орнамента, возможно, эпизодически использовался поворотный круг. Преобладают горизонтальные полосы зигзага из вертикально ориентированных оттисков штампа с ровной линейной поверхностью (85 %). Расстояние между параллельными полосами зигзага точно выверено, ряды правильные, часто охватывают всю поверхность изделия. Есть некоторое число сосудов, где в орнаменте встречается одновременное использование горизонтально и вертикально расположенных линий зигзага. Под венчиком у ситул и чаш встречаются прочерченные наклонные линии. Наряду с зигзагом применялся и линейный резной горизонтальный орнамент, полностью покрывавший туло. Очень редки образцы с геометрическими накольчатыми и ромбическими композициями, а также «корзиночным» орнаментом (рис. 56) [Юй Чуньюань, 1985, с. 213; Чжоу Яншэн, 1994, с. 177].

Комплекс каменных орудий культуры *синьлэ* состоит из ретушированных, оббитых и шлифованных изделий. Наиболее значительна группа ретушированные изделия (рис. 57). Сырьё для их изготовления послужили многоцветные халцедоны, кремни и яшмы, а также полевой шпат и серо-зелёный сланец. Известен только один нуклеус конической формы, да и тот из подъёмных сборов (рис. 57, 9). Собрано большое количество ножевидных пластин, а также изготовленных на них остроконечников, наконечников стрел и скребков с округлым рабочим краем. Обращает на себя внимание широкое распространение архаичной «даурской» техники нанесения односторонней краевой ретуши, с помощью которой изготавливались орудия на пластинах. Таким же ранним признаком следует считать присутствие серии наконечников стрел с насадом. Встречаются орудия на отщепах, отбойники, грузила из галек и плечиковые мотыжки небольшого размера.

Второй по численности является группа шлифованных изделий (рис. 58, 59). Среди них каменные топоры, наконечники стрел, шлифовальные камни и зернотёрки. Рубящие орудия представлены овальными в сечении, тщательно обработанными топорами прямоугольной и трапециевидной формы с округлым лезвием, овальными в сечении долотами и трапециевидными топорами. Шлифованные наконечники стрел с прямым или выемчатым основанием имели шестигранные поперечное сечение и изготовлены из серо-зелёного сланца. Материалом для плит и курантов зернотёрок послужили крупнозернистый песчаник и гранитоиды. Часто в качестве сырья использовалась речная галька. Оббитые изделия в основном представлены аморфными типами рубящих орудий.

Широко представлены орудия из кости (рис. 61, 1–10). В основном это разного вида шилья и иглы. Все они тщательно отшлифованы.

Оригинальность вещественного комплекса культуры *синьлэ* заключается в многочисленности небольших фигурок, вырезанных из каменного угля (рис. 62). Формы их стандартизованы: шаровидные и в виде полуширьных сегментов, напоминающих шашки и шахматные пешки. Найдены также многочисленные заготовки из кусков каменного угля в разной стадии обработки. Выяснено, что сырьё брали с расположенного неподалеку Фушуньского каменноугольного месторождения [Сюй Шаочун, 1979]. Фушуньские угольные копи расположены в долине р. Хунхэ, левого притока р. Ляохэ, в 50–60 км к востоку от Шэньяна. Добыываемый там каменный уголь отличался высоким качеством [Анерт, 1928, с. 150]. Образцы его имеют глубокий черный цвет и металлический блеск на изломе. Качество изготовления предметов из каменного угля очень высокое. При этом использо-

вались приёмы резьбы и шлифования. Образцы угля при помещении в огонь давали яркое и жаркое пламя, однако в культурном слое следы сжигания каменного угля не отмечены.

Среди исследователей нет общепринятого мнения о назначении этих находок. Обычно говорится, что это могли быть украшения или игрушки. Чжоу Яншэн выдвинул следующую гипотезу: предметы использовались в гадательной или жертвенной практике, но аргументов не привел [1990, с. 980]. Действительно, это уникальные, ни в одной культуре Северо-Восточного Китая или сопредельных территорий не встречающиеся изделия. Гипотетически можно предположить, что некоторые из них могли использоваться как лабретки. Для подтверждения этого необходимо обнаружить подобные артефакты в некоем более определенном археологическом контексте (например, в составе погребального инвентаря). Кроме того, можно увидеть сходство некоторых предметов из угля с волчками, обнаруженным на неолитических памятниках Северного Китая [Ван Итао, 1999].

Из находок, характеризующих сферу духовной культуры, следует упомянуть резное деревянное изделие со следами многослойной росписи (жилище 2) (рис. 61, 11). По форме оно напоминает большую заколку для волос (длина около 40 см). По мнению китайских исследователей, резьба на этом изделии представляет собой орнитоморфный орнамент.

Абсолютные даты образцов древесного угля из нижнего слоя поселения Синьлэ находятся в рамках 7,2–6,8 тыс. л. н. [Чжунго каогусюэ чжун, 1984, с. 181–182].

Проблема заключается в том, что на настояще время памятников культуры *синьлэ* в районе г. Шэньян и уезде Синьминь известно не очень много, а за пределами их не обнаружено вовсе. Поэтому судьба этой культуры, локальный характер которой очевиден, пока неясна. В то же время нельзя не видеть, что уровень её развития был весьма высоким. Только в двух раскопанных жилищах найдено более 200 археологически целых керамических сосудов. В четырёх жилищах, исследованных в начале 1980-х гг., обнаружены фрагменты примерно 400 тарных изделий. Приблизительно такое же количество археологически целых сосудов собрано при раскопках 1991 г. В жилище 2 обнаружены обугленные образцы злаков, что прямо указывает на земледельческий характер этой неолитической культуры [Ван Фудэ, Пань Шицюань, 1983]. Кроме того, найдены косточки неопределённых плодовых растений [Чжоу Яншэн, 1990, с. 980], а также костные остатки промысловых животных, которые свидетельствуют о важной роли собирательства, охоты и, возможно, рыболовства.

3.1.6. Культура пяньбу

Первое местонахождение с материалами этого типа было открыто в 1956 г. Это поселение Пяньбу, обнаруженное в районе Пяньбуцзы уезда Синьминь, в западной части городской территории Шэньяна, в 10 км от современного русла р. Ляохэ [Ван Цзэнсинь, 1958]. Тогда же собран материал, который, как отмечают китайские археологи, до конца 1980-х гг. не привлек сколько-нибудь значительного внимания исследователей и упоминался только в связи с материалами культуры *синъэ* как более поздний тип, занимавший тот же ареал [Го Дашунь, Ма Ша, 1985, с. 431; Чжан Чжихэн, 1988, с. 303]. Подъёмные материалы в Пяньбуцзы были композицией с артефактами эпохи бронзы. После изучения новых памятников (особенно после того, как на поселении Синъэ был выделен средний – более поздний, чем собственно синъэский, слой) стало ясно: необходимо ставить вопрос еще об одном типе культуры неолитического времени. Он получил наименование *пяньбу* [Чжоу Яншэн, 1990, с. 979; Дунбэя каогусюэ, 1997, с. 128–129; Сюй Юйлинь, Ян Юнфан, 1992].

Стратиграфическое положение культуры *пяньбу* позволяет определить её относительную хронологию в пределах III тыс. до н. э. Материалы по радиоуглеродному датированию памятников культуры *пяньбу* не опубликованы.

Керамика представлена ситулами с черепком красно-коричневого цвета из глины с примесью песка. Орнамент включает полосы с короткими черточками, поперечные и вертикальные ломаные или волнистые линии, а также короткие резные и орнаментальные пояса из двух параллельных горизонтальных линий с размещенными в пространстве между ними наклонными короткими линиями (рис. 63). Штамповый орнамент отсутствует. Характерной чертой орнаментации керамики *пяньбу* являются налепные валики на тулове и защипы на поверхности туловов сосудов усеченно-конических форм. Эти изделия могут быть разделены на три подтипа в соответствии с формой венчика: прямая кромка без специального оформления; узкий венчик; венчик в виде короткого утолщенного карниза с наклонными резными линиями на внешней поверхности. Кроме керамики из глины с добавлением песка, есть некоторое количество фрагментов изделий из массы с добавлением растёртого талька. Черепок этих изделий плотный, температура его обжига была более высокой.

Значительно число ретушированных изделий: прямоугольные ножевидные пластины (микропластиники?), вкладыши (большинство со следами вторичной обработки), шлифованные сланцевые наконечники стрел с вогнутой базой и желобком в средней части.

Хотя материалов пока не очень много, они достаточно оригинальны. Вероятно, «микролитические»

изделия и формы ситуловидной керамики связаны происхождением с культурой *синъэ*. В то же время формы керамической тары и её резная орнаментация довольно близка образцам из нижнего слоя поселения Гоцзяцунь и других памятников в районе г. Люшунь, которые могут быть соотнесены с материалами типа *среднего слоя сяочжушань*. О том, что эта культура более поздняя по времени, чем *синъэ*, свидетельствуют стратиграфические наблюдения на памятниках Синъэ и Гаотайшань (район г. Шэньян), а также на местонахождениях в районе Люйда (Люшунь – Далянь). Ареал культуры *пяньбу* в настоящее время представляется как территория к западу от Шэньяна и уезд Синьминь, т. е. бассейн нижнего течения р. Ляохэ. В целом он совпадает с известным на сегодняшний день ареалом *синъэ*, но это предварительные данные. Кроме того, недостаточно данных для решения вопроса о преемственности материалов культур *синъэ*, *пяньбу* и *верхнего слоя синъэ*.

3.2. Неолит Лядунского полуострова

Древнейшей неолитической культурой на Лядунском полуострове является культура *хоува* с ее островным вариантом *сяочжушань*, представленным хронологическими этапами, которые соответствуют трём культурным слоям поселения Сяочжушань [Сюй Юйлинь, Гао Хунчжу, 1984, с. 22–24, 31–36; Синь Чжунго ды каогу..., 1984, с. 185–187; Сюй Юйлинь, 1990; Xu Yulin, 1995]. Понимание этого к китайским исследованиям пришло не сразу. Первоначально периодизация и содержание неолитических культур полуострова Лядун строились исключительно на материалах многослойного памятника Сяочжушань [Ван Сычжоу, 1990], а культура *хоува* рассматривалась как отдельный феномен.

Лядунский полуостров издавна привлекал внимание исследователей. До 1945 г. здесь работали японские археологи [Сюй Минган, Сюй Юйлинь и др., 1981, с. 63]. В конце 1950–1960-х гг. проводили разведку сотрудники провинциального музея и музея г. Люшунь. Обследуя ранее открытые японскими исследователями местонахождений, они обнаружили ряд новых памятников на самом полуострове и на близлежащих (до 40 км от побережья) островах [Сюй Минган, 1959, 1961; Сюй Минган, Юй Линьсян, 1962]. Уже тогда исследователи обратили внимание на особый состав теста для керамической тары: в качестве отощителя в нём присутствовал тальк. На первом этапе исследований неолитические памятники полуострова были причислены к культуре *луншань*.

Одновременно было отмечено, что среди материалов нижних культурных горизонтов (в том числе на памятнике Шанмashi на острове Дачаншань,

Уцзяцунь на острове Гуанлу и др.) выделяется многочисленностью группы усечённо-конических сосудов. Они были украшены гребенчатым штамповым орнаментом, который для луншань не характерен. Эта керамика могла быть сопоставлена с находками из бассейна р. Шара-Мурэн [Сюй Минган, Юй Линьсян, 1962, с. 352].

Летом 1973 г. проведено новое обследование памятников, а в 1976–1978 гг. состоялись первые крупномасштабные раскопки в нескольких пунктах: на поселении Гоцзяцунь близ г. Люшунь, на островах Гуанлу и Дачаншань архипелага Личаншаньдао – Лютяогоу, Дуншань, Сяочжушань, Уцзяцунь, Личаган, Нанъяо, Гаоличэн и др. Полученные результаты позволили по-новому взглянуть на неолит Лядунского полуострова. Раскопки были результативными: удалось выделить три этапа развития материальной культуры неолитического населения этого региона в эпоху 6–4 тыс. л. н.

Эпонимный памятник культуры хоува был открыт в 1981 г. [Сюй Юйлинь, Гао Хунчжун, 1994, с. 22–24]. Он находится в уезде Дунгоу провинции Ляонин, на поверхности возвышенности, в 15–16 км от современной береговой линии северо-восточной части побережья полуострова Лядун ($124^{\circ} 6' \text{ с. ш.}, 39^{\circ} 48' \text{ в. д.}$). Хоува – это крупное поселение (площадь около 17 тыс. м²) с десятками жилищ. Наиболее полно в литературе представлены результаты раскопок 1983–1984 гг. [Сюй Юйлинь, Бо Жэньи, Ван Чуаньпу, 1989; Сюй Юйлинь, 1990].

Поверхность памятника сильно разрушена, т. к. на этой же возвышенности было устроено местное кладбище и разбит сад. Повлияли на сохранность культурного слоя и склоновые процессы. В соответствии с планиграфической ситуацией памятник был разбит на пять участков раскопок. К настоящему времени вскрыто более 10 % площади, что позволило изучить 43 жилища, 20 хозяйственных ям, собрать более сотни керамических фрагментов (археологически целых сосудов более 400), а также около 2 тыс. других артефактов.

Основное отличие памятника Хоува от ранее известных памятников этой культуры – отсутствие раковинных куч. Данный факт можно объяснить отдаленным от берега моря расположением, что привело к ориентации населения на иные пищевые ресурсы. С этим же, вероятно, связана большая (по сравнению с островными и приусտевыми местонахождениями) площадь памятника.

Четыре литологических горизонта вмещают два культурных слоя. Нижний слой соответствует лёссу четвертого горизонта. С ним связано 31 жилище поселения Хоува. Пять крупных жилищ имеют котлованы квадратной формы, а 26 жилищ меньшего размера – окружные котлованы. Расположены они

довольно плотно. Обычно крупное прямоугольное жилище окружали несколько мелких жилищ окружной формы. Все они представляют собой полуземлянки с углубленным на 10–20 или 40–50 см котлованом. Пол покрывал слой специальной подсыпки. В 14 случаях в центральной части котлована либо ближе к одной из его стенок располагался очаг квадратной, прямоугольной или окружной формы. Границы очага облицовывали поставленными «на попа» каменными плитками. Внутри очагов в некоторых случаях обнаружены ситуловидные сосуды. Кроме специально сооружённых очагов, внутри жилищ зафиксированы следы неоформленных очажных мест.

Следы входа в большинстве жилищ обнаружить не удалось. Только в крупных прямоугольных жилищах 24 и 33 (в юго-восточной части) имеются остатки специально оформленного входа. Стенки котлована отвесные, однако в жилищах 1, 6 и 24 одна или две стенки имеют ступенчатый профиль. По внешнему периметру котлована встречены неглубокие столбовые ямки (глубина и диаметр от 10 до 20 см). Особенностью жилищ 6 и 33 является то, что столбовые ямки находились и внутри жилища: под стенками котлована и в центральной его части. В качестве примера приведём описание двух жилищ поселения.

Жилище 24 (рис. 64, 1). Котлован подквадратной формы со скругленными углами. Его размеры $8,3 \times 7,3$ м, а высота сохранившихся стенок 0,42–0,45 м. Восточная, южная и северная стенки имеют ступеньку. Пол котлована имеет слой подсыпки. Зафиксированы семь столбовых ямок по внешнему периметру котлована. Вход в виде короткого коридора сделан в восточной стене и несколько смещён от центра к углу. Его поверхность имеет наклон внутрь, но очень незначительный. Длина прохода 1,95, а ширина 1,2–1,4 м. У восточной стороны, напротив входа в жилище, устроен очаг подквадратной формы ($1,18 \times 0,9$ м). Он сооружён из прямоугольных каменных плиток, установленных «на попа». Высота стенок очага равнялась 0,27 м.

Жилище 27 (рис. 64, 2). Котлован окружной формы (диаметр 4,6 м, высота стенок 0,15 м). Пол покрыт слоем посыпки толщиной 10–15 см. В центре, с небольшим смещением к южной стенке, расположен очаг, сооруженный из каменных плиток. Его размеры $0,5 \times 0,9$ м, а глубина 0,3 м. В заполнении очага найден ситуловидный сосуд. Из-за существенных разрушений котлована более поздним жилищем 26 и хозяйственными ямами сохранились только две столбовые ямки: у северо-восточного и юго-западного углов котлована.

На поселении обнаружена целая серия хозяйственных ям. К нижнему слою относятся 18 из них. Значительна вариабельность размеров круглых ям (15 штук). Две самые крупные из них имеют диаметр

около 6 м и глубину 0,4–0,7 м. Более мелкие ямы обычно имеют диаметр около 2 м (иногда 3–5 м) и глубину 0,5–1 м. Стенки ям отвесные, основание ровное. В некоторых случаях стенки и дно обожжены. Скорее всего, их использовали для хранения продуктов питания. Потом многие из них были заброшены, разрушены или превращены в зольники [Сюй Юйлинь, 1990, с. 14].

Большая часть керамических изделий изготовлена из глины с отощителем из композиции просеянного песка и большого количества талька. Чистый песчаный отощитель использовался редко. Все изделия лепные. Их поверхность хорошо выглажена. Черепок сравнительно толстый. Температура обжига была высокой.

Коллекция из Хоува, собранная во время раскопок 1983–1984 гг., включает 363 археологически целых сосуда.

Большую группу (около 60 %) составляет тара усечённо-конических форм (рис. 65, 1–5, 7–9, 11). Все эти сосуды плоскодонные. Их тулоо орнаментировано штамповым и резным (в меньшей степени) орнаментом, который покрывает обычно большую часть тулаа до самого основания. Значительная часть изделий имеет под срезом венчика поперечно прикреплённые парные кольцевые ручки, что является характерной особенностью керамики этой культуры.

Крупные ситулы ручек не имеют. Их тулоо покрыто штамповым орнаментом («циновка», фестоны, наклонные линии). Диаметр отверстия 21–41 см, а высота 26–46 см. Изделия средних размеров снабжены ручками. В орнаменте присутствуют не только штамп, но и резные линии. Диаметр отверстия 14–22 см, а высота 15–26 см. Большинство мелких изделий не орнаментировано, лишь некоторые из них украшены штампом и резными линиями. Высота таких сосудов менее 15 см, а диаметр отверстия 7–14 см.

Отдельный тип керамической тары представляют сосуды закрытых форм (рис. 65, 10). Таковых собрано около 20 экз. Это изделия с суженным устьем или высоким узким (диаметр отверстия меньше диаметра дна) горлом. Под горловиной или на плечиках прикреплена пара поперечно расположенных кольцевых ручек. Орнаментация – штамповье и резные композиции.

Большая группа керамики включает чаши разного типа (рис. 65, 6). Все они плоскодонные. Большинство из них с сильно скошенными стенками, но есть образцы с суженным устьем, а также с перегибом стенок тулаа в медиальной части. Чаши различаются по размерам: самые крупные имеют диаметр отверстия 18–20 см, средние – 11–16 см при высоте 7–9 см, малые – 7–10 см при высоте 3–4 см.

Отдельную группу составляют изделия усечённо-конических форм и малых размеров (бокалы). Если наличествует орнамент, то он обязательно резной. Высота самых крупных экземпляров 6 см, самых

маленьких – 2–4 см при диаметре отверстия 3–7 см. Такие изделия лепили из одного куска глины.

В коллекцию керамических изделий входит десяток предметов, получивших за форму наименование «черпак, ковш». Они овальные, снабжены овально-уплощённой в сечении рукоятью, расположенной под углом к ёмкости. Самый крупный образец имеет размеры 8,5 × 11 см при глубине 3 см.

Оригинальный тип керамической тары – изделия «в виде лодки». Это блюда вытянутой овальной формы с плоским или округлым дном. Большинство изделий представлено фрагментами. Реконструирован один экземпляр, имеющий круглое основание, длину 11 см, ширину 6,7 см и высоту 3 см.

Большая часть керамических сосудов орнаментирована. Основной способ орнаментации – штамповый узор (более 90 % изделий). Среди мотивов преобладает циновочный орнамент. За ним по количеству идет зигзаг, образованный вертикальными отисками гребенчатого штампа. Он организован в горизонтальные линии. Среди штампового орнамента встречаются «сеточка», фестоны, косые и поперечные линии, имитации жилок листа, треугольники, образованные косыми линиями, волнистые линии. Для нанесения штампа использовался инструмент с зубцами, оставляющими треугольные либо овальные отиски. Резной орнамент – «сеточка» (преобладает), «циновка», поперечные и наклонные линии, треугольники из косых линий, волнистые и зубчатые линии (рис. 66).

Каменный инструментарий в основном представлен оббитыми и шлифованными орудиями. Они определены китайскими исследователями как орудия сельскохозяйственного производства (271 экз. в коллекции 1983–1984 гг.), что выглядит, по меньшей мере, преждевременным выводом. Рубящие орудия изготовлены из серпентина, разновидности жадеита и известняка. Они подпрямоугольные в плане, имеют овальное поперечное сечение и двусторонне обработанное выпуклое лезвие. Долотовидные орудия миниатюрны (длина 6–10 см), с прямым или скосенным лезвием. Землеройные орудия изготовлены при помощи оббивки. Только одно из них, сделанное из гранита (?), имеет полностью отшлифованную поверхность и двусторонне обработанный рабочий край. Это уплощенные орудия с плечиками и узкой обушковой частью либо с перехватом и расширенной рабочей частью.

Самыми массовыми находками среди каменных орудий являются плиты (113 экз.) и куранты (127 экз.) зернотёрок. Куранты в большинстве случаев имеют пестообразную форму и овальное поперечное сечение. Плиты зернотёрок овальные в плане, с вогнутой рабочей поверхностью.

Столь же многочисленны каменные грузила (82 экз.). Это плоские, округлые (диаметр 4–9 см)

или продолговатые гальки с противостоящими выемками-выбоинами. После соответствующей обработки в качестве грузил могли использоваться и фрагменты керамики. К группе грузил также отнесена серия изделий из талька (31 экз.). Они имеют стандартизованную форму: плоские прямоугольные бруски, одна поверхность которых ровная, а вторая — желобчатая. Встречаются один или два продольных желобка. На гладкую поверхность и с торца нередко нанесён прорезанный сетчатый узор. На спинке одного из образцов (длина 7,5 см, ширина 2,6 см, толщина 1,4 см) имеется прочерченное изображение рыбы (рис. 68, 16).

Шлифованные наконечники стрел выполнены из сланца. Они иволистой формы, двугранные, с ровным или вогнутым основанием (длина до 6 см). Имеются также шилья, дрили, «выпрямители древков», шлифовальные камни (около 70). Некоторые каменные орудия лишь кратко описаны, без иллюстраций, что не позволяет судить об их функциональном назначении.

Из обожженной глины изготавливали также прядица, но нередко они сделаны из фрагментов керамики. Есть серия инструментов керамического производства.

В третий сезон раскопок на поселении Хоува (1992 г.) была сделана уникальная находка — духовой инструмент из обожжённой глины, именуемый в китайской традиции *сюань*. Изделие красно-коричневого цвета изготовлено методом лепки из глины с примесью песка. Оно имеет яйцевидную форму, ровное основание и верхнюю часть сосцевидной формы с отверстием. Ещё одно круглое отверстие находится на стыке горловины и плечика. Размеры изделия: диаметр основания 6 см, высота 8 см; диаметры отверстий 0,5 и 1,2 см. Вероятно, подобные инструменты могли использовать для имитации голоса птицы или зверя. Что касается конкретного образца из Хоува, то проведён анализ тональности звука, который смогли извлечь с его помощью. Было определено сходство со звуком, издаваемым местной птицей *халимоуняо* (выяснить ее видовую принадлежность пока не удалось), по числу криков которой крестьяне предсказывают виды на урожай. Китайский исследователь сделал вывод, что и этот неолитический образец мог иметь отношение к древней гадательной практике [Сюй Юйлянь, 1994].

Характерной чертой материальной культуры *хоува* является наличие портативных глиняных и каменных скульптур, изображающих животных и антропоморфных существ (рис. 68). Их величина 2–6 см. Есть и скульптуры фантастических существ (например, драконов). В 1983–1984 гг. в Хоува обнаружено 36 таких предметов [Сюй Юйлинь, Бо Жэньи, Ван Чуаньпу, 1989, с. 9–13; Сун Чжаолинь, 1989]. Портативная скульптура встречается и в других культурах

Южной Маньчжурии, однако только в *хоува* в качестве основного материала для её изготовления послужил тальк. Простота его обработки, по сравнению с нефритами, вероятнее всего, привела к массовости производства.

Можно выделить две группы скульптур: антропоморфную и зооморфную. Предложенная китайскими исследователями типология более дробная: антропоморфные (янусовидные и полиморфные) и зооморфные (скульптуры свиньи, голова тигра, птиц, рыб, насекомых) скульптуры. Керамические образцы изготовлены из глины с песчаным отощителем. Цветовая гамма — красный и чёрный цвет. В ряде случаев определение может быть уточнено.

Даты по карбонизированному дереву из поселения Хоува укладываются в промежуток от V (для нижнего слоя) до IV (для верхнего) тыс. до н. э.

В связи с тем, что в нашем распоряжении не было достаточного количества иллюстративного материала по памятнику Хоува, ниже дана краткая информация по одновременным хоуваскому комплексам Даган и Бэйутунь.

Местонахождение Даган находится в 15 км от поселения Хоува. Объём исследований был небольшим, а жилые комплексы пока не выявлены [Чэнь Динжун, 1986]. Керамический материал в целом идентичен тому, что получен на поселении Хоува (рис. 66, 67).

Поселение Бэйутунь располагается в районе г. Далянь (123° 13' с. ш.; 39° 43' в. д.) и представляет собой крайний южный район распространения культуры *хоува* на континенте [Цюй Фэн, Сунь Дэюань, 1992, с. 24–25; Сюй Юйлинь, Су Сяосинь и др., 1994; Бо Жэньи, 1994]. Это прибрежное поселение в 500 м от места впадения в Бохайский залив р. Иннахэ. Площадь памятника около 10 тыс. м², а раскопано около 500 м² (рис. 70). Здесь обнаружено 8 котлованов жилищ и две хозяйствственные ямы. Отмечены небольшие участки ровика (ширина 10–12 см, глубина 5–6 см) (рис. 72). Судя по выявленным в нём остаткам столбовых ямок, это сооружение вроде плетня, которым, скорее всего, было обнесено поселение. Накопления культурного слоя имеют мощность 0,7–1,25 м. Четыре литологические слоя разделены на два культурных горизонта, относимых к культуре *хоува* (рис. 69). Все жилища полуземляночного типа, с каркасно-столбовой несущей конструкцией. Столбовые ямки располагаются по внутреннему периметру котлована.

Жилища 3–6 и 8 нижнего слоя имеют округлую форму (рис. 71, 72) и диаметр 4–5 м (самое большое 8 м). Вход ориентирован на юг и выполнен в виде короткого коридора. Очаги сделаны в виде небольшого квадратного ящика из каменных плиток, поставленных «на попа». В некоторых случаях встречены небольшие дополнительные очаги с каменной вымосткой. Пол котлованов тщательно утрамбован.

Вся найденная керамика лепная. Черепок довольно массивный, а температура обжига была высокой. По технологии производства, типологии и способам орнаментации керамика близка керамическому комплексу поселения Хоува (рис. 73–74). Основной тип формовочной массы – глина с добавлением песка, часто встречается примесь растёртого талька. Ведущим мотивом орнаментации является зигзаг, выполненный в пунктирно-гребенчатой технике. Имеются и другие варианты гребенчатого и резного орнамента (рис. 75).

Собрano значительное количество шлифованных каменных и костяных изделий (рис. 77, 78). Отдельную группу находок составляют жилища, выполненные на фрагментах керамики, а также украшения из раковин (рис. 68, 7–10; 76).

Культура верхнего культурного слоя представляет более поздний этап существования этого памятника культуры хоува. К нему относятся жилища 1, 2 и 7 (рис. 70). Котлованы жилищ были прямоугольными, с выходом в виде короткого коридора, пристроенным к юго-западному углу. Очаги на поверхности пола организованы без особой подготовки места. Они имеют вид округлой площадки очажных отложений. Размеры и обустройство несущей конструкции жилищ верхнего и нижнего слоев аналогичны. Особенностью орнаментации керамики является уменьшения доли зигзага, появление резных меандровых композиций (рис. 79–80). Каменный инструментарий представлен в основном шлифованными изделиями (рис. 81).

Результаты радиоуглеродного датирования памятника не опубликованы. По аналогии с материалами поселения Хоува и памятников островного варианта сяочжушань первый период функционирования поселения Бэйутунь может быть определён в промежутке с 6,5 до 6 тыс. л. н., а второй период – от 6 до 5,5 тыс. л. н.

Опорным памятником для периодизации островного неолита южной части полуострова Лядун является многослойное поселение Сяочжушань [Сюй Минган, Сюй Юйлин и др., 1981]. Оно расположено в центральной части острова Гуанлу, на восточном склоне холма Сяочжушань, у деревни Уцзыцунь, на высоте 20 м над уровнем моря ($122^{\circ} 21'$ с. ш.; $39^{\circ} 11'$ в. д.). Площадь памятника около 5 тыс. м². Сяочжушань, как другие памятники островов Гуанлу и Дачаншань, относятся к поселениям с раковинными кучами. Культурные слои памятника насыщены останками морских моллюсков. Мощные наслоения раковин образованы скоплениями панцирей устриц, жемчужниц и туринаелл. Толщина культурного слоя составляет 1,5–2 м. Выделено пять литологических слоев, которые представляют три горизонта культурного слоя.

Керамический комплекс нижнего культурного слоя Сяочжушань содержал керамику, основная часть

которой изготовлена из глины с примесью талька (рис. 82, 11–21). Черепок имеет черно-коричневую окраску. Вся керамика лепная, выполнена ленточным способом. Стенки сосудов сравнительно толстые (0,5–1 см). Основная форма сосудов – ситуообразные ёмкости с прямым или чуть отогнутым венчиком. 90 % орнамента – отиски шагающего штампа и другие линейные формы, которые составляют разнообразные композиции. Встречается также орнамент из резных линий. Орнаментальные полосы в большинстве случаев широкие и иногда покрывают весь сосуд.

Ситуообразные сосуды со штамповым орнаментом разделены на два типа. Второй тип отличается от первого лишь наличием вертикально поставленных «ушек» (рис. 82, 12). Венчик прямой, дно плоское. Сосуды украшены сложными композициями из собранных в ромбические и подтреугольные группы линейных оттисков, горизонтальных прочерченных (вокруг тулов) линий и горизонтальных полос зигзага, выполненных в технике шагающего штампа. Диаметр отверстия 16–34,4 см, высота 18,8–35,8 см (рис. 82, 11–16). Два сосуда подобной формы украшены резным узором (рис. 82, 18, 20).

Основную часть каменных изделий составляют оббитые орудия. Среди них скребловидные изделия на крупных кварцитовых галечных отщепах (рис. 82, 7, 8), два грузила из алевритовых галек с выемками на длинных сторонах (рис. 82, 2), шаровидные орудия из кварца (диаметр 8–9 см). Шлифованные орудия редки. Отметим овальный в сечении топор с округлым рабочим краем (рис. 82, 10). Абразивные материалы включают прямоугольные зернотёски и овальные в сечении куранты; интересны два изделия из талька с параллельно расположенными желобками («выпрямители древков») (рис. 82, 5, 6). Имеется также одно костяное изделие типа шила, изготовленное из расщеплённой кости конечности животного (длина 77 см).

В нижнем слое памятника Сяочжушань (на раскопанной площади в 80 м²) жилища обнаружены не были. Восполнить этот пробел помогли результаты раскопок нижнего слоя поселения Шанмаша на острове Дачаншань. Этот памятник относится к аналогичному культурному типу. Там обнаружено одно частично разрушенное жилище – полуземлянка прямоугольной формы с закруглёнными углами. Его размеры 3,3 × 2,7 м (рис. 82, 1), а глубина котлована 10–20 см. Столбовые ямки не обнаружены. В северной части площадки выявлен участок почвы с прокалом (толщина 4–6 см). На нём собраны обожжённые кости животных и раковины, а также курант от зернотёски (плита которой лежала в другом углу жилища), фрагменты ситуообразного сосуда, скребло, три остроконечника и другие артефакты. У восточной стенки жилища обнаружен шлифованный нож, а ря-

дом, в юго-восточном углу, находился полный скелет небольшой собаки, уложенный головой на юг.

Набор орудий и результаты определения костей животных из нижних слоев памятников Сяочжушань, Шанмashi, Лютяоягоу, Наньюй, Шаопаоцзы и некоторых других местонахождения у. Чанхай указывают на важную роль в хозяйстве охоты, приморского собирательства и рыболовства. Нижний слой Сяочжушань не имеет абсолютной даты, но он древнее среднего слоя, по которому даты получены: 5270 ± 100 (с калибровкой 5905 ± 125) и 5810 ± 100 (6470 ± 105) л. н. Следовательно, нижний слой может быть датирован временем около 6 тыс. л. н. Этот вывод подтвержден и результатами изучения континентального варианта ранненеолитической культуры хоува.

Большая часть керамики культуры среднего слоя поселения Сяочжушань изготовлена из красно-коричневого теста с примесью песка, остальная – из черно-коричневого с добавлением песка. Иногда формовочная масса содержала тальк. Изделия из чистой глины красного цвета украшали чёрными росписями. Вся керамика лепная, изготовлена ленточным способом и подвергалась тщательному лощению. Толщина черепка около 0,5 см. Температура обжига была высокой. Основной вид орнамента – резные линии (более 4/5 всей коллекции), встречается также штамп и черная роспись.

Основной тип изделий – усечённо-конические ситулы с прямым или расширенным устьем (рис. 84, 7, 9). От изделий нижнего слоя они отличаются ровно срезанным венчиком, более прямыми стенками и чётко выраженным закраинами донышка. У этих ситул разница между диаметром отверстия и дна гораздо больше. В орнаментации преобладают узко-полосные резные композиции из поясов наклонных коротких линий, «ёлочки», пересекающихся в виде сетки линий и др. Этому слою присущее большее разнообразие типов посуды. Встречаются чаши различных типов (рис. 84, 1–3), кувшины с широким сужающимся горлом (рис. 84, 8) или плавно профилированной шейкой (рис. 84, 10), треножники дин с округлыми в сечении цельными ножками и широким чащевидным туловом, украшенным налепным валиком (рис. 84, 11), а также кувшины со сливом и короткими ножками (рис. 84, 13, 14). Аналогичный керамический комплекс обнаружен на находящемся поблизости поселении Уцзяцунь.

Большинство каменных орудий шлифованные: топоры прямоугольной формы из известняка, тесла со скосенным лезвием, ножи с прямым лезвием (рис. 83, 20), сланцевые наконечники стрел уплощенно-треугольной формы с прямым основанием (рис. 83, 6). Есть несколько фрагментов зернотёрок и курантов. Интересен маленький шарик (диаметр 1,7 см) из змеевика. Техникой обивки изготовлены сланцевые

мотыги трапециевидной формы (рис. 83, 16, 17), нож (рис. 83, 12) и наконечники стрел (рис. 83, 2). Изделия из кости представлены шильцами, стамесками, наконечниками стрел, украшениями (рис. 84, 15, 23–35).

Все жилища среднего слоя Сяочжушань оказались разрушенными. В Уцзяцунь они сохранились несколько лучше. Можно видеть, что жилые постройки на этом этапе развития культуры становятся более крупными. Полуземлянка в Уцзяцунь имеет подквадратную форму и размеры $4,97 \times 4,76$ м (рис. 83, 1). Вход располагался в северо-западном углу, будучи открыт на запад. Имеется одна ступенька, вынесенная за пределы жилой площадки. Вдоль стенок и на полу в центре котлована обнаружены 22 столбовые ямки диаметром 12–20 см и глубиной 10–36 см. Жилище разрушилось в результате пожара. Сохранились обугленные балки (диаметр 13–15 см), ориентированные в направлении север–юг. На них лежали остатки конструкций восточной и западной стенок – тонкие дубовые стойки (диаметр 5–10 см). Остатки обрушившейся кровли имели двадцатисантиметровый слой глиняной обмазки. Пол жилища был хорошо утрамбован. Можно предположить, что постройка имела четыре стены, сплетённые из веток и обмазанные глиной. На полу собраны фрагменты керамики, каменные орудия и череп кабана. В центре жилища располагался очаг в ямке овальной формы.

В жилищах и межжилищном пространстве среднего слоя Сяочжушань и поселения Уцзяцунь помимо останков дикого кабана собраны кости собак, оленей и других животных, много раковин морских моллюсков. Отметим находку несколько глиняных фигурок, изображающих кабанов (рис. 84, 19, 20). Кроме двух упоминавшихся выше радиоуглеродных дат, имеется ещё одна дата по углю из жилища в Уцзяцунь: 4830 ± 100 л. н. (с калибровкой 5410 ± 125). Таким образом, второй этап островного варианта культуры хоува существовал 6–5 тыс. л. н. На континенте с ним соотносятся несколько памятников в районе г. Люшунь.

Наиболее изученным является нижний слой поселения Гоцзяцунь. Памятник известен с начала 1930-х гг. Крупномасштабные исследования проводились китайскими археологами в 1976–1977 гг., когда была раскопана площадь около 600 м^2 , где выявлено несколько жилищ [Сюй Юйлинь, Су Сяосинь, 1980, 1984]. Тогда же было установлено, что Гоцзяцунь – двухслойный памятником. Его нижний слой является культурным аналогом среднего слоя Сяочжушань.

В культуре среднего слоя Сяочжушань есть некоторые элементы, свидетельствующие о контактах с населением культуры давэнькоу, памятники которой китайские археологи изучают на полуострове Шандун. В первую очередь это можно видеть по материалам керамического комплекса: некоторые типы давэнькоуских сосудов, мотивы орнаментации краше-

ной керамики, а также по образцам мелкой пластики (рис. 83, 14; 84, 11, 13, 14).

Позднейший этап существования культуры *хоува* наиболее полно представлен материалами верхнего культурного слоя Сяочжушань. Существенные подвижки заметны в керамическом производстве (рис. 86). Изменились предпочтения в композиции керамического теста. В качестве отощителя использовался исключительно песок. Часть сосудов изготовлена из хорошо отмученной глины. Качество обжига невысокое. Большая часть керамики по-прежнему изготавливается способом ленточного налепа. Тонкостенная посуда с черепком чёрного цвета (песчаный отощитель) формовалась с использованием поворотного круга. Основные типы изделий – горшки с маленьким дном, округлым туловом и суженой горловиной; биконические сосуды *доу* с прорезным треугольным узором на ножке; различные чаши, треножники *дин*, изделия на кольцевых ножках; колоколовидные крышки с кольцевыми ручками, украшенные по краю рассечёнными налепными валиками.

Орнамент был исключительно резным: полосы, пересекающиеся линии, «сеточка» и др. В оформлении использовались налепные валики по венчику. Большая часть каменных орудий позднего варианта *сяочжушань* обработана шлифовкой. Среди них овальные, плосковыпуклые и плечиковые топоры, трапециевидные в сечении тесла, жатвенные ножи прямоугольной и полуулунной формы, сланцевые треугольной или листовидной формы наконечники стрел с ровным или вогнутым основанием. Есть также грузила, плиты зернотёрок и куранты, точильные камни (рис. 85, 2–8, 26–35). Из кости и рога изготавливались наконечники стрел, шилья, иглы и рыболовные крючки (рис. 85, 9–25).

Жилища этого времени представлены полуземлянкой квадратной (или прямоугольной) формы поселения Нанъяо, расположенного неподалёку от Сяочжушань. Площадь жилища менее 20 м² (рис. 85, 1). В центре – очаг с двумя поставленными на ребро каменными плитками. Поверхность котлована обмазана слоем замешанной с соломой глины (10 см). В одновременном культуре верхнего слоя Сяочжушань среднем слое памятника Шанмashi (на острове Дачаншань) вскрыта часть круглого в плане жилища диаметром 5,7–6 м. Столбовые ямки располагались вдоль стен. В центре – несколько плоских камней, вероятно, служивших базой для столбов, поддерживав-

ших кровлю. Определение остатков фауны показало, что основа хозяйства не претерпела существенных изменений: охота на оленей, кабанов и других животных, морское собирательство.

Имеются две абсолютные даты для материалов культуры типа верхнего слоя Сяочжушань: по среднему слою Шанмashi – 4400±110 (с калибровкой – 4900±195) и Нанъяо – 4220±350 (с калибровкой – 4680±370) л. н. На континенте поздний этап развития культуры *хоува* демонстрирует верхний слой поселения Гоцзяцунь.

Для позднего этапа развития неолита Лядунского полуострова характерно нарастание элементов, свидетельствующих о развитии связей через Бохайский пролив с культурой *луншань* на полуострове Шаньдун. Маркером таких контактов на данном этапе являются керамические сосуды на трёх кольцевых ножках (рис. 86, 16, 17). Однако, на наш взгляд, в основе своей материалы этого периода демонстрируют этап развития местной неолитической традиции.

Раскопки поселения Сяочжушань и других памятников в континентальных районах Лядуна показали наличие трёх этапов неолитической культуры. Все памятники существовали в промежутке от 6 до 4 тыс. л. н. При всех локальных и хронологических расхождениях в материальной культуре можно считать, что на Лядунском полуострове неолитическая культура развивалась в основном на местной основе. Иногда исследователи отмечают сходство раннего и среднего этапов с материалами *синъэ*. Однако нельзя не заметить, что лядунские коллекции характеризуются полным отсутствием ретушированных каменных изделий. Это могло быть связано с преимущественной ориентацией экономики на морское собирательство, а также с отсутствием подходящего сырья для изготовления микролитических орудий. Видна преемственность в развитии керамического комплекса, когда основные типы керамической тары и её орнаментации сохраняются на протяжении всей истории культуры *хоува*. Начиная со среднего этапа, всё более проявлялся контактный характер культуры, расширялись связи населения Лядунского и Шаньдунского полуостровов через Бохайский залив. При этом сначала ощущалось влияние культуры *давэнъкоу*, а на позднем этапе – культуры *луншань* при сохранении той самобытности, которая делает культуру *хоува* частью неолитической традиции Южной Маньчжурии.

ГЛАВА 4

Опыт реконструкции некоторых элементов духовной культуры

Одной из фундаментальных проблем в изучении археологической древности является реконструкция элементов духовной культуры дописьменных сообществ. Но далеко не каждый вещественный комплекс, попадающий в поле зрения археолога, предоставляет возможность для проникновения в эту весьма специфическую и очень трудную для изучения область. Обычно основными источниками попыток реконструировать духовную жизнь неолитического человека выступают предметы мелкой пластики из археологических коллекций. Регион Восточной Азии не является исключением [Гарковик, 1993, 1998; Медведев, 2001 и др.].

Относительно неолита Южной Маньчжурии такую возможность предоставляют материалы погребально-храмовых комплексов культур *синлунва* и *хушиань*, а также нефритовая скульптура неолитической культуры *хушиань*.

4.1. Поселенческие и погребально-культовые памятники неолитических культур Юга Маньчжурии как источник для изучения духовной культуры

Пространство, окружающее человека в традиционном обществе, существует в двух состояниях. Оно может быть аморфным и структурированным. Последним является любое сакральное пространство, которое служит ориентиром и опорой человеку в мире. Структурирование пространства было для человека равносильно акту творения, повторению процесса космогонии. Любые постройки – жилые либо храмовые – являлись тем местом пространства, где соединялись три космические области. Само жилище, его порог, отдельные части конструкции были не только символом, но и средством перехода. Не менее информативен погребальный обряд, который является важнейшим из обрядов жизненного цикла. Инвентарь, способ захоронения и обращения с телом умершего составляют внешнее материальное проявление погребальной обрядовой практики. Сам обряд и его археологическое отражение обладают

относительной устойчивостью внутренней структуры на уровне локальных этнических традиций [Массон, 1976, с. 149–176; Грачёва, 1993, с. 154–158; Смирнов, 1997].

Относительно Южной Маньчжурии хорошая изученность территории, большое число раскопанных жилых и ритуальных комплексов позволили поставить вопрос о том, что уже в эпоху неолита появились вполне определенные и устойчивые принципы организации пространства.

Для более полного понимания традиционной культуры, изучение которой возможно только с использованием археологических источников, совершенно недостаточно формального анализа закономерностей композиционного построения жилых и культовых построек.

Необходимо иметь в виду, что возведение погребальных и иных ритуально ориентированных комплексов, а также строительство обычного жилья, являлись актом сакрального структурирования пространства. Наиболее важными, с ритуальной точки зрения, объектами были: форма, ориентация, вход в жилище, способ организации жилого пространства, очаг, строительные жертвы, угловой камень или его заместитель в качестве проекции «центра мира». Следует отметить, что жилища всех неолитических культур юго-восточной части Маньчжурии демонстрируют определенное единство. Оно с большой вероятностью может быть объяснено климато-географическим фактором и родством традиции.

При изучении строительной практики на памятниках неолита Южной Маньчжурии выявлены специфические объекты, которые могут расширить возможности анализа.

Так, характерной особенностью культуры *синлунва* является наличие следов сооружений в виде рвов вокруг посёлков (рис. 6). Китайские исследователи отнесли их к разряду фортификационных сооружений. Изучение отчетов и непосредственный осмотр этих объектов побуждают искать иное объяснение. Мелкий, узкий профиль рвов (точнее сказать – ровиков) свидетельствует о том, что они не могли выполнять функции защитного сооружения.

Подобное огораживание рвом места концентрации жилых построек встречается и на памятниках соседних культур. Например, это остатки двойного рва на поселении культуры *хоува Бэйутунь* на Ляодунском полуострове (рис. 72). Там ровик, вероятно, является остатком плетня, сооружённого вокруг поселения. Традиция ограничения сакрального пространства рвами, каменными стенками, валами имела продолжение в культурах раннего металла Южной Маньчжурии. В этом смысле показательна фортификация городища Пиндиншань культуры *нижнего слоя сяцядянь* в уезде Фусинь провинции Ляонин [Чжу Юнган, Чжао Бинцу и др., 1992, с. 400, 415–416]. Однако структура и технология создания оградительных сооружений эпохи ранней бронзы с очевидностью свидетельствуют об оборонительном характере рвов и стен, что, впрочем, не противоречит и их сакральному статусу. Вопрос о генетической связи культур палеометалла и предшествующих неолитических культур пока остается открытым. Данные о преемственности в организации жилого и сакрального пространства могут служить дополнительным свидетельством в пользу местного происхождения культур эпохи палеометалла в этом районе Северно-Восточного Китая.

При раскопках одного из синлунваских жилищ на поселении Байиньчанган у обычного квадратного очага, сложенного из плиток сланца, был найден плоский квадратный камень со скругленными углами. Та поверхность, на которой он лежал в слое, имела рисунок, нанесённый в стиле граффити, который, на наш взгляд, представляет собой план типичного синлунваского очага*. Более того, перед нанесением изображения поверхность была зашлифована, в результате чего отчетливо проявился красно-бордовый цвет минерала. Полагаем, что нахождение этого артефакта именно рядом с очагом не случайно и является свидетельством неких ритуальных действий, связанных с охранительными свойствами очага и сакральностью огня.

При изучении архитектуры Восточной Азии (в частности, Китая, Японии и Кореи) чрезвычайно важным является понимание и использование принципов геомантии (кит. *фэншуй*; кор. *ихунсу*) [Китайская геомантия..., 1998; Тян, 2001, с. 62–68]. Смысл *фэншуй* заключается в достижении гармонии между человеком и космосом при сооружении любых архитектурных объектов. В Восточной Азии стремление к этому с выработкой особых (как ремесленных, так и ритуальных) приемов организации пространства определились задолго до того,

как *фэншуй* оформилось в учение. При изучении архитектурных особенностей неолитических памятников юга Маньчжурии видны закономерности, которые не могут быть объяснены простой ремесленной целесообразностью.

Так, очевидным свидетельством устойчивой и развитой традиции древнейшего *фэншуй* является храмовая и погребальная архитектура культуры *хуншань*. Среди этих памятников хорошо изучены грандиозный комплекс погребальных и храмовых объектов в Нюхэлян (уезды Цзянпин и Линъюань), некрополь Хутоугу с каменной кладкой в виде дракона в качестве границы комплекса (уезд Фусинь), ритуальные площадки Дуншаньцзуй (уезд Кацзо) и др. Привязка священного пространства к выдающимся элементам ландшафта, использование возвышенных участков, азимутальные ориентировки астрономического значения, древнейшие в архитектуре примеры использования общеазиатской бинарной системы *небо – земля* в ее геометрическом воплощении *круг – квадрат*, специальные трассы обхода в виде коридоров, продольно-осевая композиция и другие принципы организации пространства позволяют аргументировать вывод о храмовом характере ритуальных архитектурных комплексов культуры *хуншань*. Отмечают это и китайские исследователи. Например, Сун Чжаолинь [1990, с. 133] использует материалы Храма богини в Нюхэлян (комплекс 1) как пример археологических фактов наличия в неолите Китая шаманских и иных культовых практик.

Одним из интереснейших примеров особого способа организации пространства при сооружении погребального памятника является хуншаньский комплекс в Хутоугу [Фан Дяньчунь, Лю Баохуа, 1984]. Спиралевидная кладка, значительная часть которой хорошо сохранилась (рис. 35), на наш взгляд, является изображением тела свернувшейся кольцом змеи (или дракона). Голова существа повернута строго на север. Лицо погребённого в центральной могиле (одновременной сооружению ограды) обращено на восток, на место, где хвост приближен к голове, а также имеется свободный проход из огороженного пространства. Однако проход не является прямым, т. к. его загораживает голова змеи. Принцип сакрального огораживания, использованный в Хутоугу, может быть соотнесён с китайской традицией возведения загородок *инби* перед входом в храм или жилище. *Инби*, не закрывая вход полностью, ставили на пути злых духов, которые могут перемещаться в пространстве только по прямым линиям.

Имеются сведения о подобной кладке в центральной части поселения Чахай культуры *синлунва*. Как известно, там отсутствует характерный для этой культуры обряд погребения под полом жилища. По

*Личное наблюдение автора. Сведений о развернутой публикации материалов раскопок поселения Байиньчанган в сезон 1991 г. у нас нет.

данным китайских исследователей, кладка в Чахай тоже напоминает дракона, а с ее южной стороны обнаружено 9 погребений*.

В связи анализом структуры погребального комплекса в Хутоугуо нельзя не обратить внимания на интересную находку, сделанную вблизи деревни Саньсигтала [Цзя Хунъэнь, 1984]. Здесь из слоя с хуншаньской керамикой извлечен нефритовый предмет темно-зеленого цвета, представляющий собой овально-спиралевидный обруч высотой 26 см (рис. 87). Скульптура имеет голову и хвост мифического змееподобного существа. Хвостовой сегмент несколько изогнут, за счет чего достигается эффект кажущейся упругости и напряжения тела. Это дополнительно подчеркивает развевающуюся «грива». Китайские исследователи, опираясь на иконографические особенности образа, в котором они увидели сочетание элементов различных животных, определили эту находку как самое раннее изображение дракона [Сунь Шоудао, Го Дашиунь, 1984, с. 15].

Не вступая в обсуждение такой атрибуции, заметим: если сравнить контуры скульптуры из Саньсигтала и кладки в Хутоугуо [Фан Дяньчунь, Лю Баохуа, 1984], то они весьма близки. Сходство усиливает «гриву», выполненная в скульптуре с помощью пластических средств, а на архитектурном памятнике показанная иным способом. По внешнему контуру выкладки головы змея в Хутоугуо в грунт были вкопаны 11 керамических изделий с росписью черного цвета. Они относятся к оригинальному типу «сосудов» цилиндрической формы, у которых отсутствует дно (рис. 36, 8, 9). На наш взгляд, эта часть погребального комплекса даёт возможность реконструировать некоторые действия ритуала.

Цилиндрические изделия без дна часто встречаются в погребальных комплексах культуры хуншань. Однако они полностью отсутствуют на поселениях данной культуры, равно как и на памятниках других археологических культур этого и сопредельных регионов. Это специфическая принадлежность хуншаньского ритуала, связанного, вероятно, с культом предков.

В Хутоугуо они были найдены в практически не потревоженном состоянии. Возможно, аналогично использовались подобные изделия в Дуншаньцзуй, где их фрагментами насыщен культурный слой [Го Дашиунь, Чжан Кэцзюй, 1984, с. 6–7]. Вблизи Храма Богини в Нюхэлян (комплекс 1) обнаружено целое скопление «сосудов без дна» [Хуа Юйбин, 1994]. Мощность слоя фрагментов этих изделий (не смешанных с другой керамикой) от 10 до 50 см на площади 2 × 8 м. Под скоплением обнаружена

обожженная площадка, где среди керамического боя собрано около 90 небольших (размером с кулак) камней. Большая часть фрагментов относится к горловой части изделий, фрагменты придонной части редки. Полностью восстановлено 20 экземпляров (рис. 93).

По оценке китайских археологов, в скоплении находились остатки от 80 до 100 «сосудов без дна». Это сопоставимо с числом найденных на площадке камней. Высота самого крупного из восстановленных изделий 63,6 см, самого небольшого – 23,6 см. Вертикальный размер большинства из них 40–50 см, диаметр горловины 18–25 см, а отверстие придонной части иногда несколько уже. Изделия лепные, толщина стенок около 0,6 см. Стенки обычно несколько выпуклые, край отогнут, а на границе шеек и тулов имеется налепной валик. Во внешнем оформлении использовано ангобирование красного цвета и тонкие прочерченные линии. В редких случаях нанесена черная роспись, аналогичная той, что встречена на подобных изделиях в Хутоугуо.

«Сосуды без дна» являются одной из многих загадок культуры хуншань. Понять их роль в ритуале можно только в контексте тех памятников, где они обнаружены, и с учетом особого погребально-ритуального статуса. Гао Тяньлин [1991] включил эти изделия в свою классификацию археологических музыкальных инструментов, определив их как барабаны.

Как известно, в древнейших культурах музыка не только являлась составной частью религиозных ритуалов, но и была органически вплетена в культ предков. Сама музыка воспринималась как таинственный дар первопредков, связанный с магическим ритмом космогенеза. Очевидно, древнейшими музыкальными инструментами были ударные. Первоначально в качестве таковых могли использоваться разного рода «звучавшие камни» и деревянные колоды. Наиболее ярким материальным воплощением ритмической идеи, воплощенной в музыке, стали бубны, барабаны и колокола. Многие музыкальные инструменты этого типа из археологических и этнографических собраний несут изображения, связанные с космогеническими мифами и моделями мироздания. Представления о космосе как музыкальном инструменте и инструменте как модели космоса – одна из наиболее плодотворных идей в изучении мифopoэтического сознания древних.

Исследователи древнекитайской мифологии и ритуала указывали на важнейшее место культа барабана в древнекитайской культуре [Яншина, 1984, с. 31; Ткаченко, 1990, с. 46]. Одним из показателей его глубокой архаичности является несомненная связь с древнейшим в восточноазиатской традиции культом гор и камней. В «Каталоге гор и морей» – памятнике

*Устное сообщение китайского коллеги Фэн Эньсюэ (Цзилиньский университет).

последних веков до нашей эры – барабан выступает как гора и один из первопредков. Вероятно, как первый гром весной отмечал начало пробуждения «тварей, пребывающих в зимней спячке», так бой барабанов напоминал о первом звуке, что стал сигналом к созданию мира.

Стремление к максимально полному раскрытию семиотического статуса «сосудов без дна» допускает их использование в качестве музыкального инструмента. Гипотеза, предложенная Гао Тяньлинем, таким образом, вполне приемлема. Но тогда, вероятно, необходимо экспериментальным путём решить вопрос: какова была эффективность использования в качестве ударного музыкального инструмента керамического цилиндра, вкопанного нижним концом в почву? Ведь, по крайней мере, на одном памятнике они были обнаружены именно в таком положении. Представляется, что акустические свойства в данном случае могли быть значительно ослаблены.

Однако любая вещь в принципе обладает не единственной функцией, а целым набором функций и качеств, среди которых есть как практико-утилитарные, так и символические. Комплексный подход к изучению вещи должен включать расшифровку всех семантических цепочек, как бы пронизывающих её. В данном случае, нам представляется, необходимо обратить внимание на гальки внутри «сосудов» в Хутоулян и камни на площадке с керамическим боем в Нюхэлян. Хуа Юйбин в последнем случае связал их с культом камней. Это необходимо принять к сведению как вполне вероятное допущение, тем более, что здесь можно также увидеть связь с культом барабана.

С другой стороны, если воспринимать эти изделия именно как сосуды, лишенные по какой-то причине дна, то их необходимо рассматривать в семантическом плане как антропоморфный символ. В таком качестве они могли занимать медиальную часть в вертикальной схеме мира, а в конкретной ритуальной практике играть роль своеобразного алтаря. Помимо помещения в него камней, такой алтарь мог использоваться в церемонии жертвенного возлияния, популярного у многих азиатских народов при общении с нижней частью мироздания. Воду или какой-либо специально для церемонии подготовленный напиток проливали или брызгали на землю. При использовании вкопанных в землю керамических изделий без дна в качестве специального приемника (алтаря) можно было во время ритуального возлияния не только наблюдать процесс «кормления духов» с более или менее быстрым впитыванием жидкости, но и истолковывать результаты этих наблюдений в гадательной практике. В последнем случае изделия с горизонтальным членением орнамента, которые имеются в коллекциях Хутоугу, Дуншаньцзуй и Нюхэлян, были бы незаме-

нимы. Полосы орнамента могли маркировать этапы ритуальных действий. Заметим также, что культурный слой первого комплекса в Нюхэлян насыщен фрагментами расколотых и обожженных костей конечностей баранов, принесение в жертву которых могло быть частью ритуала.

Наиболее многообещающим в плане реконструкции духовной культуры хуншаньцев является комплекс святилищ и некрополей в Нюхэлян. Работа в этом направлении требует значительных усилий многих исследователей. Однако уже на первоначальном этапе осмыслиения находок в Нюхэлян можно сделать ряд выводов.

1. Нюхэлянский комплекс памятников является крупным культовым центром, включающим несколько могильников с каменными курганными насыпями и центральное святилище. Сравнение погребального обряда данного памятника с материалами других хуншаньских погребений указывает на высокий социальный статус людей, погребённых в Нюхэлян.

2. Концентрация особого типа памятников в местности, где, вероятно, отсутствовали обычные поселенческие комплексы, может свидетельствовать о существовании некой надобщинной организации и единого культа, связывавшего хуншаньские общины.

3. Проявлением этого культа следует считать серию антропоморфных изображений. Их место в ряду мелкой пластики неолита Дунбэя, семантика образов, роль для оценки уровня общественной дифференциации и развития мифологических представлений заслуживают отдельного исследования. То, что найденная глиняная скульптура изображает женщин, в том числе беременных, может иметь отношение как к культу предков, так и к конкретному проявлению культа плодородия.

4. С культом предков, скорее всего, связана находка обугленных человеческих костей в полости фрагмента руки одной из глиняных скульптур.

Культ предков, таким образом, мог быть существенной составляющей духовной культуры населения культуры хуншань, проявляясь и на более ранних этапах развития неолита Южной Маньчжурии.

Выше нами дано описание погребального обряда культуры *синлунва* с характерным обычаем захоронения умерших под полом жилищ (см. раздел 3.2), которые после этого, как можно предположить, не выводились из обычного использования. Открытие нового типа погребального обряда в неолите Северо-Восточного Китая позволяет нам сделать ряд важных выводов в области изучения духовной культуры раннего периода неолита этого региона.

О том, что древние хоронили своих умерших в жилищах, хорошо известно. Считается, что обычай использования жилого пространства для погребения берет своё начало в эпохе палеолита.

Например, есть некоторые основания предполагать, что одно или два палеолитических погребения на верхнепалеолитическом памятнике Сунгирь были сооружены в полу жилищ [Бадер, 1978, с. 109]. Подробный обзор источников по каменному веку Восточной Европы дан в работе М. Д. Хлобыстиной. Она связала погребения в жилищах с ритуалами, маркировавшими начало либо финал обитания на конкретном жилом объекте [Хлобыстина, 1993, с. 17–21]. Наиболее массовые случаи использования погребений данного типа известны в земледельческих культурах Ближнего и Среднего Востока [Мелларт, 1982, с. 28, 56; Антонова, 1990, с. 39, 59 и др.]. В Восточной Азии таких примеров значительно меньше. Хорошо известно погребение в жилище неолитического памятника Тамцаг-Булак в Восточной Монголии [Деревянко, Окладников, 1969, с. 151–152]. На территории Внутренней Монголии до сих пор обнаружено только совместное захоронение нескольких младенцев в очаге и женщины в отдельной яме в жилище неолитического (5,5 тыс. л. н.) поселения Мяоцзыгоу [Вэй Цянь, Го Чжичжун, 1989, с. 30]. Но для большинства упомянутых случаев остаётся неизвестным: было ли такое жилище обитаемо в момент совершения обряда, выводилось ли оно из жилого оборота после захоронения или продолжало использоваться по прямому назначению. Более распространенным был обычай помещать в жилище или поблизости от него керамические урны. Особенно популярен этот обряд (применительно к эпохе неолита) в культуре *яншао* [Пу Чаоба, 1992, с. 11; Сюй Хун, 1989, с. 332, 335]. В Северо-Восточном Китае он отмечен в культуре *ситуаньшань* раннего железного века (равнина Суннэн) [Дун Сюэцзэн, 1987, с. 548; Чэнь Цзяхуай, 1987, с. 124].

Обычно это были погребения детей и младенцев. Возможно, в таких случаях жилище продолжало функционировать. Нередки случаи использования для захоронения хозяйственных ям в межжилищном пространстве. Но и тогда сложно определить, каким образом соотносятся время обитания на памятнике и время сооружения погребений. Есть данные об использовании такого типа погребального обряда в финальном неолите – ранней бронзе Кореи*.

Находка целой серии таких захоронений в жилищах культуры *синлунва*, устойчивый характер проявления этого обряда позволяют прогнозировать подобные находки на памятниках других неолитических культур южной части Дунбэя и сопредельных

*Благодарю Кан Инука (Республика Корея) за информацию о скорченном погребении в углу жилища на острове Чхудо [Чジョン Бэкун, До Юху. Отчет о раскопках древнего памятника на острове Чхудо Нанчжин, Корея. - 1955 г.].

территорий. Прежде всего, это относится к культурам, так или иначе связанным с культурой *синлунва*.

Для нашего понимания семантики этого типа погребального обряда основным материалом послужили этнографические данные. Их число ограничено. Все они относятся к культурам аустронезийского круга. Прежде всего, это свидетельства о погребальных обрядах *гаошань* – группы из десяти горных народностей Тайваня. Восемь из них хоронили умерших в жилищах, после чего продолжали в них жить. У народности *тайя* могильную яму выкапывали под спальным местом. После захоронения ее накрывали деревянной крышкой и место продолжали использовать как спальное. В такую могилу помещали до двух тел. Только после превышения количества погребённых допустимой нормы (которая, впрочем, из источников неясна) жилище оставляли и строили новое. У народности *тайван* могильную яму квадратной формы выкапывали в центре жилища. Внутри ямы сооружали каменный ящик. У *буунун* умершего хоронили в центре жилого пространства или под спальным местом покойного. Причём, если гроб был деревянным, то его обязательно покрывали камнем. У аборигенов племени *сяннань* умерших хоронили южнее очага. У других отмечено раздельное захоронение для мужчин и для женщин. Для погребения мужчин отводилось место в передней половине жилища, тогда как для женщин – в задней половине.

Таким образом, существовали различные подходы к сооружению погребений в жилище. Очевидно, во всех случаях нашло отражение общее для тайваньских аборигенов отношение к душе умершего: души предков оберегали живых. Обычай сооружать спальное место над могилой является наиболее ярким выражением этих представлений. *Тайя* считают: когда они спят на могиле, душа умершего охраняет спящего, таким образом обеспечивая благополучие всей семьи, обитающей в жилище [Невский, 1981, с. 96; Чигринский, 1982, с. 207; Ян Ху, Лю Госян, 1997б, с. 32–33].

Можно видеть, что в ходе проведения обряда умерших членов общины фактически перемещают в нижний уровень жилища, как бы на цокольный этаж. Крышка, которой его накрывают, с одной стороны, является крышей дома предка, а с другой – служит границей между миром живых и миром мёртвых. Следует иметь в виду, что у тайваньских аборигенов существуют представления о множественности душ (от 3 до 8). Вероятно, только одна из душ оставалась в доме. Кроме народностей Тайваня, известны случаи погребения в жилищах детей или частей тела умершего у коренного населения Андаманских островов. Взрослых же обязательно хоронили за границей поселения. На юге Китая, в Гуандуне, одна местная

народность хранила тела детей, обёрнутых в кору коричного дерева, в жилище под лежанкой.

Гаошань с большой вероятностью являются потомками древнего аустронезийского населения Юго-Восточного Китая. Имея в виду многочисленные свидетельства о существовании развитого культа костей и черепов в южной части Азии и Океании [Шинкарёв, 1997], можно говорить о том, что основной ряд аналогий погребальному обряду *синлунва* находится на юге. О южном направлении контактов свидетельствуют и оригинальные нефритовые кольца с разъёмами, обнаруженные в синлунваских погребениях. Кольца с разъёмом, начиная с ранненеолитического времени, были широко распространены в восточных районах Китая, на Тайване и Японских островах [Ань Чжиминь, 1984, с. 442–443].

Ранее нами была выдвинута гипотеза о существовании в неолите Восточной Азии устойчивых связей меридионального направления, которые проносились по линии юг–север прибрежные районы Тихого океана [Алкин, 1996]. В рамках этой гипотезы, полагаем, можно рассматривать и проблему происхождения погребального обряда культуры *синлунва*.

4.2. Семантический анализ нефритовой скульптуры культуры хуншань

Среди атрибутов погребального обряда культуры *хуншань* внимание многих исследователей привлекает серия нефритовых скульптурных изображений своеобразной С-образной формы [Сунь Шоудао, Го Дашунь, 1984; Childs-Johnson E., 1991; Ван Вэйсян, 1994; Лю Шуцзюань, 1995; Лю Госян, 2000а-б; Люй Цзюнь, Луань Чжаопэн, 2000; Сунь Цзи, 2001]. Китайские археологи называют их *zhu-long* /чжу-лун/ (в английском варианте – *pig-dragon*). Ранее нами было выдвинуто предположение, что С-образные нефритовые изделия являются изображениями личинок насекомых. В дальнейшем это позволило сформулировать следующую гипотезу: носители культуры *хуншань* могли связывать с изображениями личинок свои представления об идее рождения [Алкин, 1995]. Продолжение исследований показало, что подобные идеи были достоянием и других, известных в основном по археологическим источникам, этносов [Алкин, 2003]. Поиск свидетельств в пользу выдвинутой гипотезы привел к обнаружению целого комплекса подобных представлений у тунгусо-маньчжур, палеоазиатов, алтайцев, сибирских угров и самодийцев. Оказалось, что у представителей широкого круга азиатских этнических культур в мифопоэтических взглядах на окружающий мир с древности существовала устойчивая,

семантически замкнутая цепочка понятий – *личинка-зародыш-душа*.

С-образные по форме артефакты, широко известные в восточноазиатской археологии под обобщённым японским наименованием *магатама*, восходят к стилизованным скульптурным изображениям насекомых в личиночной стадии метаморфоза. Наиболее ранние из этих предметов демонстрируют детальное изображение личинок вполне определённых видов. Тщательная проработка характерных особенностей морфологии реальных насекомых делает невозможной какую-либо иную их атрибуцию. В неолите Южной Маньчжурии подавляющее большинство этих ранних изображений являются по культурной принадлежности хуншаньскими (рис. 37, 4; 47).

Среди нефритов *хуншань* нам удалось определить конкретные изображения насекомых – представителей семейств пластиначатоусых жуков скарабеидов, пилильщиков и жужелиц (рис. 87, 88)*. В неолитических и более поздних по времени коллекциях из Северного и Северо-Восточного Китая выявлена обширная группа изображений других семейств насекомых на различных стадиях метаморфоза (рис. 68, 12, 19–24; 89). Среди них есть взрослые особи *imago*, а также насекомые на личиночной и кукольной стадиях. Их иконография свидетельствует о наличии несомненной генетической связи между ранними, предельно реалистичными изображениями и изделиями типа каплевидных подвесок *магатама* (рис. 90). Массовое производство последних в Японии и *когок* в Корее, на наш взгляд, является важным свидетельством распространения на обширной территории неких очень устойчивых и общепонятных на протяжении тысячелетий представлений, символом которых являлись эти подвески.

Потребности реконструкции древних феноменов духовной культуры требуют значительного расширения круга источников в области смежных гуманитарных дисциплин. Этнографы, лингвисты и фольклористы, изучавшие культуру различных этносов Восточной Азии, собрали значительный фактический материал о месте насекомых в обыденном и мифоритуальном аспектах жизни традиционных обществ. Что касается последнего, то наиболее очевидно сопоставление насекомого или его личинки с душой животного или человека. Образ души-зародыша, воплощённого в виде насекомого, глубоко архаичен и может быть отнесен к ряду древнейших архетипов человеческого сознания. Наибольшее число связанных с ним сюжетов удалось выявить в культурах тунгусо-маньчжурского круга, для которых регион

*Автор признателен за исчерпывающие консультации по этому специальному вопросу энтомологу, кандидату биологических наук В. Э. Колпакову.

Северо-Восточного Китая, возможно, был ареалом первоначального происхождения. Однако встречаются такие сюжеты и в других азиатских мифологиях. Отголоски подобных представлений сохранились в памятниках древнейших письменных культур Азии. Прежде всего, конечно, у китайцев (см.: [Чжан Янь, 1955; Юань Мэй, 1977, с. 251]).

Если говорить о научном изучении роли насекомых в мифологии, то наиболее разработанной является тема скарабея в древнеегипетской культуре, а также бабочки и пчелы – в культурах индоевропейского круга [Порчинский. 1915; Рак, 1993, с. 43, 111, 168, 169; Бадж, 1996, с. 198–204]. За редким исключением, насекомые в азиатских мифологиях не становились объектом специального исследования. Следует отметить классическую работу «Кувабара» японского этнографа Исида Эйтиро, посвященную культу шелковичных червей в древнеканьской мифологии [Исида, 1998, с. 51–80]. Вероятно, и этот культивировался в русле общего для восточноазиатской культуры архетипа личинки-зародыша. Что касается сибирских мифологий, то имеется лишь несколько работ, посвящённых этому вопросу специально: о роли насекомых в мифологии кетов, а также об образах комара и паука в духовной культуре народов северо-востока Азии [Иохельсон, 1918; Бурыкин, 1985]. В мифологии кетов отдельные насекомые маркируют определенные части мироздания, являются их символами. Само возникновение насекомых связывается с деянием или превращением (пересотворением) мифологического персонажа. Символом наступления нового года было некое летающее насекомое, способное громко жужжать. В его виде к людям возвращался великий шаман по имени Томам Дог. Скорее всего, это мог быть шмель. Особое место в представлениях кетов занимает стрекоза, которая была связана с хозяйкой семьи. В шаманской практике стрекоза – один из главных духов-помощников шамана, образ, который принимают шаманы во время обряда *кам* [Алексеенко, 1996]. Подобное отношение к стрекозе отмечено этнографами у обских угров [Зенько, 1997, с. 17]. Интересное изображение стрекозы, выбитое на валуне с реки Казым (Ханты-Мансийский национальный округ), описано В. И. Молодиным [1980], который связал его с комплексом представлений обских угров о тотемных предках.

При небольшом числе специальных исследований многие материалы рассеяны в общих работах этнографов. Они свидетельствуют о том, что в мифологиях народов Дальнего Востока, Сибири и сопредельных территорий Азии насекомые часто выступают героями сюжетов, связанных с миротворением, с появлением людей и животных. В шаманских рассказах они нередко являются самим шаманом или его помощниками во время сакрального путешествия между

мирами, когда шаман или культурный герой превращается в насекомое, чтобы преодолеть путь на Небо. Например, широко известны рассказы о превращении шамана в осу у бурят, живущих в районе озера Байкал [Небесная дева..., 1992, с. 80, 171]. Немало подобных свидетельств у эвенков [Исторический фольклор..., 1986, с. 267, 274, 283]. О том же свидетельствуют полевые материалы М. Д. Симонова, собранные среди эвенков Туркменского района Красноярского края в 1981 г.* Один из его информаторов – шаман из рода чинэкэ. Во время камлания он идентифицировал себя с кумиканом, который на деле оказался водяным жуком. Этот шаман называл себя «Великий Кумикан, который сначала живет под водой, а потом взлетает вверх». Некоторые материалы М. Д. Симонова свидетельствуют также о связи этого жука с родильной символикой.

У ненцев в черного блестящего жука превращается тело человека через три или семь лет после смерти. У них же личинка жука и червь являются посланцами или воплощением верховного божества [Головнёв, 1995, с. 414–415]. Пауки и гусеницы входят в число тотемов у различных этнических групп тунгусо-маньчжурского и чукотско-корякского региона, с ними связаны различные поверья и приметы [Золотарёв, 1934, с. 46–47; Бурыкин, 1985; Крейнович, 1987, с. 116].

Важными для понимания факта массового изготовления амулетов, по форме повторяющих С-образную изогнутость личинок, являются представления о материальной форме воплощения духовной субстанции (в том числе человека), широко распространенные в культуре ряда азиатских этносов. На связь души и насекомого в древнетюркской эпиграфике впервые обратил внимание В. В. Бартольд (цит. по: [Симаков, 1994, с. 65]). У алтайцев есть представление о том, что *кут* (душа, жизненный эмбрион) появляется в утробе матери в виде красного червяка. Шаман сдувает зародышей детей, которые висят на ветвях священной березы. Они падают через дымоход и попадают к женщине [Баскаков, 1973, с. 109; Потапов, 1991, с. 35]. У некоторых народов, проживающих в районе реки Амур, имеется сложная система представлений о том, что различные насекомые или их личинки являются носителями душ конкретных промысловых животных и рыб. Тунгусоязычные орохи считают, что некоторые бабочки являются душами тигра, осетра, горбуши, а определенные виды жуков – воплощения душ лося, медведя и горбуши [Аврорин, Лебедева, 1978, с. 162, 170, 176, 194, 215 и др.]. Древесные личинки орохи используют в качестве охотничьих талисманов [Аврорин, Лебедева,

*Автор искренне признателен ныне покойному М.Д. Симонову за разрешение использовать сведения из неопубликованных материалов его экспедиционных исследований.

1978, с. 119]. Аналогичные представления о душе промысловых животных (лось) отмечены у хантов [Кулемзин, 1984, с. 162].

В этнографических культурах следы подобных идей о душе, как правило, перекрыты наслоениями более поздних текстов. В редчайших случаях удаётся фиксировать развернутые мифологические тексты, которые могут быть истолкованы в «энтомологическом» контексте. Замечательными примерами являются представления хантов и манси о появлении первых людей и всего живого на Земле [Мифы, предания..., 1990, с. 80, 291–292]. В них, как нам кажется, в мифологизированной, но предельно натуралистической форме описываются превращения насекомого (можно выделить стадии яйца, личинки, куколки и взрослой особи). В конце этой метаморфозы появляется первый человек. Кроме того, манси верят, что после смерти человека первая и вторая душа превращаются в жуков, первый из которых остаётся жить на могиле умершего человека [Головнёв, 1995, с. 414]. Нганасаны верят, что первые люди на Земле появились из червей, которые выпали из шкуры первого дикого оленя [Симченко, 1993, с. 197, 199]. В Средней Азии киргизы чаще всего представляли душу в виде мухи [Баялиева, 1972, с. 62].

Интересные данные о роли насекомых в духовной культуре корейцев собраны Н. И. Конрадом. Он привел приметы, связанные с насекомыми, и данные об использовании насекомых в традиционной корейской медицине [Конрад, 1996, с. 75, 76, 78–80, 82, 95–96].

Использование насекомых в традиционной медицине – это еще один важный аспект темы, позволяющий, насколько возможно, приблизиться к пониманию существа отношения древнего человека вообще и неолитического населения Южной Маньчжурии в частности к этому классу животных. Благодаря своим биохимическим качествам препараты из насекомых действительно могут оказывать профилактическое или лечебное воздействие. Их использование могло иметь и определенный сакральный подтекст, связанный с витальной символикой. Наиболее широко известно использование препаратов из насекомых в китайской медицине, но встречается оно и у других народов Азии [Алин, 1953; Вограйлик, Вязьменская, 1961, с. 169].

Для понимания причин такого пристального интереса древних к насекомым исключительно важным представляется тот факт, что они являются уникальными среди окружающих человека живых организмов. В мире существует 775 тысяч видов насекомых. Это 80 % всей фауны. Их биомасса в четыре раза превышает биомассу позвоночных. Насекомые относятся к так называемой факультативно-синантропной фауне, связанной с человеком, его жильем, используемым или создаваемым им ландшафтом.

Насекомые всегда сопровождали человека, не только доставляя беспокойство, но и входя в рацион питания. Они прекрасно перевариваются, несъедобной является только хитиновая оболочка, но она легко снимается. Для производства одного килограмма протеина необходимо использовать восемь килограммов растительной пищи, а насекомые дают выгодное соотношение один к трём. Биологическая ценность личинок и взрослых форм некоторых насекомых исключительно высока. Важно, что они содержат так называемые полноценные белки, которые, попадая в организм с пищей, способны поддерживать его жизнедеятельность и нормальное развитие. Таким образом, в момент сезонной у земледельческого населения весенней нехватки привычных источников питания личинки, с их большим содержанием протеинов, жиров, аминокислот и витаминов, могли способствовать поддержанию баланса потребления и расхода энергии в человеческом коллективе. Как раз на это весеннее время в традиционном календаре народов Восточной Азии выпадает сезон «пробуждения насекомых» (цзинчжэ у китайцев; кёнчхин у корейцев и кэйтцу у японцев). В романе китайского писателя Лао Шэ «Рикша» есть свидетельство о том, что в голодное военное время пекинские дети в начале июня собирали для еды гусеницы под деревьями и выкапывали личинок [Лао Шэ, 1991, с. 454]. Интересно, что личинки оводов были лакомством для детей у чукчей [Богораз, 1991, с. 18]*. Даже в Советском Союзе во время Второй мировой войны была предпринята попытка промышленного выращивания личинок короедов. Правда, их предполагалось использовать для производства не пищевого, а технического масла**.

Таким образом, присутствие изображений личинок среди нефритов раннеземледельческой культуры хунцзян выглядит вполне естественным. При обработке плодородных лёссовых почв, которыми богаты районы в бассейне р. Ляохэ, личинки насекомых должны были встречаться весьма часто. Они могли играть определенную роль в структуре питания неолитического населения этого региона Маньчжурии. Однако внимание к этим представителям фауны уже на данном этапе могло определяться не только и не столько pragматическими соображениями.

*Магаданские археологи И. Е. Воробей, С. Б. Слободин и А. А. Орехов поделились наблюдениями по этому вопросу из своей полевой практики, за что автор им благодарен.

**Информация получена от доктора биологических наук И. В. Стебаева, которому автор признателен за поддержку и помощь на начальном этапе формулировки биологических аспектов предлагаемой гипотезы.

Насекомые – это единственный класс животных, который в процессе жизненного цикла имеет метаморфоз с полным превращением. После превращения в куколку личинка полностью растворяется, а взрослая особь, имеющая совершенно иной облик, создаётся на основе лишь нескольких зачаточных клеток. Насекомые, таким образом, являются единственной природной иллюстрацией глубоко сакральной темы разрушения и восстановления, рождения, смерти и возрождения. Разные стадии в жизни насекомого часто связаны с разными природными стихиями. Личинка может развиваться в земле, а взрослое насекомое живет на поверхности и даже может летать. Иллюстрацией к этому является фраза из средневековой корейской повести, где Цикада так говорит о своём жизненном цикле: «В прошлой жизни я обитала на земле, теперь селюсь на высоких деревьях» [Лим Чжэ, 1964, с. 176].

Многие насекомые на личиночной стадии имеют сходство с общей формой эмбриона-зародыша млекопитающих, в том числе человека. Подобное внешнее сходство и идея архетипа зародыша были положены и в основу пифагорейских представлений о бобах*, отголоски которых можно видеть в обычай французов во время январского праздника Богоявление подавать на стол плоский пирог, куда кладут боб, символизирующий удачу на весь последующий год. Вместо боба может быть положена слепленная из теста фигурка спеленатого ребенка. Использование плодов бобовых и каштана в родильных обрядах отмечено в обычаях азиатских народов. Например, у корейцев каштан, поднятый с земли, сулит рождение мальчика [Конрад, 1996, с. 85]. Показателен по своей семантике и обычай разбрасывания бобов во время японского праздника Сэцубун [Маркарьян, Молодякова, 1990, с. 77–78].

Во многих традиционных обществах связь между зародышем и рождением человека не являлась секретом. Текст трактата по эмбриологии и гинекологии «Тайчаншу» из ханьской гробницы в Мавандуй (его археологизация относится к 168 г. до н. э., а время написания к V–III вв. до н. э.) свидетельствует о глубочайшей древности естественнонаучных представлений в этой области [Тайчаншу, 1993; Li Ling, McMahon, 1992, р. 154–157]**. Внешнее сходство личинок некоторых насекомых и эмбрионов млекопитающих (включая и человека) могло (по принципу

*Автор приносит свою искреннюю благодарность В. Е. Ларичеву за исчерпывающую консультацию по этому вопросу.

**Автор признателен американскому коллеге Keith McMahon (University of Kansas) за предоставленную копию отсутствующего в России китайского издания «Тайчаншу».

внешней аналогии) способствовать возникновению своеобразного культа. Так, у носителей археологической культуры *хунишань* идея зародыша–души получила художественное воплощение в изображениях личинок насекомых, а сами насекомые заняли соответствующее место в космогонической мифологии. Вероятно, эти представления не были чужды носителям остальных культур южноманьчжурской неолитической общности.

Особо следует отметить, что для изготовления подвесок такой оригинальной формы обычно использовались те сорта нефрита и яшмы, которые по фактуре и цвету являются весьма близкой имитацией облика насекомого в его личиночной стадии развития.

Китайские исследователи напрямую связывают С-образные нефриты с иконографией дракона, что нашло отражение в используемой терминологии и целом ряде научных работ. Не имея возможности согласиться с этой точкой зрения, автор, тем не менее, считает, что первоначальная иконография образа восточноазиатского дракона определённо связана с архетипом зародыша. На что с очевидностью указывают наиболее ранние иньские варианты пиктограммы *лун* (*long*), напоминающие схематическое изображение нефритовых скульптур культуры *хунишань* (рис. 91).

В свете всего изложенного трудно согласиться с мнением китайских исследователей, которые считают, что портативная скульптура *хунишань* представляет собой изображение синкетического существа, объединившего в себе черты змеи и кабана [Сунь Шоудао, Го Дашунь, 1984]. На наш взгляд, образ существа, которое изображает нефритовая скульптура *хунишань*, весьма реалистичен и не несет следов совмещения черт различных животных. Изображение личинки насекомого, которое перекликается с древним пиктографическим знаком, интерпретируемым как обозначение дракона *лун*, убеждает в том, что происхождение ключевого в мифологии Восточной Азии образа генетически восходит к особому отношению к насекомому – представителю фауны, своим жизненным циклом символизирующему медиаторскую функцию дракона. В мифах Китая и Юго-Восточной Азии есть сюжеты, где ребёнок дракона или его прототип описываются терминами, показывающими, что речь идет о существе, похожем не просто на маленькую змейку, а на червяка или личинку (см.: [Юань Чэ, 1987, с. 261; Юань Мэй, 1977, с. 279]). Но это отдельная тема, выходящая за рамки нашего исследования.

Решающее значение при попытках определения действительного места артефактов в древних ритуалах должен сыграть археологический контекст, в котором они обнаружены. В этом смысле наша реконс-

струкция семантики хуншаньских нефритов органично связана с их местом в погребальной обрядности этой культуры. В тех случаях, когда С-образные нефриты обнаружены в неподревоженных погребениях, их место было на груди умершего [Гао Мэйсюань, 1989]. Именно там, куда большинство культурных традиций помещает душу человека.

Другим археологическим подтверждением предложенной гипотезы являются подвески *когок* (*магатама*), размёщенные на коронах древних корейских шаманов и правителей из курганов V–VI вв. (рис. 92) [Ким Бён Мо, 1998; Алкин, 1998]. По одной из версий, их число равнялось количеству детей правителя*. Сама корона, как известно, является моделью Мирового дерева. Таким образом, подвески на её

ветвях ни что иное, как символы душ ещё не родившихся детей. Этнографические параллели имеются в культурах алтайцев и хакасов. Символы рождения человека у этих тюркских этносов тоже помещались на мужской головной убор, который использовали в обряде «испрашивания» зародышей детей [Кустова, 1993, с. 42]. Результаты, полученные при определении архетипической основы образцов мелкой каменной пластики неолитического времени из районов южной части Маньчжурии, открывают возможность целенаправленного поиска подобных артефактов в других археологических коллекциях*. Они дополняют ряд свидетельств существования весьма архаичного культа насекомых, связанного с представлениями древних о душе и цикле её превращений.

*Устное сообщение корейского исследователя Кан Инука, которого автор благодарит за неизменную помощь в работе с корейскими публикациями и материалами.

*В китайской археологической литературе до сих пор существовала лишь одна попытка подобного рода [Лю Дуньюань, 1988].

ГЛАВА 5

Общие тенденции развития неолита Южной Маньчжурии

Среди проблем, традиционно стоящих перед исследователями неолитической эпохи в любой точке земного шара, две имеют первостепенное значение: 1) источники, причины появления керамики; 2) возникновение производящего хозяйства. Два означенных феномена составляют основное культурно-хозяйственное содержание процесса неолитизации, то есть перехода к новой эпохе в развитии каменного века. Не является исключением неолит северо-восточных районов Китая и его южного региона в частности.

В современной китайской историографии проблема переходного периода между палеолитом и неолитом применительно к территориям северо-востока фактически ещё не поставлена. А вопрос этот является кардинальным в определении хронологии и периодизации каменного века всей Восточной Азии и Дальнего Востока в частности. Степень изученности археологических культур Маньчжурии, равно как и степень доступности имеющихся данных, значительно влияют на формирование, развитие и смену представлений российских археологов об этом переходном периоде.

Экологическая нестабильность конца плейстоцена – начала голоцене с неизбежностью повлекла за собой трансформацию древних культур на обширной территории Восточной Азии. Как свидетельствуют археологические материалы этого времени, процессы культурной трансформации нашли отражение в нарастании на фоне традиционных элементов новых, ранее неизвестных черт и явлений, охвативших все сферы жизнедеятельности. Возникли новые технологии в обработке камня, всё шире осваивались речные и морские ресурсы, произошел переход к полуосёдлому и осёдлому образу жизни. Однако интерпретация этих и других признаков развития культур и комплексов переходного от плейстоцена к голоцену времени неоднозначна и вызывает острые дискуссии.

Актуальность проблематики переходных эпох вообще и переходного периода от верхнего палеолита к неолиту в частности определяет возрастающее внимание к этим вопросам. В общетеоретическом и конкретно-историческом плане они находились в центре обсуждения участников специального методологического семинара в ЛО ИА АН СССР в 1990 г. [Археологические культуры..., 1990] и международ-

ной конференции по проблемам переходного периода в Северной Пацифике во Владивостоке в 1994 г. [Поздний палеолит, 1996].

Археологические изыскания последних десятилетий привели к серии открытых, которые внесли серьёзные изменения в традиционные представления о периодизации каменного века в конкретно-локальных регионах. Трактовка переходного периода весьма вариабельна. Выдвигались концепции мезолита, раннеголоценового палеолита, докерамического неолита, финального палеолита, первоначального неолита и т. д. Общим является то, что при их построении исследователи опираются на конкретные археологические памятники, которые хронологически соотносимы с интервалом рубежа плейстоцена-голоцена.

Решение проблемы определения нижней хронологической границы неолитического периода усложнено отсутствием общих критериев и подходов к выделению переходных от палеолита к неолиту памятников, в материалах которых, с одной стороны, должны присутствовать признаки эволюционного развития, известная культурная преемственность, а с другой – появляться существенные инновации, имеющие необратимый характер.

Учитывая существующие различия подходов при определении рубежа, отделяющего неолит от предшествующего периода, и сложность в выделении этапа раннего неолита, необходимо определить своё отношение к данной проблеме.

До недавнего времени весь неолит Маньчжурии представлял перед исследователями в довольно развитых формах. Накопление археологического материалов, абсолютные даты которых всё более приближаются к раннему голоцену, ставят на повестку дня необходимость обсуждения существа этого раннего этапа неолита. Подобная ситуация, стимулированная существенным изменением источников базы, наблюдается и в археологии Восточной Сибири и Российского Дальнего Востока. В последние десятилетия идут дискуссии о содержании термина «неолит», о хронологии начала неолитического периода, вокруг проблемы переходного периода [Андреева, 1994, с. 89–96].

Применительно к Северо-Восточной Азии в последние годы исследователи начали использовать ряд

новых терминов для обозначения раннего периода в истории неолита. Р. С. Васильевский отнёс ряд памятников неолита Приамурья и Приморья к «началу неолита» [1998, с. 111] и предложил окончательно отказаться от терминов типа «палеолит с керамикой». Исследователь считает логичным оперировать понятием «начальный неолит», который был предложен А. П. Деревянко и В. Е. Медведевым на международном симпозиуме в Сендае в 1995 г. [Derevianko, Medvedev, 1995]. При этом Р. С. Васильевский ссылается на принятый в японской археологии термин «начальный дзёмон» [1998, с. 112]. Однако в настоящее время в Северной Японии, например, активно изучается культура *микосиба* с ранней керамикой, типологически и хронологически близкой осиповской культуре. Она считается особым культурным феноменом, предшествовавшим раннему дзёмону. При её описании термин «начальный дзёмон» не используется, а речь идёт именно о переходном периоде [Курисима, 1995; Боднев, 2001].

Вероятно, новый термин был предложен в начале 1990-х гг. в связи с обсуждением проблематики осиповской археологической культуры. В. Е. Медведев охарактеризовал эту культуру, как «начало или зародыш неолита» в Приамурье, указав на главное содержание данного периода – появление керамики. Появление посуды из обожжённой глины исследователь связал с «исчезновением мамонтов и мамонтового комплекса, с переходом значительных групп людей к осёдлой жизни». Таким образом, был заявлен «новый подход к осиповской культуре, как к начальной неолитической культуре» [Медведев, 1995, с. 236].

Возникает вопрос: может ли быть распространена новая концепция четырёхчленной периодизации неолита на культуры Северо-Восточного Китая и со-предельных территорий Дальнего Востока России?

К теоретическому обоснованию нового термина В. Е. Медведев в своих опубликованных работах не возвращался, поэтому дискуссии как таковой не возникло. Исследователи ограничивались констатацией факта: «нижеамурский палеолит и неолит стали основой для выработки наиболее оригинальной на сегодня периодизации региона с выделением неолита начального (осиповская культура) и неолита раннего (малышевская культура)», основанием для чего является растущая база данных по радиоуглеродному датированию (Гася, Хумми, Сучу) [Табарев, 1996, с. 229]. В тоже время А. В. Табарев считает, что для источниковедческой ситуации в Приморье предпочтительна теория транзита (переходного периода) от палеолита к неолиту, разрабатываемая приморскими археологами [Кононенко, 1996 и др.]. По его мнению, такой подход для приморской археологии в настоящий момент представляется более рациональным, нежели выделение этапа начального неолита. Причину этого

новосибирский исследователь видит в том, что период «начального неолита» в Южном Приморье пока слабо подкреплен фактическими материалами [1996, с. 230]. Таким образом, осталась неясной позиция самого автора: считает он необходимым выделение по единым критериям признаков особого начального этапа в общей периодизации неолита или допускает возможность создания периодизационных схем, рассчитанных на локальную группу памятников.

Однако проблема существует, и дефиницию начального неолита предложил Р. С. Васильевский. Говоря о памятнике Устиновка III, как представляющем начальный неолит, он писал, что тот «занимает пороговое положение, обозначающее переход от позднепалеолитической устиновской культуры к ранненеолитической руднинской» [Васильевский, 1996, с. 39]. Это краткое определение ставит термин «начальный неолит» в синонимический ряд с используемым определением «начальный период раннего неолита», которое не отменяет общепринятую трёхчленную градацию неолита: ранний, средний (развитый) и поздний. Необходимость введения дополнительного этапа, который на хронологической шкале находился бы впереди раннего неолита (от этого термина приверженцы нового подхода не отказываются), на наш взгляд, выглядит малоубедительной. Максимально приблизиться к фиксации самого момента перехода от палеолита к неолиту очень желательно, однако вряд ли возможно. Попытка внедрения новой схемы периодизации неолита пока не приблизила нас к пониманию проблемы переходного процесса от палеолита к неолиту. Перспективным видится подход, предложенный на примере изучения селемджинской палеолитической культуры. Позднепалеолитические индустрии Селемджи демонстрируют процесс закономерного развития традиции с постепенной трансформацией палеолитической культуры в неолитическую [Деревянко, Зенин, 1986, с. 81–82].

Мы придерживаемся традиционной системы периодизации неолита, которая, на наш взгляд, вполне «работает» на материалах маньчжурского неолита с его ориентацией на широкий спектр ресурсов, в том числе на производящее хозяйство. Содержанием этапа раннего неолита является обретение керамики и появление в виде отдельных элементов производящего хозяйства. На этой базе закладывались основы для формирования культур развитого неолита, которые в большей степени были ориентированы на производящую экономику.

5.1. Проблема происхождения керамики

Население Северо-Восточного Китая вступило в новую эпоху с теми индустриально-техническими

навыками, которые были сформулированы в предшествующее время. Поэтому показателем прихода неолита является появление и развитие производства керамической тары. Выделение дискретного рубежа зависит от конкретной исторической ситуации и определяется, во-первых, уровнем развития культуры, во-вторых, вариантом перехода к керамическому производству. В литературе существует ряд абстрактных моделей такого перехода. Вероятно, с уверенностью могут быть выделены только два пути овладения приемами изготовления керамической посуды: 1) под воздействием более развитых в этом отношении соседей; 2) конвергентное развитие. Дальнейшая конкретизация на данном этапе развития науки не может быть признана удовлетворительной, если она не подтверждена археологическими источниками. Полагаем, что при конвергентном появлении керамики в некоем районе в рамках обширного региона, имеющего определенные географические (естественные) границы и, как следствие, некую донеолитическую культурную общность, то для остальных фигурантов исторического процесса в её границах говорить о последующем конвергентном возникновении керамического производства не приходится. Во всяком случае, вероятность этого стремится к нулю. Распространение новой технологии происходит за счёт миграций идеи. Определить конкретные маршруты и хронологию этих миграций, учитывая весьма ограниченный временной промежуток, отведённый историей на распространение таких новаций, как керамическое производство, на археологических материалах не представляется возможным.

Интересно, что керамика самых ранних (из известных на сегодня) неолитических комплексов Дунбэя при наличии определённых архаичных черт показывает, тем не менее, достаточно продвинутый технологический уровень производства. Пожалуй, только специфическая керамика культуры *ананси* в северной Маньчжурии (её аналогом на левобережье Амура является *новопетровская культура*), при изготовлении которой в качестве отоштителя формовочной массы использовались дроблённые раковины пресноводных моллюсков, может претендовать на роль древнейшей в северной части региона [Гребенщиков, Табарев, Алкин, 1992]. К сожалению, в отличие от комплексов на левобережье Амура, китайские памятники с находками подобной керамики пока не имеют радиоуглеродных дат. Керамика *новопетровских* комплексов в Амурской области датирована временем около 9,3–9,8 тыс. л. н. [Derevianko, Petrin, 1995, с. 8; Джалл, Малли и др., 1998, с. 66]. Можно ожидать, что даты того же диапазона будут получены при датировании материалов комплексов *ананси* в северной части Дунбэйской низменности.

Что касается левобережья р. Амур, то в настоящее время наиболее ранней из культур неолитического

времени там является *осиповская культура*, памятники которой локализованы в нижнем течении реки. По результатам радиоуглеродного датирования эти памятники существовали в промежутке 13,3–7,7 тыс. л. н. Древнейшими памятниками с керамикой в Приморье являются: Перевал (более 8,3 тыс. л. н.), Устиновка-3 (около 10 тыс. л. н.) и Черниговка (около 10,77 тыс. л. н.) [Радиоуглеродная хронология..., 1988, с. 85–87]. Возвращаясь к районам Среднего Амура, следует отметить, что результаты недавнего датирования керамики *громатухинской* культуры (как и в случае с керамикой *новопетровской* культуры, датирование произвилось по органическому отоштителю) показали её большую древность – 10,4–13,3 тыс. л. н. [Джалл, Малли и др., 1998, с. 66–67]. Кроме того, для определения хронологических рамок переходного периода существенными являются результаты датирования наиболее поздних памятников верхнего палеолита на Дальнем Востоке (Приморье, Приамурье, Забайкалье) временем 14,2–9,69 тыс. л. н. [Радиоуглеродная хронология..., 1998, с. 87].

В северных районах Китая до последнего времени не обнаружены памятники, которые демонстрировали бы взаимовстречаемость позднепалеолитических каменных индустрий и керамики архаичного облика. Однако абсолютные даты позднейших палеолитических и самых ранних неолитических комплексов сближаются, что свидетельствует в пользу предположения: в этой зоне стадиальный переход мог быть осуществлён на основе местных верхнепалеолитических традиций. В северо-восточных районах Китая широко распространены так называемые «микролитические» комплексы, сочетающие технологии расщепления микронуклеусов различных типов и призматических нуклеусов, техники производства бифасов, оригинальной техники получения диагональных резцов (см.: [Деревянко, Волков, Ли Хончжон, 1998, с. 80–82]). Вероятно, какая-то часть из этих памятников, известных в основном по подъёмным сборам, при более углубленном изучении может дать и собственно неолитические материалы. Тем более что «микролитический» инструментарий продолжал бытовать в неолитическое время в качестве своеобразной верхнепалеолитической архаики. Для нашего исследования важно, что микролитические комплексы присутствуют и в культурах неолита Южной Маньчжурии.

Существенный прогресс в понимании переходного процесса от палеолита к неолиту в исследуемом регионе наметился в конце 1990-х гг. В ходе полевого сезона 1998 г. на памятнике Юйцзягоу в уезде Янюань на севере провинции Хэбэй обнаружена керамика, которая предварительно может быть датирована временем около 11–10 тыс. л. н. [Объединённый нихэваньский..., 1998; Се Фэй и др. 2006]. Ранее этот памятник был известен как содержащий материалы

позднепалеолитического времени [Ли Цзюнь, Ван Юбин, 1998]. Он расположен в центральной части котловины Нихэвань и приурочен ко второй надпойменной террасе р. Санганхэ, примерно в километре от известного верхнепалеолитического местонахождения Хутоулян. Чрезвычайно важна точная привязка фрагментов древнейшей керамики Юйцзягоу к конкретному культурному слою, что позволяет с точностью определить место этой технологической новации в хроностратиграфической колонке региона. Мощность культурного слоя на памятнике Юйцзягоу достигает семи метров. Верхний культурный слой содержит материалы неолитического времени (5–8 тыс. л. н.). Данные об их культурной принадлежности пока не сообщались. Нижний культурный слой (8–14 тыс. л. н.) включает три горизонта залегания находок. Самый ранний из них содержит комплекс каменной индустрии, основанной на торцовочно-клиновидном принципе расщепления. Средний горизонт демонстрирует сочетание подобного комплекса каменных изделий с находками разрозненных фрагментов керамики архаического облика. Самый крупный из них является частью донышка плоскодонного сосуда. Черепок рыхлый, жёлто-коричневого цвета; в формовочной массе отмечено присутствие песчаной примеси. Термолюминесцентным методом был определён возраст этой керамики, превышающий 10 тыс. лет. Перекрывающий эти находки верхний горизонт нижнего культурного слоя содержит стадиально более позднюю керамику красно-коричневого цвета, с песчаным отощителем в сопровождении шлифованных каменных изделий.

Ранняя керамика из Юйцзягоу превосходит по возрасту либо одновременна образцам архаичной керамики, обнаруженной ранее в той же провинции. Речь идёт о находках на памятнике Наньчжуантоу [Сюй Хаошэн, Цзинь Цзягуан, Ян Юнхэ, 1992]. 15 разрозненных фрагментов керамики были собраны здесь в культурном слое, приуроченном к пятому и шестому литологическим горизонтам. 12 фрагментов (горизонт 6) представляют собой образцы, в формовочную массу которых добавили песок. Они имеют тёмно-серую окраску. Черепок рыхлый, толщиной 0,8–1 см. Температура обжига была низкой. Два фрагмента являются частью прямого венчика. Под ним есть выпуклая горизонтальная полоса (китайские исследователи считают ее налепным валиком). Стенки сосуда были сравнительно ровными. На внутренней поверхности черепка сохранились следы нагара. Три других фрагмента из горизонта 6 имеют иные характеристики. По составу формовочной массы это: фрагмент коричневого цвета с примесью слюды; фрагмент коричневого цвета с хорошо выглаженной поверхностью; фрагмент красного цвета с песчаным отощителем, отслоившейся внешней поверхностью и

тщательно выглаженной внутренней поверхностью. Из горизонта 5 извлечён один фрагмент сосуда типа мелкой чашки: песчаный отощитель, окраска рыхлого черепка красно-коричневая, под заоваленным венчиком имеются сосцевидные налепы, толщина 1 см. Хроматизм большинства имеющихся фрагментов керамики свидетельствует о предположительно окислительной процедуре обжига.

В комплексе с керамикой на площади раскопа в 61 м² обнаружены: пара кварцитовых отщепов, фрагменты плиты и куранта зернотёрки, костяное и роговое шилья. Кроме того, культурный слой содержал костяной материал (104 экз.). Среди находок 67 % – кости и фрагменты рога оленя. Определено не менее 9 его видов. Все фрагменты рога имеют следы обработки. Среди остатков животных отмечены собака и кабан, предположительно, одомашненные. Характер почвы способствовал консервации большого количества древесного материала, который во многих случаях тоже имеет следы обработки.

Радиоуглеродное датирование слоёв, содержащих керамические материалы, производилось по образцам дерева и угля (6 дат) и по заильованной глине (2 даты). Полученные результаты укладываются в промежуток $10\ 510 \pm 110 - 9\ 690 \pm 95$ л. н. [Юань Сысиунь, Чэн Темэй, Чжоу Куньшу, 1992]. Таким образом, Наньчжуантоу входит в число немногих археологических памятников Северо-Восточной Азии, где найдены стратиграфически точно привязанные и достаточно надёжно датированные наиболее ранние образцы керамики.

Найдки в Хэбэе важны в свете того влияния, которое оказали ранненеолитические культуры этого района на формирование и развитие неолитической общности в Южной Маньчжурии. Южная часть Дунбэя является во многом ключевым районом для понимания хода этнокультурного развития во всей Восточной Азии. В юго-восточной части Внутренней Монголии, западной части провинции Ляонин и сопредельной территории северного Хэбэя прослеживается развитие традиции, представленной культурами *сингунва* – *чжаобаогу* – *хуншань*. Именно эта неолитическая общность, по нашему мнению, оказала не только существенное воздействие на культуры ближайших соседей в бассене р. Ляохэ (*сингльэ*) и Лядунского полуострова (*хуэва*), но и распространила своё культурное воздействие далеко на север, вплоть до берегов Амура и районов Южного Приморья.

5.2. Проблема раннего земледелия

Обсуждение проблемы возникновения производящего хозяйства для периода неолита в основном происходит вокруг вопроса о времени возникновения

и характере раннего земледелия. Первые подходы к теме раннего земледелия в Северо-Восточном Китае и на сопредельных территориях российского Дальнего Востока были сделаны харбинскими исследователями В. В. Поносовым [Ponosov, 1937] и В. С. Старииковым [1940]. С конца 1950-х гг. в советской археологической литературе, посвященной древнейшим этапам развития человеческого общества на территории Востока Азии, районам Маньчжурии традиционно отводилось место своеобразного посредника между скотоводами-кочевниками Севера (Байкальская Сибирь) и земледельческой цивилизацией Китая. Такое отношение к культурам этого региона постулировалось с эпохи неолита, когда в южной части региона возникла так называемая «смешанная» культура *хуншань*, с которой вёлся отсчёт раннего земледелия в Дунбэе. Истоки земледелия первоначально искали в древнейших культурах Китая [Окладников, 1959, с. 77–80; Ларичев, 1959а–б]. Накопление археологических данных по ранним этапам развития производящего хозяйства и, в какой-то степени, изменение идеологических установок, связанное с ухудшением отношений с КНР, способствовали рождению новых концепций, среди которых была гипотеза о возникновении земледелия на юге Дальнего Востока в эпоху неолита [Окладников, 1960, 1962]. Данные китайской археологии, которыми исследователи имели возможность оперировать десятилетия назад, были весьма скучными и не всегда, как это выяснилось позднее, точными. Однако в сочетании с первыми, часто предварительными результатами работ на советском Дальнем Востоке они дали возможность А. П. Окладникову и Д. Л. Бродянскому сформулировать развёрнутую гипотезу о так называемом «дальневосточном очаге земледелия». Подчёркивая «глубокое своеобразие» именно дальневосточного очага первичного земледелия, исследователи подразумевали южные районы российского Дальнего Востока, включая в ареал и сопредельные территории Маньчжурии [Окладников, Бродянский, 1969].

В дальнейшем существовавшие концепции раннего земледелия критически рассмотрел с использованием новейших на тот момент источников А. П. Деревянко [1973, с. 221–242]. Особое внимание исследователь обратил на возможность существования неолитического земледелия в достаточно удалённой от Приморья, но пограничной с Маньчжурией Восточной Монголии. После этой работы долгое время в принципиальном плане к проблеме никто из археологов не возвращался. Однако, как можно предположить, специалистам было понятно, что «очаг» не может быть распределен по огромной территории от Восточной Монголии до юга Дальнего Востока, от Амура и до Кореи. Новые данные всё более приходили в противоречие с абсолютизацией роли российских территорий Дальнего Востока в возникновении земледелия.

В начале и середине 1990-х гг. дискуссия по вопросам раннего земледелия на Востоке Азии получила весьма эмоциональное продолжение [Клюев, 1992; 1994а, с. 17–21; Бродянский, 1995]. В то же время данные археологических источников свидетельствуют о достаточно позднем времени появления земледелия в Приморье [Kuzmin, Jull, Jones, 1998]. В этих условиях вполне закономерно обращение к археологическим данным о процессе перехода к производящему хозяйству из сопредельных районов Маньчжурии.

Результаты работ китайских археологов свидетельствуют о том, что Дунбэй (включая плодородные аллювиальные маньчжурские равнины и предгорья Хинганской горной страны) является ключевым районом, в том числе и для решения проблемы раннего земледелия. Поэтому без обращения к данным, характеризующим современный уровень изучения местных неолитических культур, продуктивная дискуссия по вопросу о раннем земледелии на Дальнем Востоке становится невозможной. Новейшие материалы о раннем земледелии Маньчжурской равнины [Ли Юйфэн, 1990; Ван Цайдэ, Чэн Цихун, 1995 и др.], как нам кажется, заставляют кардинально пересмотреть сложившиеся представления о «дальневосточном очаге».

Интересующий нас район Северо-Восточного Китая и сейчас один из наиболее привлекательных для земледелия [Ahner, 1932]. Южно-Маньчжурская равнина обильно дренируется р. Ляохэ. С древнейшего времени она была местом, где аккумулировались громадные массы аллювия, которые снивелировали древнюю поверхность и образовали выровненный рельеф. Район с юга и запада ограничен горами Большого Хингана и Ляоси. В летние паводки ширина Ляохэ значительно увеличивается, и вся пойма заливается водой. По данным палинологии, 7 тыс. л. н. среднегодовой уровень температур в южной части Дунбэя был на 3–5 градусов выше современного. Климат был более влажным и благоприятным для ведения земледельческого хозяйства [Лю Мулин, 1988, с. 847].

Для решения вопроса о существовании раннего земледелия решающую роль играют обнаруженные *in situ* зёरна культурных растений. Для исследуемого региона самым ранним примером такого рода является находка карбонизированных остатков зёрен *Panicum miliaceum* (проса обыкновенного) в жилище нижнего слоя памятника Синъэл (абсолютная дата до 7 тыс. л. н.) [Юй Чуньюань, 1985, с. 220–221]. Радиоуглеродное датирование ранних находок такого же типа зёрен на неолитических памятниках Северного Китая дало близкие (поселение Дадивань в Ганьсу) либо на несколько сотен лет более ранние даты (Пэйлиган в Хэнани) [Чжунго каогусюэ чжун, 1991, с. 167–168, 276–279]. Обращает на себя внимание следующий факт: в Пэйлиган известно некоторое ко-

личество керамики с орнаментом в виде гребенчатого зигзага. Можно предположить, что её появление связано с южным направлением влияния одновременно существовавшей в районе Пекина культуры *шанчжай* (локального варианта культуры *чжаобаогу*), которая является самой южной и одной из наиболее ранних в общности культур юга Маньчжурской равнины. Имея в виду другие данные о земледелии ранненеолитических культур среднего течения р. Хуанхэ [Жэнь Шинань, 1995; Чжан Чжихэн, 1998], можно предположить, что они для более северных районов Востока Азии выступили в роли первоначального (не путать с первичным) очага земледелия зернового типа, основанного на производстве проса (*Panicum miliaceum*, *Setaria italica*).

К сожалению, на других памятниках ранненеолитического времени в Северо-Восточном Китае пока не найдены зерна культурных злаков. Но есть все основания полагать, что переход к раннему земледелию на этой стадии не ограничивался культурой *синъя*. В культурах *синлунва* и *чжаобаогу* отмечен устойчивый комплекс орудий для обработки земли и развитое керамическое производство, которые получили развитие в культуре *хуншань*. Однако выделение на этом этапе специализированных земледельческих орудий затруднено тем, что они ничем не отличаются от орудий, использовавшихся для подготовки котлованов жилищ. Определённым показателем может быть наличие большого числа орудий для обработки зерна (плиты и куранты зернотёрок). Но их назначение должно определяться с привлечением специальных методов анализа, что для находок из Дунбэя до сих пор не делалось. Определённо можно утверждать, что никогда в неолите Дунбэя не существовало пашенного земледелия с использованием мускульной силы тягловых животных. Тезис о нём, основанный на находках так называемых «каменных лемехов», был выдвинут Э. Лисаном [Lisent, 1934] и некритически воспринят многими исследователями (см.: [Клюев, 1994б, с. 167–168]). На самом деле эти орудия, скорее всего, использовались для ручной обработки земли, возможно, как и известная «корейская лопата».

Таким образом, географический ареал существования южно-маньчжурской неолитической общности совпадал с зоной раннего земледелия. Наиболее ранний этап развития, которой, возможно, был представлен культурой *синлунва*.

Исходя из данных, которые имеются по палеоклимату и палеоландшафту районов Южной Маньчжурии, где возникло производящее хозяйство, можно предположить, что переход от охоты и собирательства к производящему хозяйству в рамках неолитического периода в Южной Маньчжурии мог проходить в двух вариантах или двумя этапами (в зависимости от конкретного географического локуса).

Первый был представлен мотыжным земледелием на наиболее доступных, удобных и плодородных аллювиальных и лёссовых почвах. Вероятно, в более суровых условиях Южной Маньчжурии ресурс этого земледелия был выработан ранее, чем это произошло, например, в бассейне р. Хуанхэ. Причиной стал процесс аридизации, начавшийся 6–4 тыс. л. н. [Ковда, 1977, с. 56] и шедший в Маньчжурии, на границах с Гоби, более высокими темпами, чем в бассейне Хуанхэ, что должно было сузить возможности собирательства и примитивного мотыжного земледелия.

Данные о развитии лесного покрова указывают на то, что в условиях вынужденного отказа от разработки только удобных мест осуществлялся переход к подсечно-огневому земледелию. Однако в неолитическую эпоху обработка земли производилась без использования сельскохозяйственных животных и ирригации. Повышение урожайности достигалось внедрением новых орудий для обработки земли. Таким орудием являлась соха особого типа, приводимая в действие мускульной силой человека. Свидетельством распространения сохи являются многочисленные находки каменных «лопат» («лемехов плугов»).

Данные палеозоологии и палеоботаники свидетельствуют, что на протяжении всего неолитического периода ведущую роль в хозяйстве южноманьчжурских культур продолжали играть охота и собирательство. Объектом последнего, прежде всего, были плоды маньчжурского ореха (*Juglans mandchurica*). Кроме того, рос удельный вес костных остатков дикой свиньи. Дунбэй вместе с сопредельными территориями входит в зону раннего свиноводства. Следует учитывать тот факт, что просяные отруби могли служить кормом для животных. Вероятно, в неолитическое время сложились предпосылки для одомашнивания этого животного.

Следующие по возрасту находки злаков (*Setaria italica*) отмечены на поселении Гоцяцунь на юге Лядунского полуострова (около 4 тыс. л. н.) и на хуншаньском памятнике Чжичжушань. Число открытых и изученных памятников свидетельствует о значительном росте населения в бассейне р. Ляохэ к концу неолитического периода. Это может служить косвенным свидетельством в пользу существенного развития земледелия, к которому перешла главенствующая роль в обеспечении населения продовольствием.

Изучение проблемы раннего земледелия в других регионах мира показало: важным моментом является то, что, как правило, зоны зарождения производящего хозяйства и первичных очагов древней металлургии совпадают. В южной части Маньчжурии на рубеже третьего и второго тысячелетий сложился такой очаг, представленный автохтонной раннебронзовой культурой *нижнего слоя сяцзядянь*. Что касается поиска так называемых первичных очагов, то до сих пор ни

для одного из предполагаемых центров раннего земледелия нет достоверных данных о возникновении и содержании собственно раннего этапа земледелия. Это обычная ситуация для любого переходного периода в развитии человеческого общества. В любом случае, на роль такого очага не может претендовать Дальний Восток (Приморье и Приамурье) – территории, на которых появление земледелия уверенно может быть датировано только поздним неолитом и палеометаллом.

5.3. Проблема южноманьчжурской неолитической общности

Как было сказано выше, мы исходим из общего понимания того, что археологическая культура является упорядоченной совокупностью взаимосвязанных типов явлений материального мира, которая дана нам в археологических остатках. Необходимый этап первоначальной систематизации археологической информации позволяет исследователю в дальнейшем приступить к поиску ответа на вопрос: Какая прошлая реальность нашла отражение в изучаемом археологическом феномене? Дискретно-мозаичная картина, в которой предстаёт неолит Дунбэя, ставит нас перед необходимостью использования интегрирующего подхода. Это подразумевает привлечение классификационных категорий более высокого таксономического уровня, чем «археологическая культура», – «археологическая общность», «историко-культурная общность» и т. п.

Обобщенное описание неолитических культур исследуемого региона продемонстрировало, по нашему мнению, явное сходство неолитических культур отдельных микрорайонов на территории Южной Маньчжурии. Это дает возможность уже на этапе раннего неолита рассматривать их в рамках одной неолитической традиции, которая определяла специфику культурного развития всего региона на протяжении последующей эпохи и характер взаимоотношений с окружающим миром.

Главным объединяющим признаком южноманьчжурской неолитической общности можно считать присутствие на всех неолитических памятниках региона плоскодонной керамической тары усечённо-конических форм, с орнаментом в виде штампового или резного зигзага (рис. 94). Наличие или отсутствие в каменном инвентаре так называемых «микролитических» изделий делит составляющие общность культуры на две группы. Пластинчатый и (или) микропластинчатый комплекс характерен для культур внутренних континентальных районов (*синлунва*, *чжаобаогу*, *фухэ*, *синъэ*, *пяньбу*). В них отчетливо проявляется архаичная техника двусторонней краевой

ретуши, выполненной на ножевидных пластинах. Вторая группа памятников, где микролиты полностью отсутствуют, локализована на Лядунском полуострове и прилегающих к нему островах.

Мы полагаем, что первоначальный импульс распространения южноманьчжурской керамической традиции исходил из районов южной части Маньчжурской равнины и прилегающих территорий горного массива Жэхэ и Северного Хэбэя. Побудительным моментом стало обретение технологии изготовления керамической тары. В дальнейшем границы общности расширились за счёт существенного воздействия на культуры ближайших соседних районов бассейна Ляохэ (культура *синъэ*) и Лядунского полуострова (культурный тип *сючжушань* и культура *хоува*). Затем южноманьчжурская неолитическая общность распространила культурное воздействие далеко на север, вплоть до берегов Амура (*вознесеновская культура*) и районов южного Приморья (*зайсановская культура*).

Выдвинутая нами ранее идея о значении дунбэйских комплексов с орнаментом в виде различных модификаций зигзага как культурообразующего фактора была в той или иной форме воспринята рядом исследователей [Шевкомуд, 1999, с. 3; Мыльникова, 1999, с. 79]. Определённую роль в передаче этого южного компонента сыграли культуры северной части Маньчжурии, объединённые традицией органогенной (с использованием ракушечника в качестве отощителя) керамики. Заметим, что неразработанным остается вопрос о корейском маршруте распространения влияния южноманьчжурской неолитической традиции, хотя само оно корейскими авторами признаётся [Чхве Джонпхиль, 2001, с. 39].

Остаётся признать, что проблема происхождения мощной традиции орнаментации керамики с мотивом зигзага по-прежнему актуальна и на данном этапе далека от однозначного разрешения. В частности, требует объяснения феномен раннего появления керамики с орнаментом в виде зигзага в гребенчато-пунктирном исполнении в районах севернее Амура [Ветров, 1985, 1997; Кузьмин, Ветров и др., 2000]. Собранные материалы по раннему этапу развития южно-маньчжурской неолитической общности, как нам кажется, указывают перспективное направление общего решения этой проблемы.

При определении таксона такого высокого уровня, как «археологическая общность», нельзя не заметить, что он перекликается с используемой в этнографической науке концепцией историко-этнографических (историко-культурных) областей [Андронов, Чебоксаров, 1975]. Как известно, существуют такие области разного порядка. Мы не считаем, что необходимо заниматься подбором из ряда таксонов этнографического районирования подходящих для прямого сопоставления с археологической общностью. Однако можно

допустить, что речь в таком случае должна идти об уровне историко-этнографической области. Важно также заметить, что историко-этнографические регионы и входящие в них области всегда являются ареальными, то есть охватывают этносы непрерывных территорий, ограниченных более или менее ясными рубежами: естественно-географическими, хозяйственными-культурными или политическими [Андреанов, Чебоксаров, 1975, с. 18; Типы традиционных..., 1979, с. 7]. Существуют монокультурные и поликультурные историко-этнографические общности, в которые входят этносы различных культурно-хозяйственных типов, взаимодействующие между собой [Андреанов, Чебоксаров, 1972]. Учитывая то, что культурно-хозяйственный тип носителей неолитических культур Южной Маньчжурии не является монокультурным, скорее всего, речь может идти о поликультурной области. Это не противоречит тезису о взаимосвязанном развитии культур региона.

Очевидно, со столь крупной и древней общностью было связано формирование более поздних археологических (и этнических) культур. Материалы южноманьчжурского неолита (при всей осторожности, которую следует проявлять при использовании столь древних источников в этногенетических исследованиях) в сочетании с данными смежных наук указывают на более южный (нежели Прибайкальский) район формирования древнейших тунгусо-маньчжур. В некотором смысле это предположение перекликается с гипотезой С. М. Широкогорова о южном происхождении тунгусов. Вопрос заключается в том, какие именно «южные» (относительно современного расселения тунгусоязычных народов) территории могут претендовать на роль «родовых земель» тунгусо-маньчжур. В немалой степени ответ зависит от решения вопроса хронологии документируемого процесса раннего этногенеза. Что именно следует считать за точку отсчёта при всей относительности этого понятия?

Начало данного процесса, на наш взгляд, может быть отнесено к этапу формирования маньчжурского неолитического центра. Несомненно, целый ряд культур неолитического времени Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии, находившихся в отношениях генетического (уходящего корнями в палеолитическое время) родства, в неолитическую эпоху продолжал развиваться в рамках трёх оригинальных автохтонных археологических общностей: южноманьчжурской, североманьчжурской (традиция *аньянси-новопетровская*) и кондонской. Эпоха неолита была последней в

дописьменной истории Северо-Восточного Китая, к которой относятся значительные культурные импульсы с источником в культурах более южных территорий континента (Центральная китайская равнина, Шаньдун). В дальнейшем дунбэйские общности неолитического времени явились основой, на которой (не без воздействия процессов, происходивших на сопредельных территориях) в эпоху ранних металлов шел сложный и многоаспектный процесс этнокультурной дифференциации. Результатом стало деление на монгольские и тунгусо-маньчжурские народы.

Происхождение культур эпохи бронзы южных районов Маньчжурии, ранней из которых являлась культура *нижнего слоя сяцзядянь* (рис. 96), связано с развитием на хуншаньской основе культурного типа *сюхэянь* (рис. 95). Нельзя, конечно, игнорировать возможные контакты с культурами Центральной китайской равнины. Однако, учитывая данные о раннем времени обретения металла населением бассейна Ляохэ, возможно здесь существовал первичный очаг металлургии [Алкин, Беляков, 1998]. Воздействие позднедуншаньской культуры на формирование шан-иньской цивилизации отчётливо проявилось в ритуально культовой практике, связанной с идеями, воплощёнными в С-образных нефритах. Таким образом, можно говорить не о реципиентной, а о продуцирующей роли южноманьчжурской неолитической общности по отношению к протокитайским культурам.

В пределах самой Маньчжурии культура *нижнего слоя сяцзядянь* оказала существенное воздействие на распространение технологии получения и обработки бронзы в северном направлении. Наследовавшие её культуры развитой бронзы (комплексы *вэйинцы* и культуры *верхнего слоя сяцзядянь*) имеют множество параллелей в материальной культуре эпохи бронзы Восточной Монголии и Забайкалья. Информация о культурах раннего железного века Дунбэя (северной и южной частей) также свидетельствует в пользу их автохтонного развития. Судя по археологическим материалам, с момента появления на исторической арене культур раннего железного века и до первых упоминаний в письменных источниках о тунгусоязычных племенах *мохэ* никаких крупных миграций на территорию Маньчжурии не было. Можно сделать вывод, что *южноманьчжурская неолитическая общность* была тем мощным субстратом, который во многом обеспечивал автохтонное развитие культур Северо-Восточного Китая на протяжении следующих тысячелетий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Северо-Восточный Китай всегда был интересен исследователям тем, что находится на стыке резко отличных друг от друга культурно-исторических ареалов. С одной стороны – земледельческий Китай, с другой – мир тайжных охотников и рыболовов Сибири и Дальнего Востока, с третьей – обширная степная зона Монголии, Восточного Туркестана и Южной Сибири со скотоводческим хозяйственным укладом. Между этими крупными областями с древности существовали различные связи. Дунбэй в них выступал тем контактным районом, неолитические памятники которого могут помочь прояснить картину этих отношений на древнейшем этапе их развития. Не меньший интерес для исследователя имеет возможность выявления оригинальных, специфических черт культур Северо-Восточного Китая, определивших собственное лицо этого региона в неолитическое время и особенности его развития на протяжении последующих веков. Поэтому авторставил своей целью дать по возможности полное представление о культурах неолита отдельно взятой части Северо-Восточного Китая

В результате проведённого обобщения и анализа материалов неолита Южной Маньчжурии автор пришёл к выводу, что неолитические культуры Южной Маньчжурии характеризуются высоким уровнем развития технологий, быстрыми темпами становления производящего хозяйства и удивительными феноменами в области духовной культуры. Очевидно, что уже в ранненеолитическое время в этом регионе Северо-Восточного Китая сформировался оригинальный центр, представленный южно-маньчжурской общинностью археологических культур. При этом автор осознаёт, что полученные результаты и выдвинутые гипотезы во многом требуют конкретизации и уточнения.

На представленных материалах в частности не прослеживается механизм генезиса неолита на местной (или иной) верхнепалеолитической основе. Прежде всего, это связано с недостаточностью материалов по эпохе верхнего палеолита в целом Северо-Восточного Китая и Южной Маньчжурии в частности.

Тем не менее, рассмотренные материалы фиксируют достаточно раннее и с большой вероятностью

автохтонное содержание процессов неолитизации, выразившихся в хронологически раннем (сопоставимом по времени с аналогичными процессами на сопредельных территориях) обретении технологии керамического производства и переходе к производящему хозяйству, прежде всего в его раннеземледельческом зерновом варианте. В пределах самой южно-маньчжурской общности выявлено два региона с определённой спецификой развития, которая маркируется, прежде всего, различиями в каменной индустрии.

За рамками исследования остался целый ряд важных проблем, среди которых проблема культурной трансформации в контактных зонах. Неолит Южной Маньчжурии демонстрирует – как минимум – три варианта развития в контактных зонах: 1) юго-западная часть региона, где происходило взаимодействие с культурами крашеной керамики Северного Китая; 2) зона контакта по линии водораздела Ляохэ и Сунгари, где южно-маньчжурская неолитическая общность контактировала с культурами Северной Маньчжурии; 3) прибрежные территории южной части Ляодунского полуострова, население которых через Бохайский залив имело тесные связи с культурами Шаньдунского полуострова. Специальное обращение к этой проблеме предполагает проведение отдельного анализа содержательного аспекта понятия «контактная зона» на примере конкретного археологического региона, что может оказаться полезным как в общетеоретическом плане, так и для более глубокого понимания развития южно-маньчжурской неолитической общности.

Южноманьчжурская общность не только сохранила свою самобытность на протяжении всего неолитического периода, но и оказала существенное воздействие на развитие неолитических и последующих культур в Северном Китае и сопредельных районах Северной Маньчжурии, Приамурья и Приморья. Этот вывод мы считаем особенно важным, поскольку районы Северо-Восточного Китая на протяжении всего процесса этногенеза были одним из узловых его центров на территории Восточной Азии. Теперь можно ставить вопрос о довольно раннем времени формирования этого центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.** Ороческие тексты и словарь. – Л.: Наука, 1978. – 264 с.
- Алексеенко Е. А.** Насекомые в мифологии кетов // Животные и растения в мифоритуальных системах. – СПб.: Гос. музей истории религии, 1996. – С. 100–101.
- Алин В. Н.** Лекарственные насекомые в китайской медицине // Зап. Харбин. о-ва естествоиспытателей и этнографов. – 1953. – № 10. – С. 1–11.
- Алкин С. В.** Археологические и этнографические исследования В. В. Поносова в Маньчжурии // Вторые чтения им. Г. И. Невельского. – Хабаровск, 1990. – С. 113–117.
- Алкин С. В.** Восточноазиатская меридиональная дуга соответствий // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV год. итог. сес. ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 8–10.
- Алкин С. В.** Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // Мат-лы III год. итог. сес. ИАЭт СО РАН. – Новосибирск, 1995. – С. 14–16.
- Алкин С. В.** Русские археологи в Маньчжурии // Годы, люди, судьбы: История российской эмиграции в Харбине: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. – Москва, 1998. – С. 3–5.
- Алкин С. В.** Археолог Владимир Яковлевич Толмачев // На пользу и развитие русской науки. – Чита: Изд-во Забайк. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 67–80.
- Алкин С. В.** Российские археологи у истоков археологического изучения Северной Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001а. – С. 139–141.
- Алкин С. В.** Судьба и труды забайкальского этнографа и археолога Е. И. Титова // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001б. – Вып. 3. – С. 258–269.
- Алкин С. В.** Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите Северо-Восточной Азии // Древние культуры Северо-Востока Азии. Астроархеология. Палеоинформатика: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 134–143.
- Алкин С. В., Беляков А. В.** Культура ранней бронзы Юго-Восточной Маньчжурии // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 1998. – С. 103–110.
- Андреева Ж. В.** Проблемы периодизации на примере неолитического периода // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока: Проблемы исторической ин-терпретации археологических источников. – М.: Наука, 1994. – С. 86–107.
- Андианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.** Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. – 1972. – № 2. – С. 3–16.
- Андианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.** Историко-этнографические области: Проблемы историко-этнографического районирования // СЭ. – 1975. – № 3. – С. 15–25.
- Анерт Э. Э.** Полезные ископаемые Северной Маньчжурии / Тр. Общества изучения Маньчжурского края. – Харбин: Изд-во О-ва изуч. Маньчжур. края, 1928. – Вып. 1. – 236 с.
- Антонова Е. В.** Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М., 1990. – 287 с.
- Археологические** культуры и культурная трансформация. – Л.: ЛОИА АН СССР, 1990. – 163 с.
- Археология** зарубежной Азии. – М.: Высшая школа, 1986. – 359 с.
- Архипов С. А., Волкова В. С., Букреева Г. Ф., Форонова И. В., Крутовер А. А., Дергачёва М. И., Зыкина В. С., Гнибиденко З. Н., Сухорукова С. С., Деревянко А. П., Маркин С. В., Орлова Л. А.** Реконструкция климата в плейстоцене и голоцене Сибири: Методы и перспективы // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – С. 10–32.
- Афремов П. Я.** Неолитическое святилище в Нюхэляне, Западная Маньчжурия // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998. – С. 19–33.
- Бадер О. Н.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бадж У.** Египетская религия. Египетская магия. – М.: Новый Акрополь, 1996. – 402 с.
- Баскаков Н. А.** Душа в древних верованиях тюрков Алтая // СЭ. – 1973. – № 5. – С. 108–113.
- Баялиева Т. Д.** Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 170 с.
- Богаевский Б. Л.** Археология на службе у японского империализма / Сообщ. ГАИМК. – 1932. – № 5–6. – С. 7–20.
- Богораз В. Г.** Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Боднев И. А.** Ранние керамические комплексы Японии // Исследования молодых учёных в области археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – С. 11–41.
- Большой** китайско-русский словарь: В 4 т. – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – 553 с.; Т. 2. – 1101 с.; 1984. – Т. 3. – 1104 с.; Т. 4. – 1062 с.

- Бродянский Д. Л.** Бижутерия фальсификаторов // Дальний Восток. – 1973. – № 9. – С. 128–131.
- Бродянский Д. Л.** Приамурско-маньчурская археологическая провинция в IV–I тыс. до н. э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1975. – С. 179–185.
- Бродянский Д. Л.** Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. – 276 с.
- Бродянский Д. Л.** Дальневосточный очаг древнего земледелия: Проблема, спустя четверть века // Вест. ДВО РАН. – 1995. – № 5. – С. 105–115.
- Бурыкин А. А.** К реконструкции мифологических представлений о пауке-праородителе у тунгусо-маньчжуков и других народов северо-востока Азии по лингвистическим, фольклорным и этнографическим данным // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. – Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1985. – С. 37–51.
- Вайсберг Дж.** Погода на земле. – Л.: Гидрометеоиздат, 1980. – 248 с.
- Варёнов А. В.** Древнейшее изображение в скифо-сибирском стиле? // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. – Кемерово: КемГУ, 1989. – Ч. II. – С. 115–117.
- Васильев К. В.** Археологические исследования во Внутренней Монголии // ВДИ. – 1959. – № 3. – С. 163–174.
- Васильевский Р. С.** Тенденции развития начального и раннего неолита Юго-Восточного Приморья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV год. итог. сес. ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 38–40.
- Васильевский Р. С.** Некоторые вопросы генезиса и эволюции дальневосточного неолита // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – С. 107–116.
- Ветров В. М.** Керамика усть-каренской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 123–130.
- Ветров В. М.** Усть-каренская культура и её место в системе археологических памятников сопредельных территорий // Взаимодействие народов России, Сибири и стран Дальнего Востока: История и современность. – М.; Иркутск; Тэгу, 1997. – С. 176–180.
- Вограйлик В. Г., Вязьменская Э. С.** Очерки китайской медицины. – М., 1961. – 192 с.
- Воробьёв М. В.** Маньчжурия и Восточная Монголия с древнейших времён до IX века включительно. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 410 с.
- Гарковик А. В.** Находки мелкой пластики с неолитического памятника Евстафий-4 // Краеведческий вестник. – Владивосток: Примор. отд-ние Рос. фонда культуры, 1993. – Вып. 1. – С. 102–107.
- Гарковик А. В.** Предметы мелкой пластики как отражение некоторых сторон духовной жизни древних обществ // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998. – С. 49–59.
- Головин А. В.** Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: ИИиА УО РАН, 1995. – 607 с.
- Грачёва Г. Н.** Погребальный культ // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993. – Вып. 5. – С. 154–158.
- Гребенщиков А. В., Табарев А. В., Алкин С. В.** Ранний неолит Среднего Амура: Новые подходы // Петр Алексеевич Кропоткин – гуманист, ученый, революционер. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1992. – С. 87–90.
- Гричук В. П.** Опыт реконструкции некоторых элементов климата Северного полушария в атлантический период голоцен // Голоцен. – М.: Наука, 1969. – С. 41–57.
- Деревянко А. П.** Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.
- Деревянко А. П.** Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 355 с.
- Деревянко А. П., Волков П. В., Ли Хонджон.** Селемджинская палеолитическая культура. – Новосибирск, 1998.
- Деревянко А. П., Зенин В. Н.** Палеолит Селемджи и проблема перехода к неолиту // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1996.
- Деревянко А. П., Окладников А. П.** Древние культуры восточных районов МНР // СА. 1969. – № 4. – С. 141–156.
- Деревянко Е. И.** Древние жилища Приамурья. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1991. – 158 с.
- Джалл Э. Дж., Малли Ж., Биддульф Д. Л., Деревянко А. П., Кузьмин Я. В., Медведев В. Е., Табарев А. В., Зенин В. Н., Ветров В. М., Лапшина З. С., Гарковик А. В., Жущиховская И. С.** Радиоуглеродная хронология древнейших неолитических культур юга Дальнего Востока России и Забайкалья по результатам прямого датирования керамики методом ускорительной масс-спектрометрии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 63–68.
- Жернаков В. Н.** Владимир Васильевич Поносов // Russians in Australia. – № 3. – Melbourne: University of Melbourne, 1972. – 16 с.
- Зенько А. П.** Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. – Новосибирск: Наука, 1997. – 155 с.
- Золотарёв А. М.** Пережитки тотемизма у народов Сибири. – Л., 1934. – 52 с.
- Ивлев А. М., Левинтов М. Е., Окладников А. П., Сохица Э. Н.** Палеогеографические выводы, полученные при изучении многослойной стоянки Сакачи-Алян в Нижнем Приамурье // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1974. – № 1, вып. 1. – С. 96–100.
- Иохельсон В.** Натуралистический сюжет о происхождении комаров и других гадов в сибирско-американских мифах // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Петроград, 1918. – Т. V, вып. 1. – С. 201–204.
- Исида Эйтиро.** Мать Момотаро. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. – 224 с.
- Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания.** – М.; Л.: Наука, 1966. – 400 с.
- Китайская геомантия.** – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. – 272 с.
- Клейн Л. С.** Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦНТДИСИ, 1991. – 448 с.
- Клюев Н. А.** Дальневосточный очаг древнего земледелия: Теоретический и историографический аспект проблемы // Вторая дальневост. конф. молодых историков. – Владивосток, 1992. – С. 27–30.

- Клюев Н. А.** Археология первобытного общества Приморья и Приамурья: Историографический и библиографический обзор (1861–1991). – Владивосток: Дальнаука, 1994а. – 188 с.
- Клюев Н. А.** Археология первобытного общества Приморья и Приамурья: История идей и концепций // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока: Проблемы исторической интерпретации археологических источников. – М.: Наука 1994б. – С. 55–85.
- Ковда В. А.** Аридизация суши и борьба с засухой. – М.: Наука, 1977. – 272 с.
- Кононенко Н. А.** Докерамические и неолитические комплексы юга Дальнего Востока: Проблемы генезиса и взаимосвязей // Археология Северной Пасифики. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1996. – С. 207–214.
- Конрад Н. И.** Неопубликованные работы. Письма. – М.: РОССПЭН, 1996. – 544 с.
- Корякова Л. Н.** Некоторые проблемы изучения обществ поздней первобытности в российской и зарубежной археологии // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург: НИСО УО РАН, БКИ, 1998. – Ч. 1. – С. 75–83.
- Крейнович Е. А.** Этнографические наблюдения у нивхов в 1927–1928 годах // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1987. – С. 107–123.
- Кузьмин Я. В., Ветров В. М., Джайл Э. Дж., О’Мали Ж. М.** Радиоуглеродное датирование керамики усть-каренской культуры Верхнего Витима и хронология начального неолита Восточной Азии // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: ИГПУ, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С. 181–188.
- Кукла Г. Дж.** Современные изменения площади снежного и ледяного покрова // Изменение климата. – Л.: Гидрометеоиздат, 1980. – С. 160–179.
- Кулемzin В. М.** Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: ТГУ, 1984. – 191 с.
- Кульпин Э. С.** Человек и природа в Китае. – М.: Наука, 1990. – 245 с.
- Кустова Ю. Г.** Категории «умай» и «кут» в представлениях хакасов // Жизнь. Смерть. Бессмертие. – СПб.: Гос. музей ист. религии, 1993. – С. 42–43.
- Кучера С.** Некоторые проблемы, связанные с археологическими находками в Турфане и в у. Жаохэсянь // Общество и государство в Китае: Шестая науч. конф. – М.: Наука, 1975. – С. 627–634.
- Кучера С.** Китайская археология 1965–1974 гг.: Палеолит – эпоха Инь. – М.: Наука, 1977. – 269 с.
- Кучера С.** Некоторые проблемы истории Китая в свете радиоуглеродных датировок // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. – М.: Наука, 1981. – С. 47–130.
- Кучера С.** Древнейшая и древняя история Китая: Древнекаменный век. – М.: Восточная литература, 1996. – 432 с.
- Лао Ш.** Рикша // Избранные произведения. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 329–506.
- Ларичев В. Е.** Древние культуры Северо-Восточного Китая (эпоха неолита и бронзы) // Тр. ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. – Саранск, 1959а. – Т. I. – С. 75–95.
- Ларичев В. Е.** Неолит Дунбэя и его связи с культурами Северо-Восточной Азии // Археологический сборник. – Улан-Удэ, 1959б. – № 1. – С. 33–62.
- Ларичев В. Е.** Древние культуры Северо-Восточного Китая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1960а. – 23 с.
- Ларичев В. Е.** К вопросу о микролитическом характере неолитических культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбэя // Тр. Бурят. комплекс. науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1960б. – С. 31–43. – (Сер. востоковедения; вып. 3).
- Ларичев В. Е.** Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура (Ананци, Дунбэй) // МИА. – № 86. – 1960в. – С. 81–126.
- Ларичев В. Е.** Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. I. – 391 с.
- Ларичев В. Е.** Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 94–154.
- Ларичев В. Е.** Палеолит Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. – М.: Наука, 1981. – С. 4–46.
- Ларичев В. Е.** Микролитическая культура в Китае: Проблемы её истоков, особенностей эволюции и направлений миграций // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 9–17.
- Лим Чжэ.** Мышь под судом. – М.: Художественная литература, 1964. – 248 с.
- Лян Сыон** (к годовщине со дня смерти) // ВДИ. – 1955. – № 2. – С. 205–207.
- Маркарьян С. Б., Молодякова Э. В.** Праздники в Японии. – М.: Наука, 1990. – 248 с.
- Массон В. М.** Экономика и социальный строй древних обществ. – Л.: Наука, 1976. – 192 с.
- Медведев В. Е.** К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре // Обозрение полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1995. – С. 228–237.
- Медведев В. Е.** Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 77–94.
- Мелларт Дж.** Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М., 1982. – 150 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси.** – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Молодин В. И.** Изображения на валунах с реки Казым // Звери в камне (первобытное искусство). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 247–252.
- Мурзаев Э. М.** Северо-Восточный Китай: Физико-географическое описание. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 252 с.
- Мыльникова Л. Н.** Гончарство неолитических племён Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 160 с.
- Небесная дева Лебедь:** Бурятские сказки, предания и легенды. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 368 с.
- Невский Н. А.** Материалы по говорам языка цоу: Словарь диалекта северных цоу. – М.: Наука, 1981. – 147 с.
- Неолит юга Дальнего Востока:** Древнее поселение в пещере Чёртовы Ворота. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

- Окладников А. П.** Далёкое прошлое Приморья. – Владивосток, 1959. – 292 с.
- Окладников А. П.** Возникновение земледелия на Дальнем Востоке // Вторая науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. – Владивосток, 1960. – С. 6–7.
- Окладников А. П.** О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. – М., 1962. – С. 418–431.
- Окладников А. П.** Отчёт о раскопках древнего поселения у села Вознесеновского на Амуре, 1966 г. // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1972. – Ч. I. – С. 3–35.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л.** Дальневосточный очаг древнего земледелия // СЭ. – 1969. – № 2. – С. 3–14.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.** Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1970. – Вып. V. – С. 3–20.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.** Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки:** Мат-лы междунар. конф. (22–25 марта 1994 г.). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1996. – 254 с.
- Порчинский И. А.** Бабочка в представлениях народов в связи с народным суеверием. – Петроград, 1915. – 115 с.
- Потапов Л. П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Пэй Вэнъчжун.** О развитии археологии в КНР за последние годы // Мат-лы Совещ. по изуч. четвертич. периода. – М., 1961. – С. 261–265.
- Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии.** – Владивосток: Тихоокеан. ин-т географии, 1998. – 127 с.
- Рак И. В.** Мифы древнего Египта. – СПб.: Петро-РИФ, 1993. – 270 с.
- Раскопки палеолитической стоянки около Харбина // Природа.** – 1935. – № 6. – С. 81.
- Северный Китай.** – М.: Гос. Изд-во географ. лит-ры, 1958. – 352 с.
- Семёнов С. А.** Древнейший период в истории Китая: К итогам археологических исследований в Северном Китае за последние два десятилетия // ВДИ. – 1949. – № 4. – С. 211–224.
- Симаков Г. Н.** Соколиная охота и военное дело у кочевников Средней Азии и Казахстана // Кунсткамера. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – Вып. № 5–6. – С. 64–72.
- Симченко Ю. Б.** Нганасанское лето // Российский этнограф. – М., 1993. – Вып. 10. – 258 с.
- Смирнов Ю. А.** Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. – М.: Наука, 1997. – 279 с.
- Стариков В. С.** Доисторическая культура в Северной Маньчжурии // Луч Азии. – Харбин, 1940. – № 75/11. – С. 26–28.
- Ся Най.** Современное состояние археологической науки в Китае // ВДИ. – 1954. – № 4. – С. 131–143.
- Табарев А. В.** Исследование культур каменного века юга Дальнего Востока России: Приоритеты середины 90-х // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV год. итог. сес. ИАЭт СО РАН. – Новосибирск, 1996. – С. 229–231.
- Типы традиционных сельских жилищ народов Юго-Восточной и Центральной Азии.** – М.: Наука, 1979. – 287 с.
- Ткаченко Г. А.** Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люшью чуньцю». – М.: Наука, 1990. – 284 с.
- Тян В. Д.** Буддийские храмы средневековой Кореи: История, архитектура, философия. – М.: Восточная литература, 2001. – 174 с.
- Формозов А. А.** Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. – 1959. – № 2. – С. 47–59.
- Хлобыстина М. Д.** Ритуальные доминанты поселений и могильников Восточной Европы каменного века // Петербургский археологический вестник. – СПб.: ИИМК РАН, 1993. – № 4. – С. 17–23.
- Чард Ч. С.** Некоторые проблемы доисторической хронологии на северо-востоке Азии // СЭ. – 1967. – № 2. – С. 94–99.
- Чжан Янь.** Легенда о тутовом шелкопряде и коне // Белая обезьяна. – Чита, 1955. – С. 5–6.
- Чигринский М. Ф.** Жилищаaborигенов Тайваня // Страны и народы Востока. – М.: Наука. – Вып. XXIII. – С. 200–208.
- Чу Шаотан.** География Нового Китая. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. – 368 с.
- Чхве Чжонпхиль.** Новый взгляд на неолит Кореи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 39–50.
- Шевкомуд И. Я.** Об относительной хронологии неолитических комплексов с криволинейной орнаментикой на Нижнем Амуре // Третья Дальневост. конф. молодых историков. – Владивосток: Изд-во ИИАЭ, 1994. – С. 11–13.
- Шевкомуд И. Я.** Об открытии древнейших погребений и некоторых проблемах осиповской культуры (Приамурье) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV год. итог. сес. ИАЭт СО РАН. – Новосибирск, 1996. – С. 253–256.
- Шевкомуд И. Я.** Поздний неолит северо-востока Нижнего Амура: Памятники с гребенчато-пунктирной и криволинейной орнаментацией керамики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 20 с.
- Шинкарёв В. Н.** Человек в традиционных представлениях тибето-бирманских народов. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. – 224 с.
- Юань Кэ.** Мифы древнего Китая. – М.: Наука, 1987. – 528 с.
- Юань Мэй.** Новые записи Ци Се, или о чём не говорил Конфуций. – М.: Наука, 1977. – 504 с.
- Яншина Э. М.** Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

На китайском языке

- Алкин С. В.** Энтомологические свидетельства о нефритах культуры хуншань // Бэйфан вэнъу. – Харбин, 1997. – № 3. – С. 28–29.
- Ань Чжиминь.** Микролитическая культура // Каогу тунсюнь. – 1957. – № 2. – С. 35–48.

- Ань Чжиминь.** Важнейшие результаты в археологии неолита Китая // Вэнь. – 1959. – № 10. – С. 19–23.
- Ань Чжиминь.** Мезолитические памятники близ Хайлара: Генезис и особенности микролитической традиции. – Каогу сюэбао. – 1978. – № 3. – С. 289–316.
- Ань Чжиминь.** Влияние доисторических культур низовьев р. Янцзы на страны Восточного моря // Каогу. – 1984. – № 5. – С. 439–448.
- Ань Чжиминь.** Столетие открытия микролитических изделий в Китае // Каогу. – 2000. – № 5. – С. 45–56.
- Аохань Чжаобаогуо** – синьшици шидай цзюйлуо (Чжаобаогу в хошуне Аохань – посёлок эпохи неолита). – Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1997. – 343 с.
- Бо Жэны.** Анализ фаунистических остатков, обнаруженных на поселении Бэйутунь в городе Далянь // Каогу сюэбао. – 1994. – № 3. – С. 377–379.
- Ван Вэйсян.** Нефритовые изделия культуры хуншань, найденные в хошуне Балинцзоци // Ляохай вэньу сюэкань. – 1994. – № 1. – С. 14–15, 122.
- Ван Итао.** Керамические волчки – самые ранние детские игрушки в Китае // Каогу юй вэньу. – 1999. – № 5. – С. 46–49.
- Ван Сычжоу.** Сравнение культурных типов нижнего слоя Сяочжушань и нижнего слоя Хоува // Боугуань яньцю. – 1990. – № 3. – С. 64–68.
- Ван Фудэ, Пань Шицюань.** О предварительных результатах анализа видового состава карбонизированных злаков из Синьлэ // Синьлэ ичжи сюэшу таолунхуй вэньцзи (Сб. мат-лов науч. симпоз. о поселении Синьлэ). – 1983. – С. 35.
- Ван Цайдэ, Чэн Цихун.** Ещё раз к обсуждению происхождения и распространения земледелия в Китае // Каогу нунье. – 1995. – № 3. – С. 30–42.
- Ван Цээнсинь.** Сообщение об обследовании неолитического памятника на песчаном холме Пяньбу в уезде Синьминь провинции Ляонин // Каогу тунсюнь. – 1958. – № 1. – С. 1–4.
- Ван Шанцзун.** Сравнительный анализ нуклеусов и пластин из Линьси во Внутренней Монголии. – Тяньцзинь: Тяньцзинь цзыжань боугуань, 1989. – С. 1–14 (на правах рукописи).
- Ван Юйпин.** Местонахождения эпохи неолита в бассейне р. Шара–Мурэн // Каогу тунсюнь. – 1955. – № 6. – С. 9–12.
- Ван Юйпин.** Стоянки микролитической культуры на горе Хуншань в г. Чифэн, аймак Чжоуда, Внутренняя Монголия // Каогу тунсюнь. – 1956. – № 4. – С. 36–37.
- Вэй Цянь, Го Чжичжун.** Археологический очерк памятника Мяоцзыгоу в хошуне Чаоцяньцы, Внутренняя Монголия // Каогу. 1989. – № 12. – С. 29–39.
- Вэнь Цзимин.** Новое знакомство с поселением Аньсиньчжуан // Каогу. – 1998. – № 8. – С. 60–70.
- Гао Мэйсиюань.** Комментарий к вопросу о погребениях культуры хуншань // Бэйфан вэньу. – 1989. – № 1. – С. 25–32.
- Гао Тяньлинь.** Анализ неолитических керамических барабанов бассейна р. Хуанхэ // Каогу сюэбао. – 1991. – № 2. – С. 125–140.
- Го Дашунь.** Эксклюзивное погребение нефрита в культуре хуншань и узнавание особенностей происхождения цивилизации Ляохэ // Вэньу. – 1997. – № 8. – С. 20–26.
- Го Дашунь, Ма Ша.** Неолитические культуры бассейна р. Ляохэ // Каогу сюэбао. – 1985. – № 4. – С. 417–444.
- Го Дашунь, Чжан Кэцзюй.** Краткое сообщение о раскопках комплекса построек культуры хуншань в Дуншаньцзуй, уезд Кацзо провинции Ляонин // Вэньу. – 1984. – № 11. – С. 1–11.
- Го Сяохуй.** Изучение нефритовых драконов культуры хуншань // Бэйфан вэньу. – 1988. – № 1. – С. 13–14, 27.
- Го Чжичжун.** О женской скульптуре, найденной в Байнинчанган и её культовом характере // Цингоцзи (Сб. ст. к 20-летию археолог. фак-та Цзилиньского ун-та). – Пекин, 1993. – С. 29–41.
- Го Чжичжун.** Неолитическое поселение Байнинчанган в уезде Линьси [Внутренней Монголии] // Чжунго каогусюя няньцзянь (Китайский археолог. ежегодник). – Пекин: Вэньу, 1994. – С. 168–169.
- Го Чжичжун, Бао Цинчуань, Со Сюфэнь.** Сообщение о раскопках поселения Байнинчанган в уезде Линьси // Нэймэнгу дунбуцой каогусюя вэньхуа яньцзю вэньцзи (Сб. ст. по изуч. археолог. культур вост. части Внутрен. Монголии). – Б.м.: Хаян чубаньшэ, 1991 (Цит. по: Со Сюфэнь, Ли Шаобин, 1996, примеч. 15).
- Го Чжичжун, Со Сюфэнь, Бао Цинчуань.** Краткое сообщение о раскопках неолитического памятника Байнинчанган в уезде Линьси, Внутренняя Монголия // Каогу. 1993. – № 7. – С. 577–586.
- Дунбэй гунлу сяну.** (Подробная карта шоссейных дорог Северо–Востока [Китая]). – Пекин: Чжунго диту чубаньшэ, 1998. – 34 с.
- Дунбэйя каогусюя яньцзю:** чжун жи хэцзо яньцзю баогашу (Изучение археологии Северо–Восточной Азии: Доклад о совместных японо–китайских исследованиях). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1997. – 348 с.
- Дун Вэньи, Хань Жэньсинь.** Обследование памятника Насытай в хошуне Балиньюци, Внутренняя Монголия // Каогу. 1987. – № 6. – С. 507–518.
- Дун Сюэцзэн.** О погребальном обряде населения культуры ситуаньшань // Каогу. – 1987. – № 6. – С. 546–550.
- Дянь Цунь.** Краткое сообщение о раскопках центрального большого погребения (M1) первого кургана на пятом участке комплекса Нюхэлян в провинции Ляонин // Вэньу. – 1997. – № 8. – С. 4–8.
- Дянь Цунь, Синь Янь.** Три сезона раскопок 1987–1990 г. поселения Чахай в уезде Фусин провинции Ляонин // Вэньу. 1994. – № 11. – С. 4–19.
- Жэнь Шинань.** Некоторые важнейшие достижения культур неолита Китая во время раннее V тысячелетия до новой эры // Каогу. – 1995. – № 1. – С. 37–49.
- Инь Да.** Синьшици шидай (Неолитическая эпоха). – Пекин: Вэньу, 1979 (1-е изд. – 1955 г.).
- Инь Да.** Обзор археологических работ по неолиту в Китае и их перспективы // Каогу. – 1963. – № 11. – С. 577–589.
- Кун Чжаочэнь, Ду Найцю.** Краткое сообщение о предварительном изучении растений из памятника Синлунва в хошуне Аохань, Внутренняя Монголия // Каогу. – 1985. – № 10. – С. 873–874.
- Кун Чжаочэнь, Ду Найцю, Лю Гуаньминь, Ян Ху.** Первоначальное археологическое изучение окружающей среды района г. Чифэн (Автономный район Внутренняя Монголия) в период с 8000 до 2400 лет назад // Дадянь-

- цзы – сяцзядынь сяцэн вэньхуа ичжи юй моди фацзюэ баогао (Дадяньцы – отчёт о раскопках поселения и могильника культуры нижнего слоя сяцзядынь). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1996. – С. 323–333.
- Ли Гунду.** Новое археологическое открытие в Шипэншань аймаке Чжоуда // Вэньу. – 1982. – № 3. – С. 31–36.
- Ли Линь.** Обследование неолитических памятников в уезде Чэндэ провинции Хэбэй // Каогу. 1992. – № 6. – С. 481–488.
- Ли Лянь.** Краткое описание деятельности японцев по археологии северо-востока Китая // Дунбэйя лиши юй каогу синьси. – 1984. – № 3. – С. 50–59.
- Ли Цзюнь, Ван Ютин.** Позднепалеолитический памятник Юйцзягу в уезде Янноань // Чжунго каогусюэ няньцзянь 1996 (Китайский археологический ежегодник, 1996). – Пекин: Вэньу, 1998. – С. 96.
- Ли Цю.** Стоянки микролитической культуры в аймаке Чжоуда // Каогу сюэбао. – 1959. – № 2. – С. 1–14.
- Ли Юйфэн.** В культуре хуншань открыты каменные земледельческие орудия // Нунье каогу. – 1985. – № 1. – С. 52–54.
- Ли Юйфэн.** Предварительное изучение первобытного земледелия неолитической эпохи в районе Дунбэй // Чжунго каогусюэ хуй ди лю цы нянхуй луньвэнь цзи 1987 (Сб. ст. шестого съезда Археолог. общ.-ва Китая, 1987). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1990. – С. 74–82.
- Лю Госян.** Обобщение исследований древних нефритов Ляоси // Гугун боуюань юанькань. – 2000а. – № 5. – С. 6–20.
- Лю Госян.** Первые шаги в изучении нефритов Нюхэлян // Вэньу. – 2000б. – № 6. – С. 74–85.
- Лю Госян.** Предварительное изучение типа осёдлости культуры синлунва // Каогу юй вэньу. – 2001а. – № 6. – С. 58–67.
- Лю Госян.** Поселения культуры чжаобаогу и изучение связанных с ними проблем // Вэньу. – 2001б. – № 9. – С. 52–63.
- Лю Гуаньминь, Сюй Гуанци.** Археологические открытия и понимание неолита бассейна р. Ляохэ // Чжунго каогу сюэхуй ди и цы нянхуй луньвэнь цзи 1979 (Сб. ст. первого съезда Археолог. общ.-ва Китая, 1979). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1980. – С. 72–79.
- Лю Дуньюань.** Древние предметы искусства Китая, в которых проявляется культ насекомых: о смысле узора в виде цикады периодов Шан и Чжоу // Каогу юй вэньу. – 1988. – № 2. – С. 24–31.
- Лю Мулун.** Древний растительный покров и палеоклимат поселения Синьэ // Каогу. – 1988. – № 9. – С. 846–848.
- Лю Цзиньсян.** Предварительное рассуждение о культуре чжаобаогу // Цинчжу Су Бинци каогу уши нянь луньвэньцззи (Сб. ст. к 55-летнему юбилею археолог. деятельности Су Бинци). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1989. – С. 198–202.
- Лю Цзиньсян, Дун Синьлинь.** Первые шаги в изучении форм доисторических поселений района Великой стены севернее и южнее гор Яньшань // Вэньу. – 1997. – № 8. – С. 48–56.
- Лю Цзиньсян, Чжу Яньпин.** Доклад о раскопках поселения Чжаобаогу-1 в хошуне Аохань Внутренней Монголии // Каогу. – 1988. – № 1. – С. 1–6.
- Лю Цзиньсян, Ян Гочжун.** Поселение Сишуйцюань культуры хуншань в г. Чифэн // Каогу сюэбао. – 1982. – № 2. – С. 183–197.
- Лю Чжэнхуа.** Расписной орнамент и орнамент в виде зигзага на керамике культуры хуншань // Чжунго каогу сюэхуй ди люцы нянхуй луньвэнь цзи (Сб. ст. шестого съезда Археолог. общ.-ва Китая, 1987 г.). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1990. – С. 24–37.
- Лю Шуцюань.** Исследование типологии нефритовых изделий культуры хуншань // Ляохай вэньу сюэкань. – 1995. – № 1. – С. 21–34.
- Люй Цзюнь, Луань Чжаопэн.** Обобщение исследований нефритовых изделий культуры хуншань // Бэйфан вэньу. – 2000. – № 3. – С. 6–11.
- Люй Цзуньэ.** Доклад об археологическом изучении Хуншань в городе Чифэн // Каогу сюэбао. – 1958. – № 3. – С. 25–40.
- Люй Цзуньэ.** Археологическое обследование уезда Линьси во Внутренней Монголии // Каогу сюэбао. – 1960. – № 1. – С. 9–22.
- Лян Сыон.** Сборы неолитических каменных изделий и керамики в Линьси, Шуаньцзин, Чифэн и других местах провинции Жэхэ // Лян Сыон каогу луньвэньцззи (Сб. ст. Лян Сыона по археологии). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1959. – С. 107–144.
- Ма Цинпэн.** Обследование местонахождения Яованмяолян в уезде Луаньбин провинции Хэбэй // Каогу. – 1998. – № 2. – С. 85–89.
- Мяо Жунхуа.** Краткое сообщение об обследовании неолитического памятника Гужигулэтай в хошуне Балиньюци // Нэймэнгу вэньу каогу. 1992. – № 1–2. – С. 67–75.
- Нюхэлян хуншань вэньхуа** ичжи юй юйци цзиньцзий (Памятник Нюхэлян культуры хуншань и отборные нефритовые изделия). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1997. – 102 с.
- Объединённый никэваньский археологический отряд.** На археологических раскопках в котловине Никэвань получен важный результат // Чжунго вэньу бао. – 1998. – 15 ноября.
- Открытие трёх типов первобытной культуры в Сяохэянь хошуна Аохань провинции Ляонин // Вэньу. – 1977. – № 12. – С. 1–22.**
- Пу Чаоба.** Второй сезон раскопок памятника Цинганча типа башань в районе Ланьчжоу, провинция Ганьсу // Каогусюэ цзикань. Пекин, 1982. – Вып. 2. – С. 10–17.
- Се Фэй, Ли Цзюнь, Лю Лянциань.** Никэвань цз.шици вэньхуа (Палеолитическая культура Никэвань). – Шицзячжуань: Хуашань вэньи чубаньшэ, 2006. – 215 с.
- Синь Чжунго ды каогу фасянь яньцзю** (Археологические открытия и исследования в Новом Китае). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1984. – 663 с.
- Со Сюофэнь, Ли Шаобин.** О культуре чжаобаогу // Нэймэнгу вэньу каогу. – 1996. – № 1–2. – С. 25–32.
- Су Бинци.** Древние культуры, древние города и древние государства Ляоси // Ляохай вэньу сюэкань. – 1986а. – № 1. – С. 2–5, 15.
- Су Бинци.** Новое продвижение вперёд в работе по археологии к югу и северу от гор Яньшань и в районе Великой стены // Нэймэнгу вэньу каогу. – 1986б. – № 4. – С. 1–4, 37.
- Су Бинци.** Ляонин чжунда вэньхуа шии (Важные культурные реликвии [провинции] Ляонин). – Шэньян: Ляонин ишу чубаньшэ, 1990. – 80 с.

- Сун Чжаолинь.** У юй миньцзянь синъян (Шаман и народные верования). – Пекин: Чжунго хуацю чубань гунсы, 1990. – 210 с.
- Сунь Цзи.** Свернувшийся нефритовый дракон // Вэньу. – 2001. – № 3. – С. 69–76.
- Сунь Шоудао, Го Дашуны.** Первобытная цивилизация бассейна Ляохэ и происхождение образа дракона // Вэньу. – 1984. – № 6. – С. 11–17, 20.
- Сунь Шоудао, Го Дашуны.** Открытие и изучение изображения головы женского божества культуры хуншань из Нюхэлян // Вэньу. – 1986. – № 8. – С. 18–24.
- Сюй Гуанци.** Краткое сообщение о раскопках поселения Фухэгуомэн в хошуне Байрин-Цзоци Внутренней Монголии // Каогу. – 1964. – № 1. – С. 1–5.
- Сюй Гуанци.** Неолитические культуры районов Севера // Синь Чжунго ды каогу фасянь яньцзю (Археологические открытия и исследования в Новом Китае). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1984. – С. 172–188.
- Сюй Минган.** Три местонахождения в Люишунь // Каогу. – 1959. – № 11. – С. 600.
- Сюй Минган.** Обследование неолитических раковинных куч в уезде Чанхай городского района Люйда // Каогу. – 1961. – № 12. – С. 689–690.
- Сюй Минган, Юй Линьсян.** Разведка неолитических раковинных куч в уезде Чанхай района Люйда // Каогу. – 1962. – № 7. – С. 345–342.
- Сюй Минган, Сюй Юйлинь, Су Сяохуа, Лю Цзюньюн, Ван Цуйин.** Поселения с раковинными кучами на островах Гуанлу и Дачаншань в уезде Чанхай // Каогу сюэбао. – 1981. – № 1. – С. 63–109.
- Сюй Хаошэн, Цзинь Цзягун, Ян Юнхэ.** Краткое сообщение о предварительных раскопках памятника Наньчжуантоу в уезде Сюйшуй провинции Хэбэй // Каогу. – 1992. – № 11. – С. 961–966.
- Сюй Хун.** Кратко о доисторических погребениях в керамических урнах в Китае // Каогу. – 1989. – № 4. – С. 331–339.
- Сюй Шаочун.** Изучение месторождения угля на поселении Синьлэ // Каогу. – 1979. – № 1. – С. 79–81.
- Сюй Юйлинь.** Новые археологические открытия и изучение поселения Хоува // Чжунго каогу сюэхуй ди бацы яньхуй луньвэнь цзи 1997 (Сб. ст. восьмого съезда Археолог. общ-ва Китая, 1997 год). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1990. – С. 13–23.
- Сюй Юйлинь, Бо Жэньи, Ван Чуаньпинь.** Основные сведения о раскопках поселения Хоува в уезде Дунгуй города Даньдун // Каогу. – 1989. – № 12. – С. 1–22.
- Сюй Юйлинь, Гао Хунчжу.** Обследование и предварительные раскопки поселений эпохи неолита в уезде Дунгуй города Даньдун // Каогу. – 1984. – № 1. – С. 21–36.
- Сюй Юйлинь, Гао Хунчжу, Юй Цзиньчэн, Юань Цзиньцин.** Доклад о раскопках неолитического памятника Шанчжай в уезде Пингу города Пекин // Вэньу. – 1989. – № 8. – С. 1–8.
- Сюй Юйлинь, Су Сяосинь.** Предварительные исследования на неолитическом памятнике Гоцзычунь // Ляонин дасюэ сюэбао. – 1980. – № 1. – С. 43–46.
- Сюй Юйлинь, Су Сяосинь.** Неолитическое поселение Гоцзычунь в городе Далянь // Каогу сюэбао. – 1984. – № 3. – С. 287–328.
- Сюй Юйлинь, Су Сяосинь, Ван Сычжоу, Сунь Дэюань.** Неолитическое поселение Бэйутунь в городе Далянь // Каогу сюэбао. – 1994. – № 3. – С. 343–377.
- Сюй Юйлинь, Ян Юнфэн.** Краткое сообщение о раскопках памятника Бэйгоусишань в уезде Сюянь провинции Ляонин // Каогу. – 1992. – № 5. – С. 389–398.
- Сюй Юйлянь.** Керамический *сюань* из поселения Хоува – самый древний духовой инструмент, обнаруженный на Северо-Востоке // Бэйфэн вэньу. – 1994. – № 4. – С. 51.
- Тайчаншу** (Книга о зародышах и родах) // Чжунго фаншу гайгуань. Фанчжун цзюань (Концепция фаншу в Китае. Раздел о внутренних покоях). – Пекин: Жэньминь чжунго чубаньшэ, 1993. – С. 24–28.
- Тун Чжучэнь.** Новые проблемы, поставленные перед археологией каменного века Китая новыми открытиями и новыми методами датирования // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. – 1979. – № 1. – С. 211–219.
- Фан Дяньчунь, Вэй Фань.** Краткое сообщение о раскопках хуншаньских «Храма богини» и могильника с каменными курганами в Нюхэлян провинции Ляонин // Вэньу. – 1986. – № 8. – С. 1–17.
- Фан Дяньчунь, Лю Баохуа.** Раскопки могильника с нефритовыми изделиями культуры хуншань в Хутоугуо, уезд Фусинь провинции ляонин // Вэньу. – 1984. – № 6. – С. 1–5.
- Фоэрмоцзоу А. А.** (Формозов А. А.). Микролитические памятники Азиатской части Советского Союза // Каогу. – 1960. – № 4. – С. 47–56.
- Фэн Цзичан.** Связь между условиями географической среды и древними народными обычаями Дунбэя // Бэйфэн вэньу. – 1988. – № 1. – С. 54–61.
- Фэн Эньсиюэ.** Три проблемы относительно связей между неолитическими культурами северо-востока Китая и Байкальского региона // Ляохай вэньу сюэкань. – 1997. – № 2. – С. 19, 72–77.
- Хуншань вэнхуха яньцзю – 2004** яньхуншань вэнхуха гоцзи сюэшу яньтаохуй луньвэньцзи (Изучение культуры хуншань – сборник материалов международного симпозиума по исследованию культуры хуншань в 2004 году). – Пекин: Вэньчубаньшэ, 2006. – 588 с.
- Цзинь Цзягун.** Предварительный анализ остатков неолитической эпохи из Мэнгэчжуан // Каогу. – 1983. – № 5. – С. 419, 446–451.
- Цзинь Цзягун, Ван Цитэн.** Поселение Мэнгэчжуан в уезде Саньхэ провинции Хэбэй // Каогу. – 1983. – № 5. – С. 404–414.
- Цзя Вэньмин.** Каменные наконечники стрел района Дунбэй // Бэйфэн вэньу. – 1985. – С. 2–10, 15.
- Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Юй Юйчжоу.** Отчёт о раскопках палеолитического памятника Шилюй в провинции Шаньси // Каогу сюэбао. – 1972. – № 1.
- Цзя Хуньэнь.** В деревне Саньсинтала хошуна Вэннютэ Внутренней Монголии найден нефритовый дракон // Вэньу. – 1984. – № 6. – С. 6–10.
- Цзуй Сюань.** Открытие и изучение культуры синлуна, а также некоторые связанные с этим проблемы // Нэймэнгу шэхуй кэсюэ. – 1987. – № 1. – С. 65–69.
- Цюй Жуйци, Шэн Чанци.** Доклад о раскопках поселения Синьлэ в г. Шэньян // Каогу сюэбао. – 1978. – № 4. – С. 449–466.

- Цюй Фэн, Сунь Дэюань.** Обследование древних памятников в уезде Чжуаньхэ провинции Ляонин // Бэйфан вэньбу. – 1992. – № 3. – С. 24–28.
- Цюй Ши.** О проблеме сырья для изготовления древних нефритовых изделий в Китае // Вэньбу. – 1987. – № 4. – С. 53–63.
- Чжан Бибо.** Гипотеза по историческому изучению древних северных народов Китая // Бэйфан вэньхуа янъцюо (Изучение культуры Севера). – Харбин, 1989. – Т. 2. – С. 1–4.
- Чжан Чжихэн.** Исследование некоторых вопросов ранненеолитических культур // Каогу юй вэньбу. – 1984. – № 1. – С. 85–91.
- Чжан Чжихэн.** Чжунго синьшици шидай вэньхуа (Неолитические культуры Китая). – Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 1988. – 366 с.
- Чжао Бинфу.** Происхождение и периодизация культуры чжаобаогу // Чжунго каогусюэхуй ди цю цы няньхуй луньвэнь цзи 1991 (Сб. ст. девятого съезда Археолог. общ-ва Китая, 1991). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1996. – С. 1–12.
- Чжао Бинфу.** Дунбэй шици шидай каогу (Археология каменного века Дунбэя). – Чанчунь: Цзилинь дасюэ чубаньшэ, 2003. – 462 с.
- Чжоу Яншэн.** Важнейшие результаты третьего сезона раскопок на поселении Синьлэ в г. Шэньян // Синьлэ ижи сюэшу таолунхуй вэньцы (Сборник материалов научного симпозиума о поселении Синьлэ). – 1983. – С. 73–75.
- Чжоу Яншэн.** Краткое сообщение о спасательных раскопках на поселении Синьлэ в г. Шэньян провинции Ляонин // Каогу. – 1990. – № 11. – С. 469–980.
- Чжоу Яншэн.** Неолитическое поселение Синьлэ в г. Шэньяне // Чжунго каогусюэ няньцзян (Китайский археологический ежегодник). – Пекин: Вэньу, 1994. – С. 176–177.
- Чжу Да.** Краткое сообщение о раскопках могилы 21 в кургане 1 второго участка комплекса в Нюхэлян провинции Ляонин // Вэньу. – 1997. – № 8. – С. 9–14.
- Чжу Да, Люй Сюэмин.** Раскопки погребения с цилиндрическими изделиями в кургане 4 второго участка комплекса в Нюхэлян провинции Ляонин // Вэньу. – 1997. – № 8. – С. 15–19.
- Чжу Фэнхань.** Обследование неолитического памятника Дацинтала в хошууне Наймань провинции Цзилинь // Каогу. – 1979. – № 3. – С. 209–222.
- Чжу Юнган, Чжао Бинфу, Ван Чэншэн, Сюй Гуанхуй.** Доклад о раскопках поселения с каменной стеной в Пиндиншань, уезд Фусинь провинции Ляонин // Каогу. – 1992. – № 5. – С. 399–417.
- Чжунго каогусюэ чжун тань шисы няньдай шуцзюйцы 1965–1991** (Каталог радиоуглеродных датировок в китайской археологии 1965–1991). – Пекин, 1991. – 489 с.
- Чжунго цинтун ци** (Китайские бронзы). – Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1988. – 630 с.
- Чу Гуанци.** Раскопки поселения Чжичжушань в городе Чифэн // Каогу сюэбао. – 1979. – № 2. – С. 215–243.
- Чэн Динжун.** Неолитический памятник Даган в уезде Дунгуо провинции Ляонин // Каогу. – 1986. – № 4. – С. 300–305, 382.
- Чэн Цзюньшань.** Краткое сообщение о раскопках поселения Хоутайцзы в уезде Луаньпин провинции Хэбэй // Вэньбу. – 1994. – № 3. – С. 53–71.
- Чэн Цзяхуай.** Поселение Дахаймэн у деревни Янтунь в уезде Юнци провинции Цзилинь // Каогусюэ цзикань. – Пекин: Чжунго шахуй кэсюэ чубаньшэ, 1987. – Вып. 5. – С. 120–151.
- Шао Готянь.** Обследование поселения Наньтайди культуры чжаобаогу в хошууне Аохань // Нэймэнгуг вэньу каогу. – 1991. – № 1. – С. 2–10.
- Юань Сысионь, Чэн Тэмэй, Чжоу Кунышу.** Радиоуглеродное датирование и палинологический анализ культурных слоёв поселения Наньчжуантую // Каогу. – 1992. – № 11. – С. 967–970.
- Юй Чуньюань.** Доклад о повторных раскопках на поселении Синьлэ, г. Шэньян // Каогу сюэбао, 1985. – № 2. – С. 209–222.
- Ян Ху.** Проследовательность и периодизация археологических культур эпохи неолита и периода совместного использования камня и металла в районе Ляоси // Вэньу. – 1994. – № 5. – С. 37–52.
- Ян Ху.** Двадцать лет [изучения] доисторической археологии в Институте археологии [АОН КНР] // Каогу. – 1997. – № 8. – С. 7–19.
- Ян Ху, Лю Госян.** Краткое сообщение о раскопках 1992 г. поселения Синлунва в хошууне Аохань Внутренней Монголии // Каогу. – 1997а. – № 1. – С. 1–26, 52.
- Ян Ху, Лю Госян.** Погребения в жилищах культуры синлунва и изучение связанных с ними проблем // Каогу. – 1997б. – № 1. – С. 27–36.
- Ян Ху, Чжу Яньпин.** Краткое сообщение о раскопках памятника Синлунва в хошууне Аохань Внутренней Монголии // Каогу. – 1985. – № 10. – С. 865–873.
- Ян Ху, Чжу Яньпин.** Поселение Сяошань в хошууне Аохань Внутренней Монголии // Каогу. – 1987. – № 6. – С. 481–506.
- Янь Вэньмин.** Единство и разнообразие доисторических культур Китая // Вэньу. – 1987. – № 3. – С. 38–50.
- Янь Вэньмин.** Анализ форм поселений в неолите Китая // Чинчжу Су Бинци каогу ушиу нянь луньвэньцы (Сб. ст. к 55-летнему юбилею археолог. деятельности Су Бинци). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1989. – С. 24–37.

На английском языке

- Alkin S. V.** Semantics of the Gold Crowns from Silla (*Kogok's Problems as an Idea of the Birth*) // Major Issues in History of Korean Culture. Proceedings of the 3d International Conference on Korean Studies. – Moscow, 1997. – С. 37–38.
- Andersson J. G.** The Cave-deposit at Sha Kuo T'un in Fengtien // Palaentologia Sinica. – Peking: The geological Survey of China, 1923. – Series D. – Vol. I. – Fasc. 1. – 108 p.
- Andersson J. G.** Children of the Yellow Earth. – L., 1934.
- Ahnert E.** Manchuria as a region of pioneer settlement: its natural conditions and agricultural possibilities // Pioneer

- Settlement / American Geographical Society Special Publication. – NY, 1932. – P. 313–329.
- Childs-Johnson E.** Jades of the Hongshan culture: the dragon and fertility cult worship // Arts Asiatiques. – 1991. – T. XLVI. – P. 82–95.
- Derevianko A. P., Medvedev V. E.** The Amur river basin as one of the earliest senturs of ceramics in the Far East // The Origin of Ceramics in the East Asia and the Far East. International Symposium. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1995. – P. 13–14.
- Derevianko A. P, Petrin V. T.** The Neolithic of the southern Russian Far East: A division into periods // The Origin of Ceramics in the East Asia and the Far East. International Symposium. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1995. – P. 7–9.
- Guo Dashun.** Hongshan and related cultures // The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall. – L.&NY: Routledge, 1995. – P. 21–64.
- Kuzmin Y., Jull A., Jones G.** Early agriculture in Primorye, Russian Far East: new radiocarbon and pollen data from late neolithic sites // Journal of Archaeological Science (1998) 25, 813–816.
- Li Ling, McMahon K.** The contents and terminology of the Mawangdui texts on the Arts of Bedchamber // Early China. – 1992. – Vol. 17. – P. 145–185.
- Lisent E.** Les Collectiones Neolithiques du Musee Hoang Ho Pai Ho de Tientsin. – Tientsin: Publication du Musee Hoang Ho Pai Ho 1932. – № 14.
- Nelson S. M.** The neolithic of northeastern China and Korea // Antiquity. – 1990. – Vol. 64. – P. 234–248.
- Ponosov V.** Agriculture and cattle breeding in North Manchuria, the stone age period // Bulletin of the Institute of Scientific Research, Manchoukuo. – 1937. – Vol. 1, № 3. – P. 163–166.
- Xu Yulin.** The Houwa site and related issues // The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall. – L.&NY: Routledge, 1995 – P. 65–88.

На японском языке

- Курисима Ё.** Культуры переходного периода на Японском архипелаге. Роль культуры микосиба // Тохоку Адзия – Кёкуто но доки но кигэн. – Тохоку Фукуси дайгаку, 1995. – С. 117–128.
- Torii R.** Курильские айну. – Токио, 1903.
- Torii R.** Populations Prehistoriques de la Mandchourie Meridionale. – Journal of College of Science Totyo Imperial University. – 1915. – Vol. XXXVI, part 8.
- Yavata I.** Contribution to the Prehistoric Archaeology of Southern Yehol // Report of the First Scientific Expedithion to Manchoukuo. – Tokyo, 1933. – Section VI, part I. – P. 1–105.
- Yavata I.** Contribution to the Prehistoric Archaeology of Northen Yehol // Report of the First Scientific Expedithion to Manchoukuo. – Tokyo, 1940. – Section VI, part III. – P. 1–114.
- Яги Соцзару.** Kaitei zoho manshu kokogak (Пересмотр археологии Маньчжурии). – Токио: Ginseijo bunkanhan, 1944. – 681 p.

На корейском языке

- Ким Бён Мо.** Гымганэ бимиль – хангук годэсава комиссия вольнорыль чхачжасо (Kim Byung-Mo. Gold crowns decoded) – Сеул: Пхурын ёкса, 1998. – 214 с.

РИСУНКИ

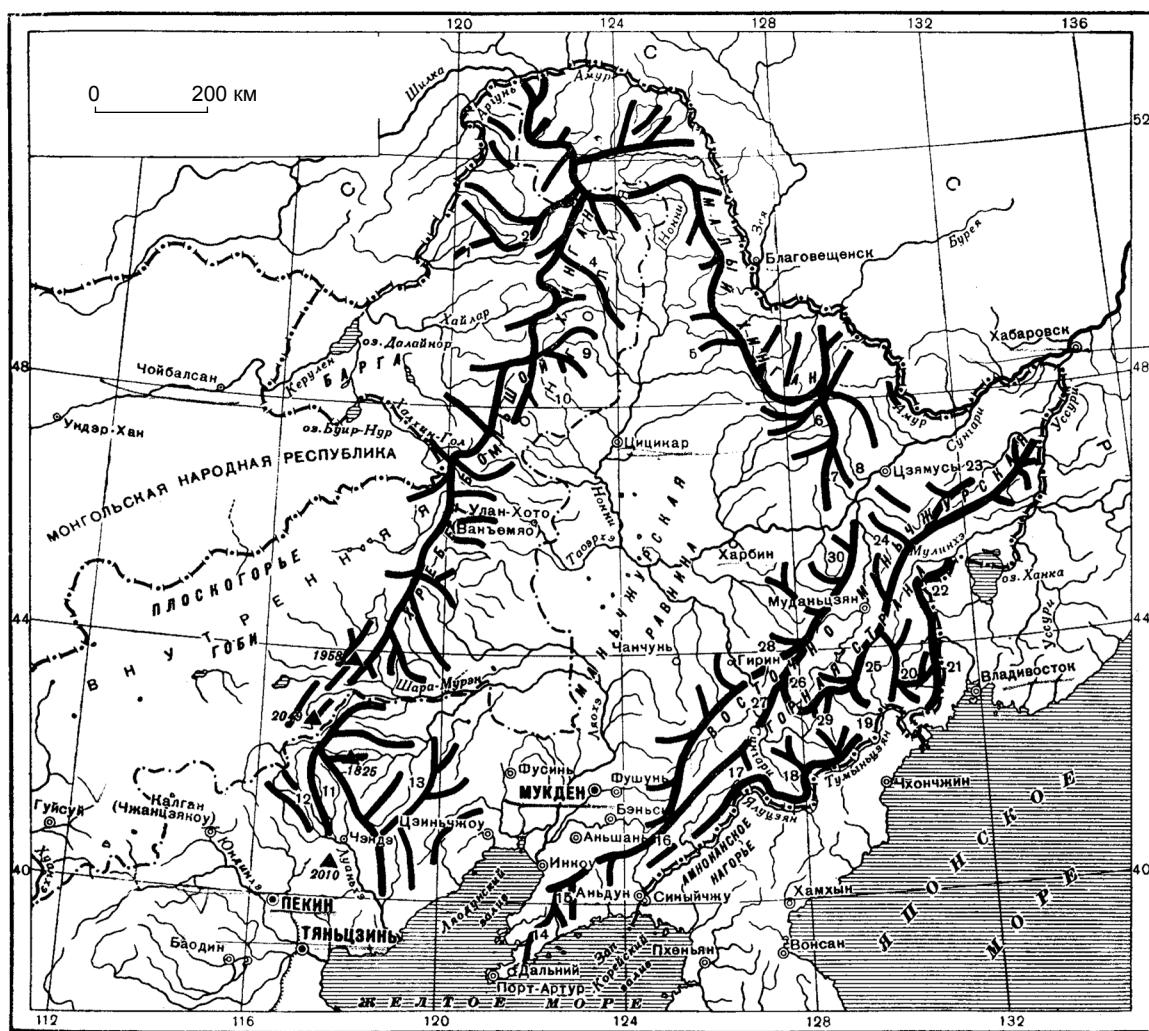

Рис. 1. Орографическая схема Северо-Восточного Китая (по: [Мурзаев, 1955, с. 60–61]).

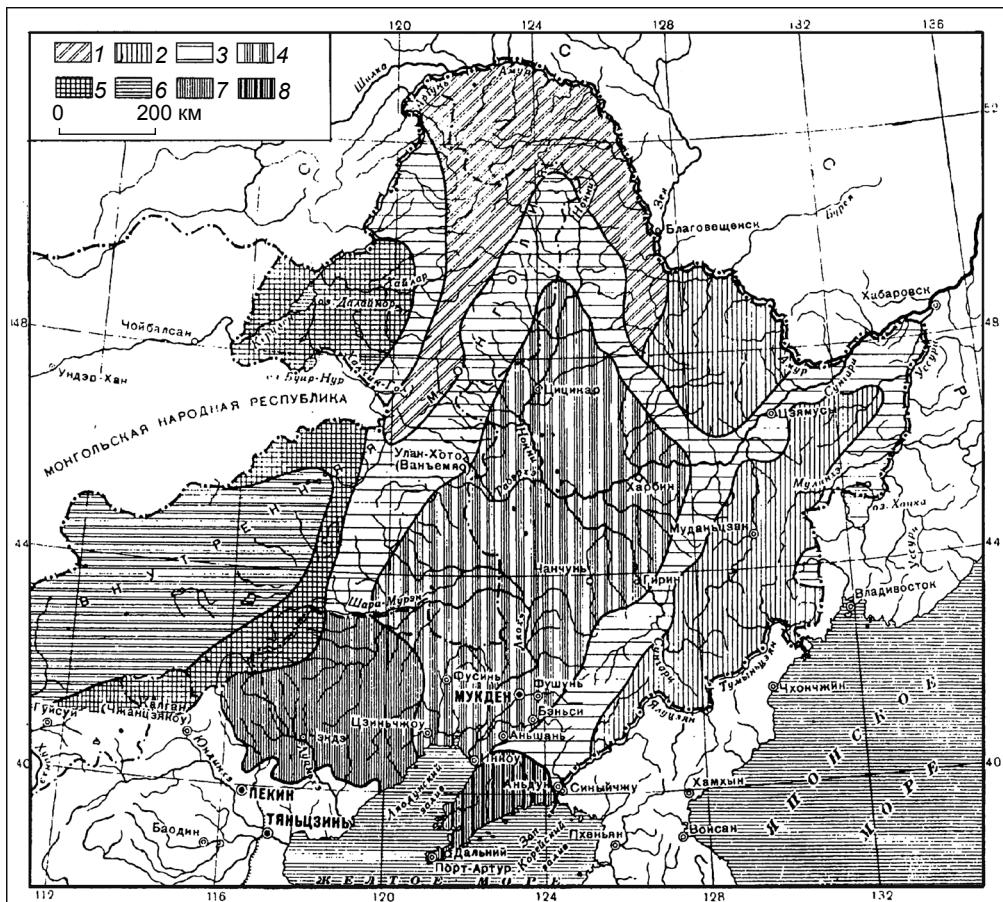

Рис. 2. Типы ландшафтов Северо-Восточного Китая (по: [Мурзаев, 1955, с. 118–119]):
 1 – хвойные леса монголо-даурского типа; 2 – хвойные широколиственные маньчжурские леса; 3 – лесостепь;
 4 – земледельческие ландшафты и степи Маньчжурской равнины; 5 – высокогорные монгольские степи;
 6 – полупустыни Гоби; 7 – лесостепь Жэхэ; 8 – низкогорные степные ландшафты.

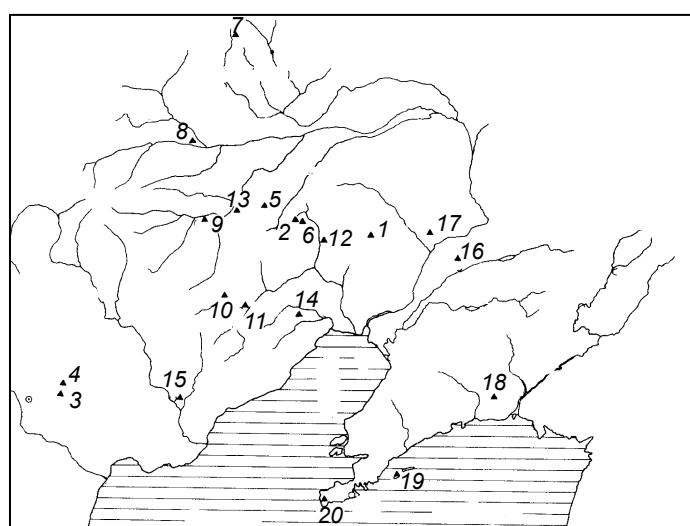

Рис. 3. Схема расположения основных неолитических памятников Южной Маньчжурии:
1 – Чахай; 2 – Синлунва; 3 – Мэнгэчжуан; 4 – Шанчжай; 5 – Чжаобаогу; 6 – Сяошань; 7 – Фухэ; 8 – Насытай;
9 – Хуншанъху; 10 – Нюхэлян; 11 – Дуншаньцзуй; 12 – Хутуогуоу; 13 – Сюхэянь; 14 – Шаготунь; 15 – Аньсин;
16 – Синълэ; 17 – Пяньбу; 18 – Хоува; 19 – Сяочжушань; 20 – Гоцзяциунь.

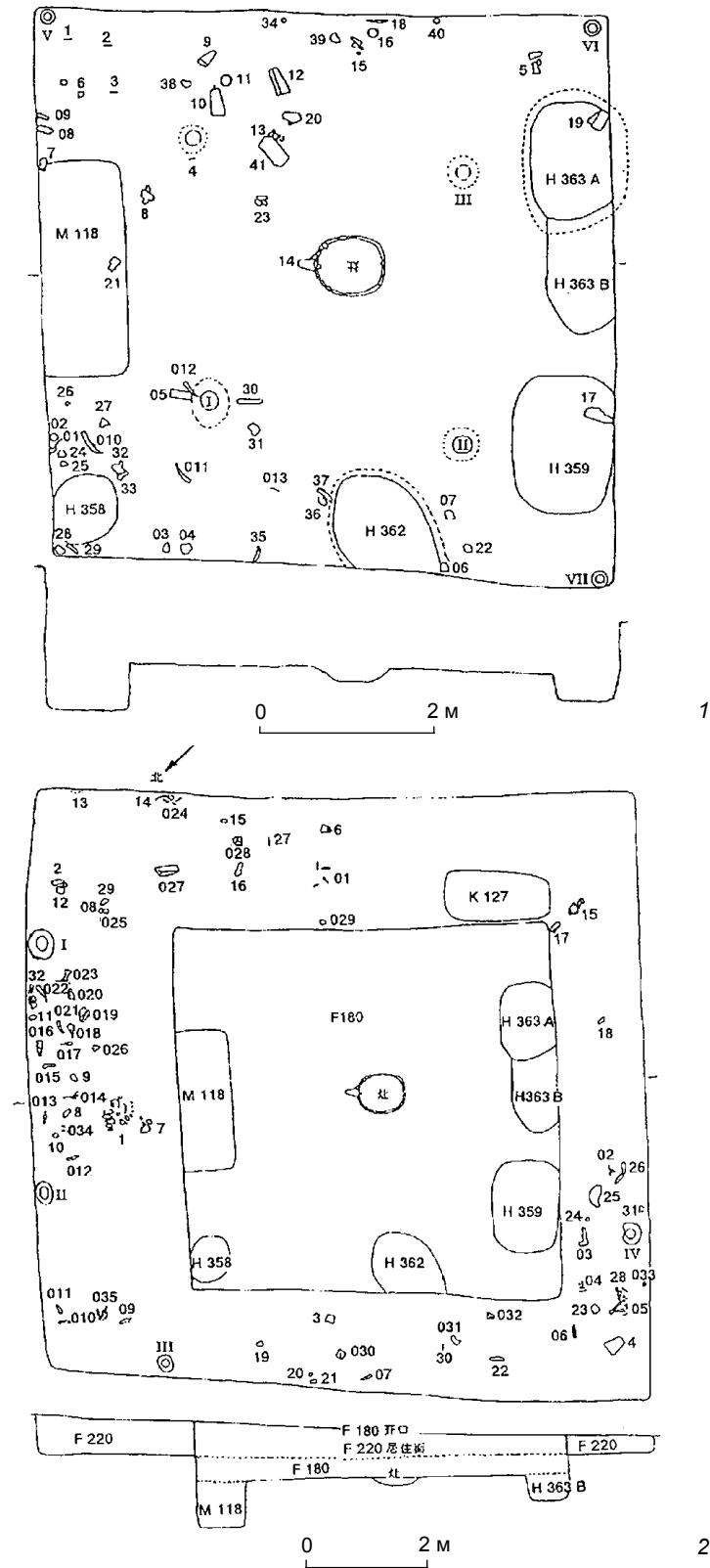

Рис. 4. Жилища 220 (1) и 180 (2). Поселение Синлунва.

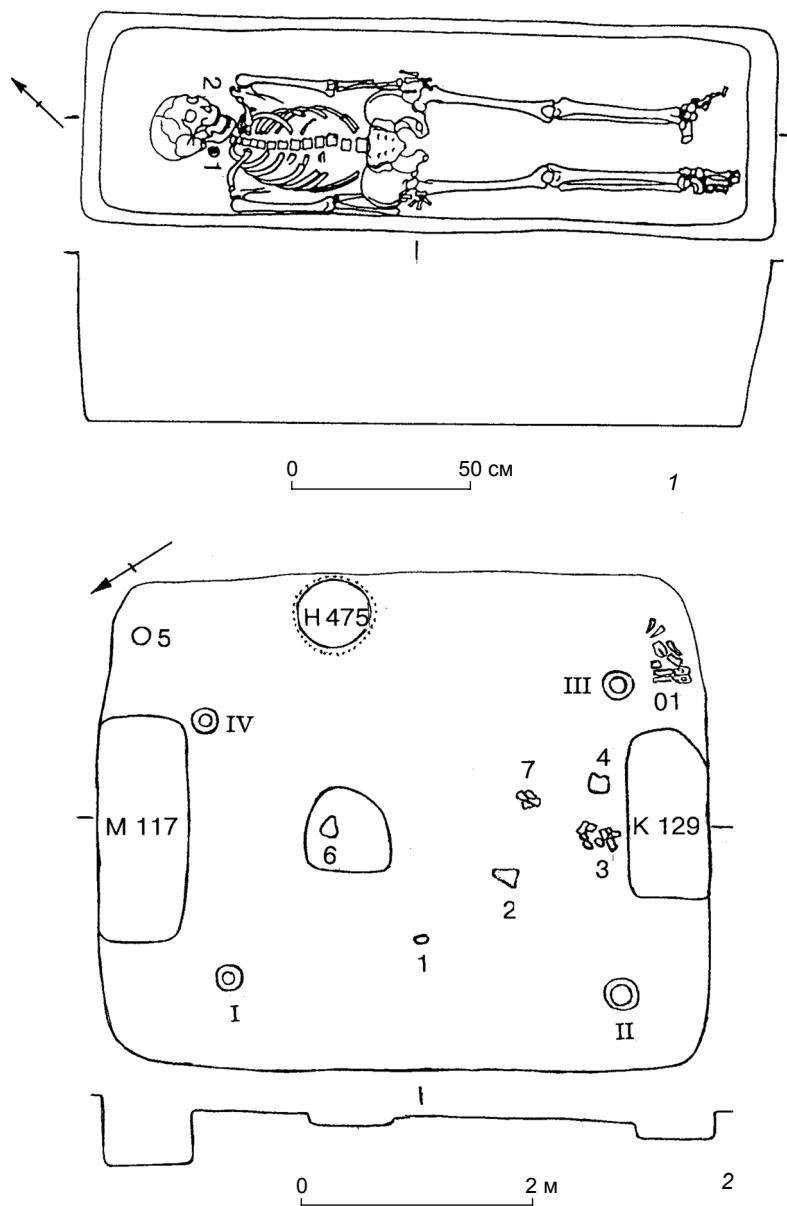

Рис. 5. Погребение 117 (1) и жилище 176 (2). Поселение Синлунва.

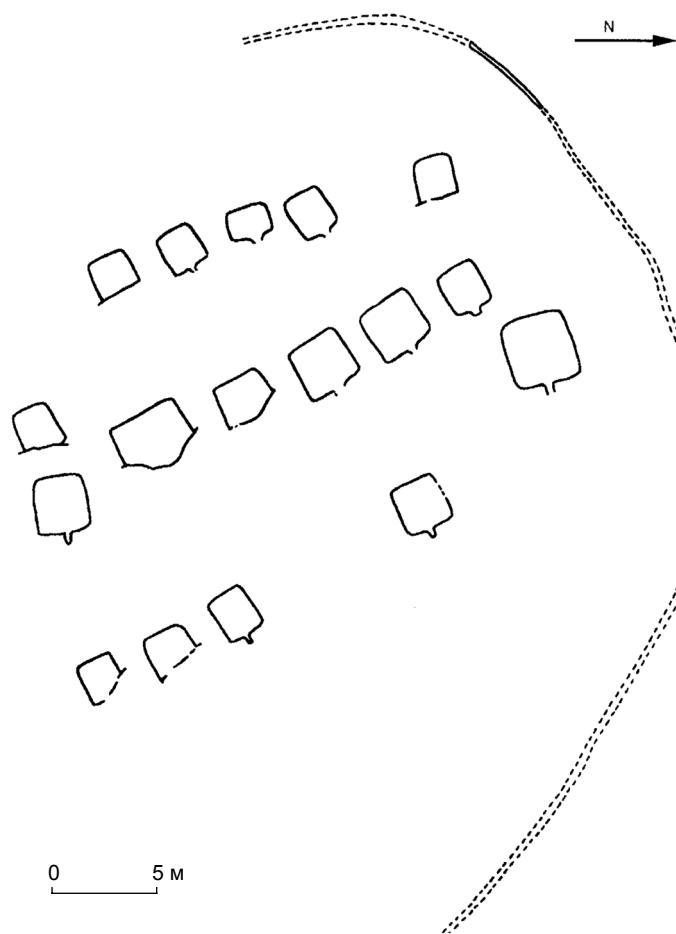

Рис. 6. План поселения Байинчанган (культура синлунва).

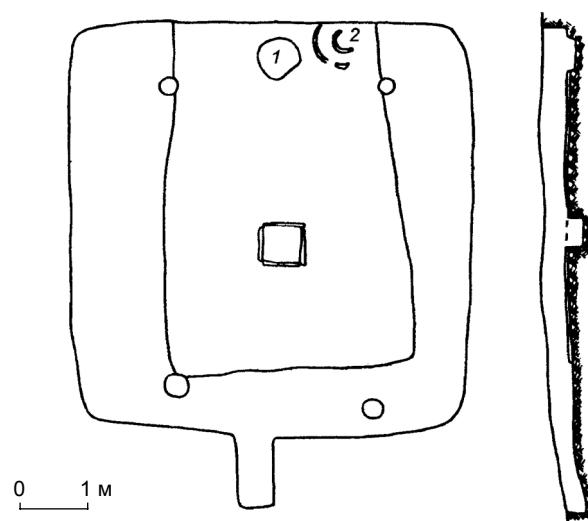
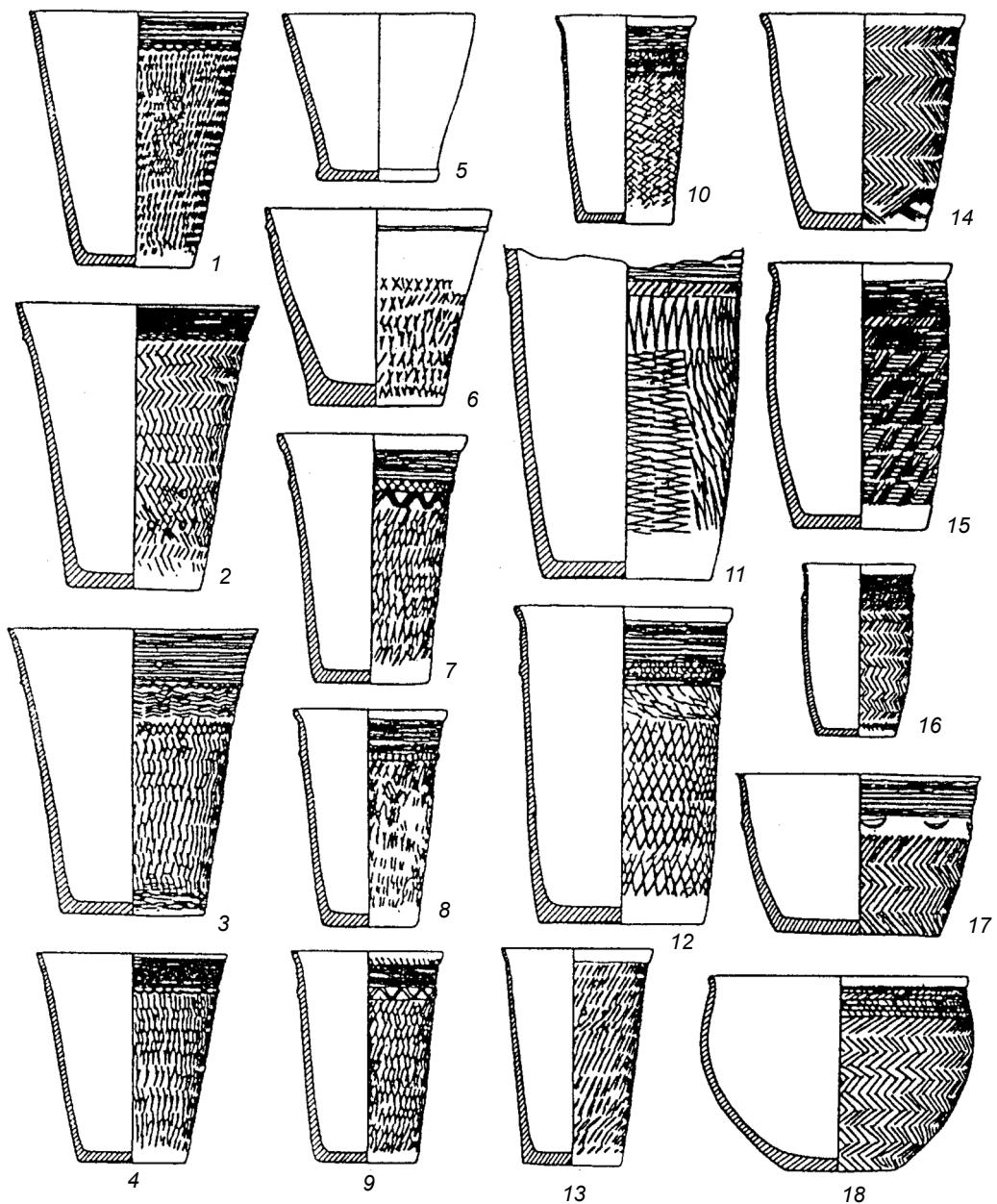

Рис. 7. Жилище 2. Поселение Байинчанган (культура синлунва)

Pic. 8. Керамика. Поселение Синлунва (культура синлунва)
(масштаб: 1–4, 7–13, 16 – 1/10; 5, 6, 11, 12, 15, 17, 18 – 1/5).

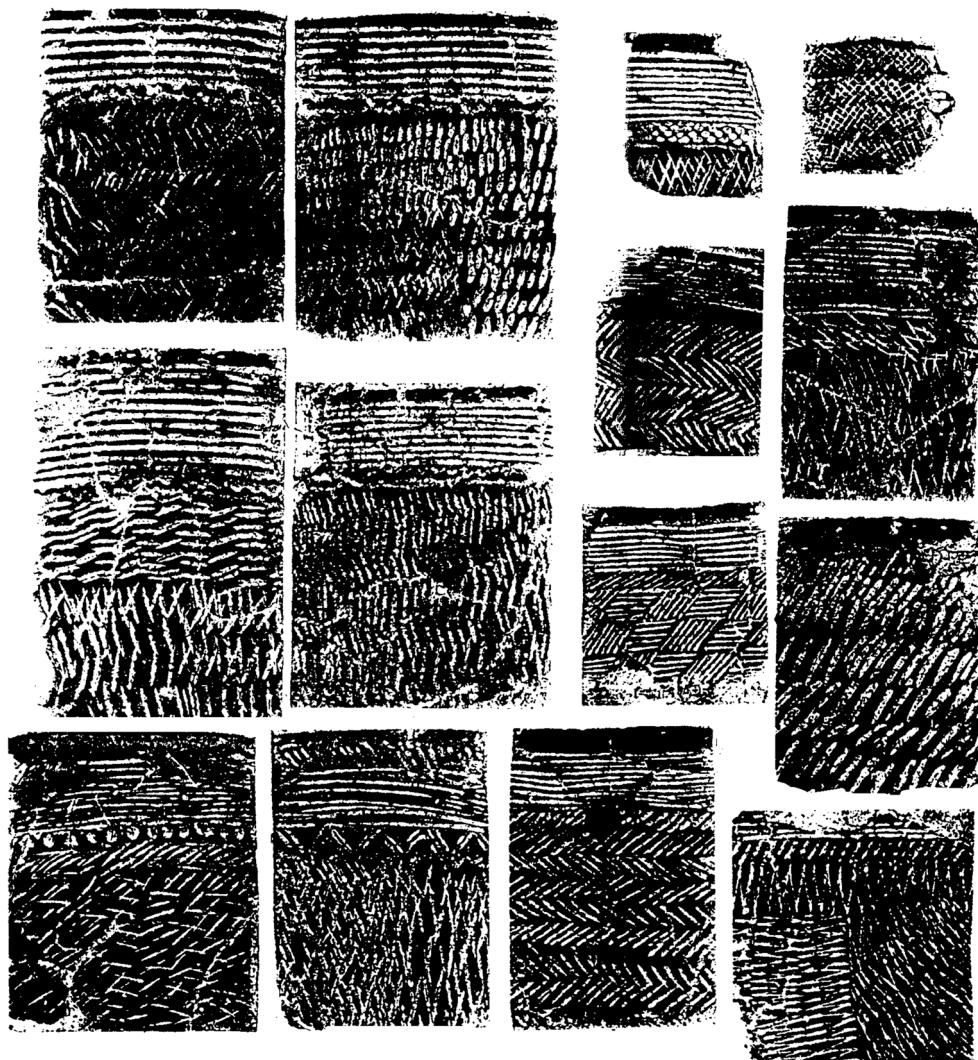

Рис. 9. Орнаментация керамики (культура *синглунва*).

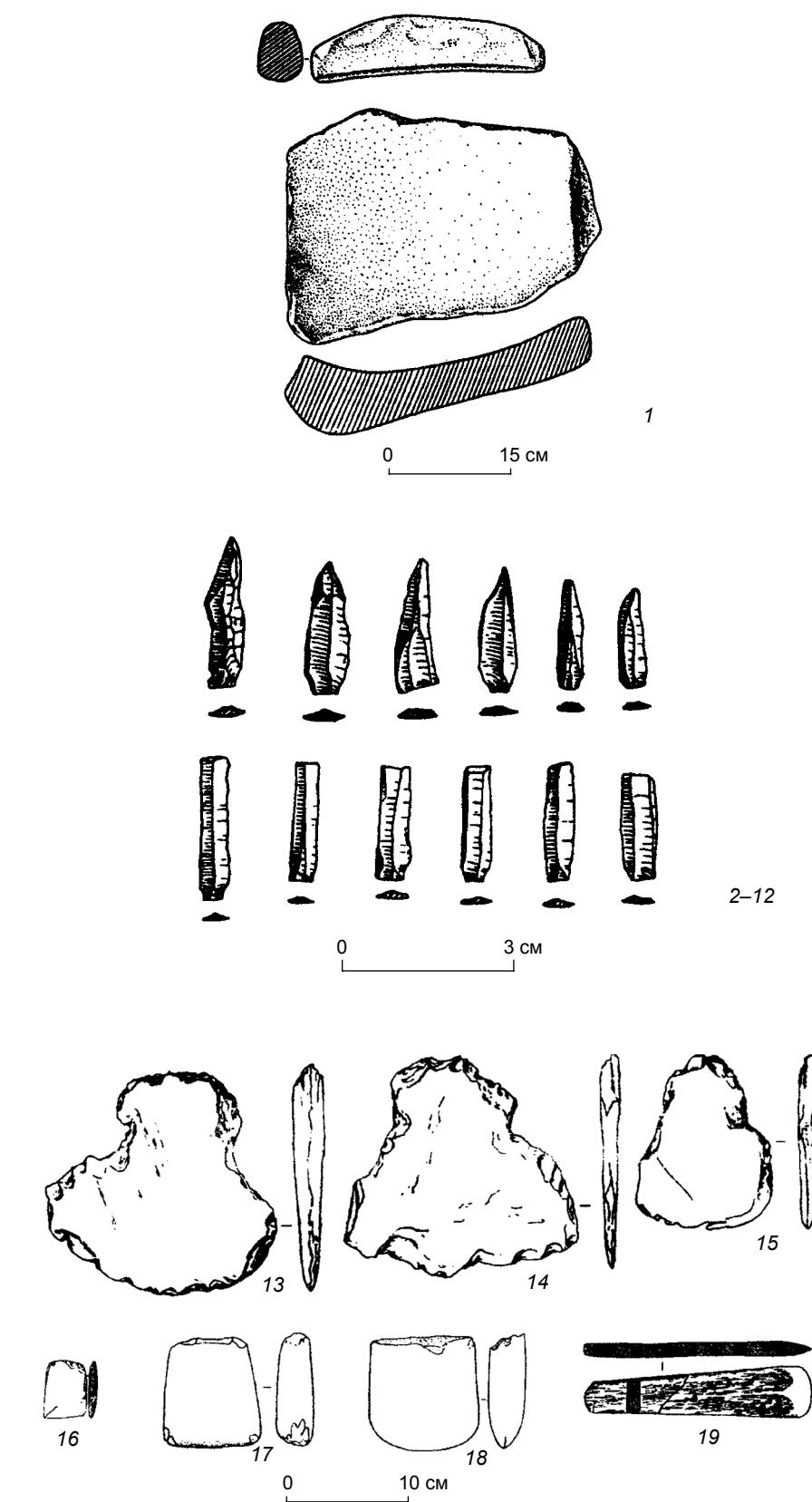

Рис. 10. Каменный инвентарь. Поселение Синлунва (культура синлунва).

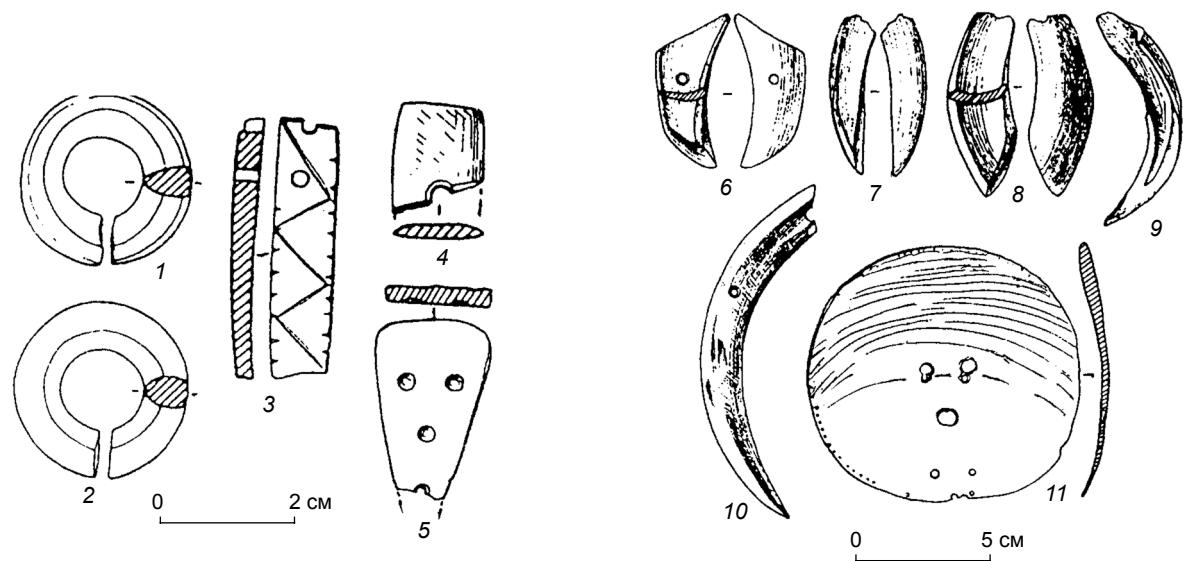

Рис. 11. Изделия из нефрита (1–2), раковин (3, 5, 11) и кабаньих клыков (4, 6–10).
Поселение Синлунва (культура синлунва).

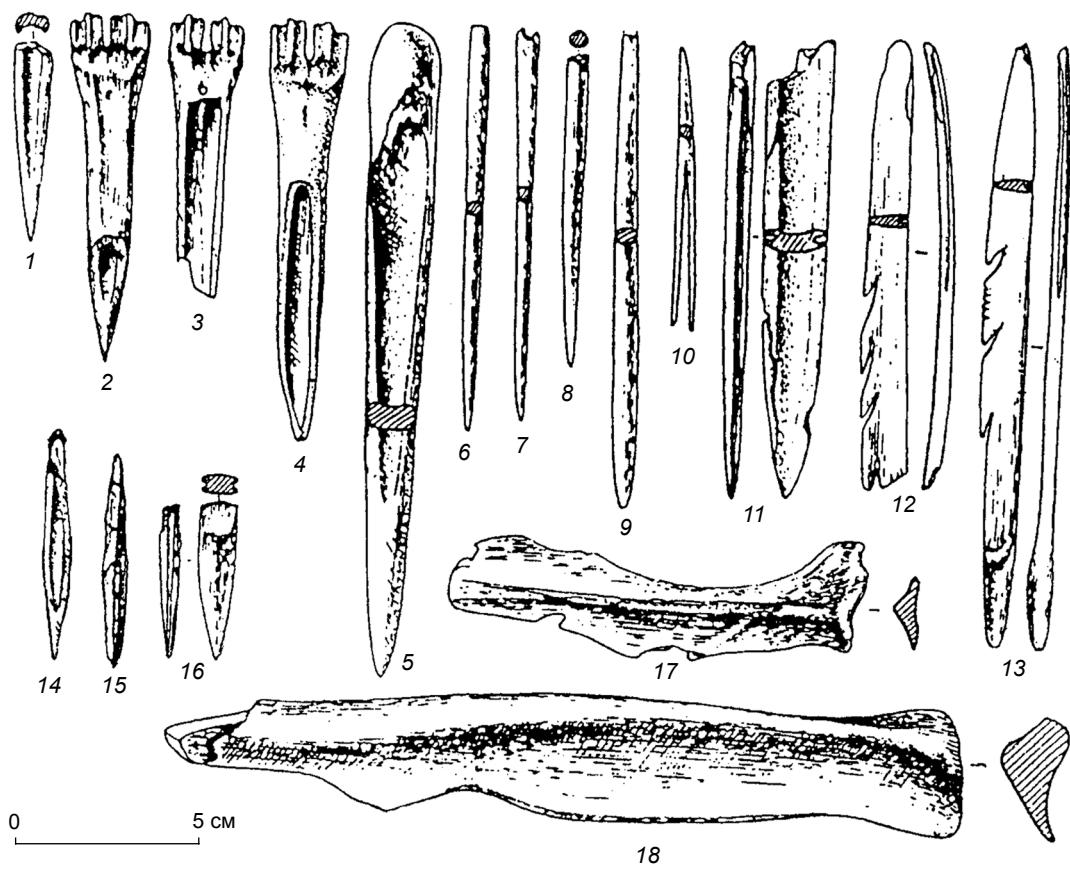

Рис. 12. Костяные изделия. Поселение Синлунва (культура синлунва).

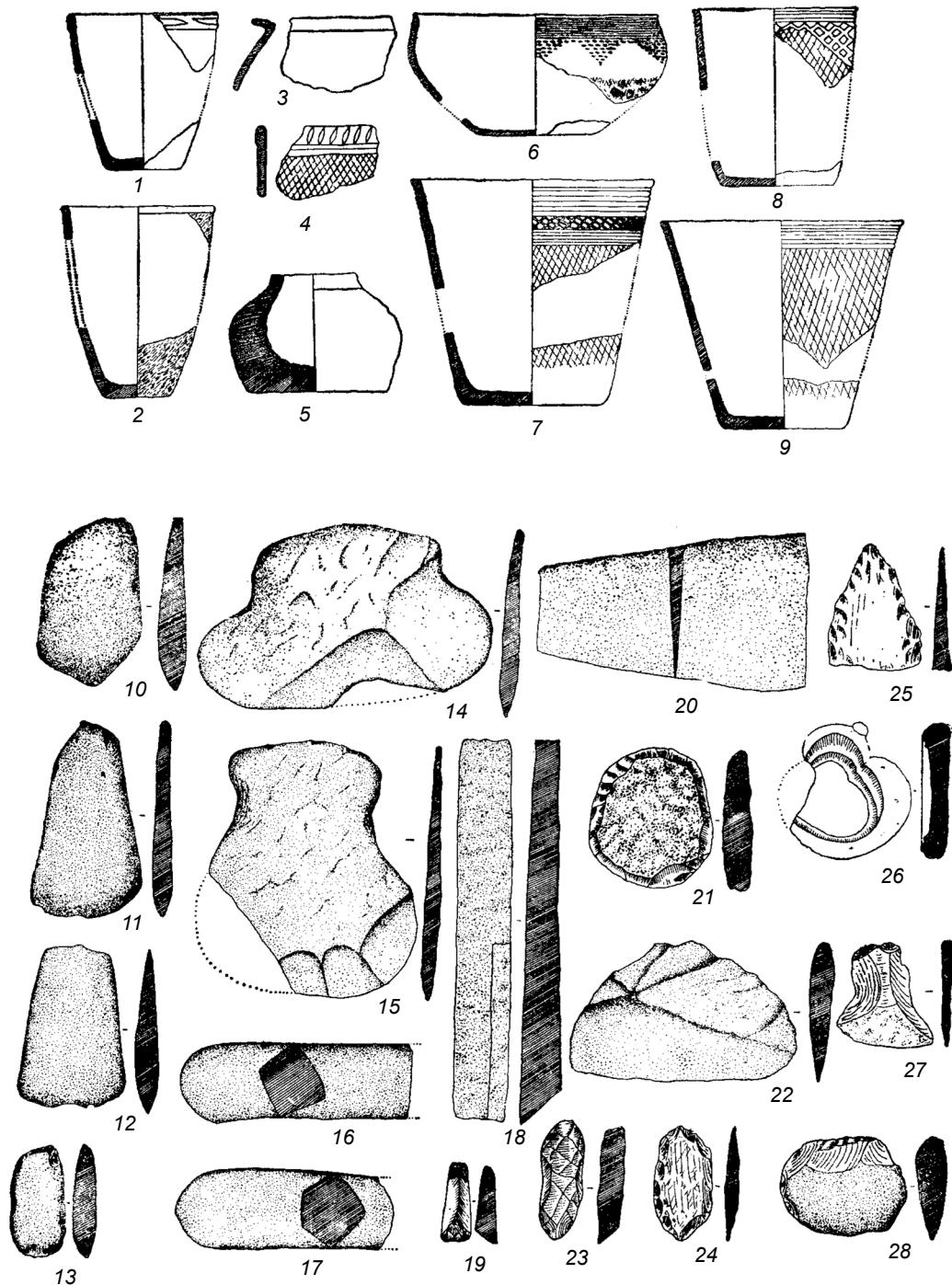

Рис. 13. Инвентарь. Местонахождение Чагоумэнь (культура синлунва):

1–2 – тальк; 3–9 – керамика; 10–28 – камень
(масштаб: 1, 2, 6, 8 – 1/6; 3–5 – 1/3; 7, 9 – 1/11; 10–23 – 1/5; 24–28 – 2/5).

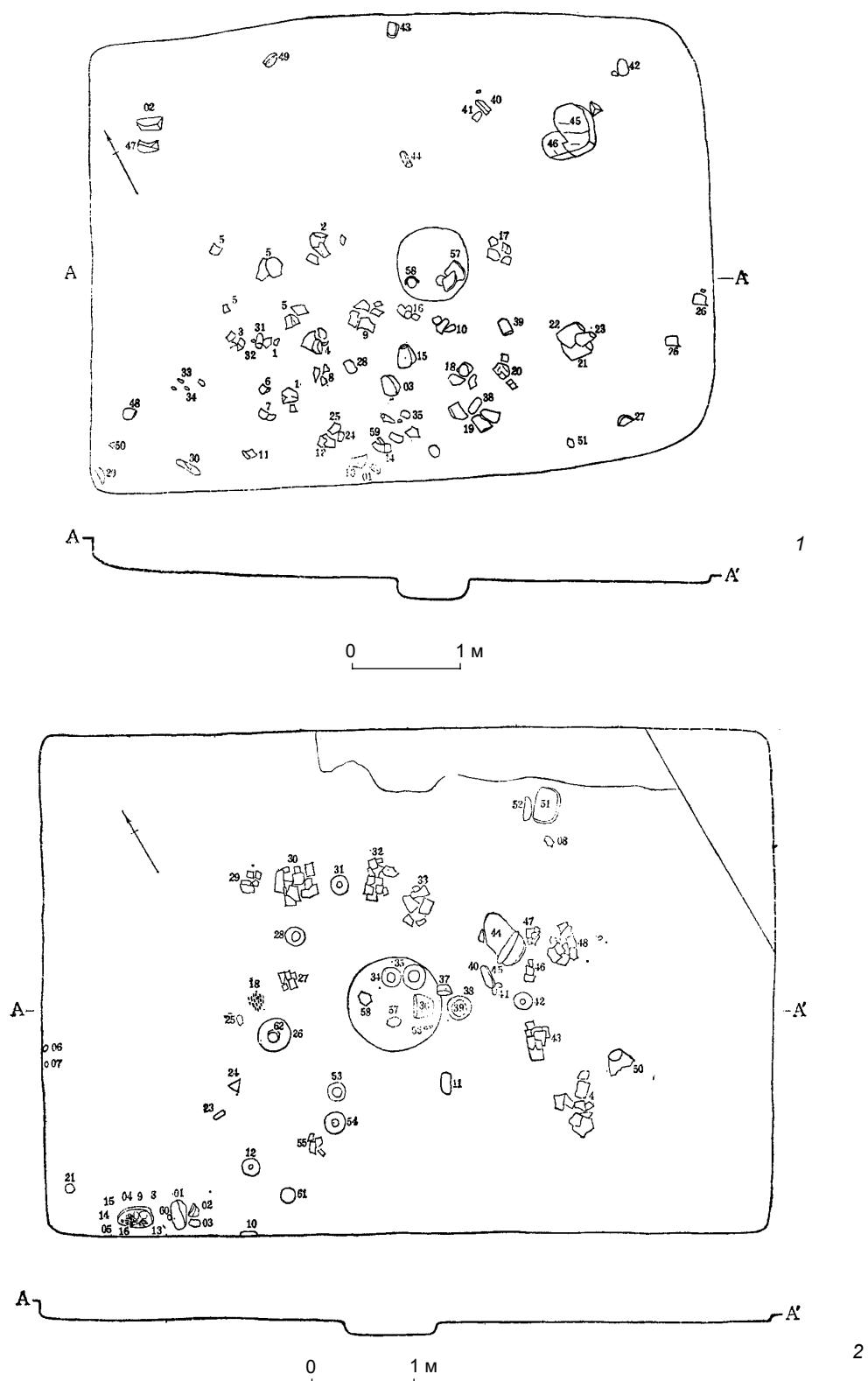
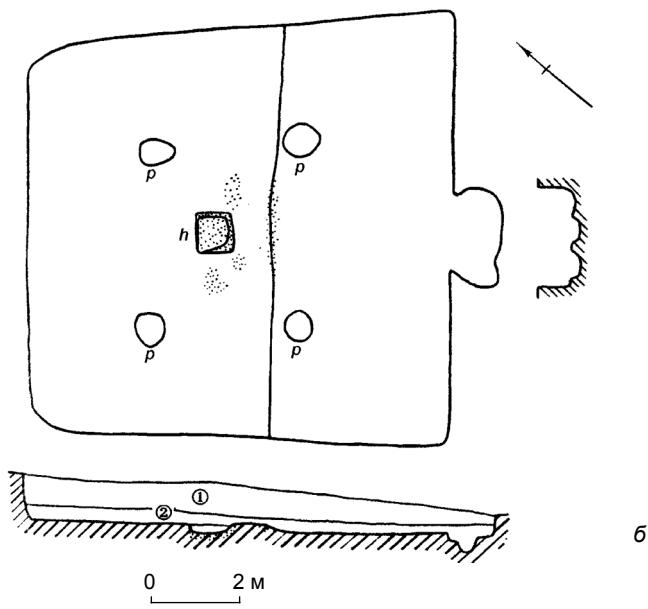
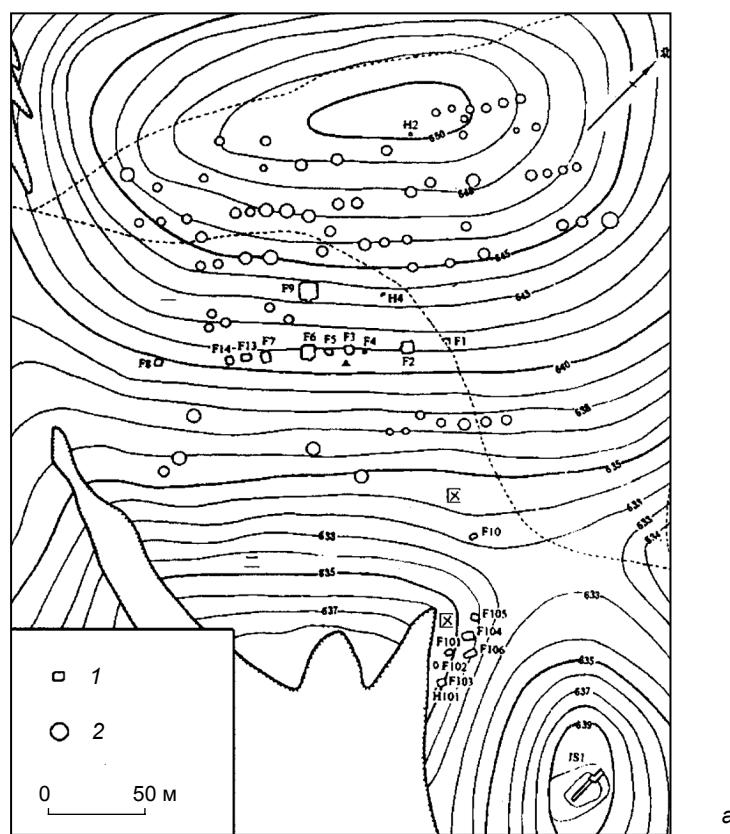
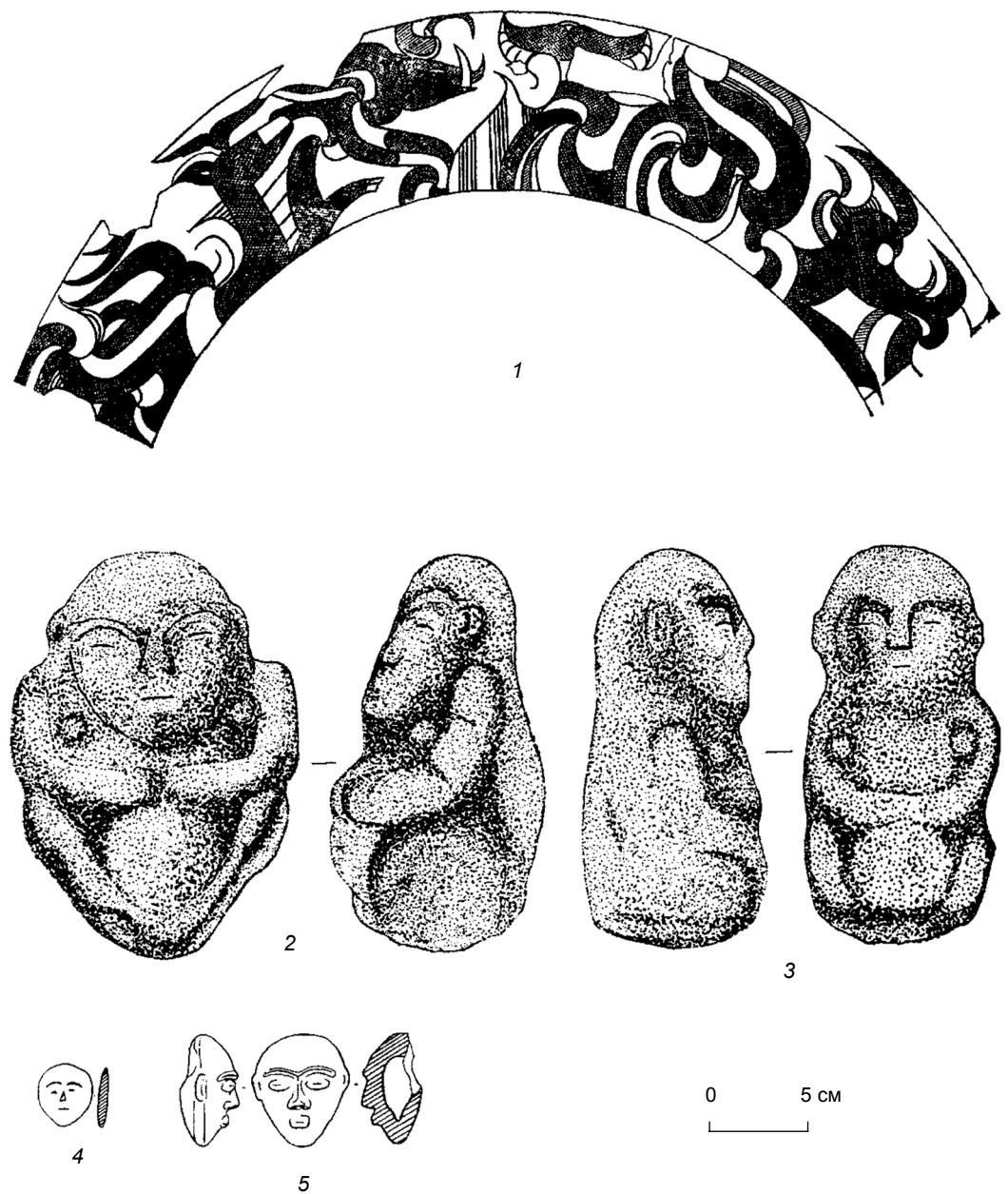

Рис. 14. План и разрез жилищ 1 (1) и 2 (2). Поселение Сюшань (культура чжасобаогоу).

*Рис. 15. Поселение Чжаобаогоу (культура чжаобаогоу):
а – ситуационный план (1 – изученное жилище; 2 – западина); б – план и разрез жилища 9.*

*Рис. 16. Развертка орнамента (1), каменная (2–3) и глиняная (4–5) скульптуры.
Поселения Сюшань (1), Хоутайцзы (2, 3) и Чжаобаогоу (4, 5) (культура чжаобаогоу).*

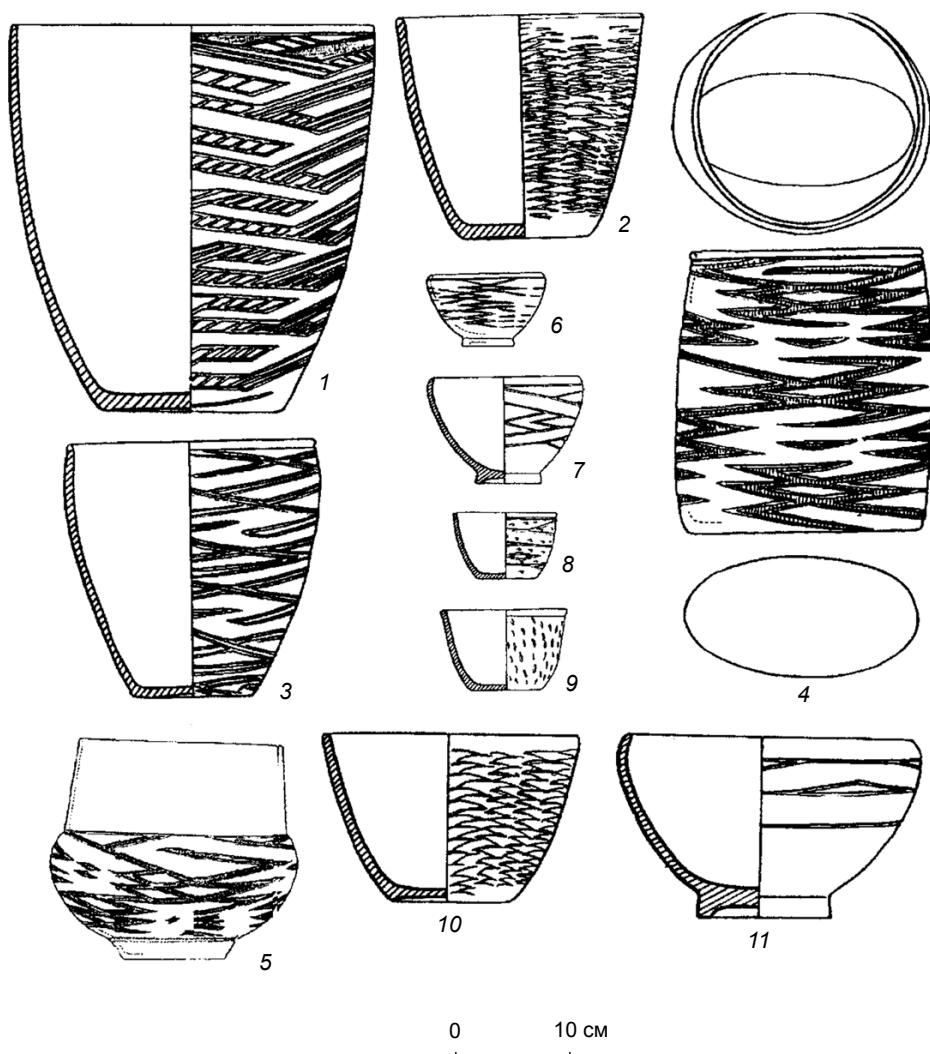

Рис. 17. Керамика. Поселение Чжаобаогу (культура чжаобаогу).

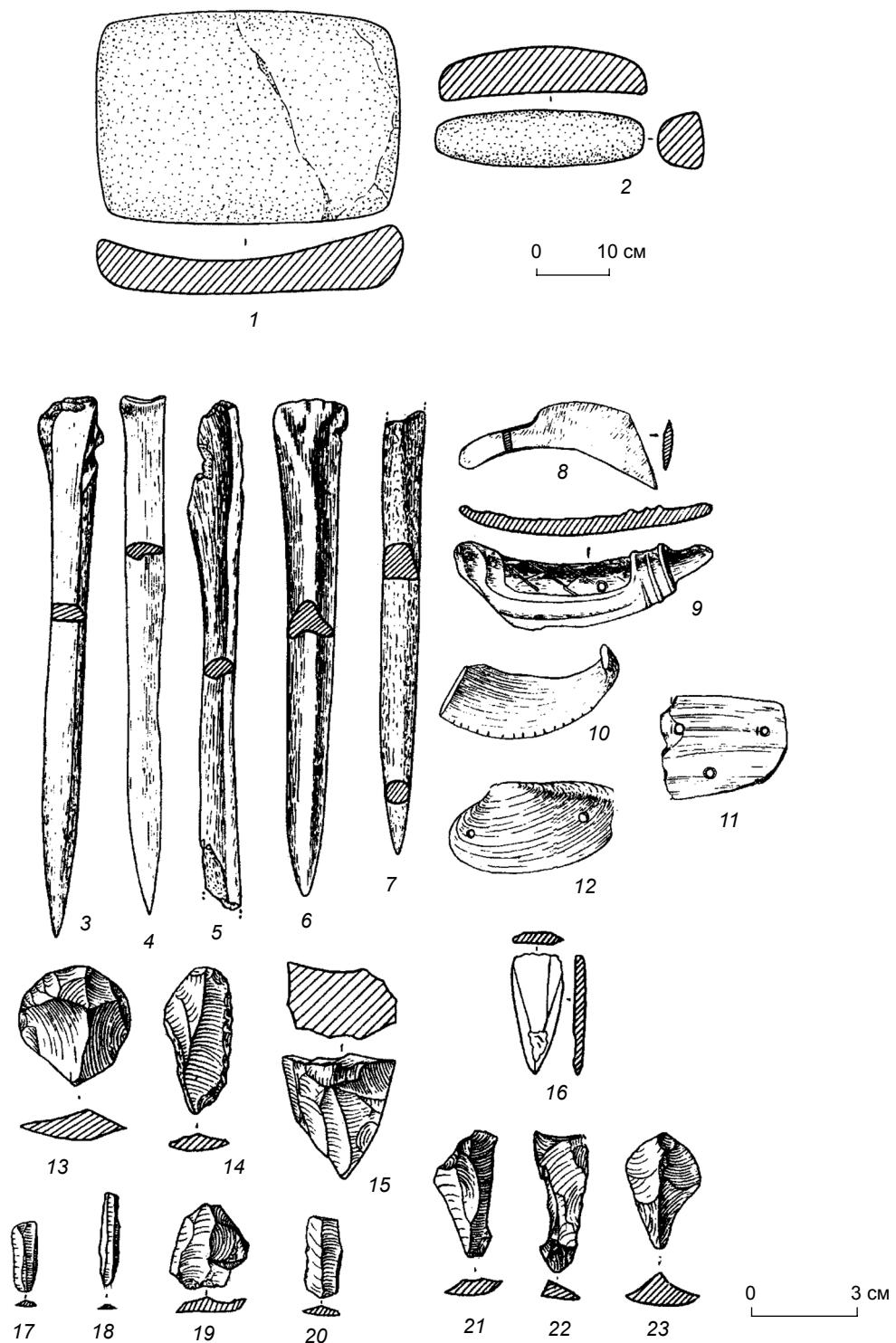

Рис. 18. Инвентарь. Поселение Чжаобаогу (культура чжасбаогу):
1–2, 13–23 – камень; 3–9 – кость; 10–12 – раковины.

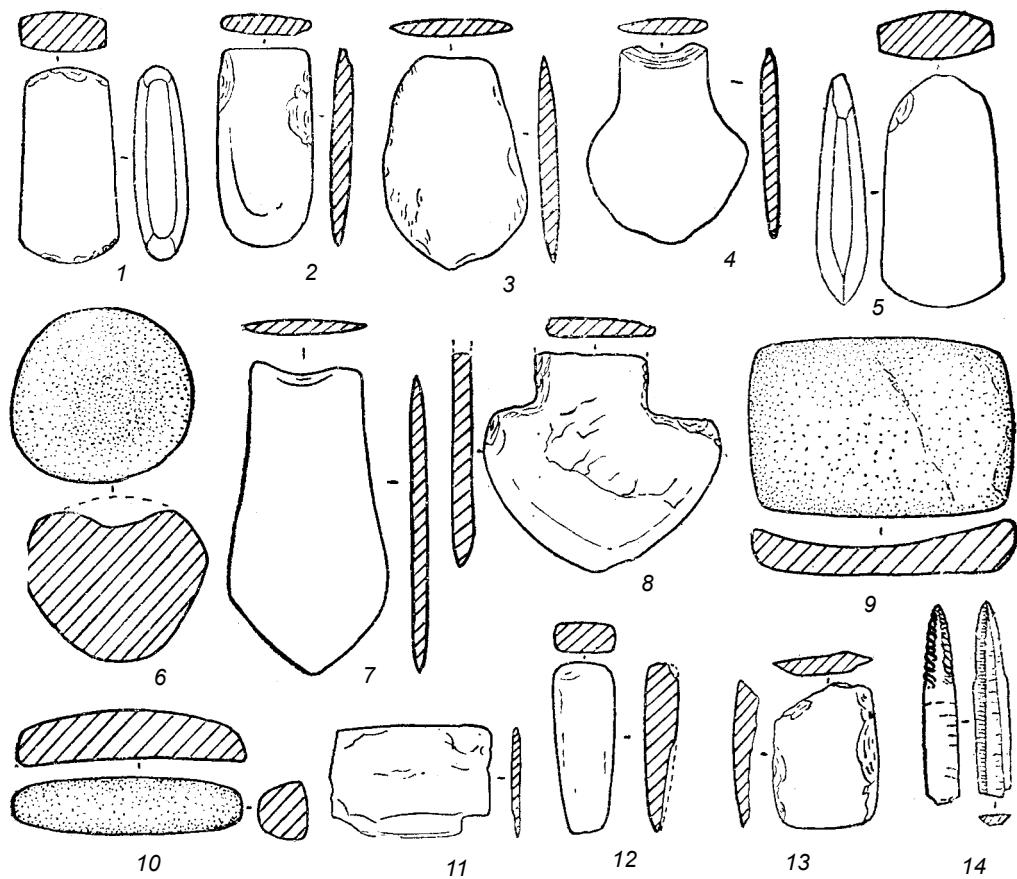

Рис. 19. Каменный инвентарь. Поселение Чжаобаогу (культура чжаобаогу)
(масштаб: 1–3, 5, 12, 13 – 1/5; 4, 7, 8 – 1/6; 14 – 1/2; 9 – 1/10; 10 – 1/9).

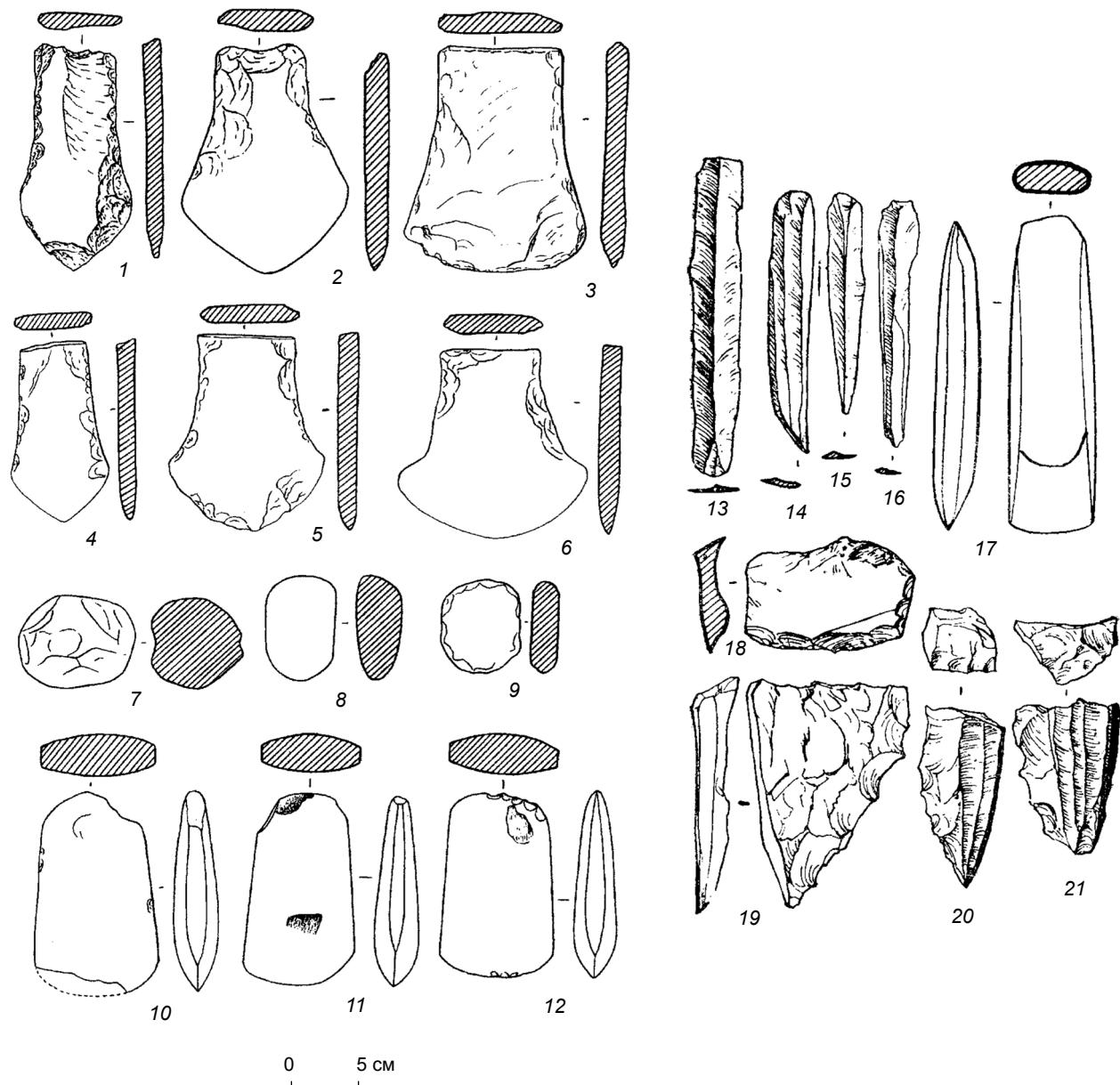

Рис. 20. Каменный инвентарь. Поселение Сюшань (культура чжасаобаогу):
1–4, 7, 10, 11, 18, 20 – жилище 1; 5, 6, 8, 9, 12 – 16, 19, 21 – жилище 2 (масштаб: 13–21 – 4/5).

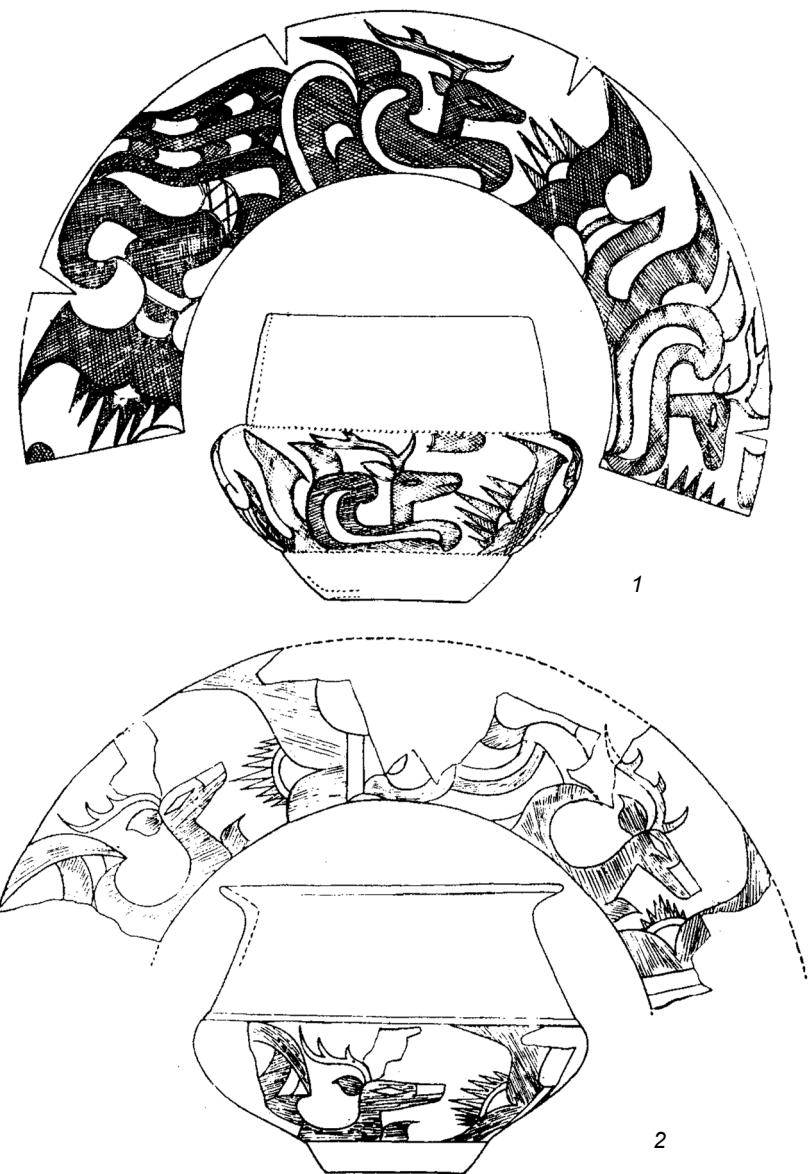

Рис. 21. Сосуды цзунь. Поселение Наньтайди (культура чжасобаогоу).

Rис. 22. Орнамент керамики с анималистическими сюжетами. Поселение Наньтайди (культура чжаобаогу).

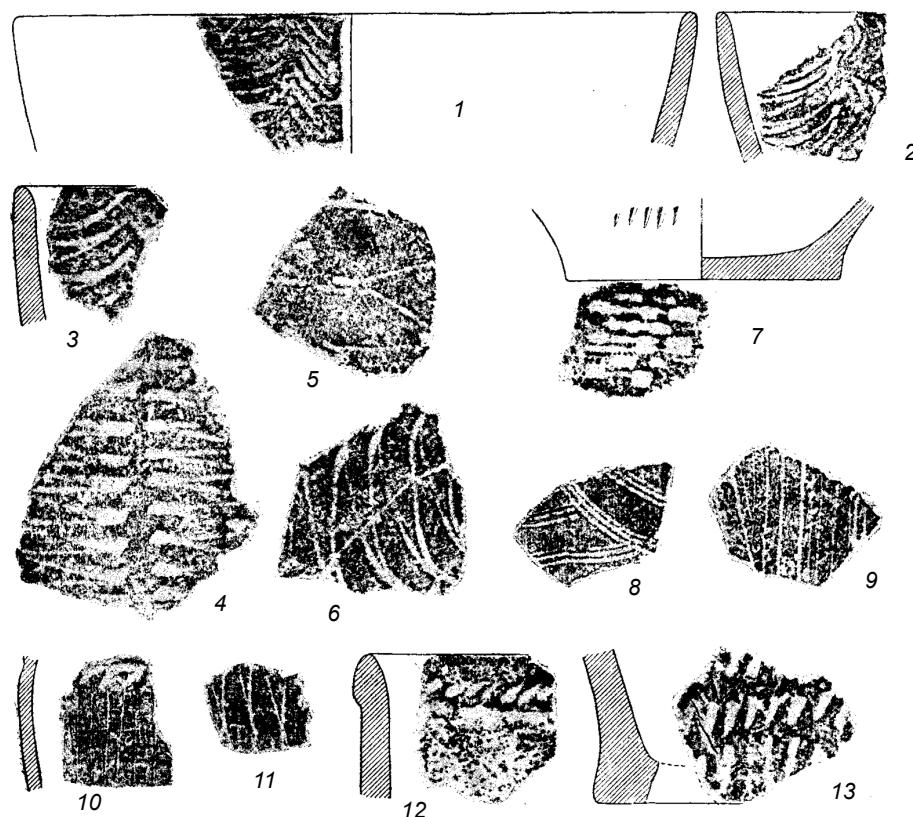

Рис. 23. Керамика (культура хуншань). Местонахождение Хуншаньхуо (г. Чифэн). Сборы И. Явата.

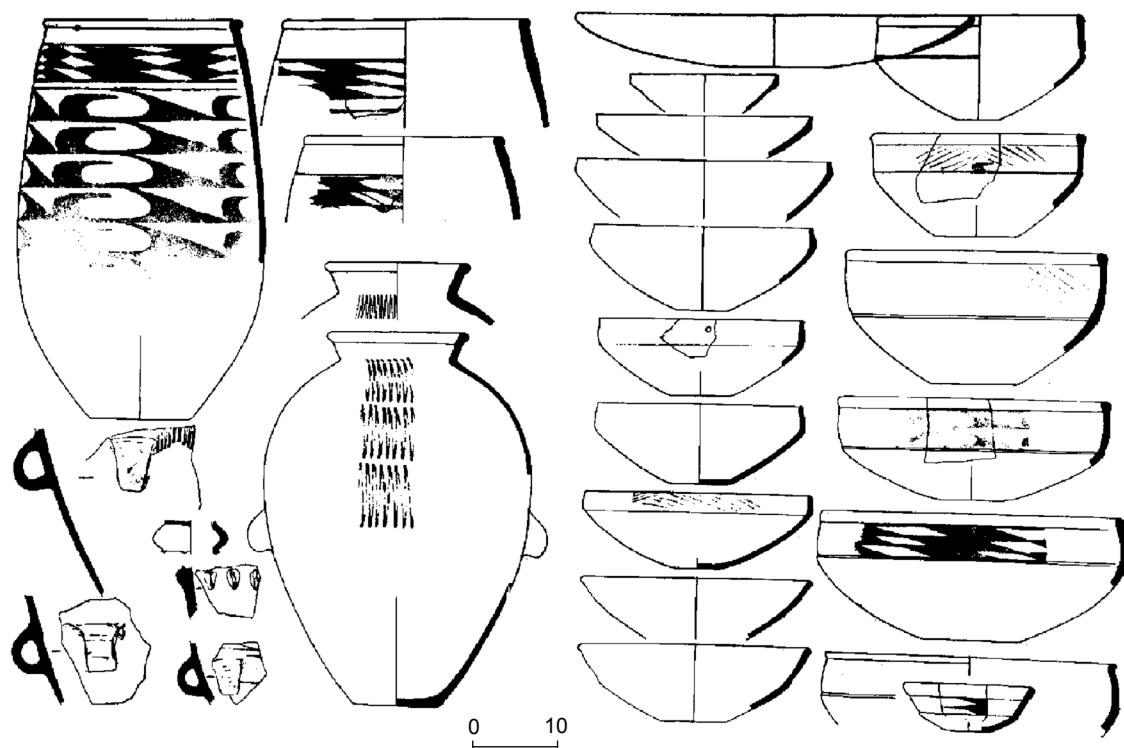

Рис. 24. Керамика. Поселение Хуншаньхуо (культура хуншань). Раскопки японских археологов.

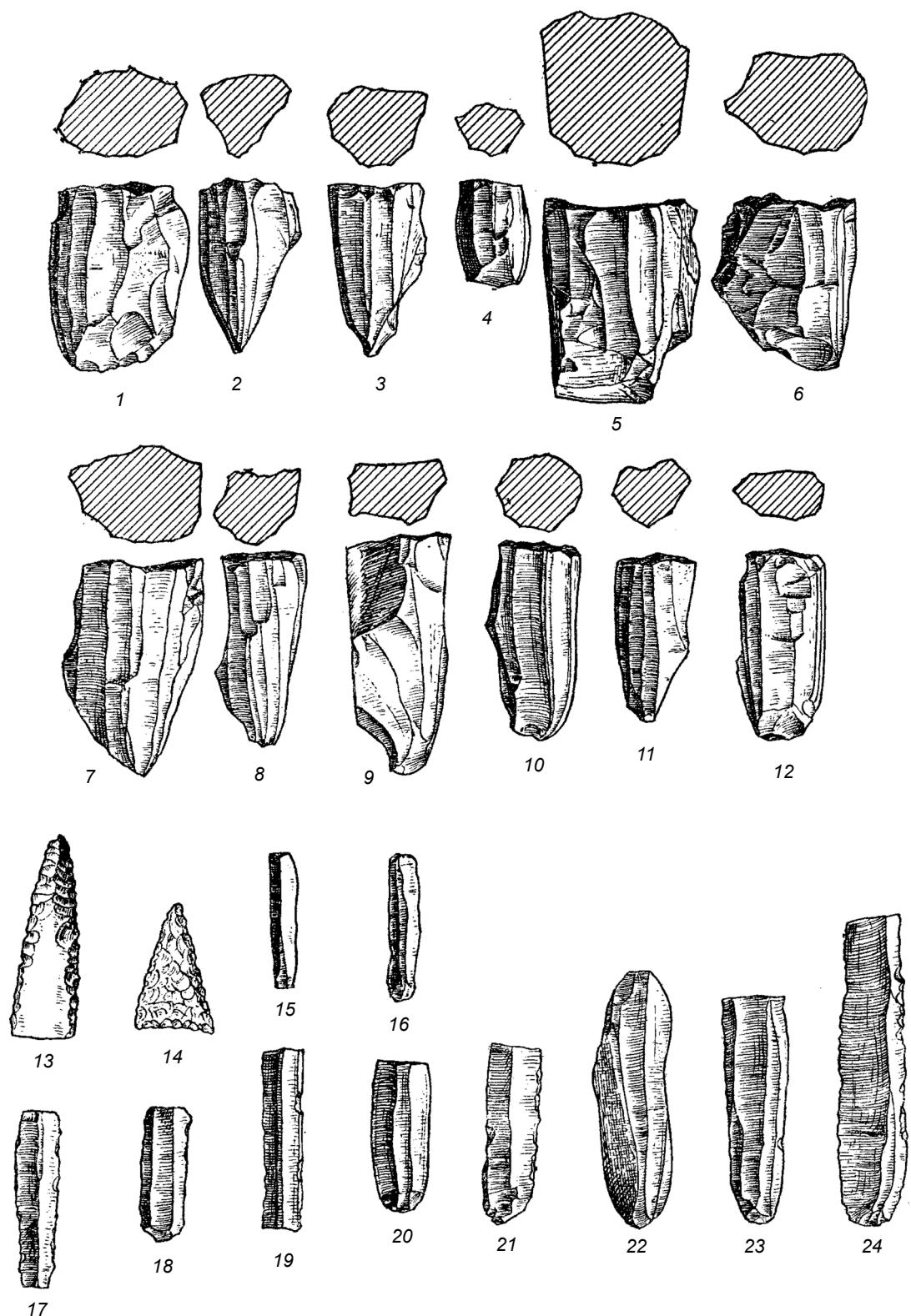

Рис. 25. Каменный инструментарий. Хошун Вэннютэ (размер оригинала). Сборы И. Явата.

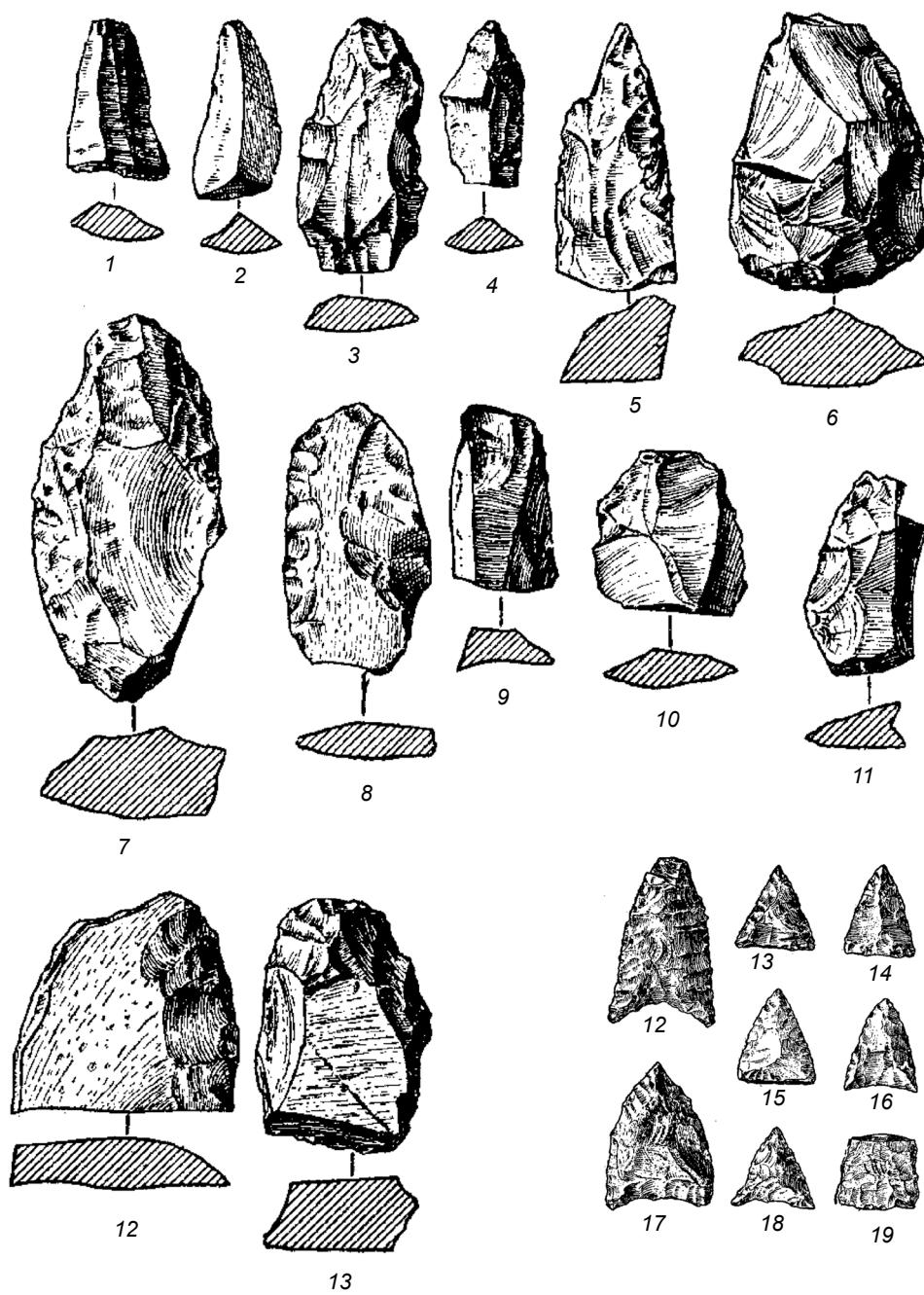

Рис. 26. Каменный инструментарий. Хошун Восточный Вэннютэ (1–13 – размер оригинала; 12–19 – размер чуть больше оригинала). Сборы И. Явата.

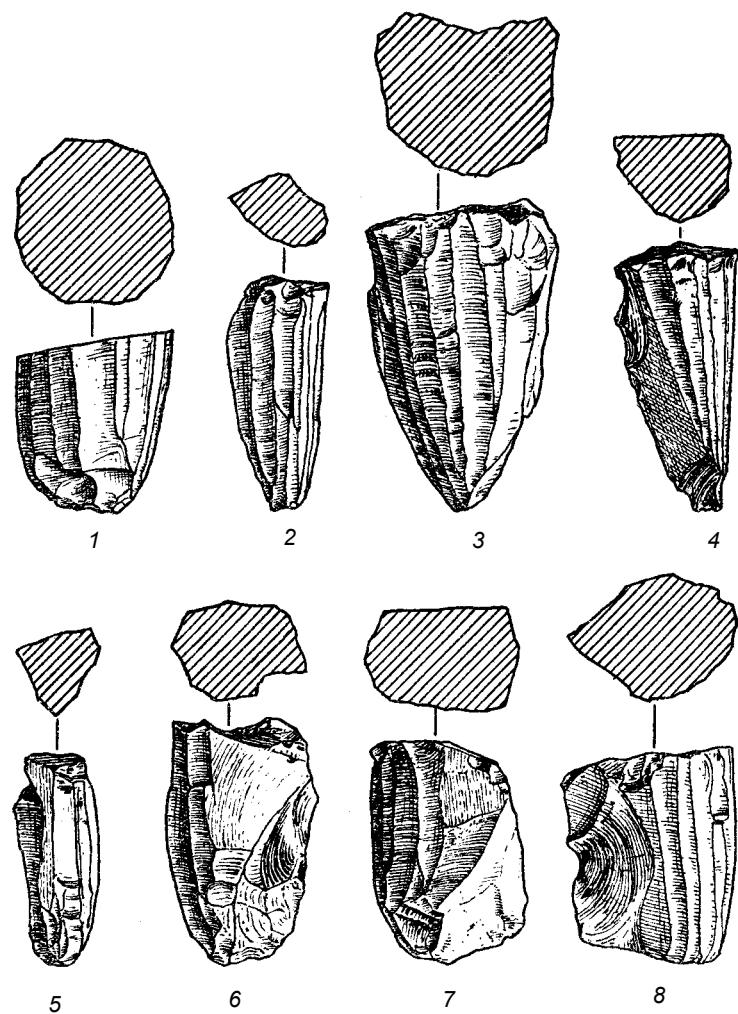

Рис. 27. Каменный инструментарий. Хошун Восточный Вэннютэ (размер оригинала).
Сборы И. Явата.

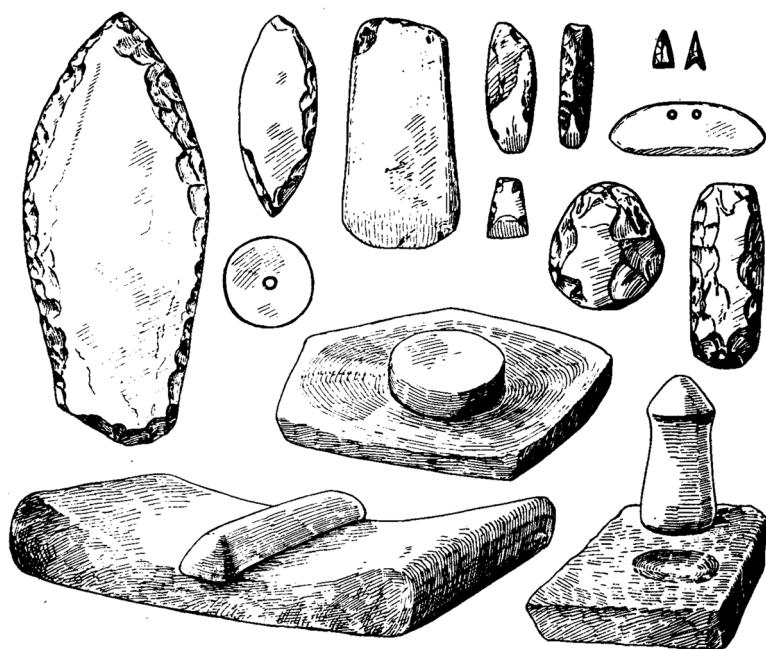

Рис. 28. Каменные орудия. Поселение Хуншаньхуо (культура хуншань).
Из раскопок японских археологов.

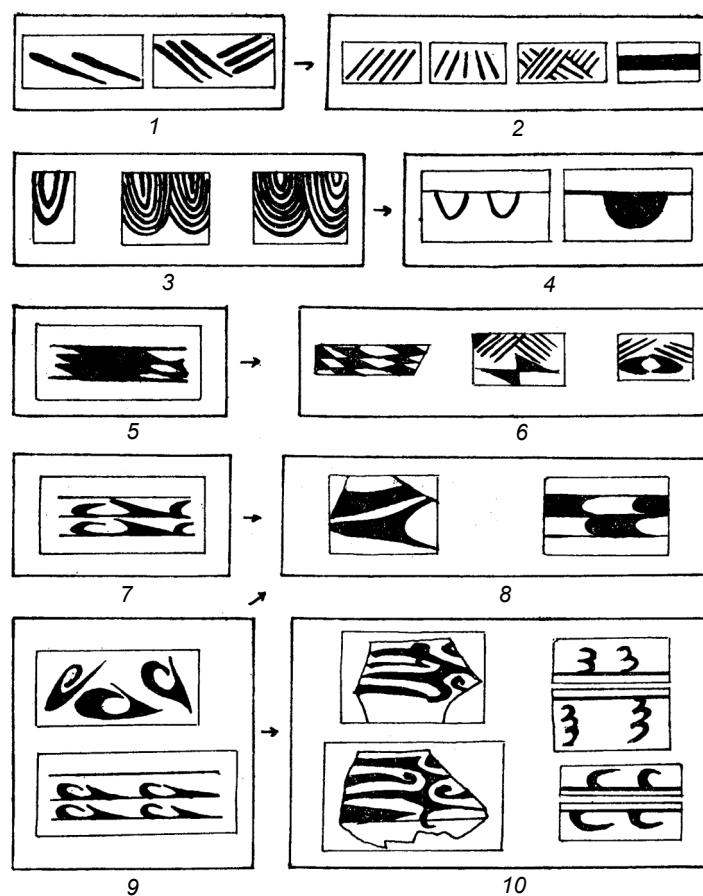

Рис. 29. Варианты крашеного орнамента культуры хуншань.

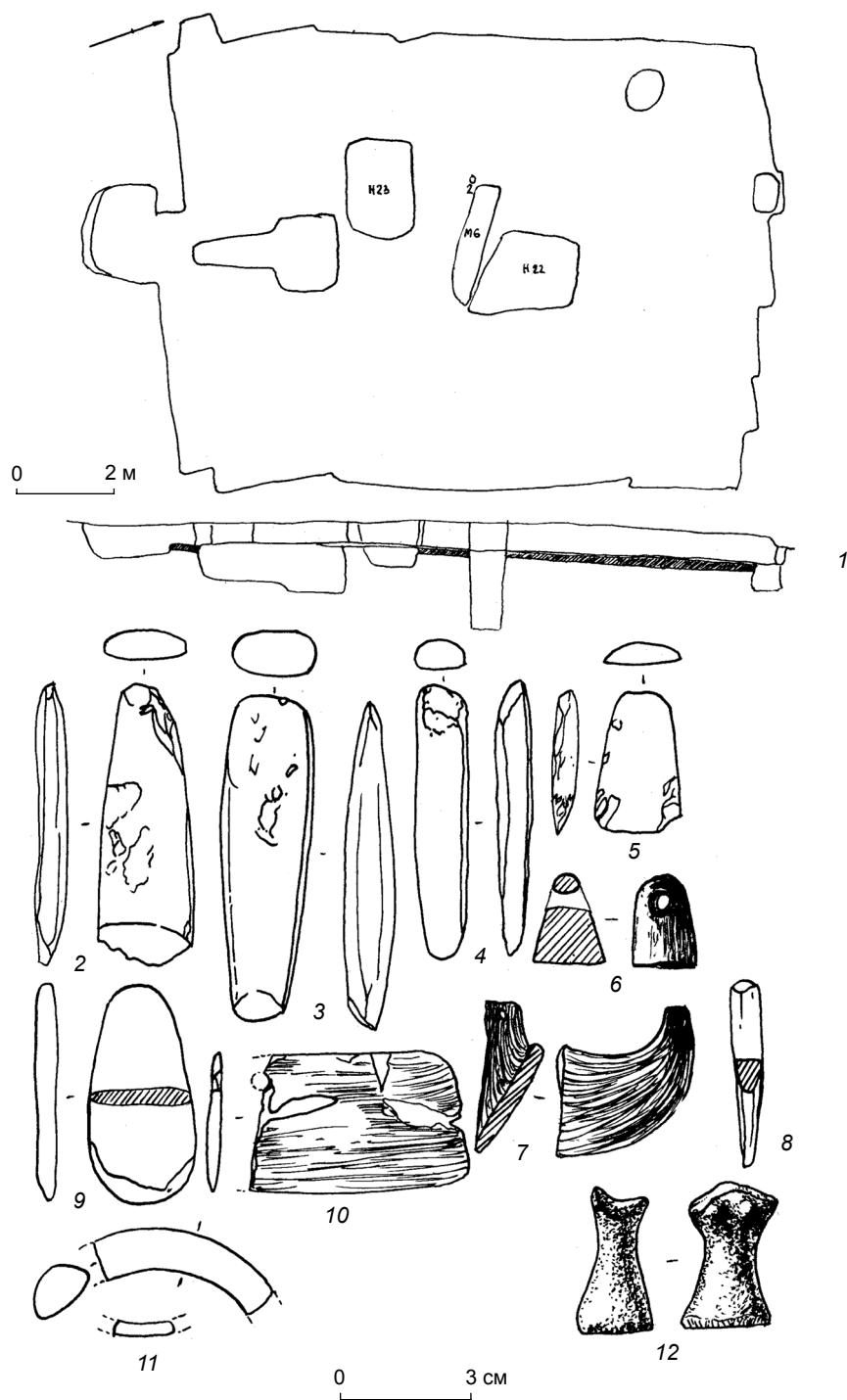

Рис. 30. План и разрез жилища 3 (1), находки (2–12). Поселение Шуйцюань (культура хуншань): 2–6, 8, 9 – камень; 7–10 – раковины; 11, 12 – керамика.

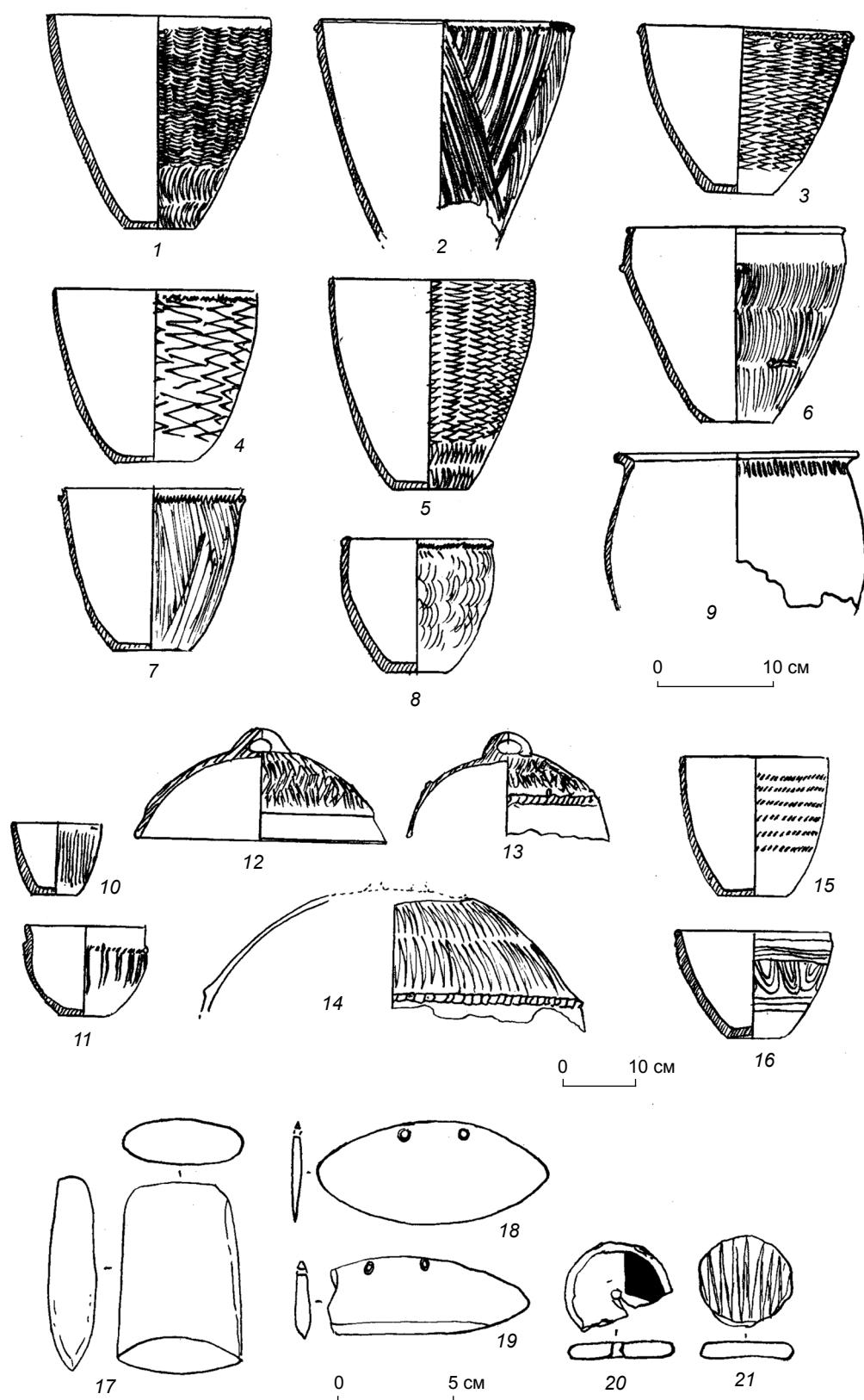

Рис. 31. Керамика (1–16, 20–21) и каменный инвентарь (17–19).
Поселение Шуйцзюань (культура хуншань).

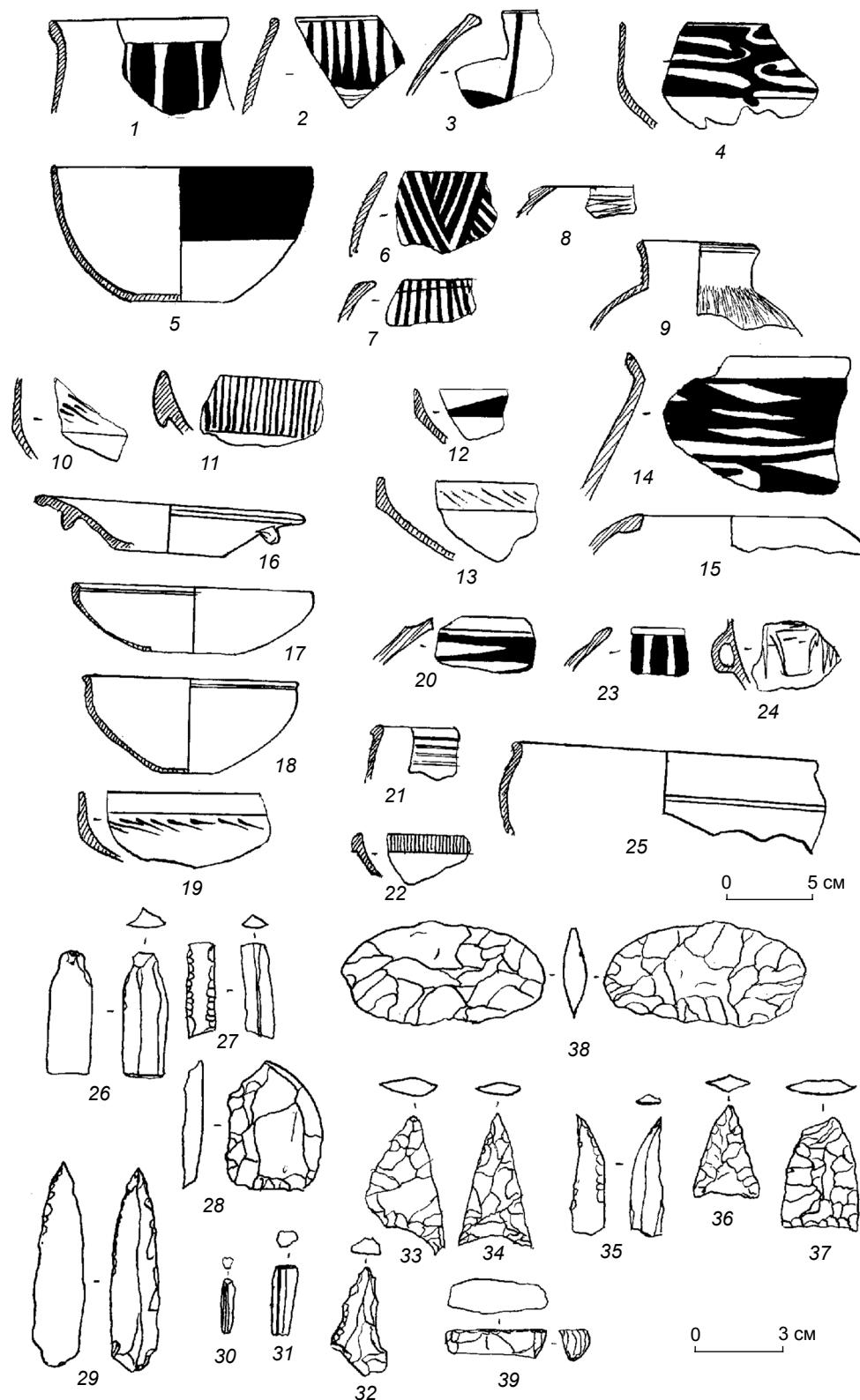
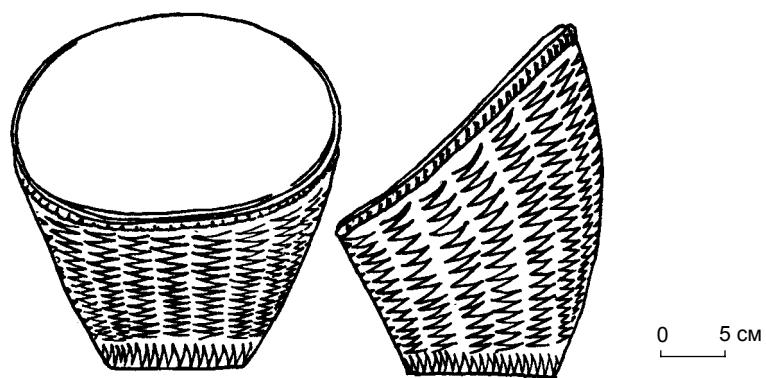

Рис. 32. Керамика (1–25) и каменный инвентарь (26–39).
Поселение Шуйцюань (культура хуншань).

*Рис. 33. Керамический сосуд со скошенной горловиной.
Поселение Шуйцюань (культура хуншань).*

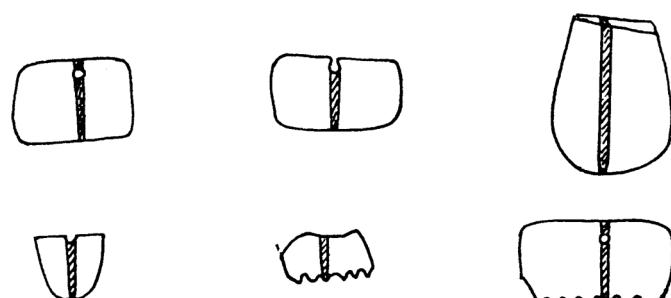
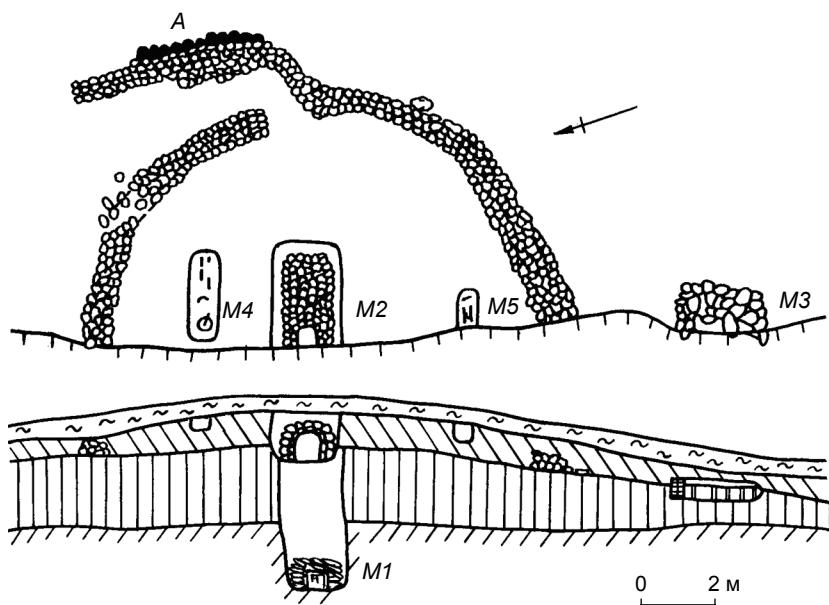

Рис. 34. Каменные орнаменты. Поселение Маньдэту (культура хуншань).

*Рис. 35. Могильник Хутогуо:
M1 и M3 – погребения культуры хуншань; A – керамические изделия без дна.*

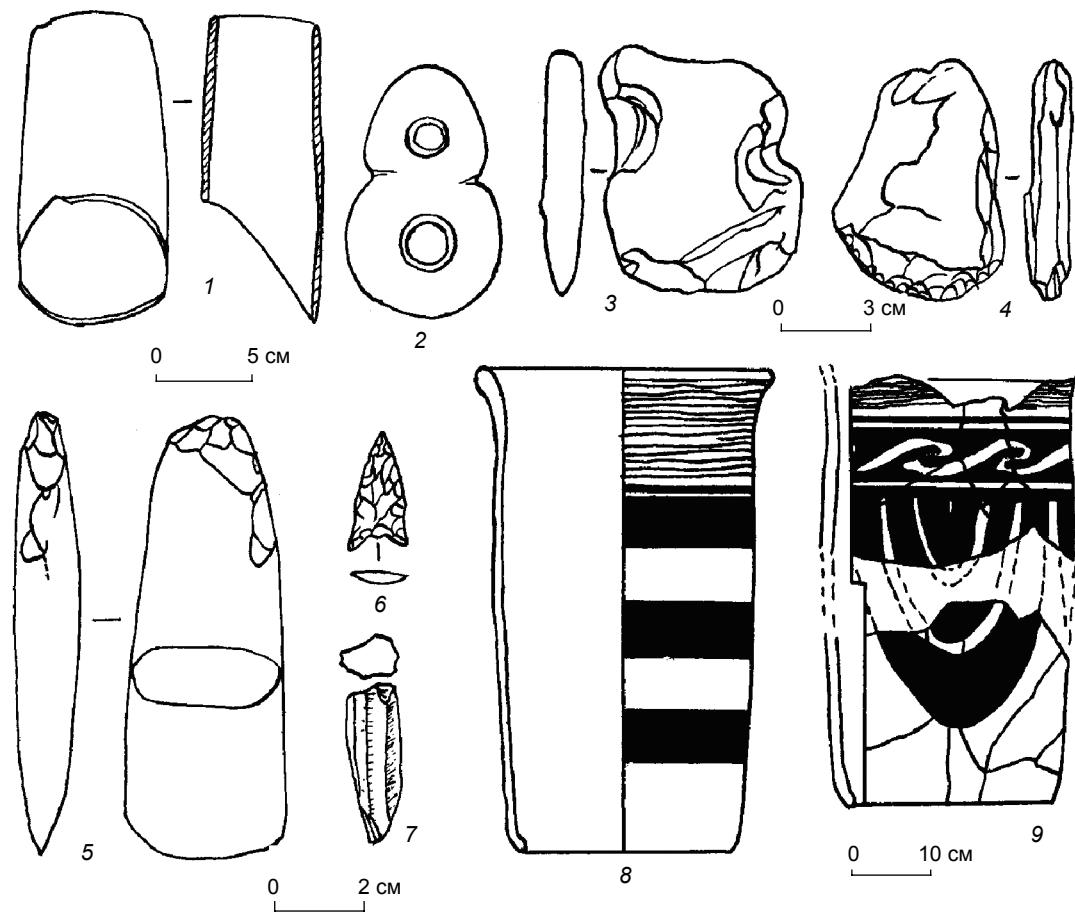
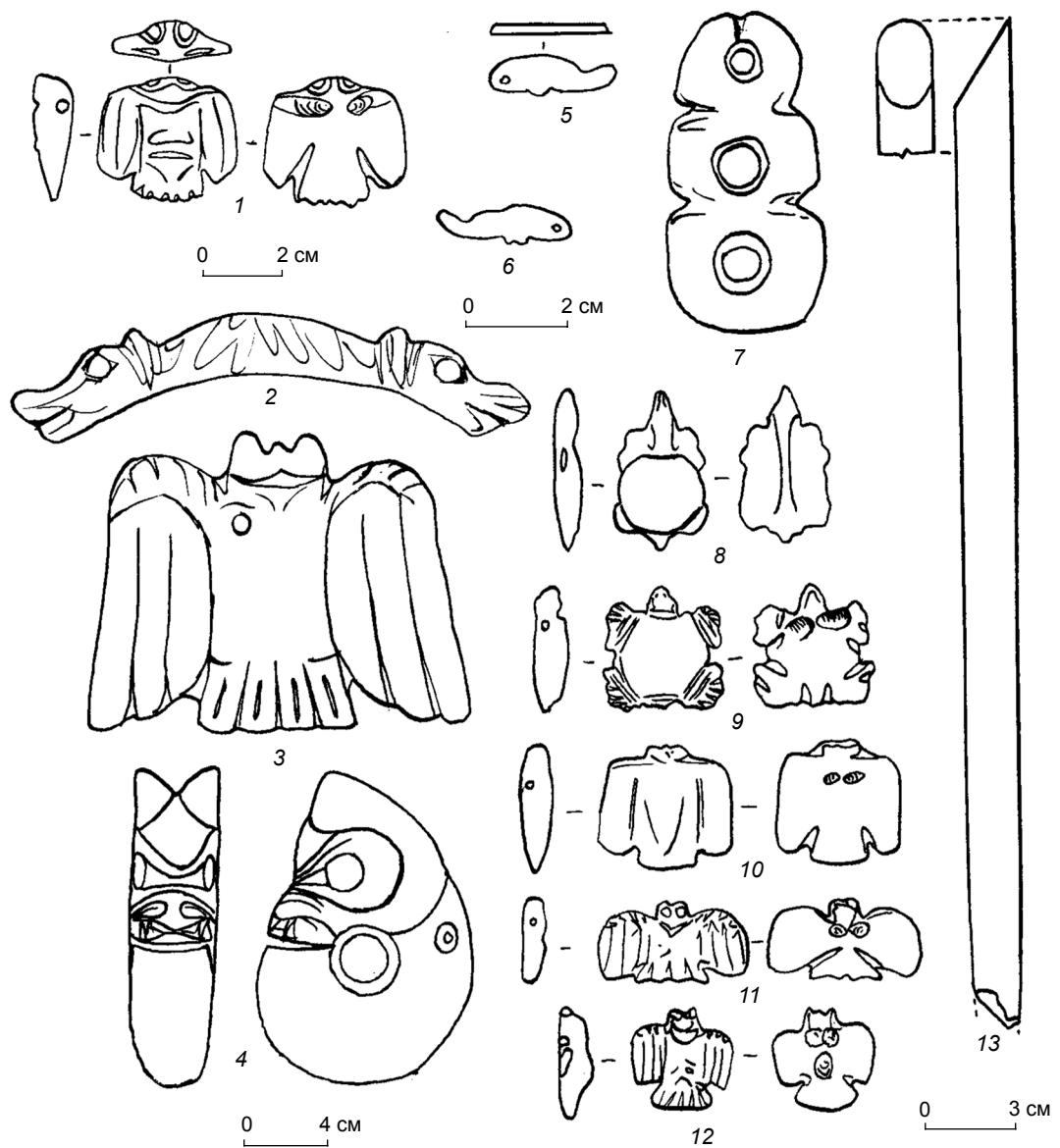

Рис. 36. Материалы с ритуальных памятников Нюхэлян (1, 2), Дуншаньцзуй (3–7) и Хутоугуо (8, 9) (культура хуниань):

1, 2, 5 – нефрит; 3, 4, 6, 7 – камень; 8, 9 – керамика.

*Rис. 37. Изделия из нефрита (1, 2, 4, 7–13) и бирюзы (3, 5, 6) (культура хуншань):
1 – уезд Фусинь; 2, 3 – Дуншаньцзуй; 4 – уезд Цзяньпин; 5–13 – Хутугуоу.*

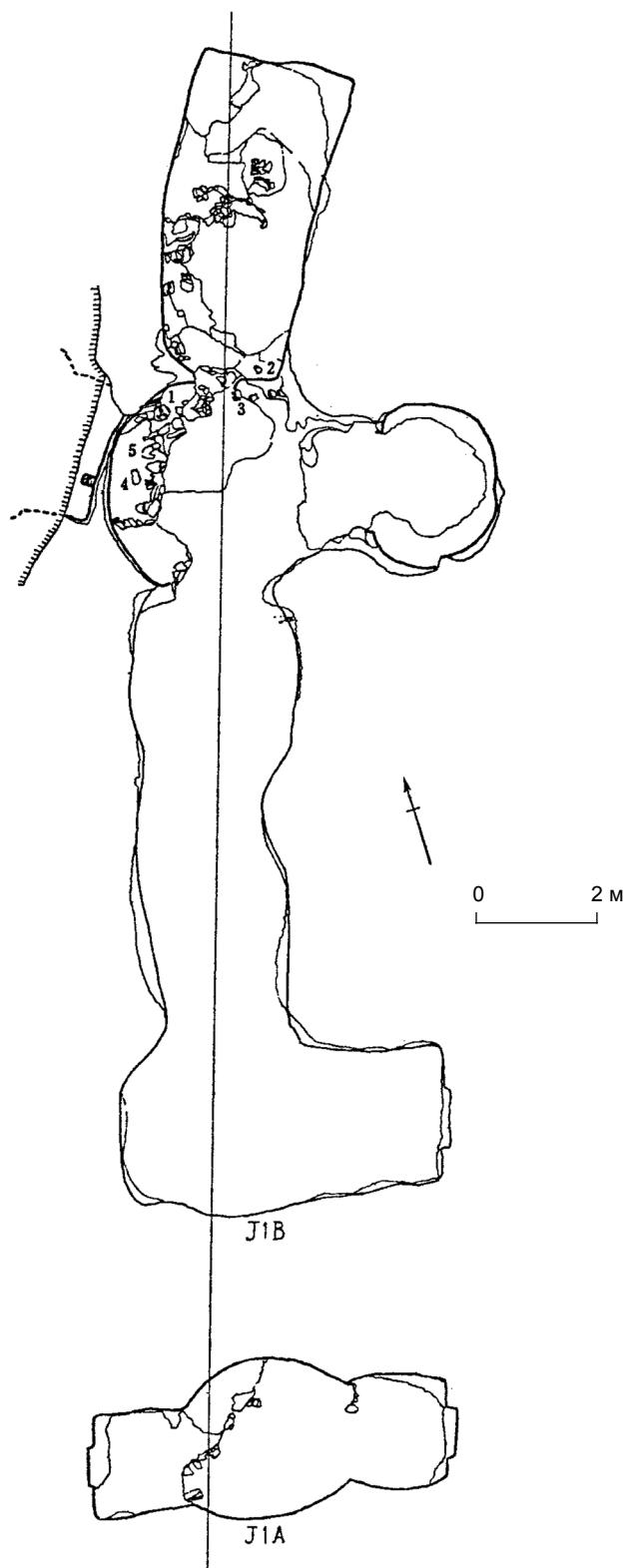

Рис. 38. Нюхэлян, комплекс 1 (культура хуншань).

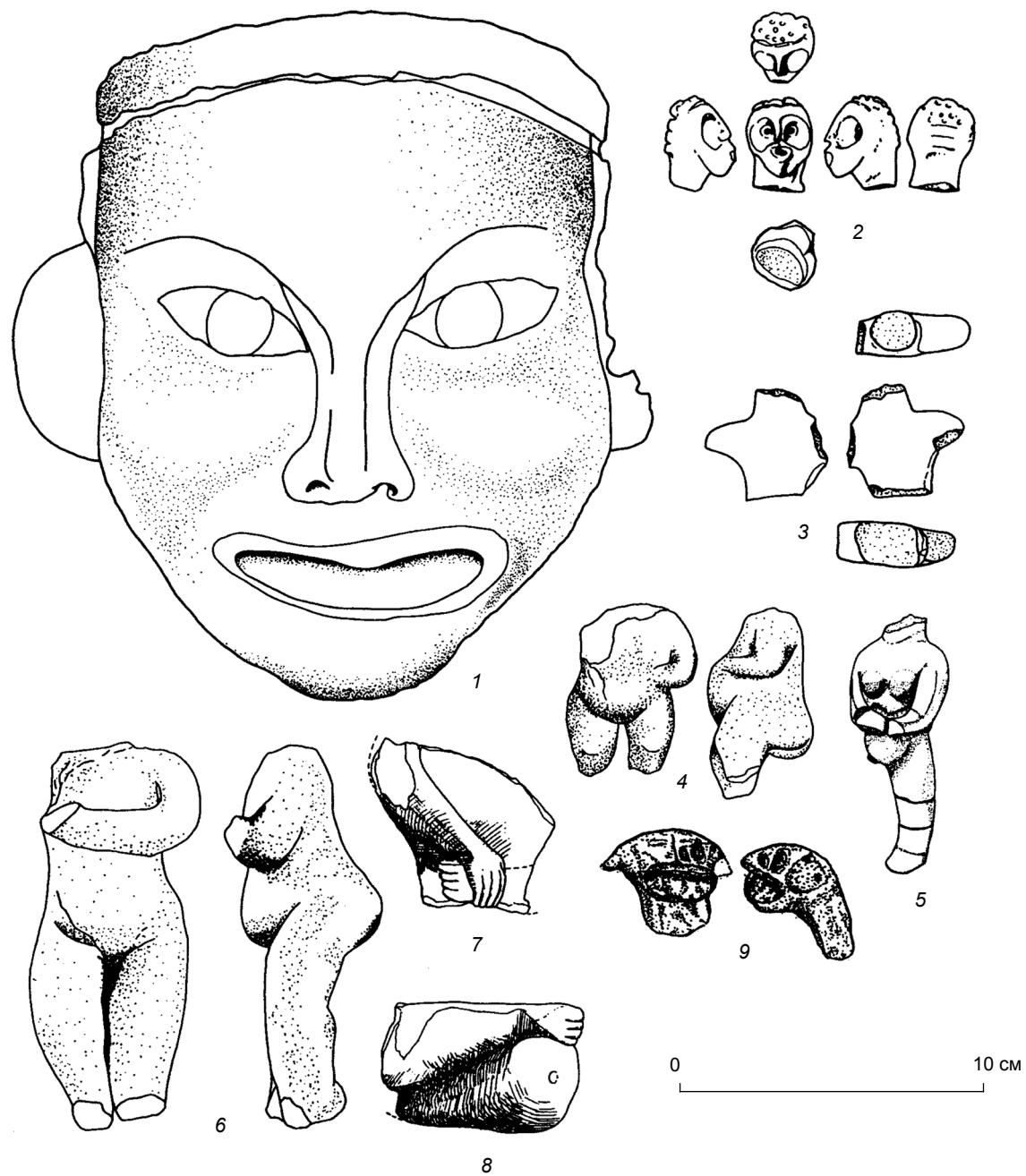

Рис. 39. Глиняная скульптура. Памятники Нюхэлян (1–3), Дуншаньцзуй (4–8) и Бэйлин (9) (культура хуншань):

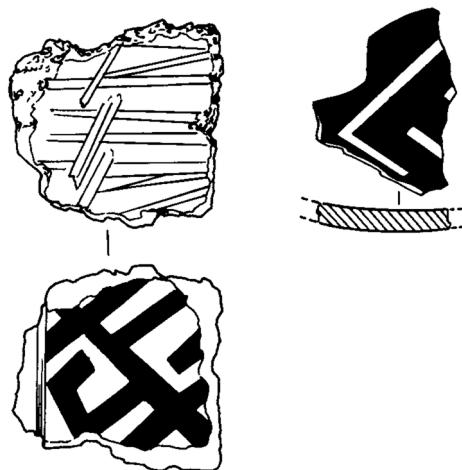
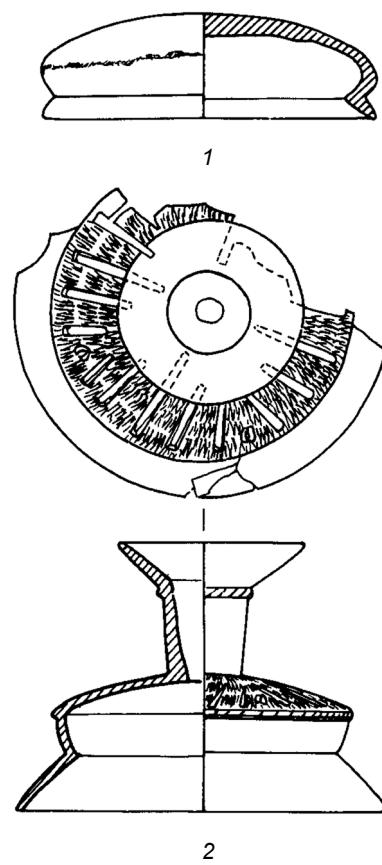

Рис. 40. Фрагменты покрытия стен. Нюхэлян, комплекс 1 (культура хуншань).

*Рис. 41. Ритуальный сосуд. Нюхэлян, комплекс 1 (культура хуншань):
1 – крышка; 2 – сосуд.*

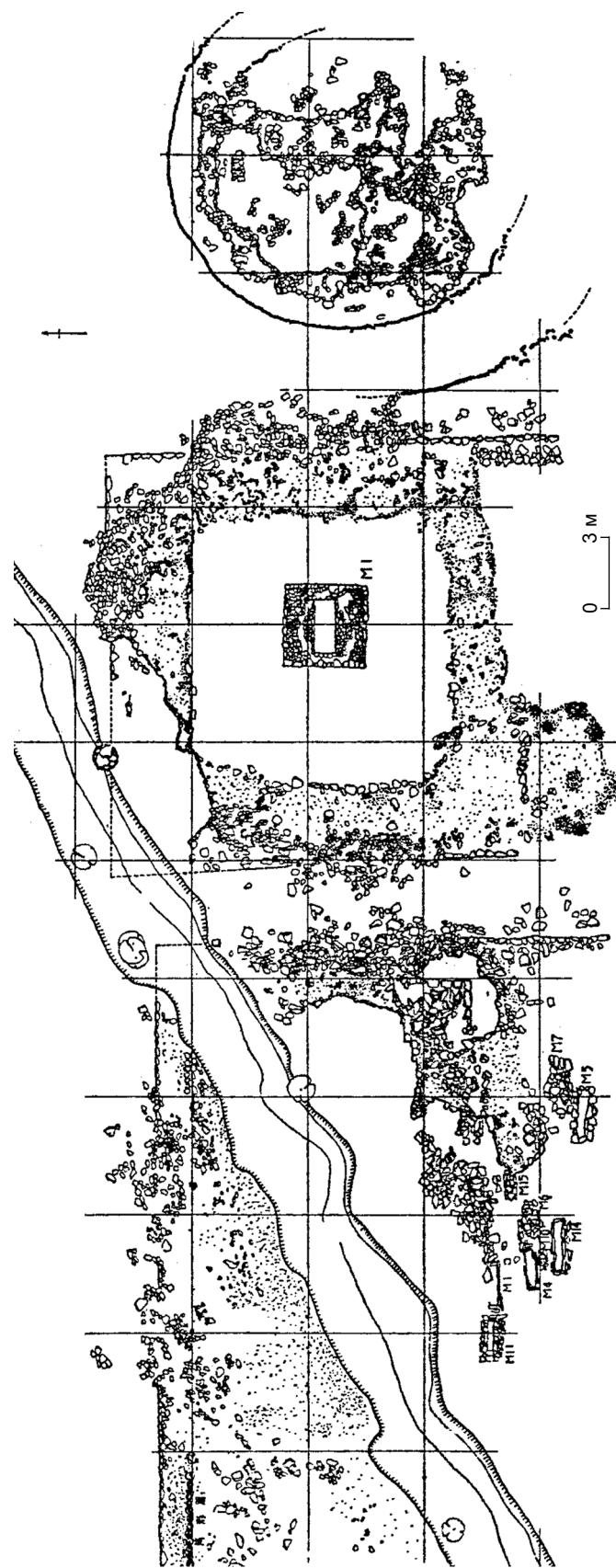

Рис. 42. Западный участок Нюхэлиян, комплекс 2 (культура хуньцзян).

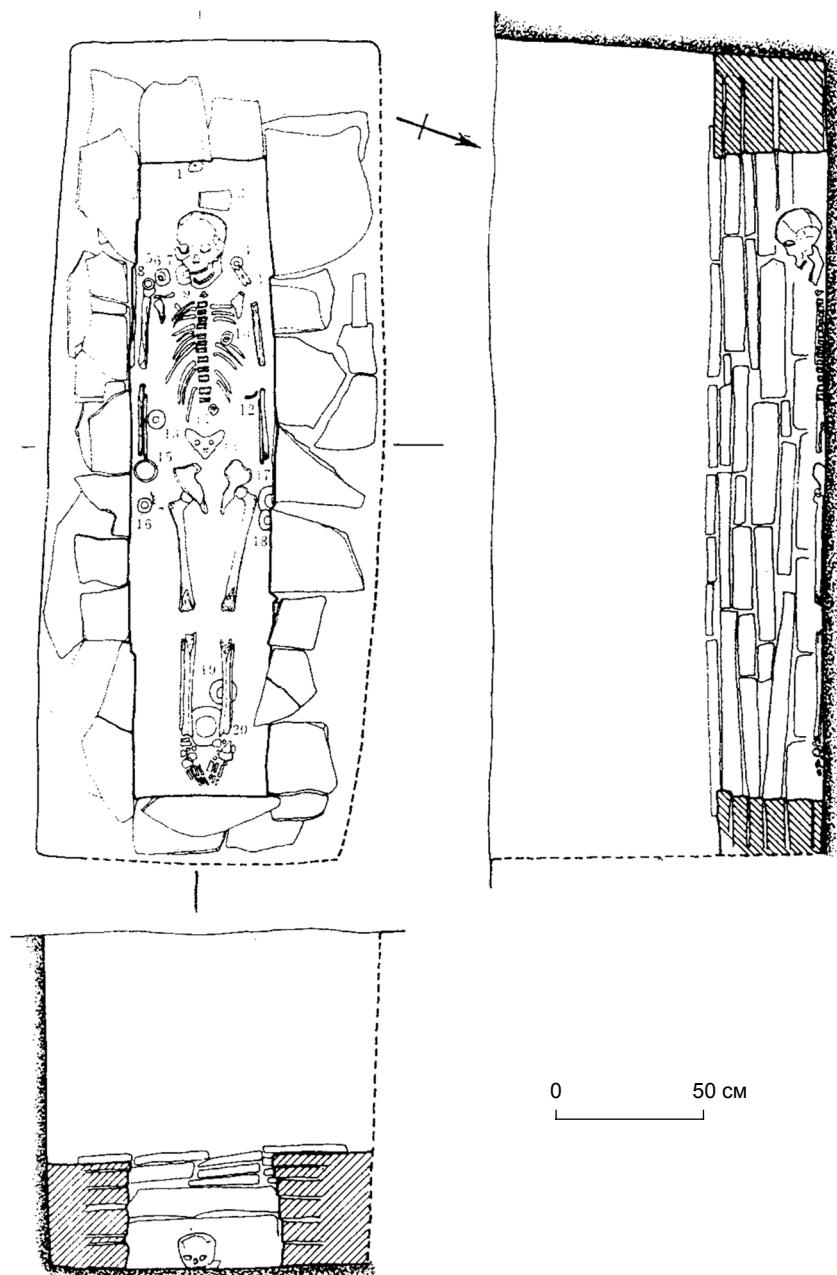
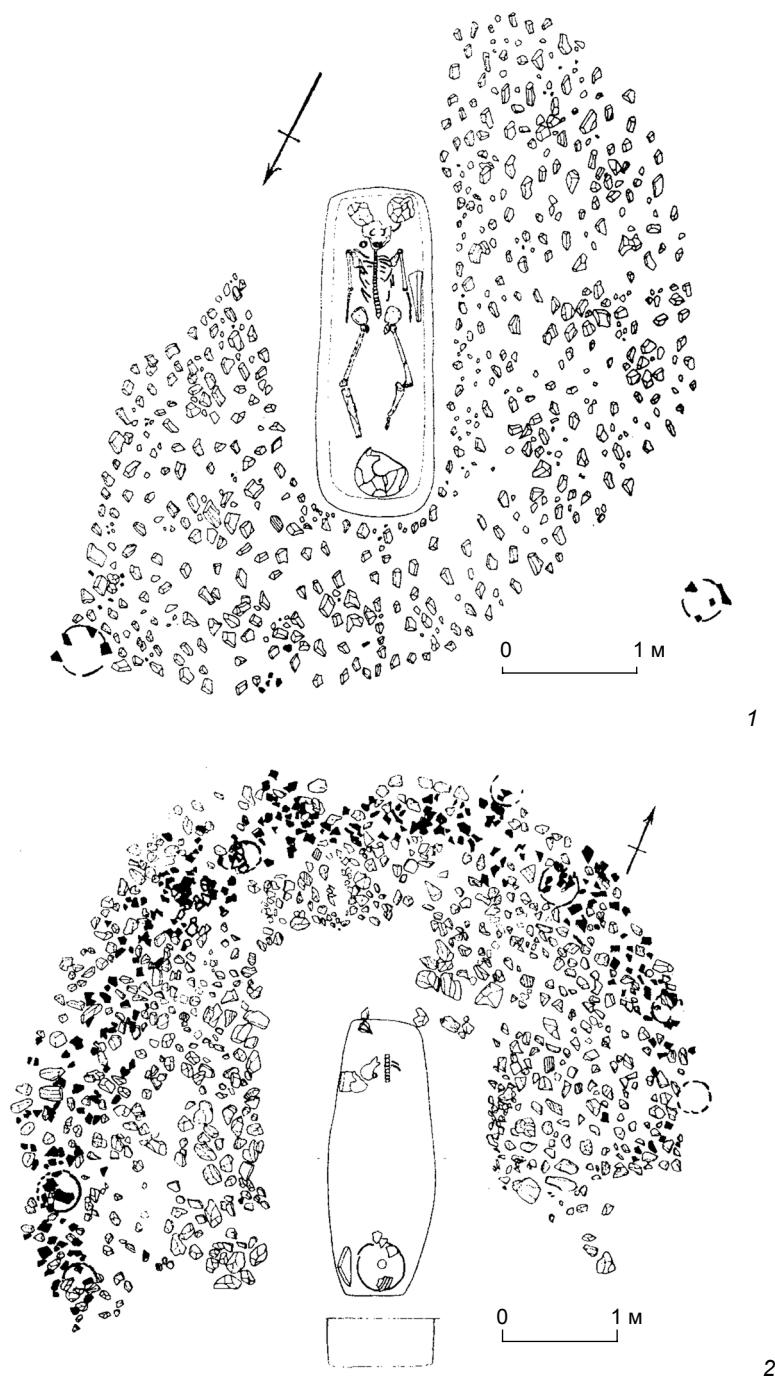

Рис. 43. План и разрезы погребения 21. Нюхэлян, комплекс 2, курган 1
(культура хунцань).

*Rис. 44. Курган 4, погребения 6 (1) и 7 (2). Нюхэлян, комплекс 2
(культура хуншань).*

Рис 45. Курган 4, погребение 5. Нюхэлян, комплекс 2 (культура хуншань).

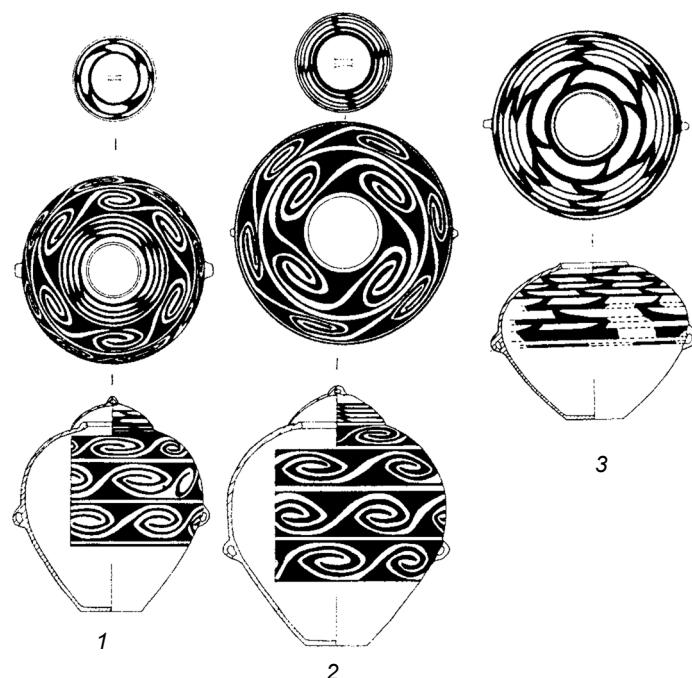

Рис. 46. Керамика из погребений 5 (1), 6 (2) и 7 (3) кургана 4. Нюхэлян, комплекс 2 (культура хуншань).

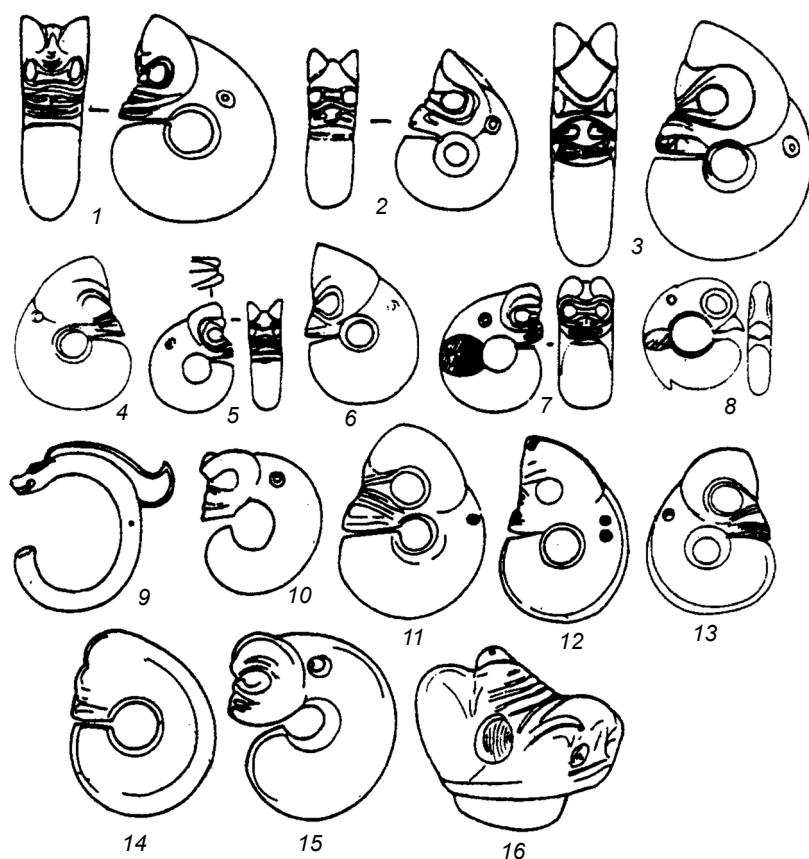

Рис. 47. С-образная нефритовая скульптура (культуры хуншань).

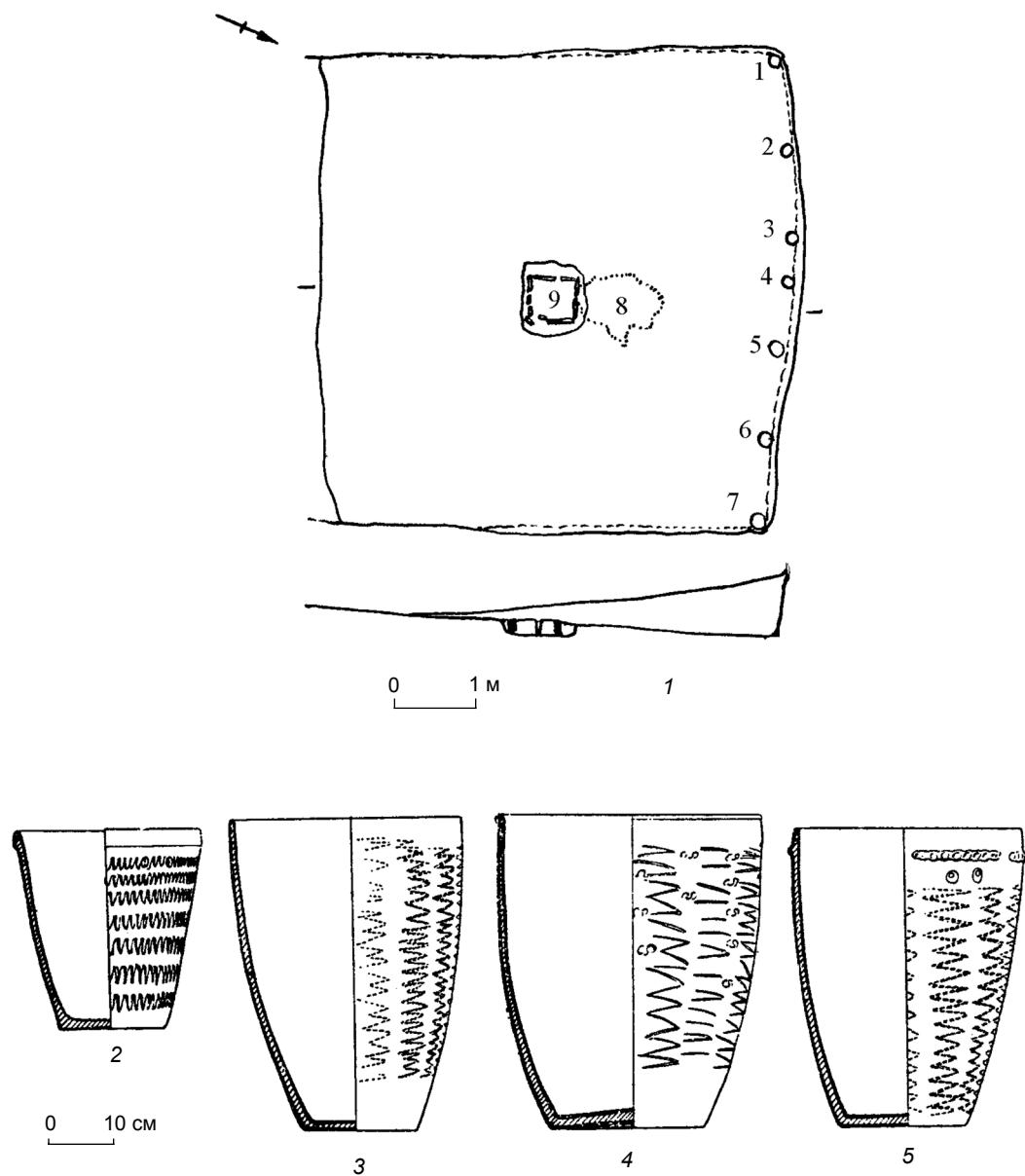

Рис. 48. Жилище 4 (1) и керамика (2–5). Поселение Фухэгоумэнь (культура фухэ).

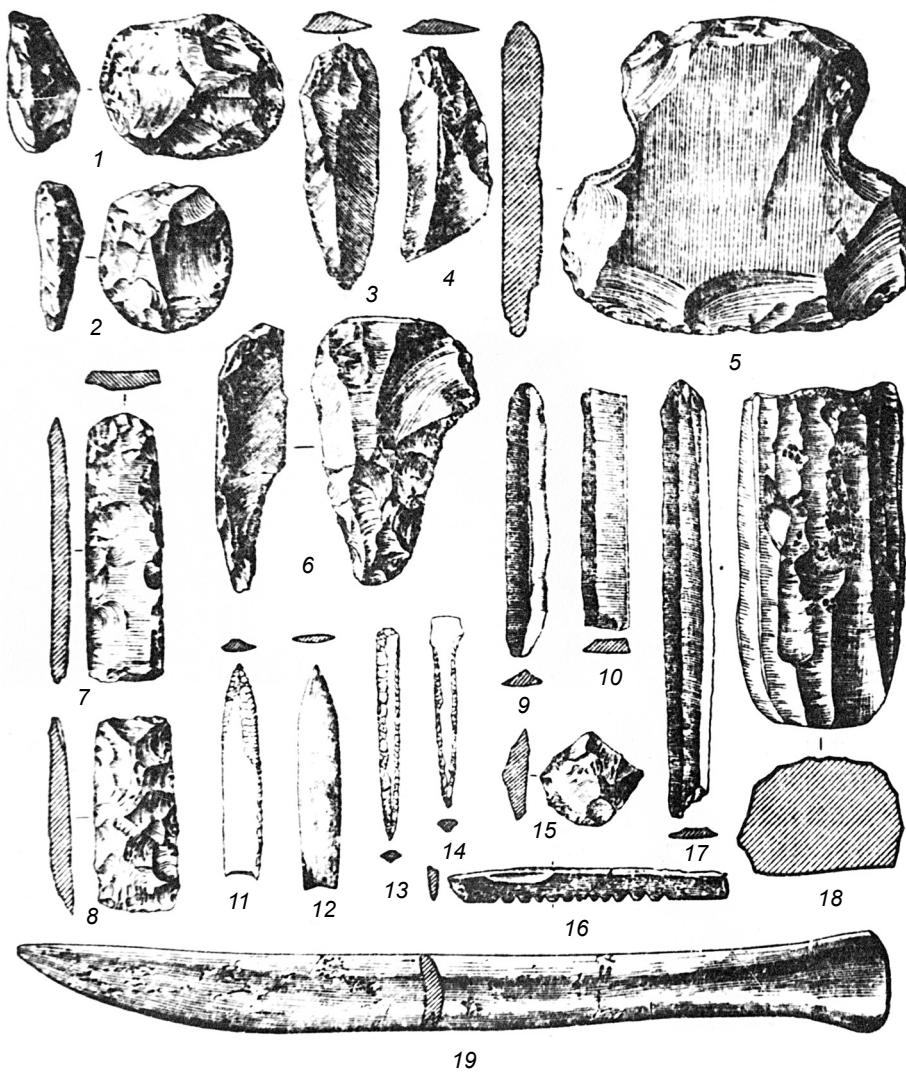

Рис. 49. Каменные (1–15, 17, 19) и костяные (16, 19) изделия.
Поселение Фухэгоумэн (культура фухэ).

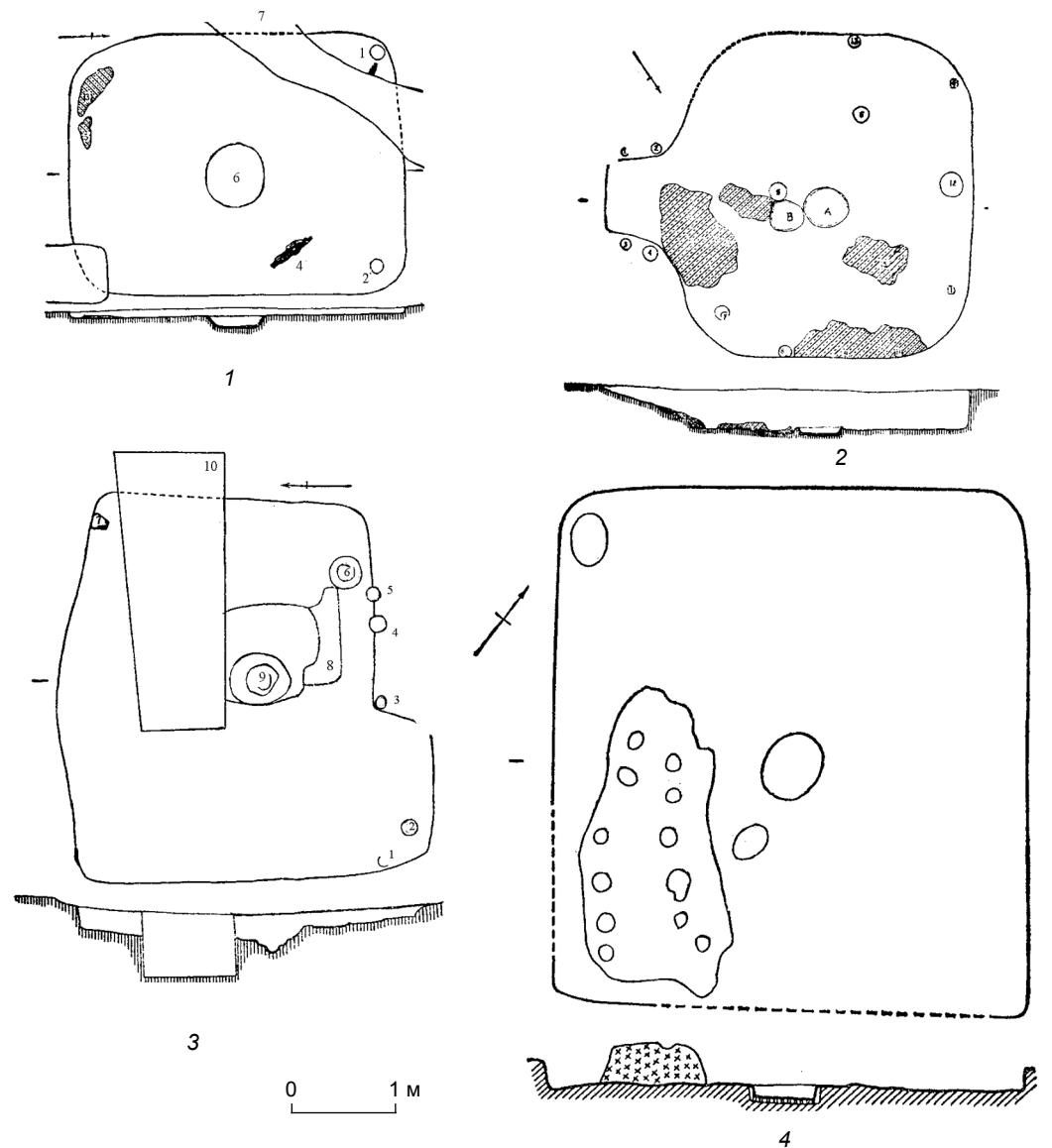

Рис. 50. План и разрез жилищ 1 (4), 4 (1), 5 (3) и 6 (2). Поселение Синълэ (культура синълэ).

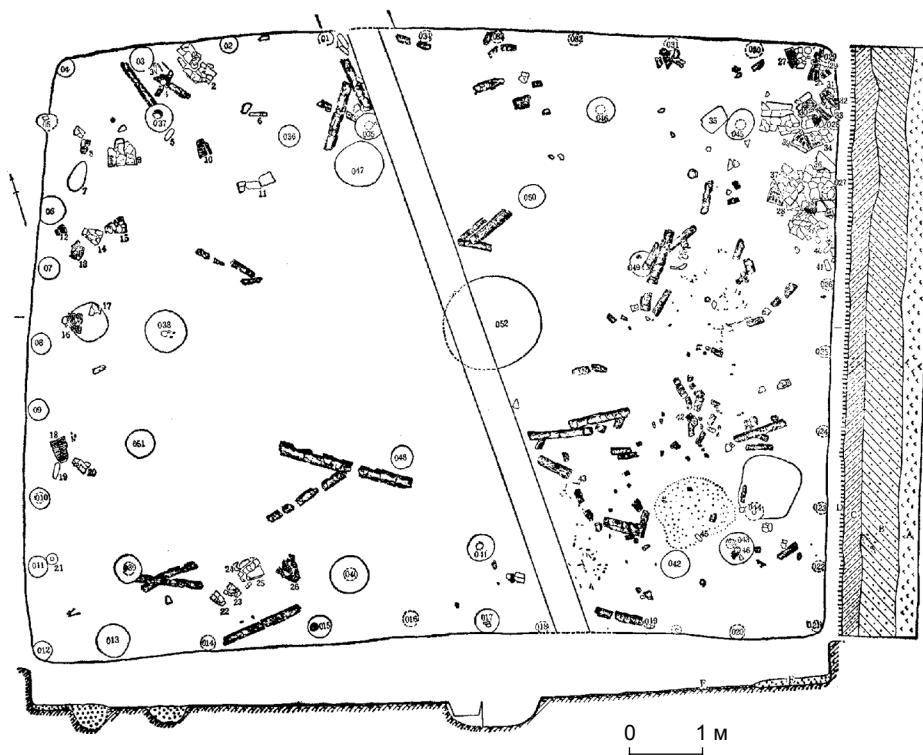

Рис. 51. План и разрезы жилища 2. Поселение Синьлэ (культура синьлэ).

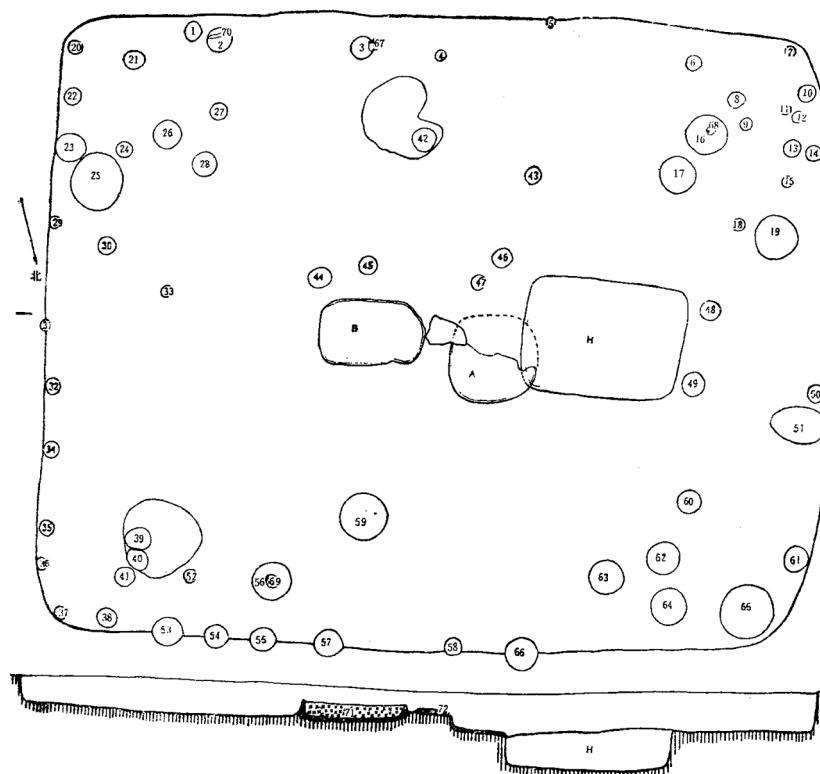

Рис. 52. План и разрез жилища 3. Поселение Синьлэ (культура синьлэ).

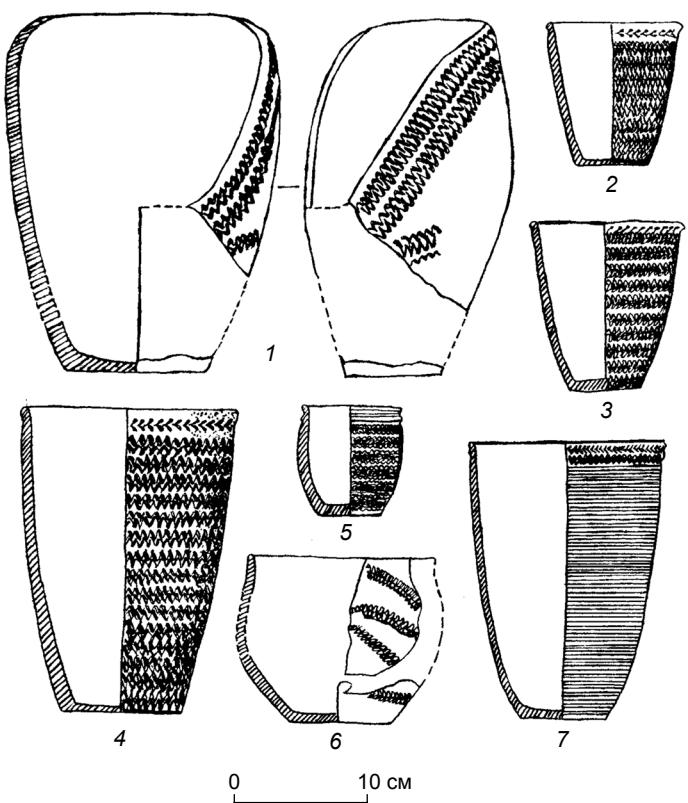

Рис. 53. Керамика. Поселение Синълэ, жилище 1 и межжилищное пространство (культура синълэ).

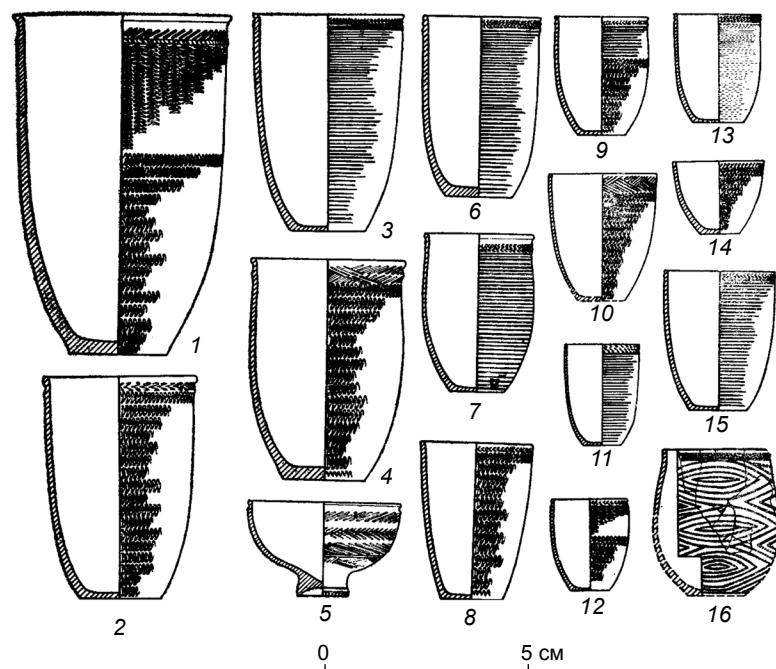

Рис. 54. Керамика. Поселение Синълэ, жилище 2 (культура синълэ).

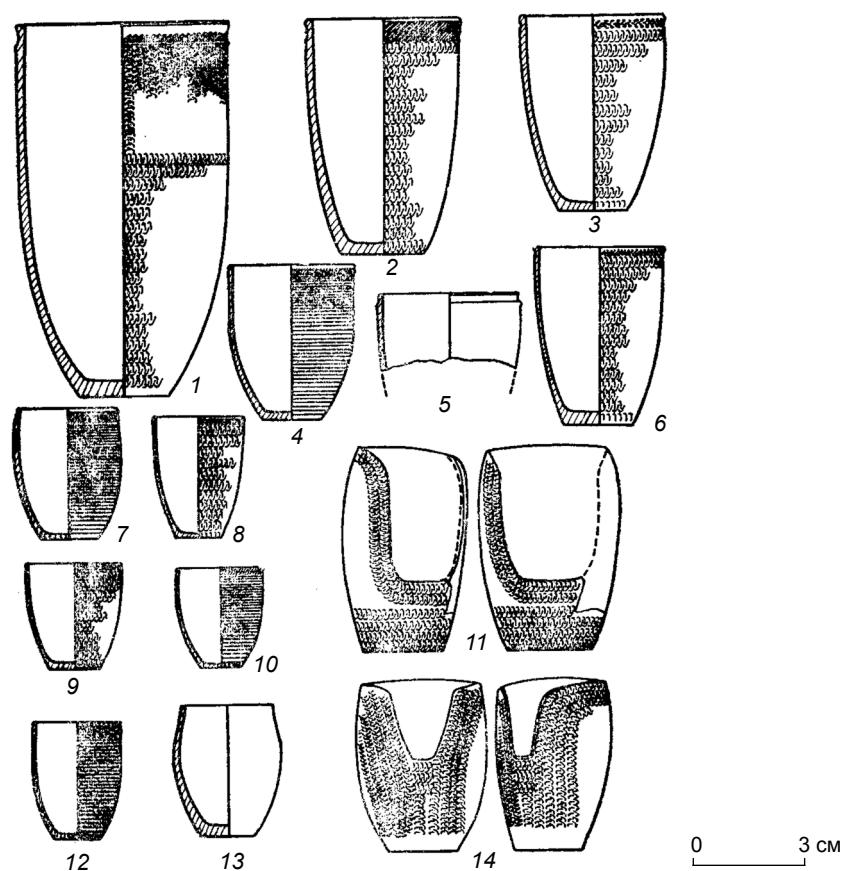

Рис. 55. Керамика. Поселение Синьлэ, жилища 3, 5, 6 и 8 (культура синьлэ).

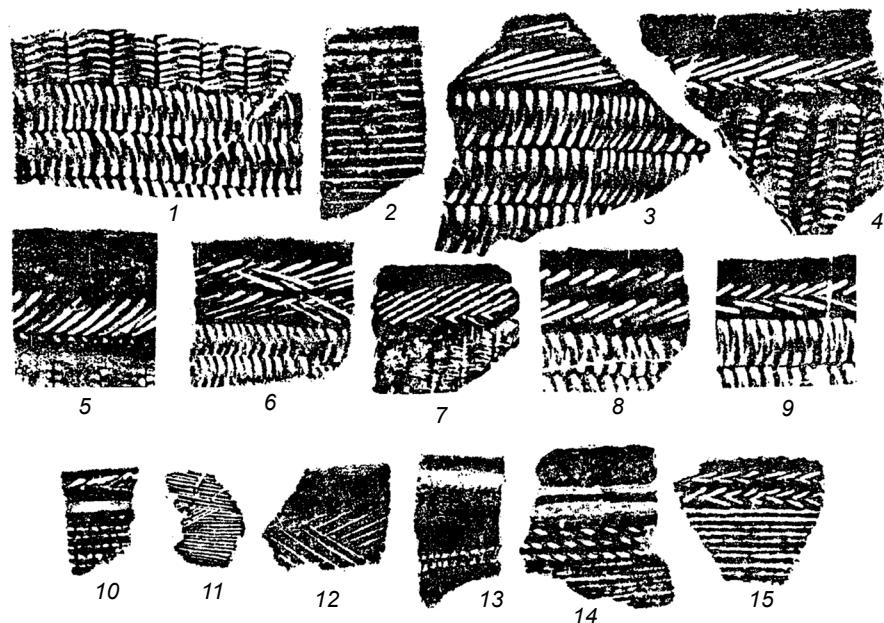

Рис. 56. Орнаментация керамики (культура синьлэ).

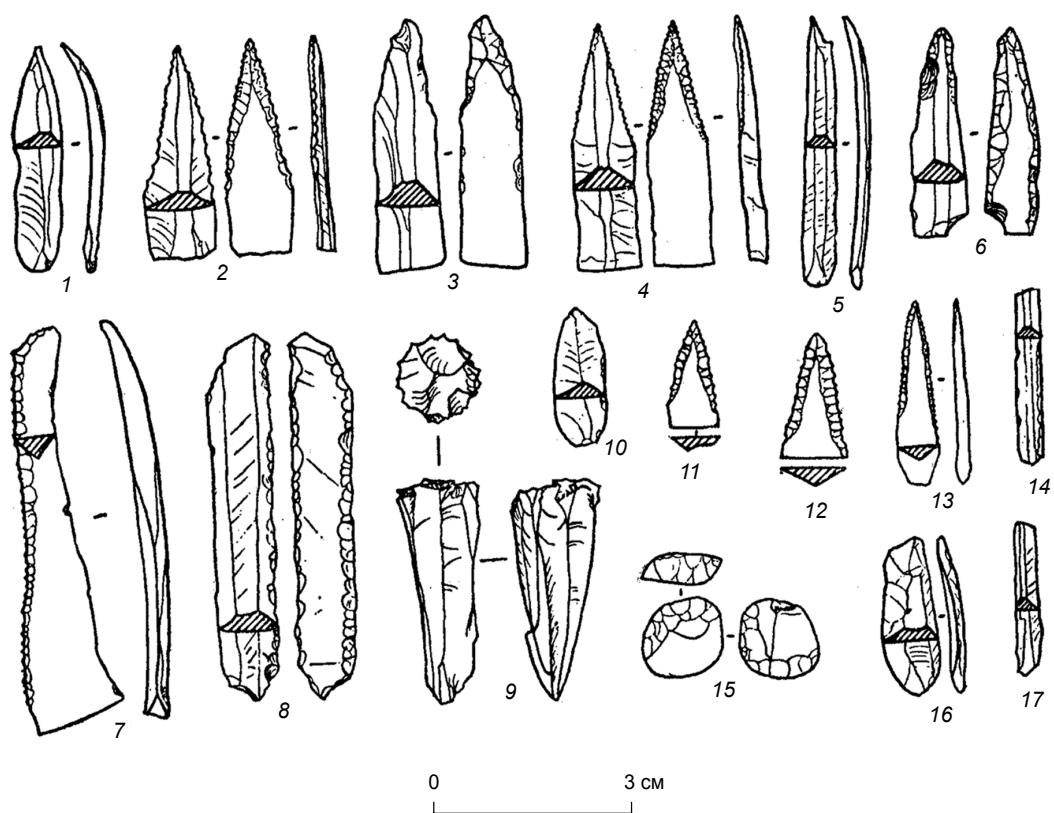

Рис. 57. «Микролитические» каменные изделия. Поселение Синьлэ, жилище 1 (культура синьлэ).

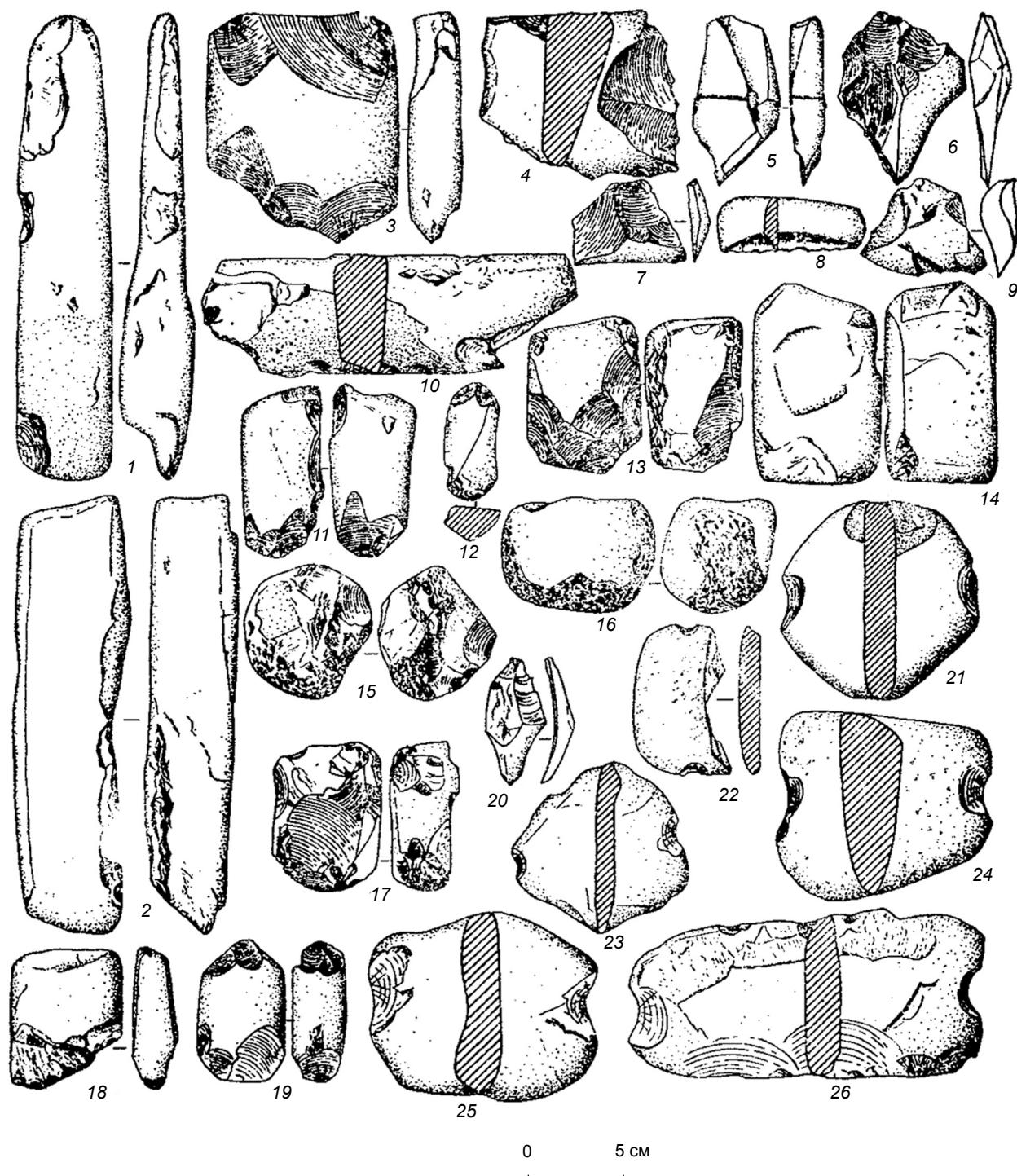

Рис. 58. Шлифованные каменные изделия. Поселение Синьлэ, жилища 3–6 (культура синьлэ).

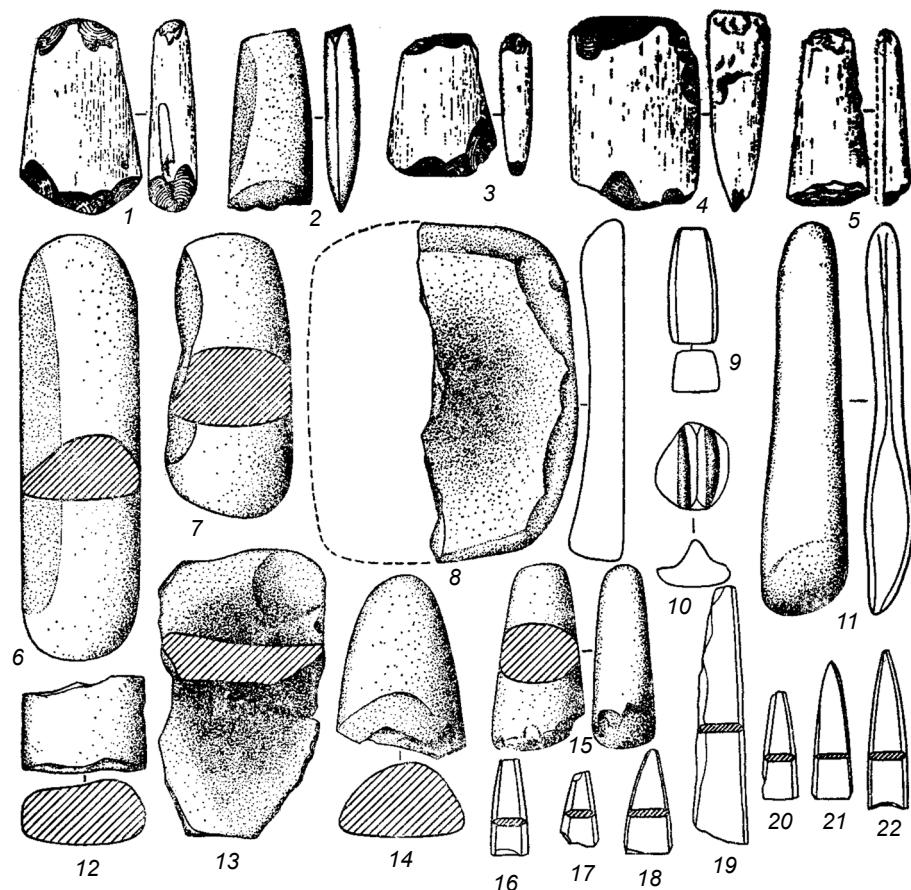

Рис. 59. Шлифованные каменные орудия. Поселение Синъэ, жилища 3, 5 и 6 (культура синъэ).

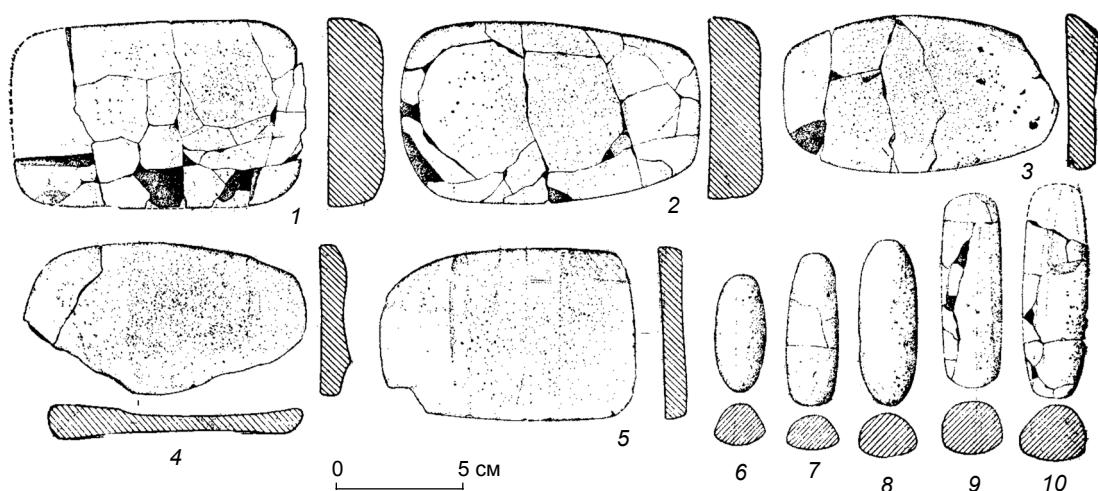

Рис. 60. Плиты и куранты зернотёрок. Поселение Синъэ, жилище 2 (культура синъэ).

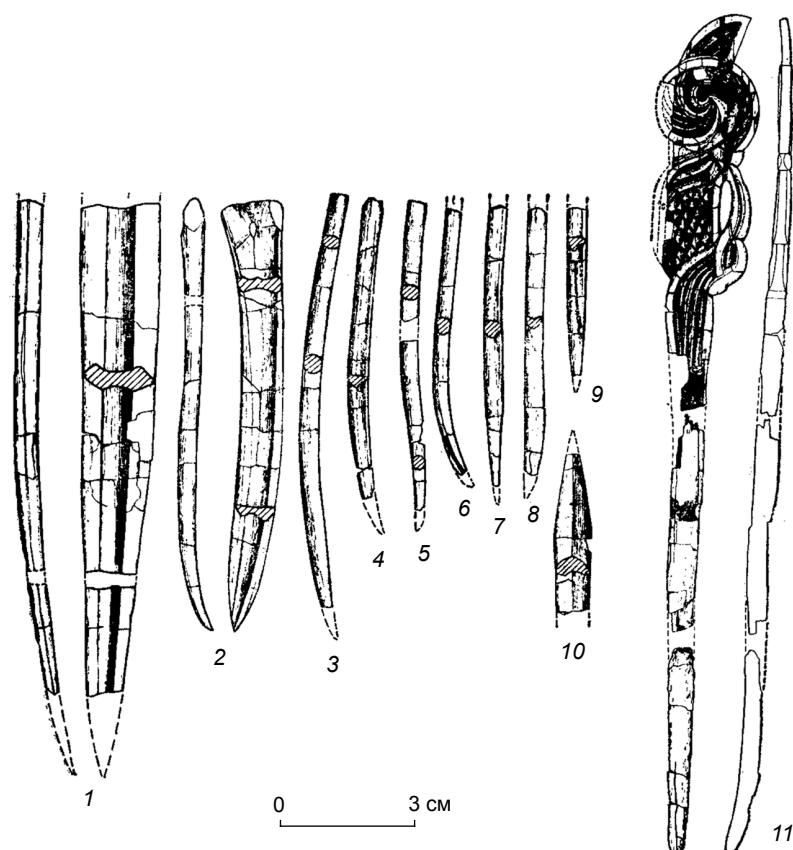

Рис. 61. Костяные (1–10) и деревянные (11) орудия. Поселение Синьлэ (культура синьлэ).

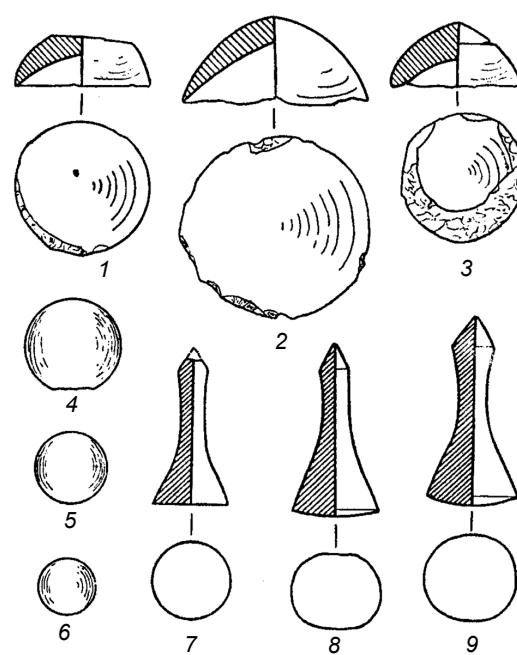

Рис. 62. Предметы из каменного угля. Поселение Синьлэ (культура синьлэ).

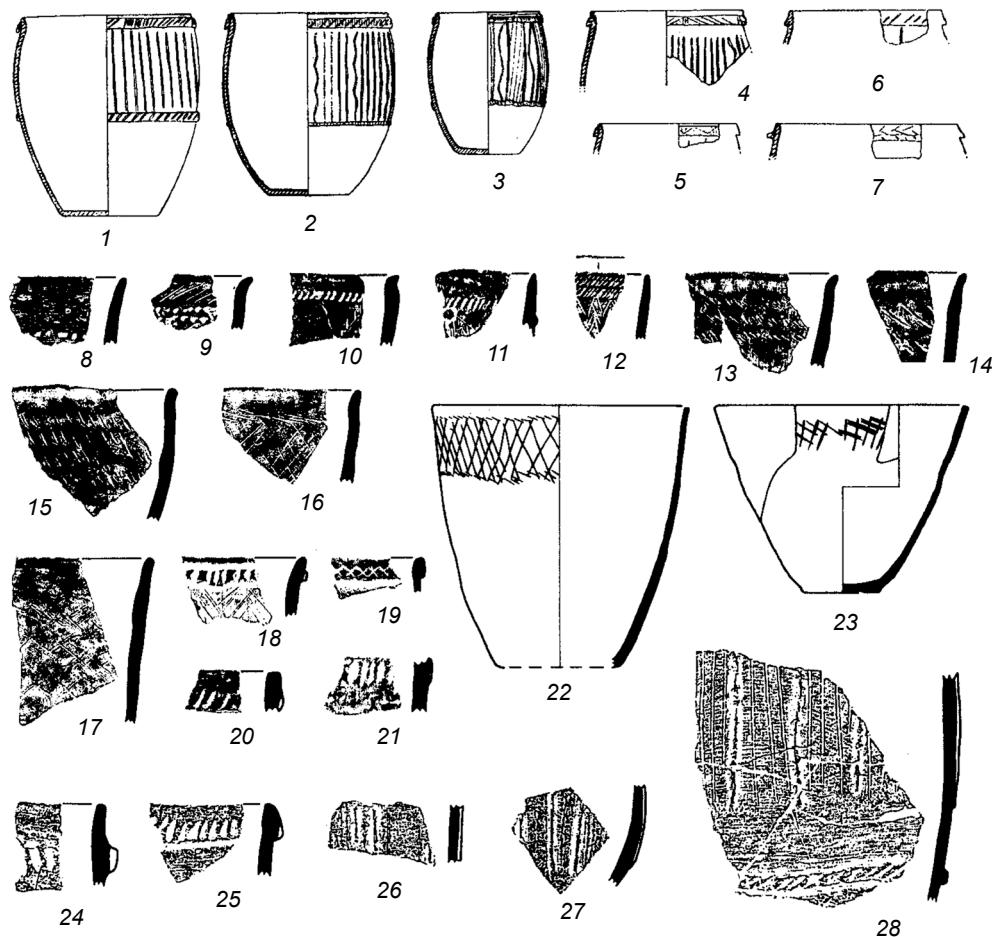

Рис. 63. Керамика (культура пянъбу).

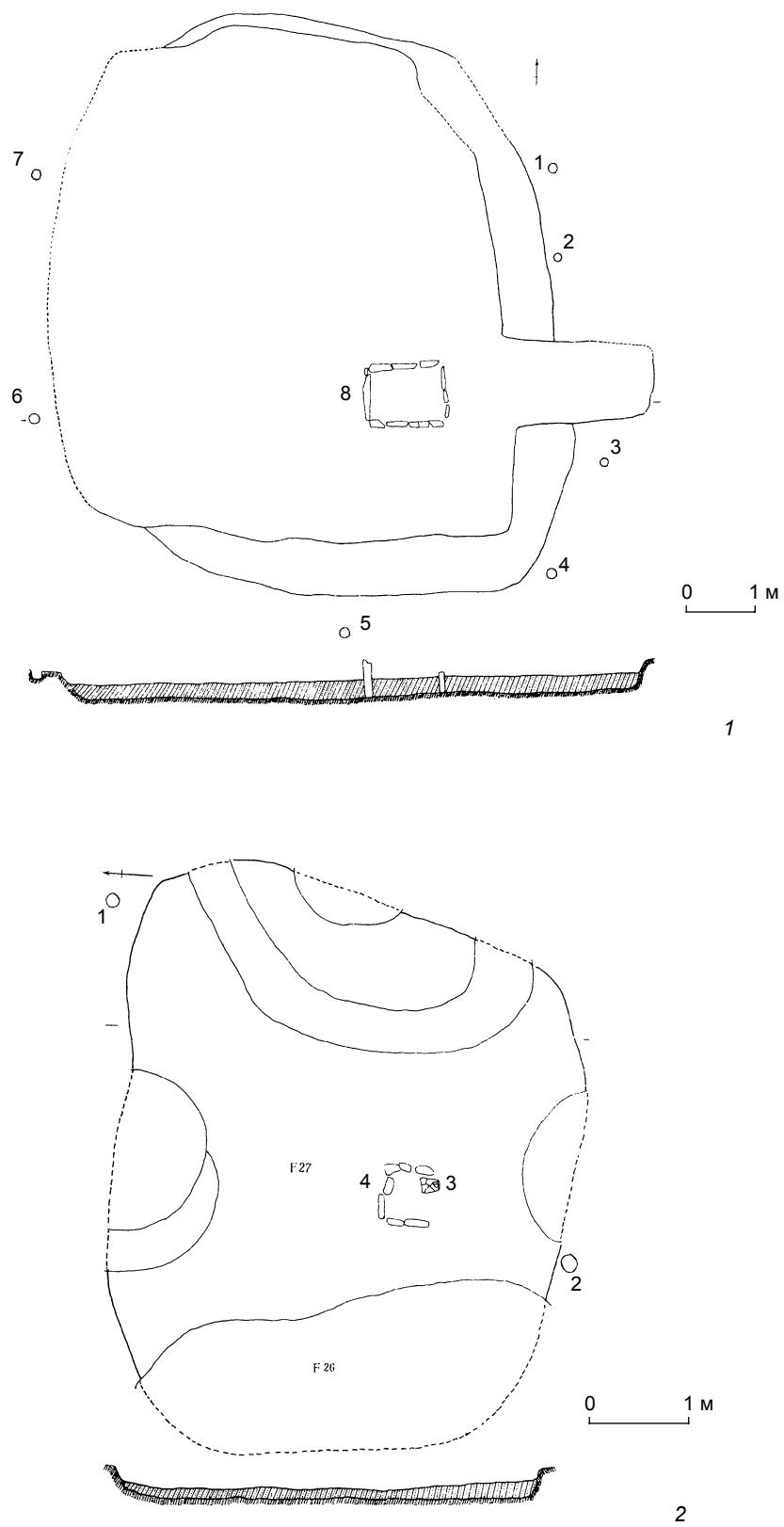

Рис. 64. План и разрез жилищ 24 (1) и 27 (2). Поселение Хоусва (культура хоусва).

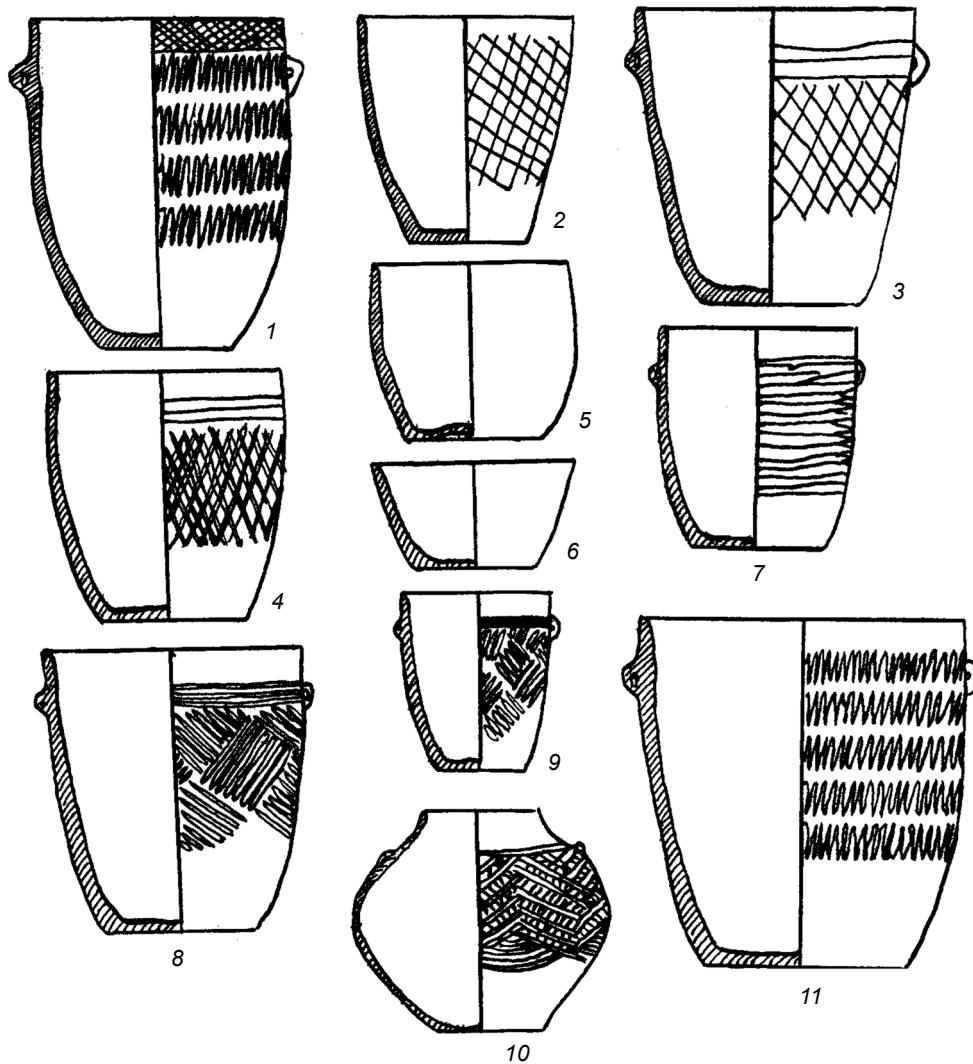

Рис. 65. Керамика. Поселение Хоуса (культура хоуса).

Рис. 66. Орнаментация керамики. Поселение Даган (культура хоува).

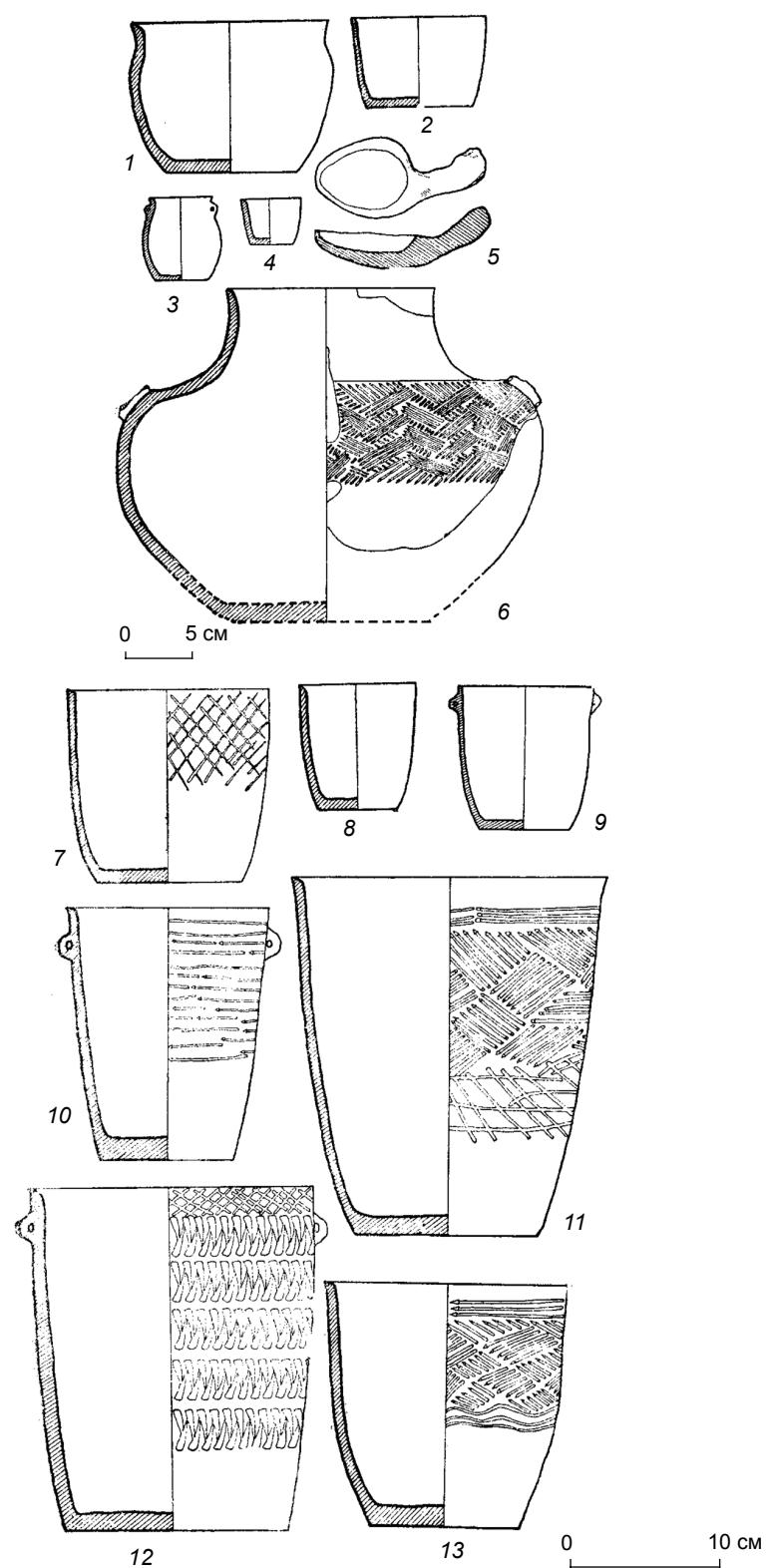
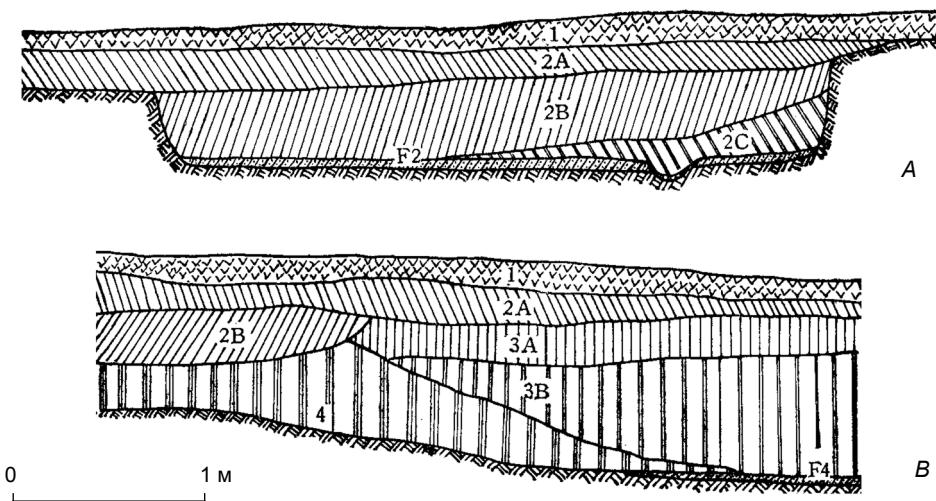

Рис. 67. Керамика. Поселение Даган (культура хоува).

Рис. 68. Мелкая пластика. Поселения Гоцзяунь (1–16), Бэйутунь (7–10) и Хоува (11–34) (культура хоува).

*Rис. 69. Стратиграфический разрез. Поселение Бэйутунь (культура хоува):
A – квадрат Т6, юго-восточная стена; B – квадрат Т2, юго-восточная стена.
1 – пашня; 2А – гумус; 2В – тёмно-коричневая почва; 2С – гумусированная почва с ракушкой;
3А – ракушечник с тёмной почвой; 3В – ракушечник с жёлтой почвой; 3С – жёлтая почва.*

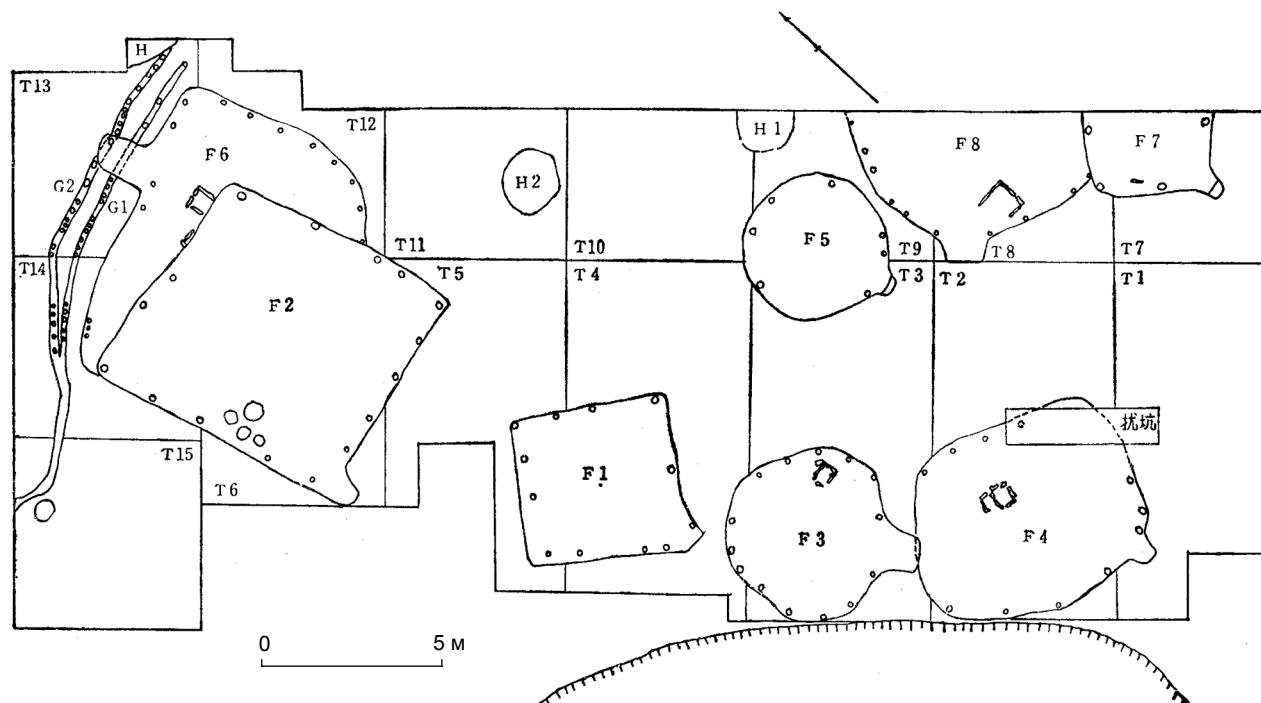

Рис. 70. План раскопа. Поселение Бэйутунь (культура хоува).

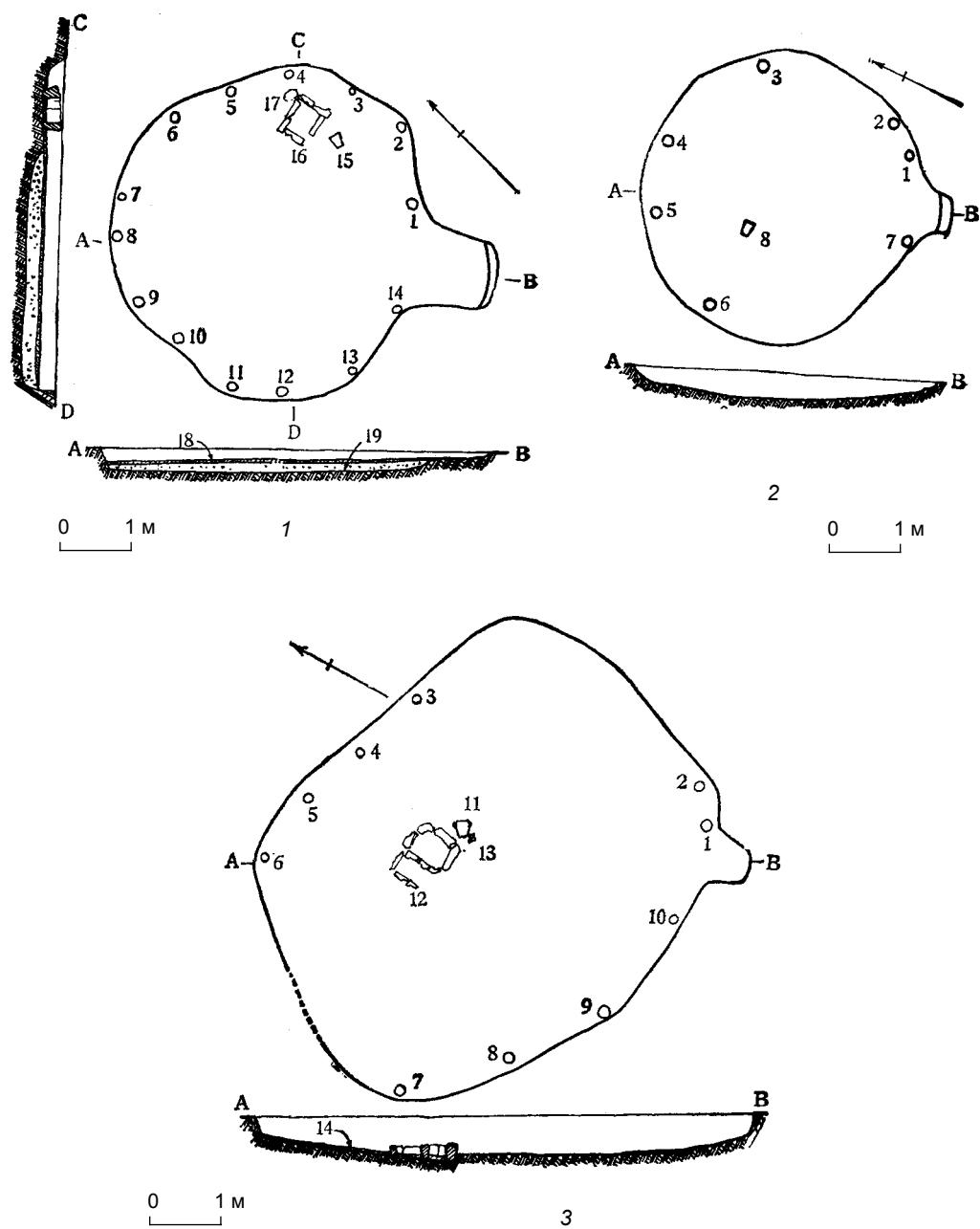

Рис. 71. Нижний культурный слой. Поселение Бэйутунь (культура хоува):
1 – жилище 3; 2 – жилище 5; 3 – жилище 4.

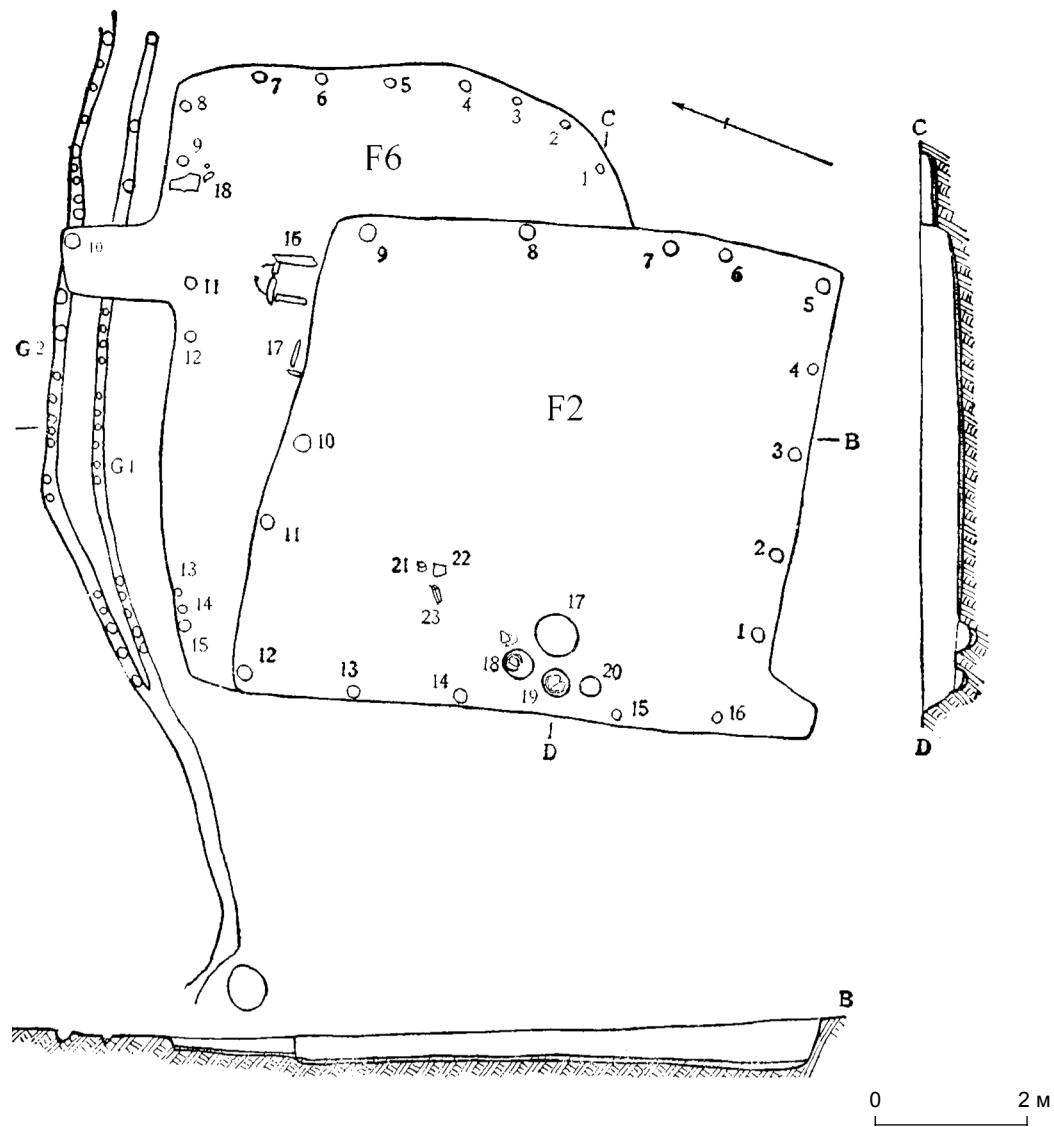

Рис. 72. План жилищ 6 (*F6*, нижний слой) и 2 (*F2*, верхний слой) и ровики (*G1* и *G2*).
Поселение Бэйутунь (культура *хоуба*).

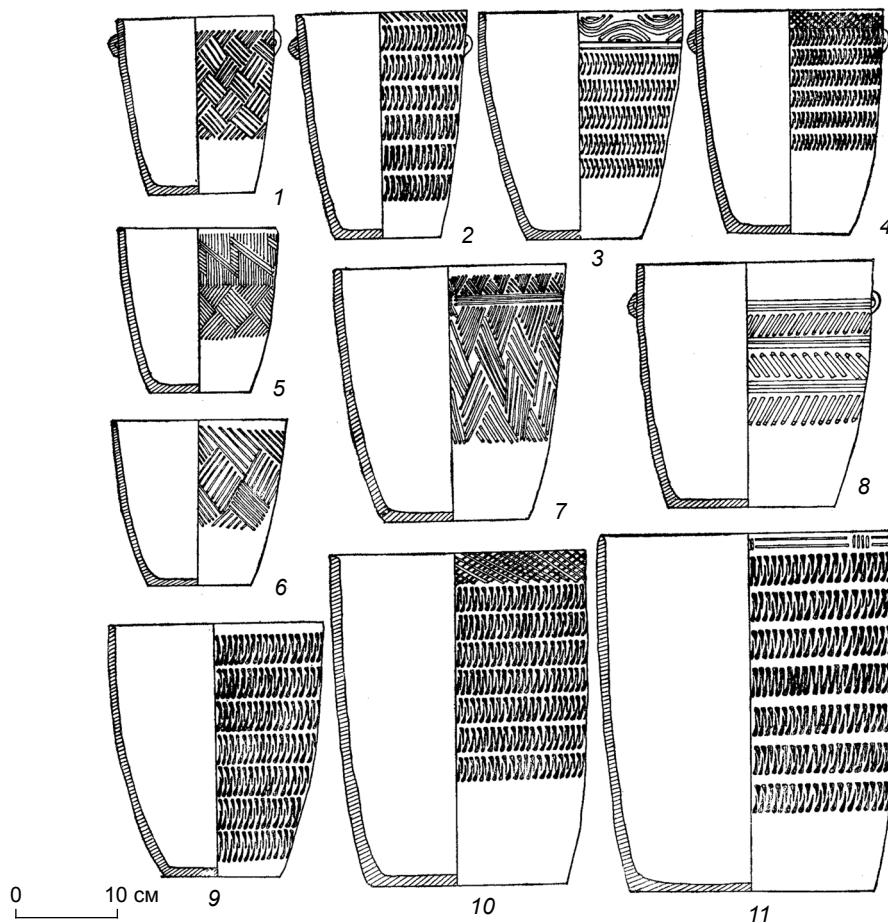

Рис. 73. Керамика. Поселение Бэйутунь, нижний слой (культура хоува).

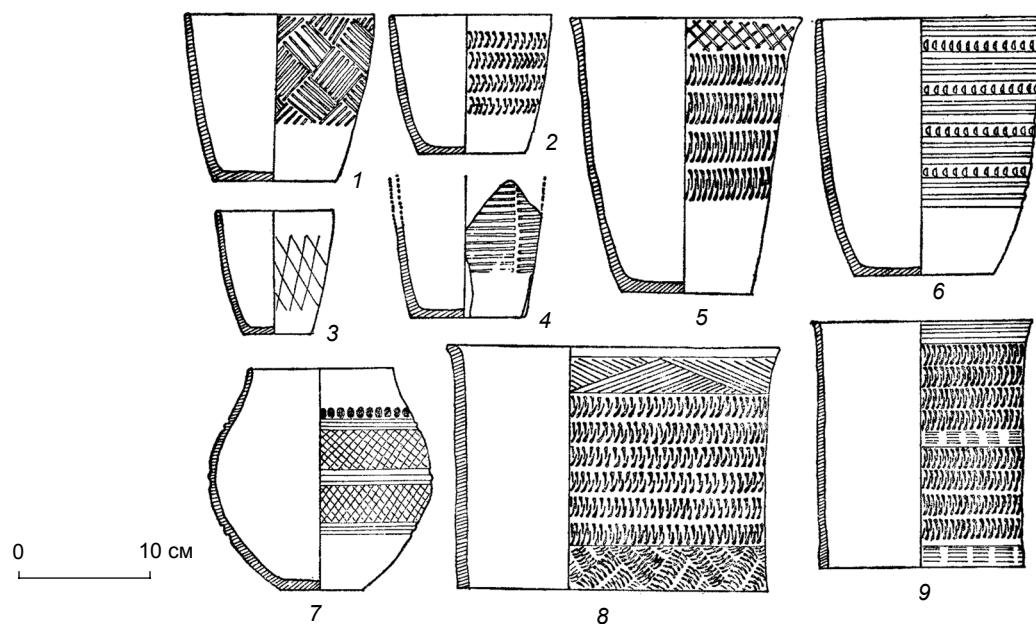

Рис. 74. Керамика. Поселение Бэйутунь, нижний слой (культура хоува).

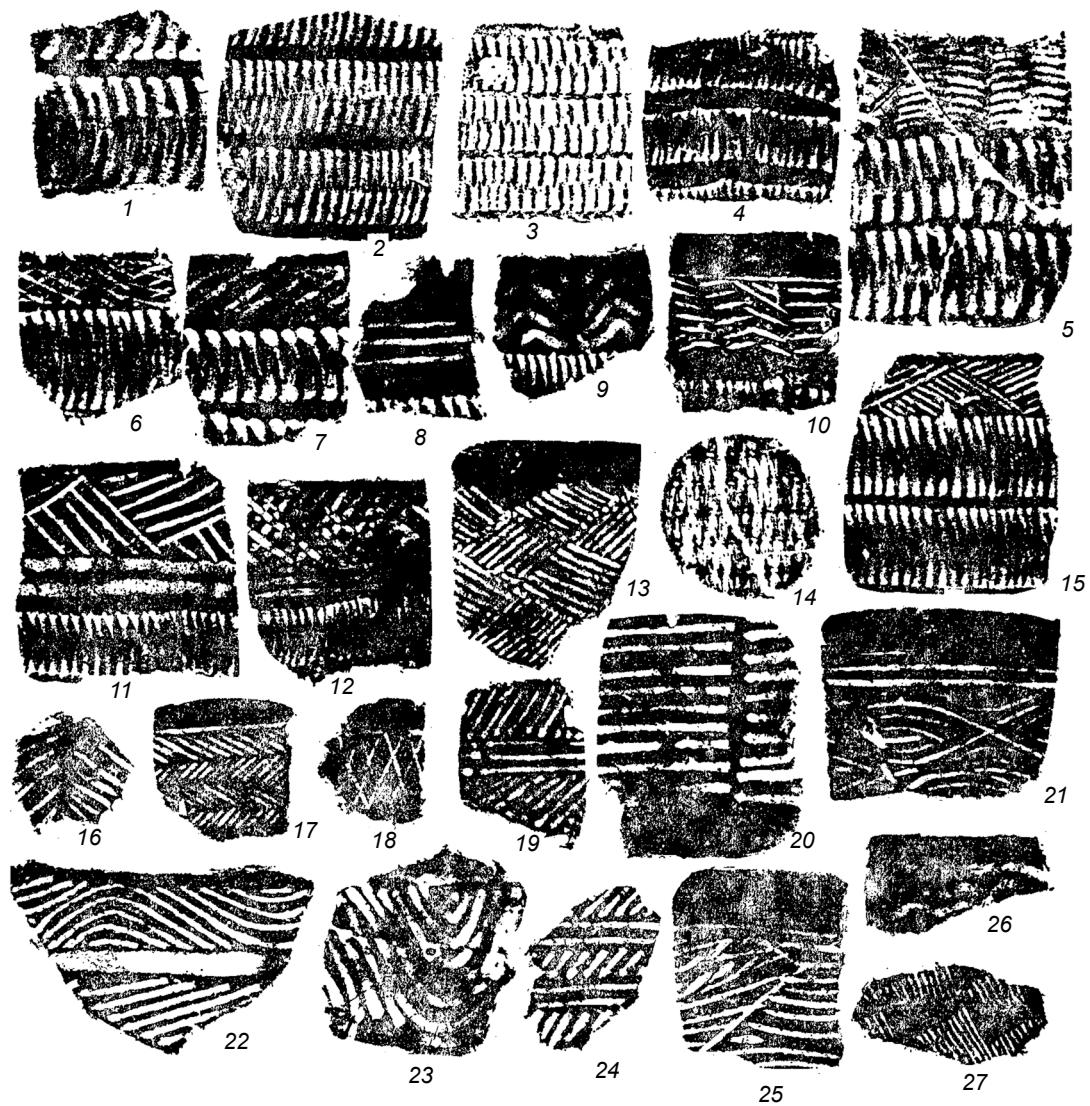

Рис. 75. Орнаментация керамики. Поселение Бэйутунь, нижний слой (культура хоуеа).

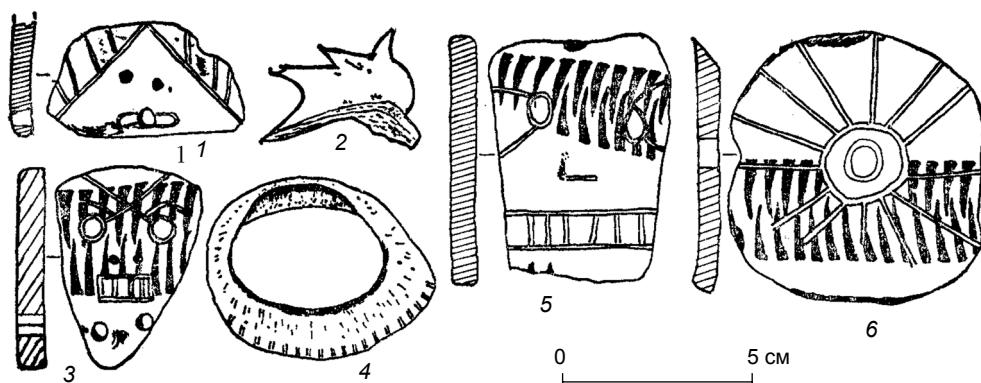

Рис. 76. Оригинальные изделия. Поселение Бэйутунь, нижний слой (культура хоува):
1, 3, 5, 6 – керамика; 2 – кость; 4 – раковина.

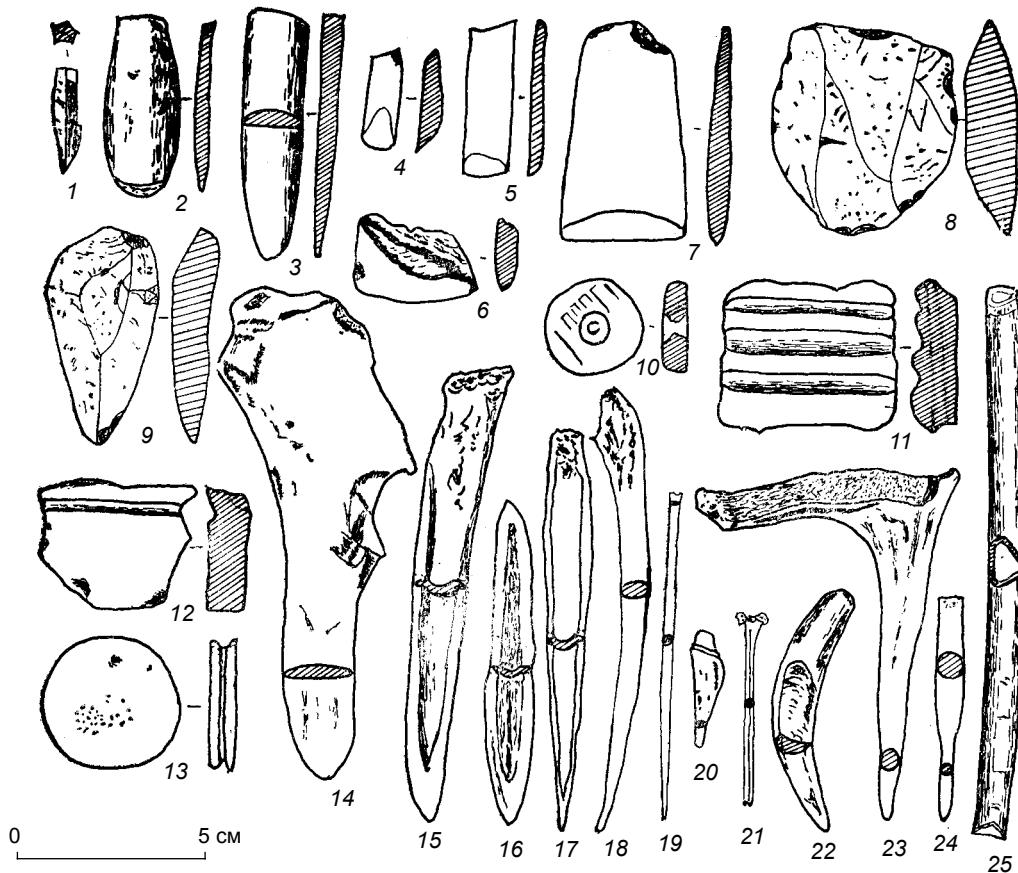

Рис. 77. Орудийный набор. Поселение Бэйутунь, нижний слой (культура хоува):
1–9 – камень; 10–13 – керамика; 14–25 – кость, клык, рог.

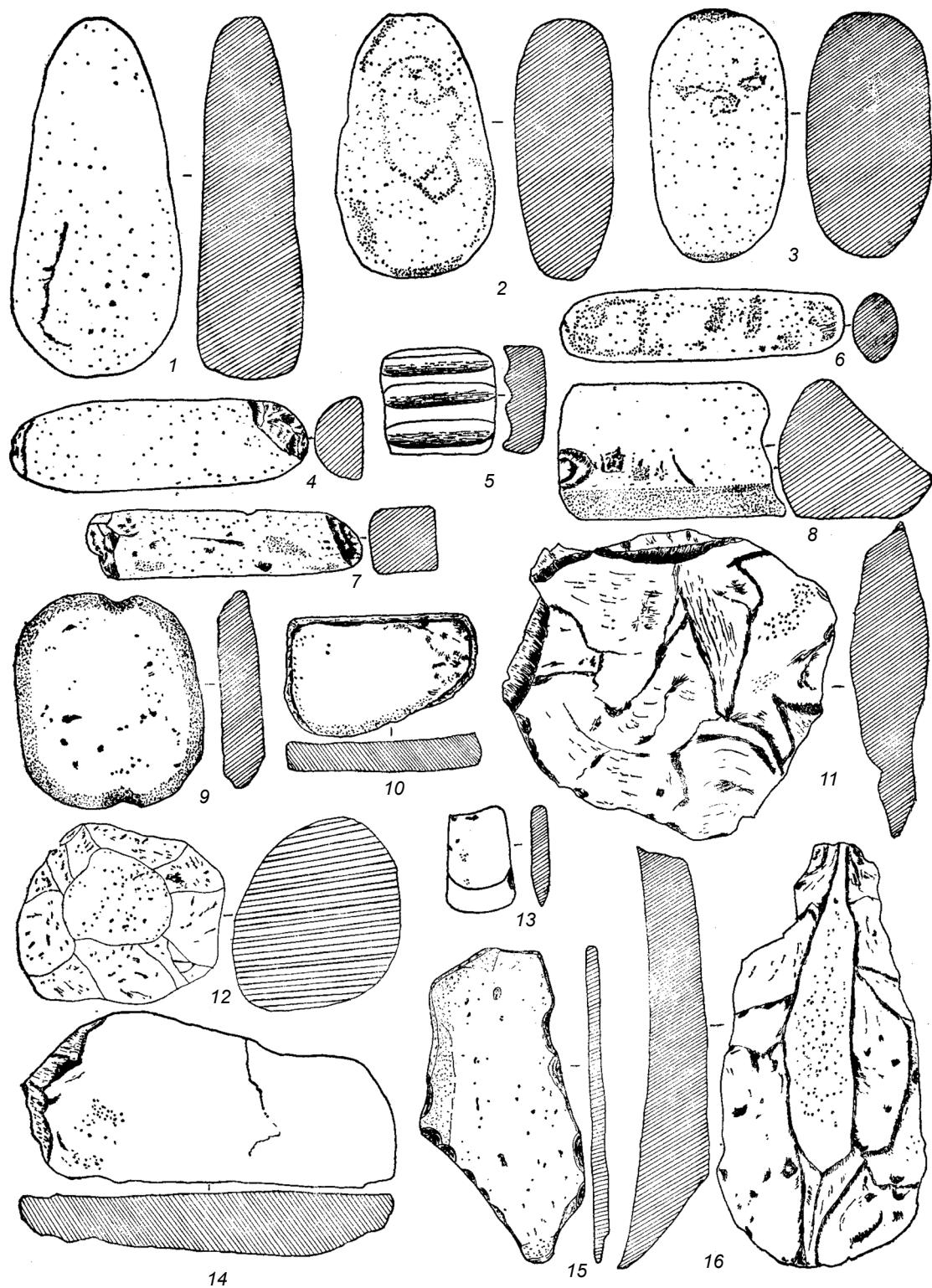

Рис. 78. Каменный инвентарь. Поселение Бэйутунь, нижний слой (культура хоува).

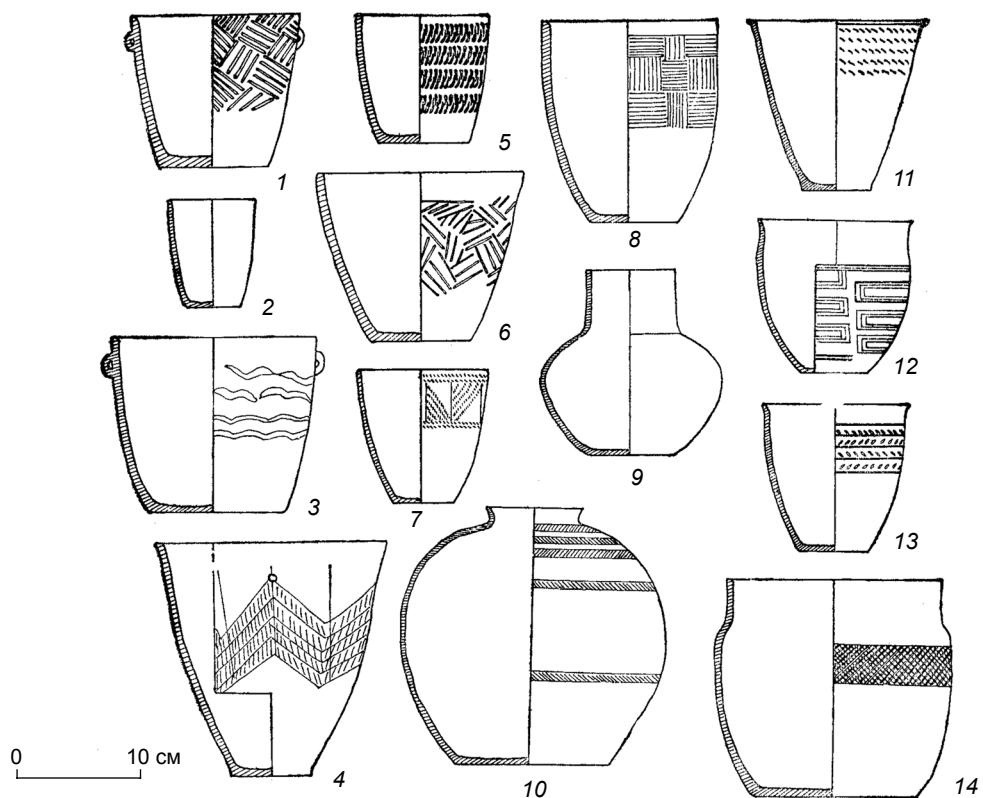

Рис. 79. Керамика. Поселение Бэйутунь, верхний слой (культура хоува).

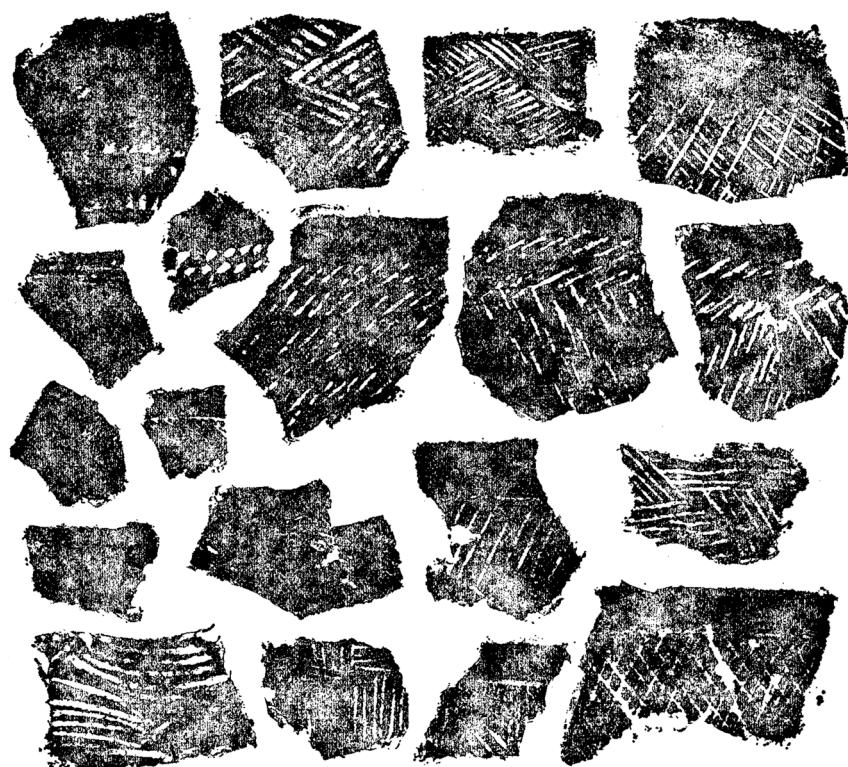

Рис. 80. Керамика. Поселение Бэйутунь, верхний слой (культура хоува).

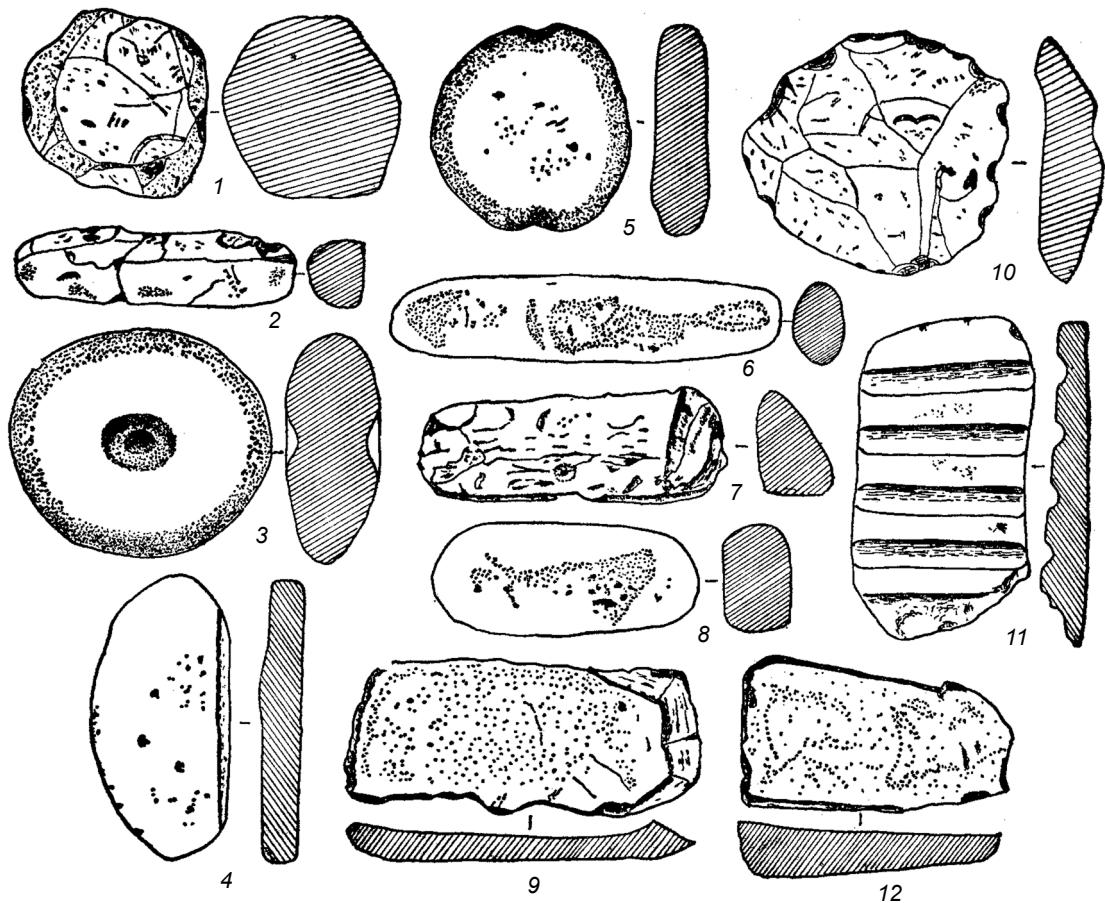

Рис. 81. Каменный инвентарь. Поселение Бэйутунь, верхний слой (культура хоува)
(масштаб: 1, 3–5, 10, 11 – 1/3; 2 – 1/8; 6–8 – 1/6; 9, 12 – 1/11).

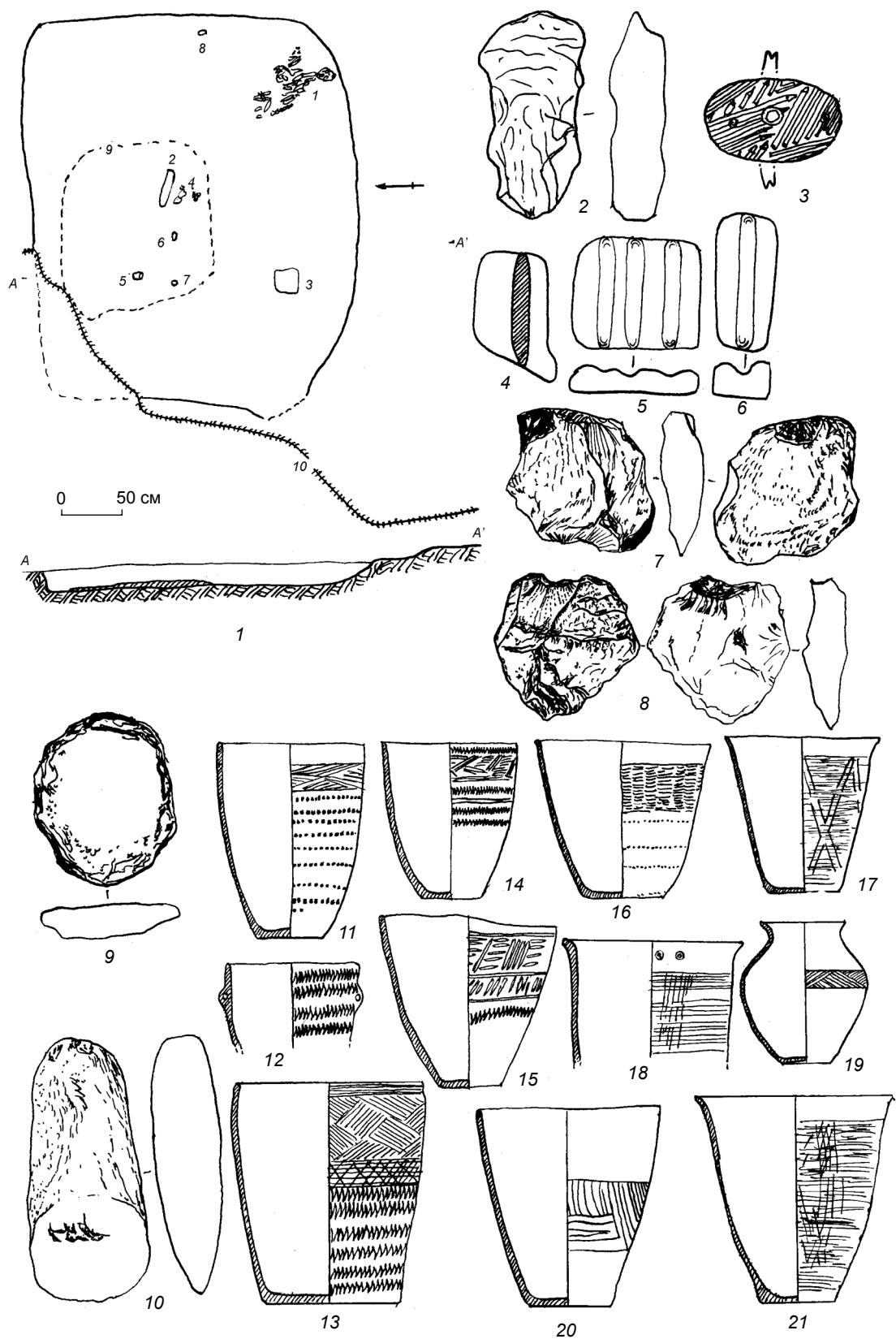
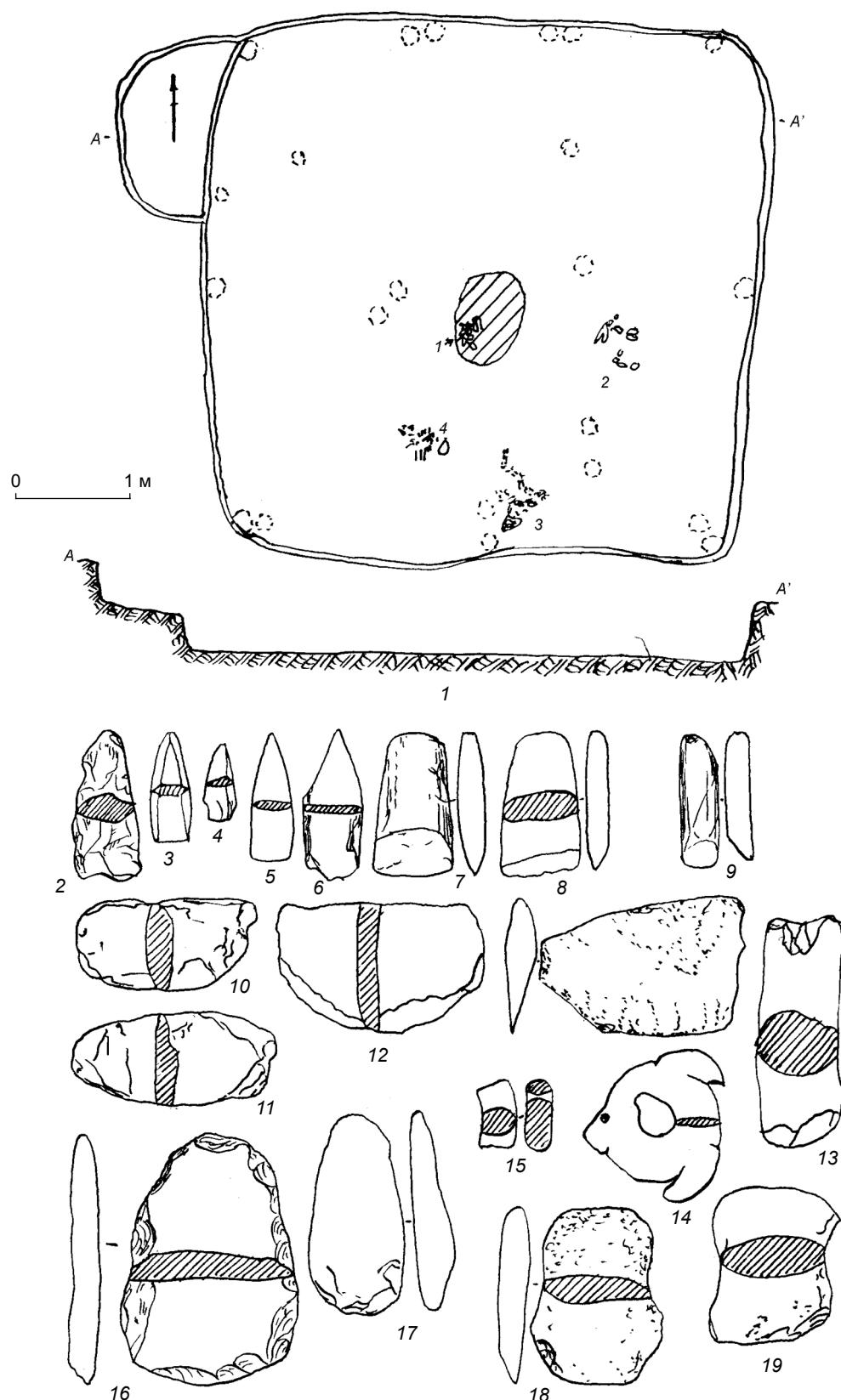

Рис. 82. План и разрез жилища (1), каменные изделия (4–10) и керамика (11–21).
Поселение Шаммаши (тип нижнего слоя сяочжушань, культура хоува).

Rис. 83. План и разрез жилища (1), каменный инвентарь (2–19). Поселение Уцзяцунь (тип среднего слоя сяочжушань, культура хоува).

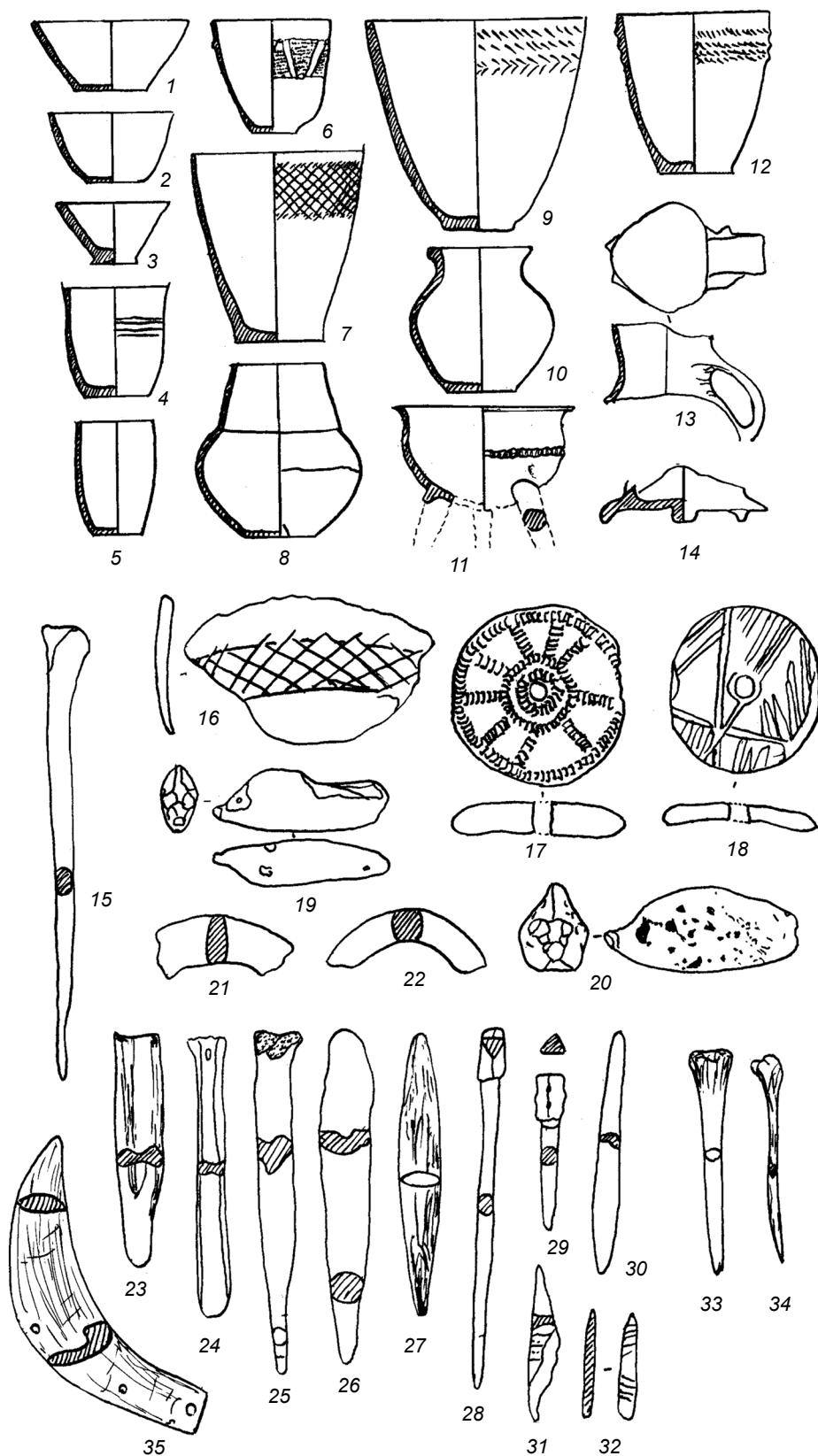

Рис. 84. Керамика (1–14, 16–22) и костяные изделия (15, 23–35).
Поселение Сяочжушань, средний слой (культура хоува).

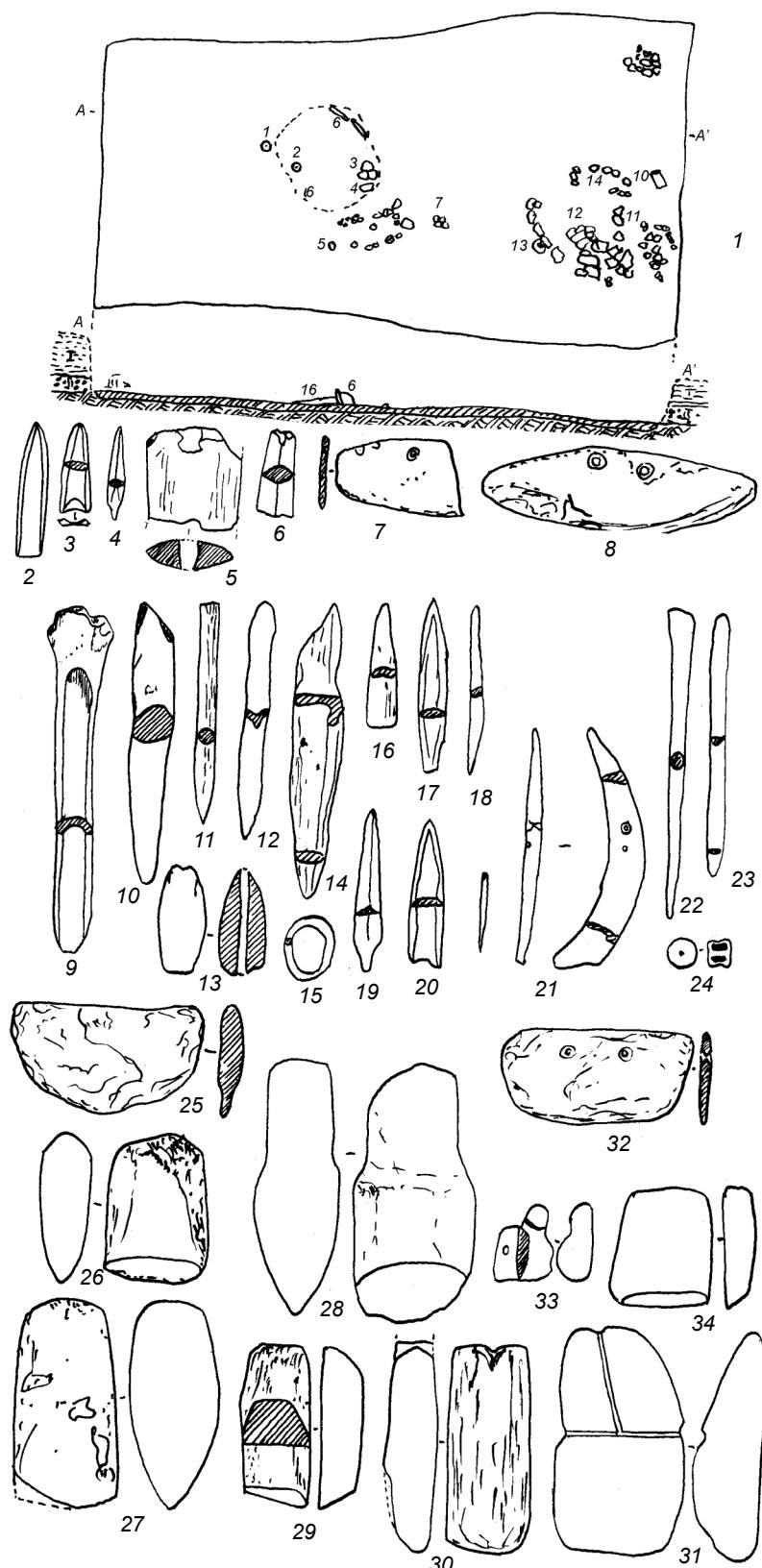

Рис. 85. План и разрез жилища (1), каменный (2–8, 26–34) и костяной (9–25) инвентарь.
Поселение Нанъяо (тип верхнего слоя сяочжушань, культура хоува).

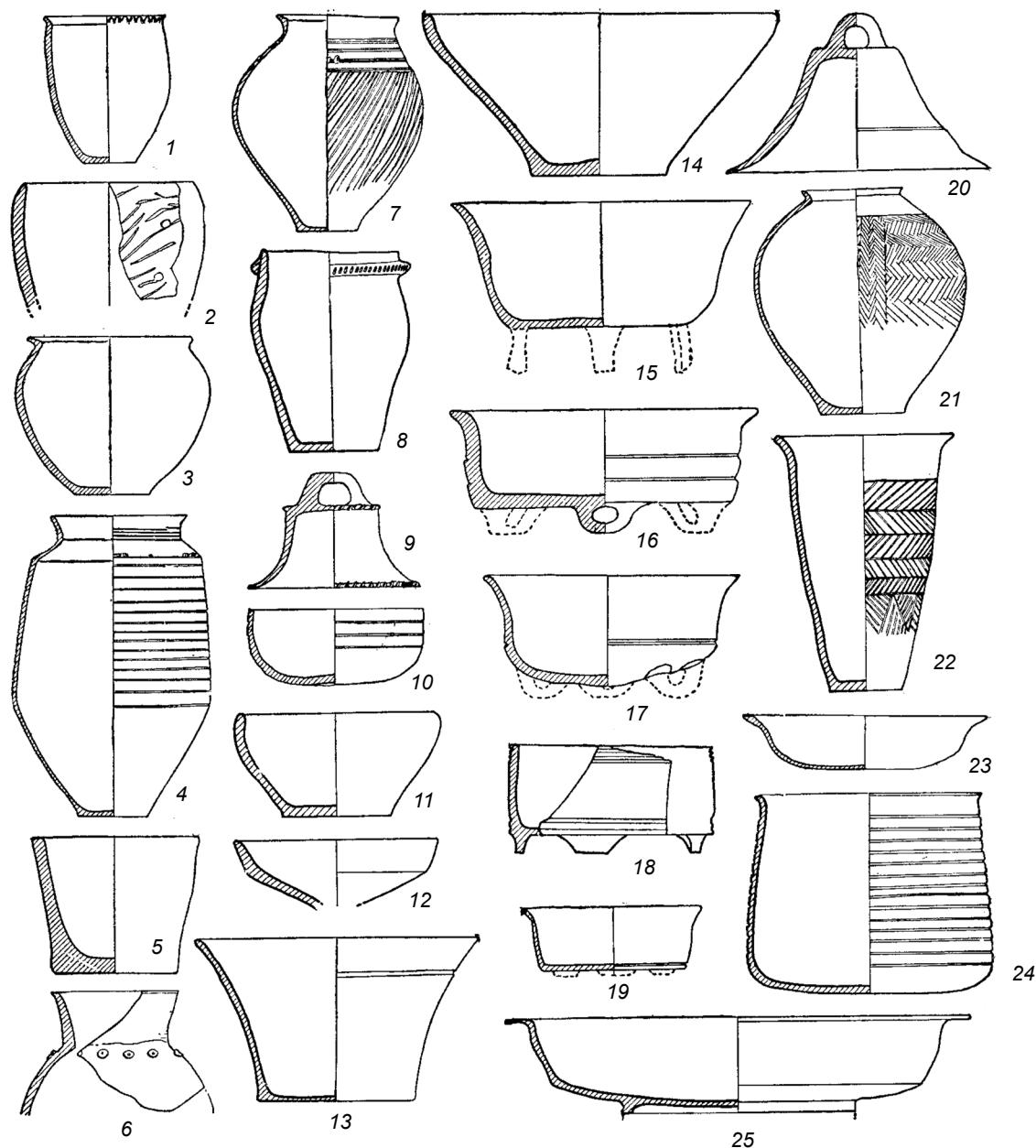

Рис. 86. Керамика. Поселение Сяочжушань, верхний слой
(масштаб: 1, 4, 7, 21 – 1/10; 2, 5, 18 – 2/5, остальные – 1/5).

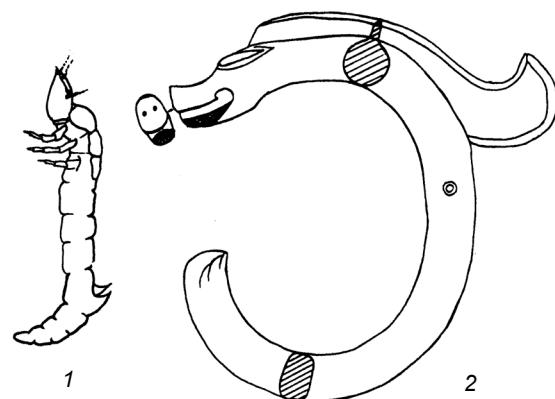

Рис. 87. Нефритовая скульптура (2) из Саньсинтала (высота 26 см) и её прототип (1).

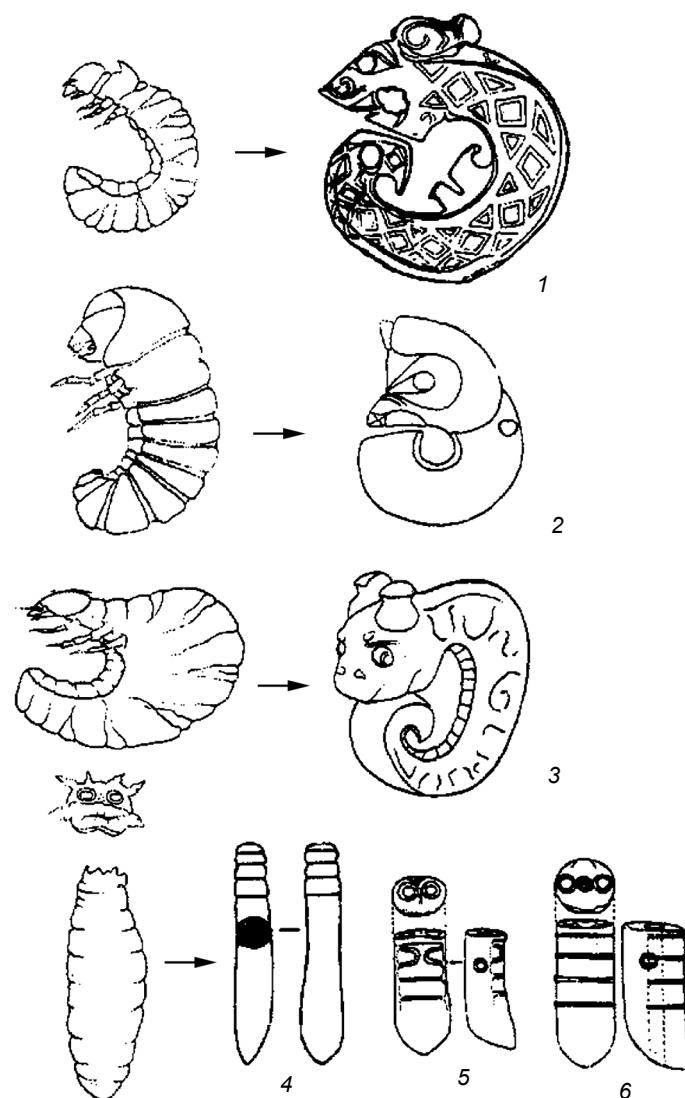
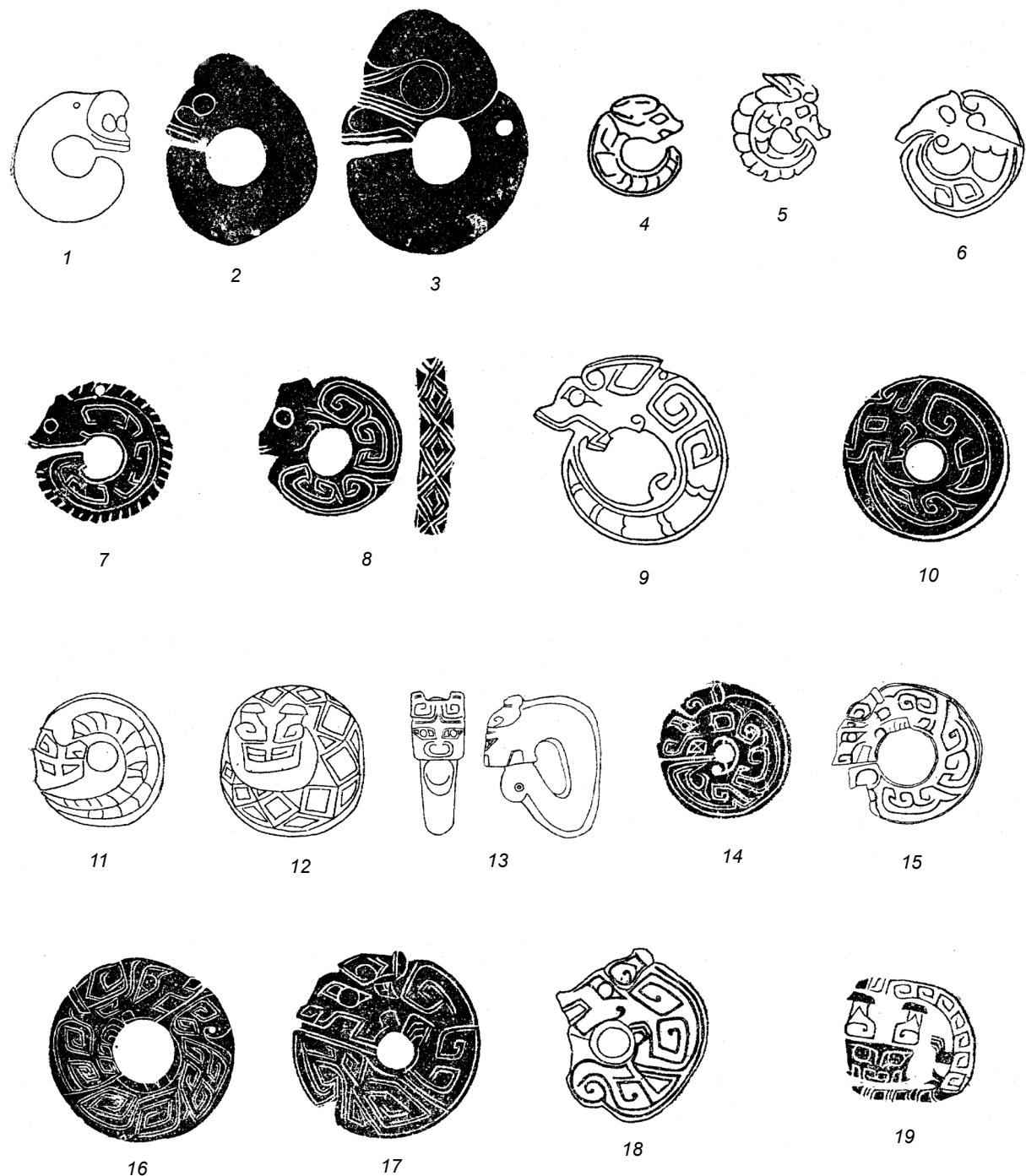

Рис. 88. Нефритовые скульптуры и их прототипы: 1, 3 – культура Шан-Инь; 2, 4–6 – культура хуншань.

Rис. 89. С-образные нефриты (1–3) (культура хуншань) и нефритовые драконы лун (4–19) (эпоха Шан).

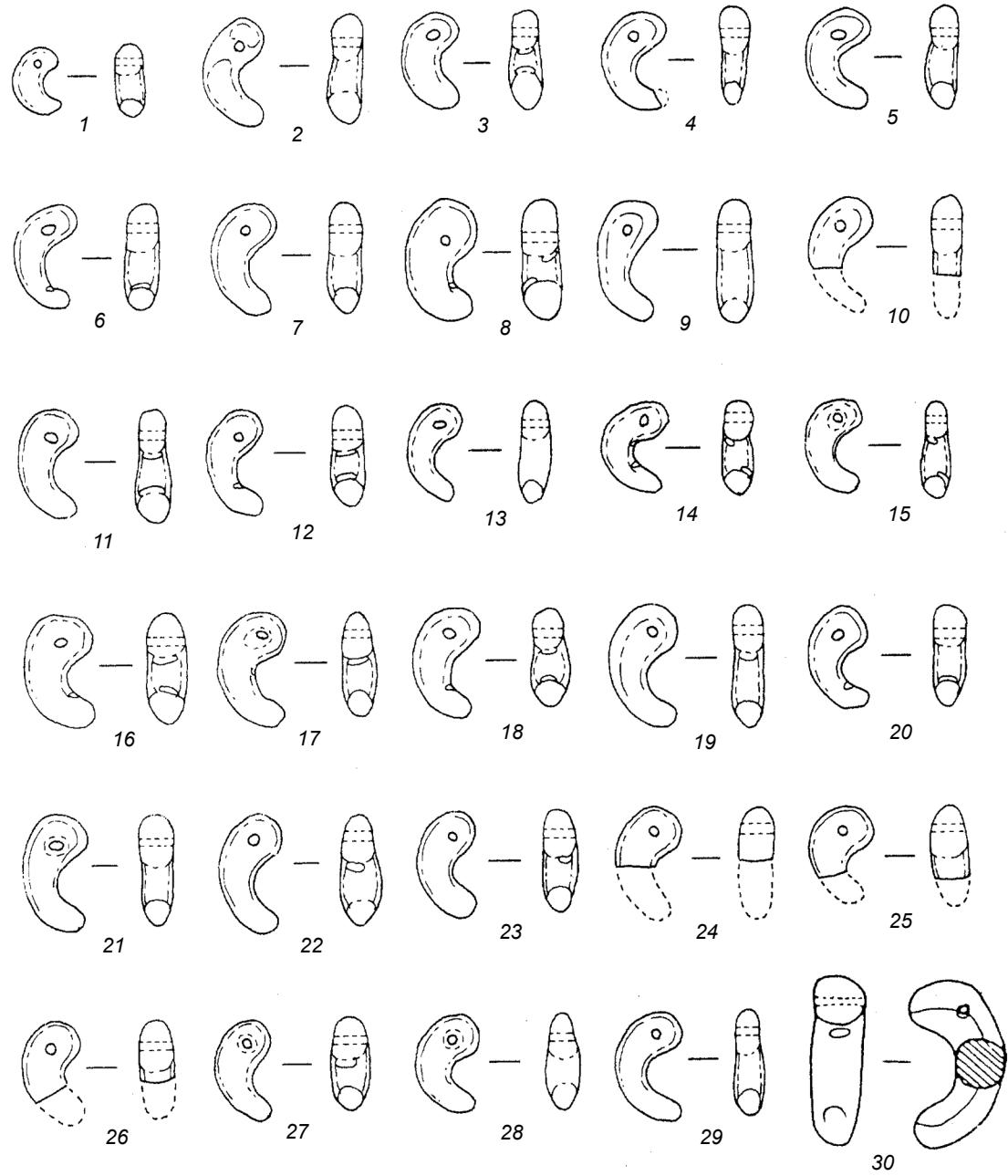

Рис. 90. Каменные подвески *магатама* (*когок*). Ранний железный век (Корея и Япония).

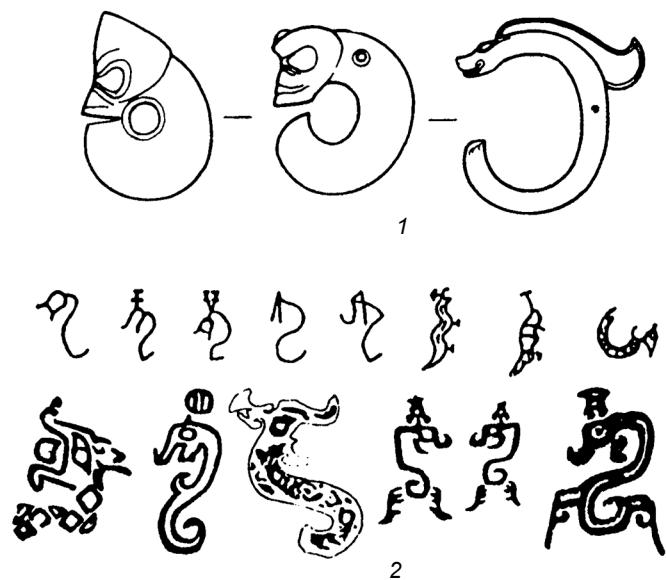

Рис. 91. С-образные нефриты (1) (культура хуншань) и ранние формы китайского иероглифа лун (дракон) (2).

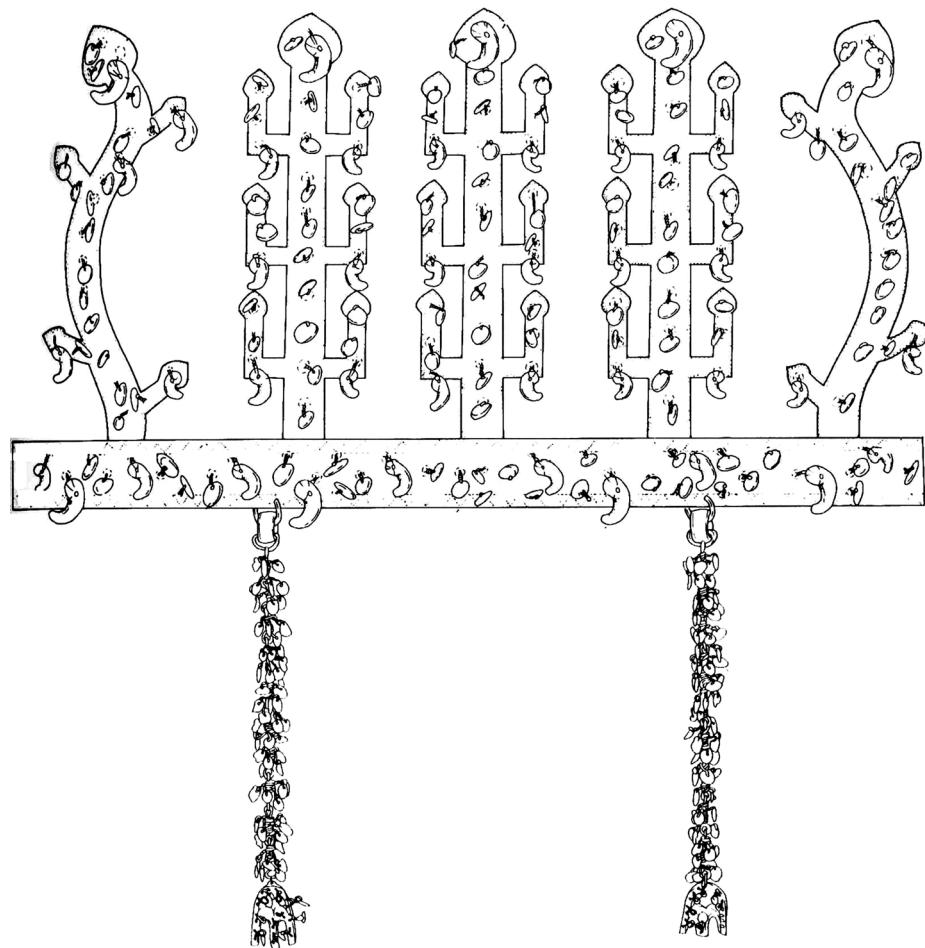

Рис. 92. Схема шаманской короны правителя государства Сила (золото, нефрит).

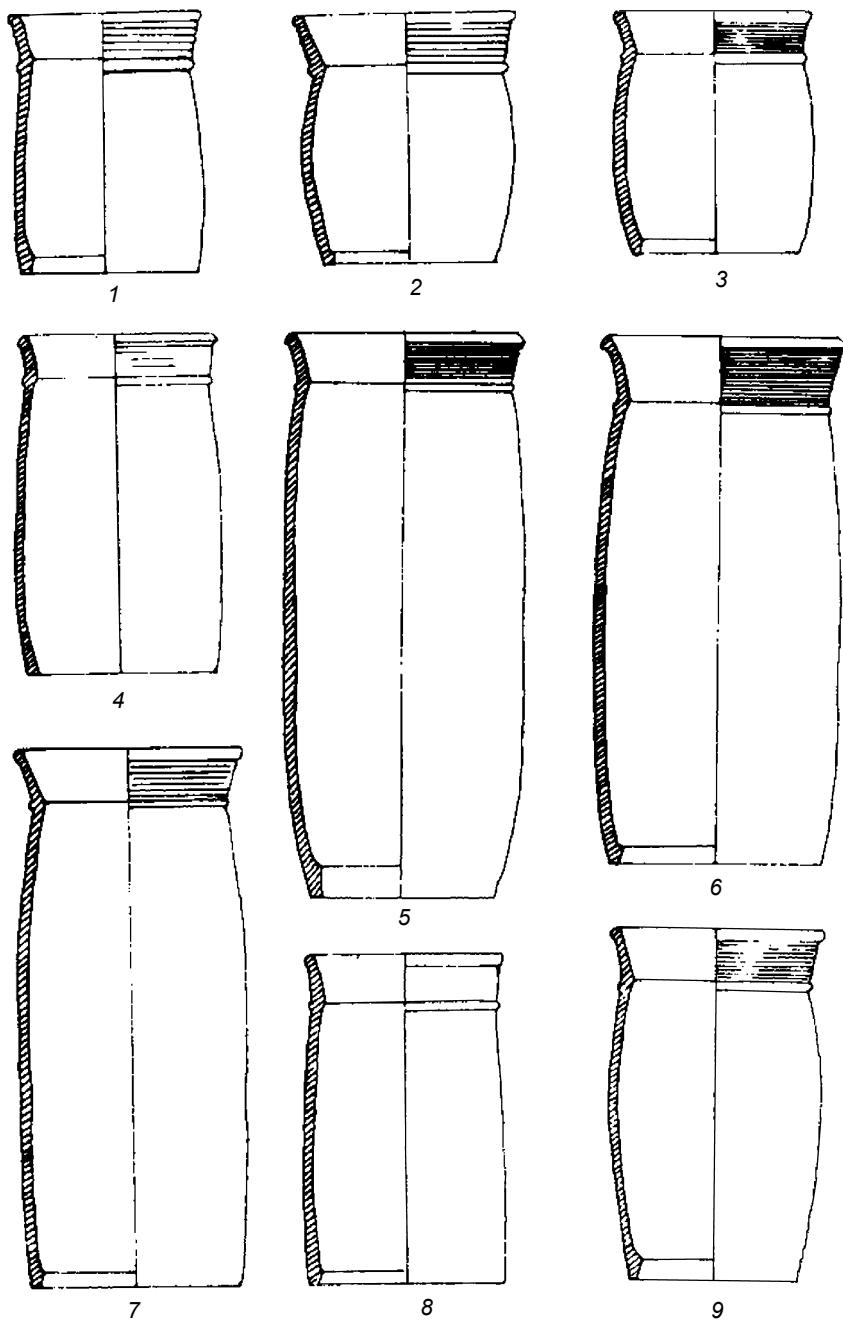
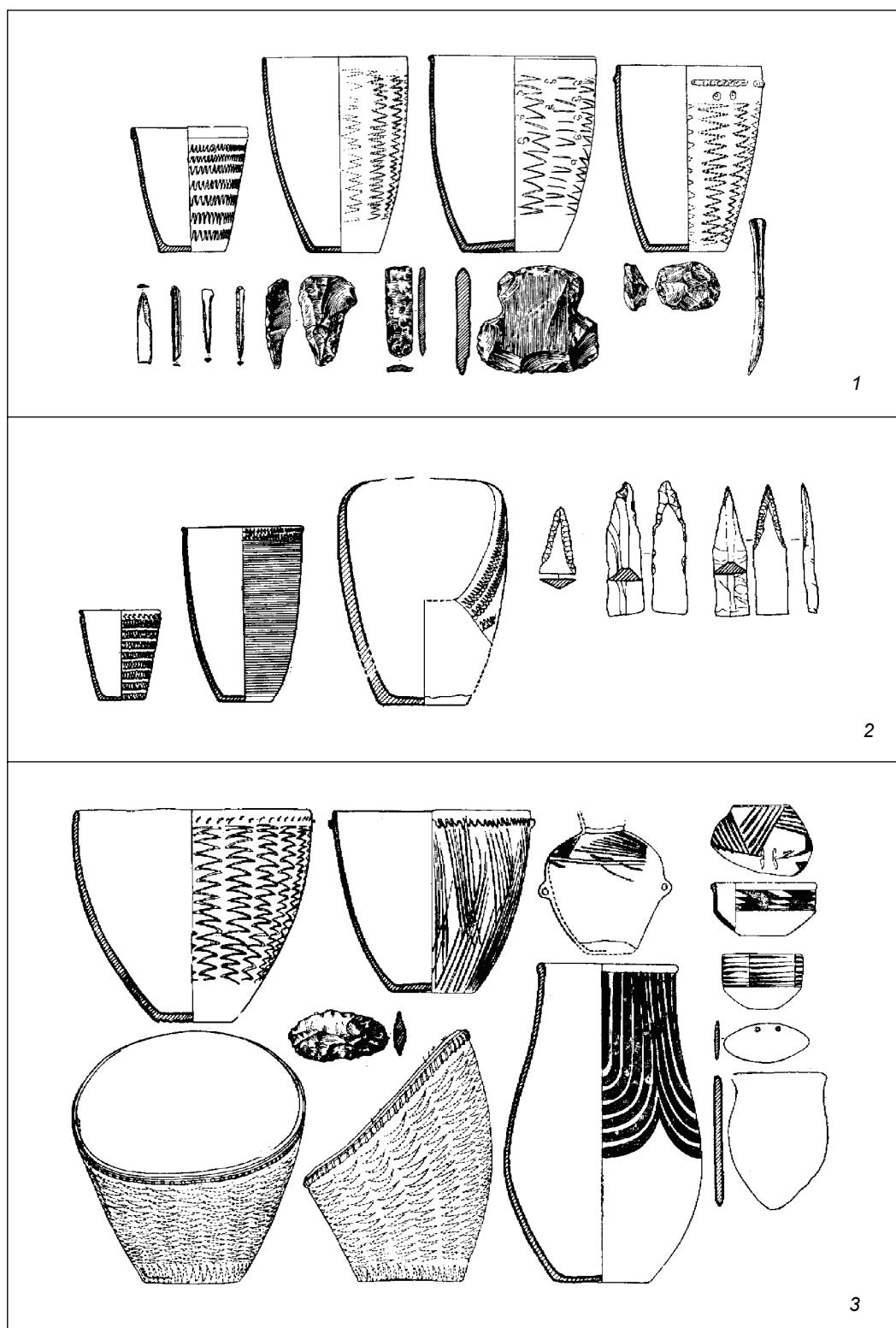

Рис. 93. Керамические изделия без дна. Святилище Нюхэлян (культура хуншань).

Rис. 94. Инвентарные комплексы неолита Южной Маньчжурии:
1 – фухэ; 2 – синълэ; 3 – хуншань.

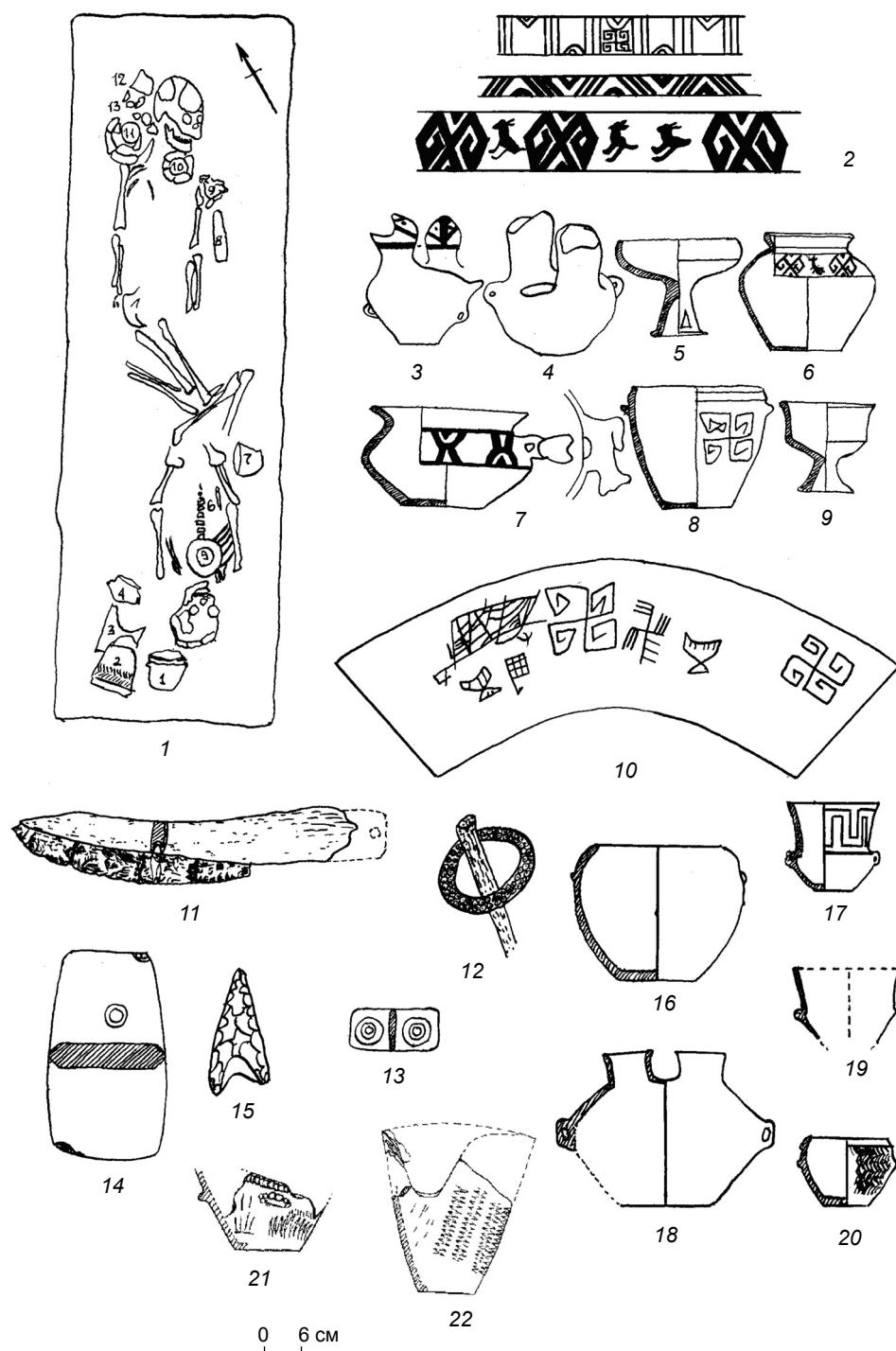

Рис. 95. Материалы культуры сяохэнь. Памятники Шипэншань (1–15), Шиянхушань (16–20) и Сылэншань (21–22):

1 – погребение 21; 2–10, 16–22 – керамика; 11 – кость, камень; 12 – раковина, ткань (?);
13–15 – камень.

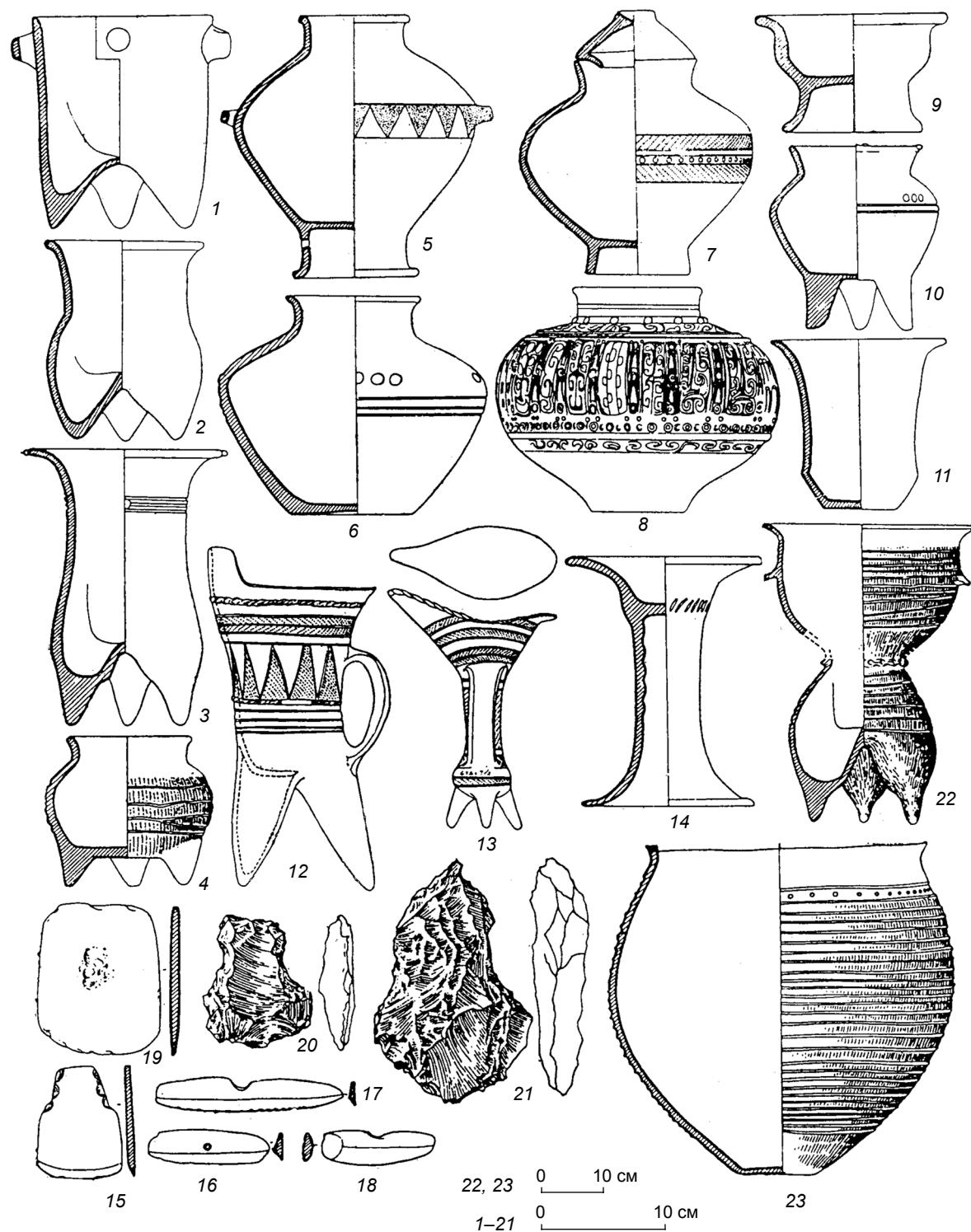

Рис. 96. Инвентарь культуры нижнего слоя сязядянь:
1–14, 22, 23 – керамика; 15–21 – камень.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АмГУ – Амурский государственный университет (г. Благовещенск)
- АН СССР – Академия наук СССР
- АОН КНР – Академия общественных наук Китайской Народной Республики
- АРВМ – Автономный район Внутренняя Монголия
- ВДИ – Вестник древней истории
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- ДВГУ – Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток)
- ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН (г. Владивосток)
- ДВФ СО АН СССР – Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР (г. Владивосток)
- ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- ИГПУ – Иркутский государственный педагогический университет
- ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)
- ИИиА УО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург)
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)
- ИИФФ СО АН СССР – Институт истории философии и филологии Сибирского отделения АН СССР (г. Новосибирск)
- КемГУ – Кемеровский государственный университет
- ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- МИА – Материалы и исследования по археологии
- РАН – Российская академия наук
- СА – Советская археология
- СЭ – Советская этнография
- ТГУ – Томский государственный университет
- ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт
- ЧОКМ – Читинский областной краеведческий музей

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА. Заметки о полувековом прошлом и перспективах настоящего востоковедной археологии Сибири (В. Е. Ларичев)	5
ВВЕДЕНИЕ	12
ГЛАВА 1. Физико-географические и климатические условия региона	16
1.1. Физико-географические условия и современный климат	—
1.2. Сведения о палеоклиматических изменениях в голоцене	20
ГЛАВА 2. История изучения неолита Южной Маньчжурии	23
2.1. Этапы формирования источниковой базы изучения южноманьчжурского неолита	—
2.2. Изучение проблематики неолита юга Маньчжурии российскими археологами	28
ГЛАВА 3. Неолитические комплексы Южной Маньчжурии	33
3.1. Неолит континентальной части региона	—
3.1.1. Культура синлунва	33
3.1.2. Культура чжаобаогуо	35
3.1.3. Культура хуншань	42
3.1.4. Культура фухэ	48
3.1.5. Культура синълэ	51
3.1.6. Культура пяньбу	55
3.2. Неолит Лядунского полуострова	—
ГЛАВА 4. Опыт реконструкции некоторых элементов духовной культуры	62
4.1. Поселенческие и погребально-культовые памятники неолитических культур юга Маньчжурии как источник для изучения духовной культуры	—
4.2. Семантический анализ нефритовой скульптуры культуры хуншань	67
ГЛАВА 5. Общие тенденции развития неолита Южной Маньчжурии	72
5.1. Проблема происхождения керамики	73
5.2. Проблема раннего земледелия	75
5.3. Проблема южноманьчжурской неолитической общности	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	80
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	81
РИСУНКИ	90
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	166

Научное издание

Алкин Сергей Владимирович

**ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ:
НЕОЛИТ ЮЖНОЙ МАНЬЧЖУРИИ**

Редактор *M. A. Коровушкина*
Технический редактор *И. П. Гемуева*
Обложка *A. A. Фурсенко*

Подписано в печать 20.12.2007. Формат 60×84/8.
Усл.-печ. л. 19,53; уч.-изд. л. 20. Тираж 500 экз. Заказ № 156.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.01.
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17